АЛЕКСАНДР ТРУБНИКОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Черный Гетман

Annotation

В августе одна тысяча шестьсот пятьдесят четвертого года московский царь Алексей Михайлович выступил во главе большого войска на Речь Посполиту, чтобы вернуть литовские земли, потерянные во время Смуты. Первым на пути стрелецких полков стоял город Смоленск.

- Трубников Александр
  - Волчья сыть
  - Пуще неволи
  - Враг моего врага
  - Сердитый народ
  - Сало и шариат
  - Капитан Хашар
  - Город верхнего мира
  - Мертвая тишина
  - Званый пир
  - Град Ольгов

Трубников Александр
Черный Гетман

Делай что должен. Случится что суждено.

Марк Аврелий Антонин, император

Волчья сыть

Пушки, без устали грохотавшие почитай что всю всю последнюю неделю, вдруг разом умолкли, и литвины, дежурившие на нижнем ярусе Городецкой башни, отряхиваясь, начали вылезать из укрытий. Мощная башня, возведенная еще во время недолгого правления царя Федора Иоанновича царским ядрам оказалась не по зубам. Однако новые московитские пушки, отлитые на недавно построенных казенных заводах под присмотром опытных голландцев мало напоминали ярмарочные шутихи, и каждое удачное попадание выбивало из стен и потолка по нескольку фунтов штукатурки.

Командовавший в башне десятник, высокий статный здоровяк лет тридцати, тронул рукой усы, чуть дунул на замок пищали, сметая с нее крошки, и застучал нечищеными со вчерашнего утра сапогами вверх по лестнице, что вела на смотровую площадку — прежде чем занять на стене оборону, требовалось самолично убедиться в том, что обстрел, наконец, закончен и его бойцам не угрожает опасность. Медлить тоже было нельзя, и по очень постой причине. Лично возглавивший осаду Смоленска царь Алексей Романов приказ о прекращении огня мог отдать исключительно для того, чтобы бросить застоявшиеся полки к стенам крепости и начать давно назревавший штурм.

Время было предрассветное, воздух серел на глазах. Из поймы Днепра к мощному фундаменту десятисаженных стен поднимался слоистый утренний туман. Легкий ночной ветерок холодил лицо. Тишина стояла такая, словно меж стеной Смоленска и батареями московитов, поставленными за рекой у самой опушки, развесили мокрое льняное полотно.

Тишина держалась недолго. Едва десятник осторожно выглянул за зубец, как за спиной, прорываясь сквозь туман, глухо и коротко отбился к заутрене костел с Вознесенской горы. Десятник чуть поежился, поправил видавший виды кожаный нагрудник и всмотрелся до рези в глазах в белесую приречную мглу. Чуть привыкнув к белесой серости, провел взглядом по заливному лугу — от кромки воды до леса, пытаясь разглядеть скопления готовящихся к штурму людей. Не обнаружив нигде подозрительного шевеления, десятник собрался было вызвать наверх наблюдателя, чтоб самому спуститься на нижний ярус и готовиться к смене, как вдруг со вздымающейся над крепостными стенами горы донеслась заливистая веселая россыпь колоколов Успенского собора.

— Что за праздник, Митяй?

— Как же, пан Ольгерд, Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Его еще Яблочным Спасом в народе кличут. В церковь приносят яблоки и прочие плоды и освящают их после молебна… — в голосе бывшего крестьянского парня звучала легкая обида.

— Да уж, — усмехнулся Ольгерд, оглядывая выщербленную стену с изрядно побитыми зубцами, — чего-чего, а плодов-то нам московиты накидали с избытком. Вот как бы ради праздничка сами их освящать не пожаловали…

— Грех это, пан Ольгерд, в Преображение кровопролитие затевать, — перекрестившись на униатский храм, ответил Митяй. — Русский царь — человек набожный, православный. Он посты и праздники чтит…

— Чтить праздники можно по-разному. Например приурочить день Преображения к знатной победе. Город, например, штурмом взять, — десятник, ведя разговор, что-то вдруг приметил в светлеющих далях цепким взглядом и суровел прямо на глазах.

Митяй командирский взгляд и охнул. С опушки, левее батарей, где, если верить лазутчикам, стоял Большой полк, донесся нескладный рев многих десятков труб. Не успели умолкнуть трубы, как, перехватывая эстафету, загрохотали далекие барабаны и от кромки леса,

топча луг, выплеснулась черная муравьиная волна.

Ольгерд отпрянул от стены, и глянул на вестового так, что тот едва не присел со страху. Теперь литвин-десятник всем своим видом напоминал туго скрученную стальную пружину.

— Сигнальщика сюда, мухой! Всем, кто в башне, мой приказ: занять оборону на стенах!

Причитая на ходу, Митяй покатился по лестнице. Его голос еще не затих в черном проеме, как от башни Днепровских ворот, опережая Ольгердовы приказы послышался чистый и звонкий голос горна. "Все на стены! Враг штурмует!" — выводил сигнальщик. Вот уже с трех башен запели тревожные трубы, и в ответ на грозную весть осажденный город, готовясь к бою вскипал лихорадочным бурлением.

Вышколенные стрелки ольгердова десятка, споро вытекая из башен, заняли оборону, хоронясь за уцелевшими зубцами и выставили стволы, наблюдая за приближающейся к реке людской массой.

Снизу, из бойниц второго яруса, выбрасывая струи дыма, грохотнули вразнобой пушки. Запахло кислым. Ольгерд покинул смотровую площадку и вышел на стену.

Пушки продолжали бить по лугу картечью, но толку от них было немного. Толпа штурмующих уже скопилась у кромки воды и, на ходу мастеря из подручного дерева наплывные мосты, переправлялась через реку.

"Тысячи три, не меньше, — прикинул Ольгерд, — и все на мой участок стены. А у меня десяток стрелков из ночной смены, еще столько же прибегут из казарм, да человек тридцать приданных мещан, дай бог подтянутся успеют. Ох как негусто…"

Широка стена смоленского кремля. Широка, длинна и надежна. Говорят, еще недоброй памяти царь Борис восхищался, что по ней, мол, и на тройке проехать можно. Два часа нужно пешему, чтобы поверху ее обойти. Тридцать восемь башен в крепости и два яруса пушечного боя — обороняйся не хочу. Только вот, когда защитников в городе всего два полка наемников, две хоругви литовского ополчения да полторы тыщи поставленных в строй мещан, то пятиверстовая стена мигом превращается в тришкин кафтан. Один пролет прикроешь — непременно другой оголишь. И ежели штурмующих вдесятеро больше, у них сотни пушек да специально обученный саперский полк, то дела у осажденных, прямо скажем, аховые. Хорошо одно — участок главного штурма давно известен. Зря что ли обученные беглыми англичанами московитские бомбардиры не жалея пороха неделями били в Днепровские ворота и пролет до Городецкой башни, прозванный еще с прошлой войны Шеиновым проломом? Знают, что именно в этом месте стена самая слабая, потому что была разрушена еще в прошлую войну.

Плохо другое. Именно за эти злополучные сорок саженей, к которым сейчас с воем и улюлюканьем, забивая в себе страх, мчится озверевшая толпа, несет ответ он, Ольгерд, наемный десятник из литовской хоругви, которой командует знатный шляхтич, Юрий Друцкой-Соколинский…

Несколько человек, уперев ружья в искрошенные зубцы, открыли огонь, но Ольгерд остановил их коротким приказом. От стены до реки — тридцать саженей, да сама река саженей двадцать пять в ширину. Ружье бьет на сто саженей с гаком, в такую толпу можно и не целить, пуля сама добычу найдет. Однако нужно было погодить, чтобы к тому времени, когда полезут вверх, не растратить боеприпас и не раскалить стволы.

Через реку по наплывным мостам поползли осадные лестницы-сороконожки. Грохнули снова пушки, но реже, чем в первые залпы — пушкарям приходилось отчаянно беречь порох, бездумно растраченный на салюты и фейерверки,

Стрелки московитов вышли на позиции, и по стене застучали тяжелые пули. Один из литвинов, охнув, полетел вниз. Под огневым прикрытием атакующие достигли стены и начали с помощью веревок задирать лестницы вверх. Три из них явно направлялись на их участок.

— По толпе не пали! Бей по тем, кто лестницы держит! — крикнул Ольгерд, указывая пальцем вниз. Засевшие рядом литвины понятливо кивнули и прижали приклады к плечам.

Сам Ольгерд выбрал целью человека в блестящей кирасе, властно размахивающего шпагой. Взял карабин. Поглядел, есть ли порох на полке. Прижал приклад так, чтобы отдачей не вывихнуло плечо. Прицелился, сделав прикидку на ветер. Плавно, но с усилием нажал на спуск. Тренькнуло колесцо, бахнуло над ухом, обзор заволокло пороховым дымом. Ольгерд привычно вытянул подготовленный патрон, надкусил, сыпанул затравку на полку, опустил в прожорливое дуло готовую меру пороха, запыжил шомполом. Вогнал в ствол обернутую в матерчатый картуз пулю. Закончив перезарядку, поглядел вниз: попал или нет?

Московитский офицер все так же сверкал начищенной красой. Только теперь он уже не командовал, размахивая шпагой, а лежал на земле, раскинув руки по сторонам. Да и общий залп оказался хорош — две лестницы из трех свалились на землю и теперь их заново пытались поднять. Но третью осаждающие не упустили и она с громким стуком ударилась в край стены.

"Ну что же, к лучшему, — прикинул Ольгерд. — Как только начнется свалка, снизу прекратят обстрел, чтобы своих не сшибить. А мы уж встретим чин по чину…"

— В толпу, не цель, с лестниц сбивай! — снова крикнул он увлекшимся стрелкам. Сам же закинул за спину заряженный карабин и, обнажив палаш, ринулся к краю стены, где уже бурлила свалка рукопашного боя.

Подлетев к краю стены, с размаху обрушил клинок на шею взбиравшегося по лестнице человека. Тот захрипел и, сбивая нижних, упал в толпу. Второй оказался удачливее — смог увернуться и выскочил на стену. На него с двух сторон накинулись соколинские литвины. Ольгерда попытались достать снизу бердышем. Он увернулся, нанес ответный удар, отскочил, скинул карабин, выстрелил почти в упор, ударил по каске прикладом…

Две оброненные лестницы, вновь поднятые атакующими, снова уперлись в стену, а чуть погодя над краем выросла перекладина четвертой. Московиты полезли вверх потоком и среди стрелецких кафтанов замелькали пестрые жупаны запорожцев. Теперь стало не до стрельбы — рубка среди обломков пошла полным ходом.

Все больше входя в боевой угар, Ольгерд переставал ощущать нормальный ход времени. Чтобы выйти из боя и вернуться к обязанностям командира, ему пришлось сделать над собой усилие. Он отступил к башне, перезарядился, выстрелил, размозжив голову объявившемуся на стене офицеру, снова перезарядился. Оценил общую картину. Теперь нападавших сдерживал плотный строй мечников и копейщиков, а из башни, на смену убитым и раненым тянулся ручеек пополнения. На ограниченном узком пространстве численность армий не имеет значения — драться могут лишь по пять-семь в ряд. По крайней мере до тех пор, пока есть резервы…

Сверху со смотровой площадки донесся голос хорунжего:

— Что там, десятник? Справляетесь?

— Пока еще держимся, — крикнул он в ответ. — А как дела на других пролетах?

— Лезут со всех сторон, но малыми отрядами. На стену взобрались только у тебя. Воевода велел всех копейщиков сюда бросить.

— Какие будут распоряжения? — спросил он, надеясь в глубине души, что хорунжий, любивший похваляться своими подвигами, захочет взять командование на себя.

— Какие тут распоряжения? Твоя стена, ты и решай. А я буду там где трудно, на Днепровских воротах. Если их возьмут, то всему конец!

Как же, где трудно. У главных ворот Смоленска помимо литовской хоругви стояла лучшая рота наемных рейтар. "Можно подумать, что если мы все здесь на стене поляжем, а ворота выстоят, то тогда не конец" — мрачно подумал Ольгерд, выцеливая очередного офицера.

К тому времени когда солнце достигло зенита и начало медленно склоняться в сторону варшавского тракта, московитов сбрасывали со стены четыре или пять раз. Но атакующим, казалось, нет числа. Снова и снова вздымались над стенами отброшенные защитниками лестницы, а опытных воинов становилось все меньше и меньше. Огонь, что вели снизу стрелки московитов, становился все плотнее и прицельнее.

Беринда, старый вояка, с которым они вместе пришли в Смоленск, лучший стрелок во всей хоругви, выронил оружие, схватился за живот и осел на большой обломок.

— Зелень одна на стене осталась, — прохрипел он, подняв глаза на Ольгерда. — Отправляй, десятник, за подмогой, пусть кирасиров шлют, иначе не сдюжить.

Наблюдая как толпящиеся под стеной московиты суетятся, наводя лестницы, Ольгерд кивнул в ответ, махнул Митяю, который с пикой наперевес ожидал новых гостей, выдернул его из строя и послал к воротам, растолковав, что говорить хорунжему. Сам же занял освободившееся место и вскинул карабин.

Вернулся Митяй в аккурат после следующего наката. Надвратная башня по правилам фортификации, выхода на стену не имела, и ему пришлось спускаться в Городецкой, нестись по среднему ярусу стены, подниматься вверх, затем проделывать весь путь обратно. Вестовой запыхался и слова выходили из его с трудом.

— Пан хорунжий говорит, что кирасиров не даст. Московиты мину кладут, вот-вот взорвут ворота, им там каждый человек на вес золота!

Ольгерд заскакал глазами по своим бойцам, оценивая оставшиеся силы. Мещане с рогатками на трехсаженных ручках, что откидывают лестницы, не в счет. Их всех легко разметает пяток стрельцов, вылезших на стену. А ежели окажутся запорожцы, то и троих хватит с лихвой. Стрелков, считая и его, всего четверо. Мечников и пикинеров, основной силы, что отбивает упорных московитов, во что бы то ни стало стремящихся преподнести своему царю праздничный подарок — десятка два. Вывод из подсчетов был совсем неутешительным. Чутьем опытного командира он ощущал, что силы его людей на исходе и следующий накат станет для них последним. Губить людей не имея ни малейших шансов на успех, он и в мыслях не держал. Как ни крути, а нужно было уходить под защиту надежных башенных стен и держатся там, покуда не решится дело у главных ворот.

— Отступаем! Все в башню! — крикнул он после минутных колебаний.

Защитники закрыли прочную дубовую дверь, усиленную железными полосами, накинули тяжелый осадный засов и начали заваливать вход мешками с песком запасенными специально для этих целей. Ольгерд не мешкая распределил стрелков по бойницам. Сам же полез наверх, чтобы понаблюдать со смотровой площадки.

Новый ряд лестниц, почти одновременно ударивших в стену, и частокол вздымающихся над ними пик и бердышей, подтвердили правильность принятого решения. На оставленном участке стены теперь было не протолкнуться. Внизу, ожидая своей очереди, сгрудилась многосотенная толпа людей, готовых по приказу лезть на стены. За мостом, ожидая, когда подорвут ворота, уже не опасаясь пушек, гарцевали тяжеловооруженные конники. "Эти, оказавшись внутри стен, мигом сметут наемных рейтар, — подумал Ольгерд, — худо дело".

Нападавшие подняли наверх таранное бревно и, пристроившись к нему вшестером, споро били в железную дверь. Оценив время, потребное для того, чтобы справиться с преградой, Ольгерд заскучал. Не успеет солнце спуститься к лесу как быть башне взятой. А там либо стену взорвут, либо ворота возьмут. Нужно просить подмогу да на вылазку идти. Придется бежать к хорунжему самолично…

Ольгерд, задевая стены плечами, чуть не кубарем покатился вниз по узкой каменной лестнице. Пока добежал до первого яруса в голове у него мелькнула мысль: "Не догадались бы

мину под стену подложить, иначе всем хана"… В этот миг взгляд его уперся в коренастую фигуру человека, охраняющего запертую дверь. Это, без сомнения был пушкарь — в правой руке он сжимал отличительный знак своей службы — длинное копье с плоским широким наконечником и специальным крюком для фитиля — артиллерийский пальник.

— Что там? — нахмурившись, кивнул на запертую дверь.

— Так последний пороховой запас, пан начальник, — неуверенно ответил пушкарь. — Велено беречь для самой неотложной надобности…

— И много пороху?

— Да уж немало. Хватит, чтобы мы тут все на воздух взлетели. Потому и стою на часах.

— На воздух, говоришь? — У Ольгерда зародилась мысль. Он скоро обдумал все за и против, принял решение, грозно рявкнул часовому. — А ну-ка открывай мигом!

— Не велено, пан десятник, — сжавшись от страха ответил тот. — Приказ у меня…

— Мой приказ посильнее будет, — Ольгерд вытянул из-за пазухи и приставил к голове пушкаря пистоль. Тот трясущейся рукой протянул ключи. Ощутив что холодный ствол больше не упирается ему в лоб, зайцем скакнул в сторону.

Вся комната, от пола до потолка, была заставлена крепкими дубовыми бочонками. Ольгерд шагнул со света, достал нож, поднял крышку у ближнего, удовлетворенно цокнул. Бочонок под верхний обод был наполнен ровным серым порошком.

Вернувшись, подозвал трущегося у стены пушкаря.

— Фитиль у тебя имеется?

— Ты что у-удумал? — пушкарь, оправившийся было от испуга, начал заикаться. — И-измену затеял? Б-башню п-подорвать?

— Какая к чорту измена!? — взвился Ольгерд. — Башню через час-другой возьмут. И этим же порохом в стене пролом сделают, да пойдут по нему, как на парад.

В глазах артиллериста начало зреть понимание. Он, кивнул, опасливо глянул на Ольгерда и указал ему в дальний угол где, поставленная на попа, виднелась катушка, намотанная чем-то вроде толстой серой бечевы.

Ольгерд ринулся к катушке, отмотал на глаз кусок, которого должно было хватить от пороховой камеры до выхода из башни, погрузил в серый порошок конец фитиля, и закрепил его на проушине. Подбежал к выходу, обрезал фитиль, приладил второй, затем, чуть подумав, и третий. Вылетел пулей на улицу, обнаружил нужного человека, подозвал.

— Как с верху башни махну, играй к минному заложению, — рявкнул чуть не на ухо оторопевшему сигнальщику. Тот сделал круглые глаза и кивнул.

Ольгерд как мог быстро взлетел на самый верх. Народу под стеной прибавилось, таран, бьющий в дверь почти уже справился с препятствием, и сгрудившиеся плотной массой на стене подгоняли его нетерпеливыми криками.

Все вниз! — громко, но так, чтобы не услышали нападавшие, скомандовал Ольгерд. Башню сейчас будем рвать.

Все, кто был на смотровой площадке, затопали по ступенькам, крестясь, кто слева направо кто справа налево. Католиков и православных в войске было примерно поровну. Ольгерд высунулся из башни, перехватил взгляд сигнальщика, махнул рукой. Тот поднес к губам сверкающий горн и издал короткий пронзительный сигнал, смысл которого был отлично известен всем защитникам крепости. Из широких дверей хлынула наружу толпа.

Ольгерд прошел вниз, выглядывая по углам, не зазевался ли кто. Внутри башни было пусто. Сверху, говоря о том, что московиты еще ни о чем не догадываются, неслись крики и размеренные удары.

Ольгерд выложил на пол рядком три фитиля, щедро посыпал их из пороховницы, чиркнул

сверху кресалом, прищурился от вспышки. Убедившись, что по всем трем шнурам споро побежали огоньки, сам что есть духу помчался наружу, пробежал саженей сто, спрятался за древесным стволом и начал считать.

Не успел произнести про себя "семь", как шум битвы заглушил страшный грохот и треск. Огромная башня потянулась к небу, опоясалась огненным кушаком, полыхнула пламенем, словно потешная игрушка, неуклюже подпрыгнула, взорвалась и, заваливаясь наружу, обрушилась кучей обломков, взметая в воздух не клубы, а целые облака пыли.

Когда к Ольгерду возвратился слух, первым звуком, что он услышал, был доносящийся снаружи многоголосый вой.

Взобравшись на уцелевший фундамент Ольгерд увидел страшную картину. Обломки упавшей башни накрыли несколько тысяч человек, тех же, кто был наверху, разметало в клочья. Теперь все пространство между стеной и Днепром было завалено телами, а поднятой пыли и гари бродили, бросив оружие, оглушенные люди.

Ольгерд спустился вниз. Из-за угла вылетел рейтарский отряд. Во всаднике, скакавшем впереди остальных, Ольгерд признал воеводу Федора Обуховича. К нему навстречу от ворот вынесся гонец. Выслушав донесение, Обухович радостно закивал, махнул рукой вперед, словно отправив в бой невидимую армию и двинул шагом к разлому. Заметив Ольгерда, стоящего у стены, сурово спросил:

— Кто таков, почему не на стене?

— Десятник второй сотни соколинской хоругви, — ответил Ольгерд. Подумал и честно добавил. — От взрыва оглох, в себя прихожу.

— Вы все, литвины, похоже, давно уж оглохли, — недовольно произнес Обухович. — Только почему-то не полностью, а только наполовину. Сигнал к отходу слышите хорошо, а вот к атаке — нет! Чего ждешь? Давай к воротам! Там пехота на вылазку готовится, каждый боец на счету.

— Слушаюсь! — ответил Ольгерд и, не пускаясь в объяснения, двинул в сторону Днепровских ворот где, сзывая всех кто может держать оружие, звонко пела боевая труба. В спину ему неслось недовольное бурчание воеводы:

— Совсем уже я гляжу вы тут духом пали. К счастью, есть еще у нас в войске такие герои, как хорунжий Соколинский. Ежли бы он не отдал приказ, чтоб московитов вместе с захваченной башней взорвать, не устоял бы Смоленск…

*** * ***

Разбудил его дробный стук копыт и встревоженный гул, словно по улице за окном пронесся табун в сопровождении роя злых шершней. Ольгерд открыл глаза и сел. Деревянная кровать, выделенная ему хозяином дома на время постоя, длинно и визгливо заскрипела. Тряхнул головой, отгоняя остатки заморочного дневного сна, потянулся, скосился на табурет. Оружие, оставленное в углу: два пистоля, карабин палаш и нож, все на месте. Солнечные лучи пробиваются сквозь пыль и косо падают на чистый земляной пол. От них посредине комнаты — светлый квадрат, перечерченный крестовиной. Стало быть, уже далеко за полдень.

Дверь без стука распахнулась, из зала пахнуло борщом, который готовила на свекле хозяйка. Родом она была из-под Львова и кухню предпочитала не литовскую, а русинскую. На пороге вырос Митяй.

— Доброго вам дня, пан десятник! Как спалось?

— Сам знаешь как днем спится, — недовольно пробурчал Ольгерд, — воды набери,

ополоснуться бы.

— Вода давно в кадушке, — чуть обиделся вестовой. — И обед уже готов. Хозяйка к столу зовет.

Ольгерд поднялся, натянул порты, вышел на улицу, скинул рубаху, приказал Митяю полить. Набрал пригоршню воды, плеснул на лицо, на затылок, плечи. Долго отфыркивался.

— Что там за шум на улице? Снова рейтары бузят?

— Они самые, — кивнул Митяй, по-новой наполняя большой хозяйский кувшин. — Полковник Корф приказал им работать на починке пролома, а те в ответ жалованья потребовали. А потом услышали, что воевода о сдаче города сговорился, бросили службу и в управу пошли.

— Что за черт ты несешь? — рыкнул Ольгерд. — Какая еще к лешему сдача?

— А вы что, не знаете, пан десятник? — искренне изумился вестовой. — Вчера пан воевода Обухович встречался с боярами…

— Где же мне знать, дурья башка, ежели я две смены подряд, весь день и всю ночь на дальней Заалтарной башне как сыч проторчал. С нее, даже если полстены подорвут, услышишь. Толком говори, в чем дело!

— Толком я и сам ничего не знаю, на рынке про то балакали, слышал когда за солью ходил. А в полдень прибег от пана Соколинского посыльный и велел передать, чтобы как проснетесь, к хорунжему на подворье шли. Сеймик там будет.

— Так я же не шляхтич, а наемный десятник, — скривился Ольгерд.

— Я ему так и сказал. А он в ответ: мол, пан хорунжий велел передать, не только шляхта его повета, а чтобы все сотники и десятники пришли. Дело уж больно важное.

— Сеймик, говоришь? — вздохнул Ольгерд, влезая без помощи Митяя в узкие рукава жупана. — Ну, это надолго. Пообедать еще успеем…

Путь к дому хорунжего лежал в обход Соборного холма, по улице Большой, на которой располагались все важные городские заведения. Строения в Смоленске были почти все деревянные, дворы богатые, по большей части ухоженные, с веселыми цветниками и крашеными известью палисадами. Выполняя строгий воеводский наказ перед каждым домом у палисада стояла одна, а то и две кадки, доверху полных воды — пожаров здесь опасались не меньше чем чумы.

Слухи, принесенные с рынка Митяем не обманули. Городская управа, мимо которой проходил Ольгерд, щербатилась выбитыми стеклами и разломанной дверью, а от воеводского флага, подвешенного над входом, остался только обломанный шток. Единственный стражник стоял на крыльце и, приставив бердыш к стене, держал у глаза мокрую холстину. Стало быть, не сбрехали тоговки, не прознай рейтары о сдаче города, не стали бы управу громить.

— Где воевода? — спросил Ольгерд у стражника.

— Забрал казну и заперся в королевском бастионе, — жалостно ответил тот, отставив от глаза примочку.

Ольгерд кивнул, поправил ремень и двинул дальше по улице.

Просторный двор купеческой усадьбы, в которой квартировал хорунжий, был заполнен гудящей толпой. Старшина хоругви во главе с самим Соколинским торчала на высоком крыльце, с которого полковой писарь визгливо зачитывал длинную бумагу. Войдя внутрь Ольгерд услышал лишь самое ее окончание:

— … тебе, царь-батюшка, челом бьем, просим всех нас в православную веру принять, да клянемся в верной службе. А за грехи наши тяжкие готовы нести мы казнь, какую назначишь — хоть оброк, хоть епитимью…

— Я часом лагерем не ошибся? — поинтересовался Ольгерд у стоящего рядом шляхтича. —

Здесь случаем не холопы москальские гурьбятся? Это что за челобитная?

— О чем говоришь, служивый? — зашипел обиженно собеседник, панок из первой сотни с небольшим маетком под Витебском. — Русский царь обещал тем, кто ему присягнет, оставить земли и привилегии. Наш хорунжий, пан Соколинский, с боярами уже сговорился, теперь вот сеймик собрал…

Тем временем писарь завершил чтение. Толпа настороженно притихла. Из кучки знатных шляхтичей вышел вперед сам хорунжий.

— Ну что, вельмишановная шляхта! Не кто нибудь, а целый стольник государев, князь Милославский, крест целовал в том, что царь московский всех литвинов, что к нему перейдут, примет под свою руку и будет чествовать наравне с победителями. Воевали мы за Речь Посполитую, за родную Литву, да только как нас за это отблагодарили за это король Ян Казимир и гетман Радзивилл? Мы свои головы под стрелецкие пищали подставляем, а они сидят себе, один в Варшаве, другой в Вильно, и в ус не дуют. За все время осады не то что подмоги, фунта сырого пороху от них не увидели…

Толпа одобрительно загудела.

— А царь Алексей Михайлович своих в обиду не дает, — почуяв, что его слова падают зернами на хорошо удобренную почву, продолжал хорунжий. — Всё вам сохранит — и маетки и привилегии. Службу даст вам и вашим отрокам. Двадцать пять тыщ отборного войска он под Смоленск привел, а ведь пожалел нас, не стал город силой брать. Так что подписывайте, панове, челобитную. Кто грамотный — тот именным росчерком, кто неграмотный — крестиком. Да поскорее, дело к вечеру идет, нужно успеть до заката бумагу к царю отправить…

Писарь спустился в толпу с чистыми подписными листами. За ним шел служка, сжимая в руках пучок перьев и большую чернильницу. К перьям со всех сторон потянулись нетерпеливые руки.

— Кто подписался — ступай домой! — объявил хорунжий. — Ждите, панове, по своим квартирам. Как ответ получим, всем объявлю нарочным.

По мере того, как желтоватые листы покрывались крестиками, закорючками и завитушками, двор помалу пустел. Писарь подошел к Ольгерду, стоящему сбоку от ворот, протянул лист на деревянной дощечке. Тут же подскочил и служка, протянул чиненное перо.

Ольгерд остановил обоих открытой ладонью и мотнул головой.

— Подписывай, десятник! — громыхнул с крыльца сотник Гаркуша. — Али служба не дорога, али жалование не нужно? Кончилась для тебя война.

— Я не шляхтич вашего повета, а наемный воин, — спокойно ответил Ольгерд.

— Ништо! — вмешался в разговор сам хорунжий. — То, что ты не шляхтич, тут не помеха. Чем больше подписей на челобитной, тем скорее нас царь-батюшка простит да под руку свою примет.

— Не понял ты меня, пан Юрий, — усмехнулся Ольгерд. — Я наемный воин, а потому нет у меня такой, как у тебя, шляхетской чести, чтоб с радостью перебегать ко вчерашнему врагу.

Во дворе стало так тихо, что стало слышно гудение мух. Толстые щеки хорунжего начали багроветь.

Не дожидаясь что ему скажут, Ольгерд стукнул в сердцах ни в чем не повинную калитку так, что она отлетела в сторону с коротким жалобным скрипом, вышел на улицу и зашагал в сторону дома. К отъезду готовиться.

*** * ***

Подготовка к сдаче города заняла со всеми переговорами да растабарами без малого две недели. Обозленный Гаркуша сдержал слово, жалованье зажал и квартирные не выделил. Денег у Ольгерда не осталось почти совсем, но к счастью хозяин, заможный шорник, согласился столовать его своим коштом. Счел, что времена теперь опасные и служивый человек в мещанском доме не обуза.

Пока шляхта, готовясь припасть к высочайшей деснице, старательно разучивала полное титулование своего нового государя, военачальники, сохранившие верность польской короне, укрылись в бастионе и в городе не показывались до самого последнего дня. Наконец, когда до назначенного срока оставалось совсем чуть-чуть, с утра пораньше оповестили: кто вместе с ними уйти пожелает, пусть в полдень соберутся у Днепровских ворот.

Выбора у Ольгерда не было. Тепло распрощавшись с шорником и его женой, отпустил Митяя (тот был Гаркушиным хлопом и должен был следовать за хозяином), и, готовясь в дорогу, сам начал обиходить коня.

Его меринок, конечно, не боевой скакун, но крепкий и выносливый. Рысью может верст двадцать без отдыха протрусить, да седока с поклажей увезет. Правда поклажи той — кот наплакал. Полмешка утащенного напоследок Митяем из гаркушиного амбара фуражного овса. Теплая зимняя одежа. Смена белья. Буханка хлеба да фунт дешевой солонины. Получается все, что нажито за этот поход — один только надежный голландский пистоль, взятый трофеем в стычке с запорожцами.

Вышел со двора не оглядываясь. Жалея коня, которому предстоял еще нелегкий путь, повел его по улице на поводу.

Путь лежал мимо рыночной площади, где важный боярин наставлял собравшуюся толпу.

— … как только последние ляхи город покинут, наш государь разобьет свой лагерь с противуположной стороны Смоленска, у Молоховских ворот. Завтра отслужат торжественный молебен и будет крещение для всех, кто пожелает в веру православную перейти. После крещения пир начнется. Вы, литвины, в городе сидите тихо — первые дни будет наш батюшка Алексей Михайлович принимать с подарками своих стольников, стряпчих да дворян, потчевать грузинских и сибирских царевичей, сотников государева полка, а также черкасского наказного гетмана Ивана Золотаренка. Только на третий день после крещения, как водится по православному обычаю, вас к присяге призовут и к столу праздничному допустят. А на пиру том велено будут гостям подавать…

Чем будут угощать на царском перу перевертышей-победителей, Ольгерд слушать не стал. Чтоб время не тянуть, вскочил на коня и натянул уздечку, направляя верного друга в сторону Днепровских ворот.

Рейтары-наемники, получив свое жалованье, ушли еще в первые дни, так что всего с воеводой Федором Обуховичем да полковником Корфом город покидало не больше полусотни человек. Были это личные жолнеры военачальников, великопольские шляхтичи со слугами, да несколько литвинов, которые подобно Ольгерду, кто из шляхетской чести, кто по иным причинам, не пожелали присягать московскому царю.

Процокав под аркой, всадники выехали за стены города туда, где на пятачке меж башнями и перекинутым через Днепр мостом ждала боярская сотня во главе с царским окольничим в высокой собольей шапке, одетой по жаркой погоде ради важности происходящих событий.

По команде воеводы четыре убеленных сединами гусара спрыгнули с коней и, аккуратно расправив, сложили в ряд тяжелые полковые знамена. Окольничий важно махнул рукой и вдоль стены, в сторону царского лагеря, выбивая копытами дерн, понесся широким галопом гонец.

Боярская сотня раздалась в стороны, образуя проезд и остатки коронного войска шагом, по два в ряд, двинулись через мост. Лицо воеводы было каменным, но Ольгерд разглядел, как по

его щеке к чисто выбритому подбородку нехотя ползет тяжелая солдатская слеза.

Едва передовые рейтары подскакали к опушке леса, как за их спинами забили церковные колокола. Ольгерд обернулся. К стенам города тянулся пестрый многолюдный поезд, в самой середине которого вокруг сверкающего золотым шитьем всадника на снежно-белом коне плотно сгрудились, грозно сверкая позолоченными бердышами краснокафтанные рынды. Сам царь Московский и всея Руси, осеняя милостью бывших врагов а нынешних верноподданных, торжественно вступал в отвоеванный город.

*** * ***

Пройдя верст тридцать по виленскому тракту, воевода, обнаружив подходящую прогалину, остановил отряд и приказал обустраиваться на ночь. Ольгерд, ожидавший случая поговорить с Обуховичем, наконец решился. Нужно ведь было как-то определять свою судьбу. Слез с коня, стал шагах в трех, дождался пока тот раздаст все необходимые приказы, только потом негромко произнес:

— Дозволь обратиться, пан воевода!

Обухович развернулся к нему всем корпусом. Посмотрел. Нахмурился.

— Так это ты тот самый десятник, что башню на воздух поднял?

— Ну я, — нахмурившись и себе, ответил Ольгерд.

— Почему с нами ушел? Боялся, что московиты тысячу задавленных не простят?

— Мне-то чего бояться? Пан хорунжий на весь Смоленск кричал, что это его работа.

Морщины на лбу воеводы начали расправляться.

— То что не Соколинский это сделал, я сразу же после штурма прознал. Хотел наградить храбреца достойно, да сам видишь, какие у нас дела…

Ольгерд пожал плечами.

— Награда бы, конечно не помешала. Только мне сейчас другое нужно. — Решился, наконец. Выпалил. — Возьми на службу, воевода! Не десятником, так хоть простым мечником или кирасиром.

— Что с хорунжим не поделил? Службу менять сейчас не лучшее время.

— Литвины ведь поменяли.

— То-то меня и удивляет. Шляхта к царю отбежала, а ты, наемник, со мной ушел.

— Я шляхтич, воевода. Мой род ведет себя от Ольговичей Черниговских и великого князя Ольгерда, через его сына, Владимира Брянского. Брянский князь своему младшему сыну пожаловал ольговскую вотчину. С того времени всех старших сыновей называли в честь великого князя литовского, а ольговские земли были за нашим родом. До недавних пор.

— Вон в чем дело, — кивнул, понимающе, воевода. — Всю литовскую шляхту на Брянщине, что Речи Посполитой присягала, давно уж повыбивали из маетков Романовы, и твоя родня тоже попала под царский бердыш. Значит вот почему ты царю челом бить не хотел.

Ольгерд кивнул.

— Вотчины я лишился при царе Михаиле. Мальчишкой был, когда к отцу приехал важный боярин из самой Москвы. Он всю литовскую шляхту объезжал, добром предлагал московскому государю крест целовать. Многие уже тогда под московскую руку переметнулись…

— И что твой отец?

— Он ответил, что Рюриковичи, потомки великих князей худородным Романовым отродясь не служили. А когда боярин начал ему грозить, взял да и спустил его с крыльца.

— Тогда мы с Московией были в мире, — кивнул Обухович. — Тронуть в ответ он отца

твоего не мог.

— А он и не тронул, — невесело усмехнулся Ольгерд. — Не прошло и недели, как в Ольгов пришел воровской отряд в две сотни сабель. Отца и мать убили, дом сожгли, меня увезли и в холопы запродали. Это уже потом я узнал, что царь Михаил Романов не только донцов оружием и припасами снабжал, но и тех, кто в пограничных землях литвинов давил.

— Как же судьба твоя дальше сложилась?

— С холопов я через год сбежал на Дон, откуда выдачи нет. Там казачком пошел к есаулу, научился саблю в руках держать, через несколько лет в Литву вернулся. Так вот с тех пор и воюю… Так что, возьмешь меня, воевода?

Тяжко вздохнул в ответ Обухович.

— Была б моя воля, ты бы во главе сотни отборных пикинеров ходил. Да сам видишь, теперь все мое войско — три десятка домашних жолнеров. Воеводства моего теперь нет. Но это еще полбеды. Другое худо. Верный человек из Вильно намедни гонца прислал. Оказывается, гетман литовский Радзивилл со своими приспными за сдачу города в измене меня обвиняет. Крикуны настропалили сейм, сенаторы меня права голоса лишили, а королю направили депешу с прошением, чтобы меня под суд отдать. Так что еду я, скорее всего, прямо в тюрьму. Ты уж не обессудь, десятник, но тебе сейчас от моей службы вся прибыль — гетманская немилость. Ты уж как-нибудь пережди. А вот ежели я опалу переживу и снова буду в силе, то с радостью приму тебя на службу.

Кивнул воеводе Ольгерд в благодарность за честный ответ. Ведь мог же высокий магнат его, безземельного наемника, и вовсе беседой не удостоить. Собрался было зашагать к дереву, у которого, с толком используя время отдыха, щипал траву нерасседланный конь, но был остановлен повелительным голосом.

— Подожди, десятник!

Обухович подозвал слугу, что-то ему негромко сказал. Тот шустрой лаской метнулся ко вьюкам, достал оттуда длинный предмет, завернутый в холстину, развернул, благоговейно подал. Воевода протянул Ольгерду золоченый эфес.

— Вот, держи. Это все что сейчас могу.

Ольгерд принял саблю двумя руками. Оглядел ножны, простые и надежные. Стальные стяжки на них позолочены, сверкают дорогими камнями. Взялся за рукоять, вытянул клинок на ширину ладони, чуть наклонил и охнул. В отсвете багровеющего солнца по матовой поверхности побежали мелкие трещинки, словно кто-то облепил кованое железо тонкой паучьей сетью.

— Дамасская сталь!

— Она самая, — кивнул Обухович. — За такую саблю сможешь купить доброго коня. Только не спеши с ней расставаться. Видишь вензель на крестовине? Пока эта сабля с тобой — любой из рода Обуховичей твой друг и союзник.

Ольгерд нежно, словно лаская женский стан, провел ладонью по ножнам.

— Подарок воистину королевский. Теперь уже я, воевода, твой должник.

Обухович отмахнулся: пустое, мол, не время для церемоний.

— Ступай, десятник. Бог тебе в помощь.

Солнце уже висело в вершке от еловых верхушек. Ночевать Ольгерд решил в другом месте, куда нужно было успеть до темноты. Конь, поняв что ночной отдых откладывается на неопределенное время, недовольно заржал.

*** * ***

К тому времени когда Ольгерд, проскакав по лесной дороге верст шесть, выехал к пойменным лугам, уже начало смеркаться. Неширокий в верхнем течении Днепр выгибался здесь огромной сверкающей саблей, на которую темно-багровое солнце бросало кровавые отблески. Там где у сабли полагалась рукоять, пологий берег задирался крутым холмом, на котором, в лабиринте огородов гурьбились крепкие деревянные хаты.

Схоронившись за деревьями Ольгерд вдумчиво оглядел подворья, вслушиваясь в вечернюю музыку сельской жизни. Особое внимание обращал на крыши и коновязи, не курится ли где из-под соломы очажный дымок, выдавая неурочный ужин? Не постукивают ли копытами в ожидании овса крепкие боевые кони, каких у крестьян сроду не было? Не брешут ли где с надрывом собаки на непрошеных гостей? Но в селе было спокойно. Собаки лениво перебрехивались меж соседними дворами, из коней в поле зрения обнаружилась лишь одна сермяжной масти кляча, рядом с которой и его меринок показался бы арабским скакуном, а из всех деревенских изб дым курился только над венчающим макушку холма основательным полуторным пятистенком здешнего старосты.

За время службы в соколинской хоругви Ольгерд бывал здесь не раз. Село Замошье, расположенное в полудне пути от Смоленска, было оброчным владением воеводства, поэтому служивые люди, следующие по своим делам, останавливались здесь частенько. Только в этом году он побывал здесь трижды: два раза сопровождал мытников, выжимающих из крестьян недобранный оброк, а третий, перед самой войной, во главе своего десятка был послан ловить беглого вора. Но вор, дерзко, прямо посреди дня освободивший от груза в полторы тыщи талеров загулявшего в трактире главу местной купеческой гильдии, был родом из здешних мест, а потому ловиться не стал…

Убедившись окончательно, что в селении нет чужих, Ольгерд тронул поводья. Конь, почуяв скорый отдых, зачастил копытами по тропе.

Главная и единственная улица Замошья привела его к старостову подворью. Как выяснилось, Ольгерд ошибся, и чужие в селении все же были. Точнее, чужой. Староста Михай стоял у крыльца и беседовал с небогато одетым юнцом вида до чрезвычайности неопределенного. Ольгерд спешился, привязал коня и подошел к крыльцу. Оглядев стоптанные сапоги, чиненый кунтуш, давно нечищеный самострел со следами ржавчины на замке, да измотанную хромую лошадь, которую хозяин судя по всему, не жалея ни себя ни животину, гнал без роздыху целый день, про себя усмехнулся. Такого горе-воина он, как десятник, не взял бы к себе даже ездовым.

Староста Михай, кивнул приветливо и пожал, извиняясь, плечами. Мол прости, пан начальник, с человеком говорю. Ольгерд в ответ кивнул и чуть улыбнулся. Этот пожилой хитроглазый литвин, вечно жалующийся на войны с неурожаями, был позажиточнее многих шляхтичей литовского войска, и отношения заслуживал уважительного.

Путник тем временем засыпал Михая наивными до слез вопросами.

— А чем тут вообще можно заработать да славы добыть?

— Дык война же, милостивый государь, — щурясь, как кот на сметану, отвечал ему староста. — Слава да богатство нынче дело нехитрое. Можешь, к примеру, съездить да соли нам привезти. Закончилась в селе соль. Можешь к воеводе поехать, походатайствовать, чтобы он нам подати снизил. Мы тут и челобитную уже припасли. Да и разбойников в лесах стало больше, чем грибов. Ежели разгонишь их, мы тебе всем миром подарочек приготовим…

Пришелец поднял руку, задрал простую селянскую шапку и почесал затылок. Надумав, изрек:

— Не тех я чинов, чтобы с воеводой о податях говорить. Да и за солью мне, воину, бегать несообразно. А вот разбойники — дело другое.

Лицо старосты расплылось в улыбке.

— Вот и славно! Тут небольшая ватага, душ в семь у села водворилась. Как девки в лес по ягоды пойдут — так непременно норовят изобидеть их охально. Никакой уже моченьки нет терпеть…

— Шпилер не спрашивает сколько врагов, Шпилер спрашивает, где они, — подбоченясь, ответствовал пришелец, обнаружив некоторое знакомство с греческой историей (такой фразой, если верить Плутарху, любили козырять еще спартанцы). — Ты бы, староста, меня на постой до утра определил да припасу с собой дал, а утром с первым лучом, я и отправлюсь в бой.

"Стало быть, Шпилером кличут, — подумал Ольгерд, — германец что ли?"

— Рад бы, — все так же радушно ответствовал староста, — рад бы с тобой, храбрец, всем что имею поделиться, да мы, селяне, нынче беднее церковных крыс. Если отдадим тебе свой припас, то сами до весны не дотянем. Однако, толику можем продать. Но уж по таким ценам, что тебе не накладно будет. За те деньжата, за которые ты у нас все переметные сумы харчами набьешь, в городе и сухого хлеба не продадут.

Шпилер скривился и потянул из сумы тощий кошель.

— Искатели приключений, — пересчитав деньги и отпустив приезжего, пробурчал староста, — зачастили сюда, чуть не каждый день приезжают.

— Так тут радоваться нужно, — улыбнулся Ольгерд, — ты же этого Шпилера талеров на пять нагрел, не меньше. Никак корчмарей в Смоленске подговорил, чтобы они всех таких вот как он к тебе направляли?

— Корчмари за такое дело непременно мзду потребуют, — вздохнул староста. — А тут дело иное. С недавних пор на Смоленщине беглый хранцуз объявился. Клермоном кличут. Как-то по весне он к нам в Замошье забрел. Платил щедро, золотом, вот я его своим домашним бимбером, для пасхального разговения припасенным, и угостил. После того сей хранцуз воспылал любовью к нашим местам. Наутро, как в себя пришел да рассольчиком отлечился, поехал себе по-добру по-здорову, а через неделю начали такие вот, как этот Шпилер подъезжать. Оказалось, Клермон как повстречает в пути новичка, так непременно направит его ко мне, мол ежели хочешь службу сослужить да талерами разжиться, то поговори с Михаем.

— А ты что?

— Что я? У нас тут осень на носу. Скоро рыбу солить, капусту, огурцы. Опять же грибы вон со дня на день пойдут. А соли в амбарах — кот начихал. Я же их всех сперва прошу — привези, мил человек, соли хоть три мешка, заплачу так, что не пожалеешь. Так ведь нет! Никто из них в негоции не желает пускаться, всем непременно воинской славы подавай. Ну я их и посылаю в лес к разбойникам. Одолеют — слава Богу. Но чаще всего в плен попадают…

Ольгерд понимающе кивнул.

— Кстати, Михай. В Смоленск к воеводе с челобитной больше не посылай никого. Сдал Федор Обухович город русскому царю.

— Вот уж порадовал, — от души огорчился староста. — Это что же получается, нам теперь нового московского воеводу дадут? Ох, грехи мои тяжкие. Новых мытников придется хмелить. А москали, говорят, пьют сильнее чем ляхи…

— Не боись, староста. Все паны, что у Обуховича служили, присягнули царю Алексею. Так что мытники, скорее всего, те же самые и будут. Чего их менять?

— Тоже верно, десятник. Нам-то, бедным крестьянам, все равно кому оброк возить. Ну да ладно. Ты-то здесь какими судьбами?

Теперь пришла ольгердова очередь вздыхать и пожимать плечами.

— Я теперь уж и не десятник, а перекати-поле. Нету больше моей хоругви — весь повет под руку к московитам перешел. Служить царю не хочу, а воеводе, стало быть, более не могу.

— Что дальше думаешь?

— Не знаю пока. Отдохну денек, да скорее всего в Киев подамся. Там, говорят, новый полк собирают.

— И то дело, — кивнул староста. — Тут уже не поймешь, кто с кем воюет. Казаки стало быть с царем русским в союзе, а их бывшие друзья-татары теперь на стороне польского круля…

Ольгерд невесело усмехнулся.

— Ладно, Михай. Время позднее, конь устал, да и я тоже. Переночевать где тут у вас можно?

— Да вот хоть тут, в моей хате. Такому гостю мы завсегда рады. — Михай хорошо помнил, как присланный на расправу десятник, узнав что разыскиваемый вор доводится старосте двоюродным братом, в поисках усердствовать не стал, а потому обходился с ним, как с дорогим гостем…

— Сколько за фураж да припас возьмешь?

— С тебя-то? — обиделся староста. — Мы с тобой, мил человек, давно в расчете.

Ольгерд согласно кивнул. Собравшись расседлывать коня скинул кунтуш, бросил на перила.

— А что, Михай, бимбер-то у тебя, тот, которым ты своего Клермона потчевал, еще остался?

— Как не быть? — радушно осклабился тот. — Он у меня все время готовится. Вон видишь, и сейчас… — Староста кивнул на соломенную крышу, над которой вздымался в вызвездившееся ночное небо неспешный дразнящий ноздри дымок.

*** * ***

Легкий речной ветерок выдувал из головы остатки бимбера, который у Михая оказался и впрямь на редкость хорош. Из отборной сброженной ржи, трижды воскуренный в большом чугунке, не меньше пяти раз процеженный сквозь березовые угли, он растекался по жилам хмельным теплом и был выпит под хрустящие соленые грузди, уху из свежевыловленной стерляди да извлеченный из дальнего схрона окорок в таком количестве, что Ольгерд начал собираться в дорогу только глубоко за полдень.

Проехав вдоль берега добрался до брода, искупав коня, перебрался на другую сторону реки, посидел с полчаса на коряге, подставляя лицо жгучему солнышку и, радуясь негаданно обретенной свободе, двинул по набитой тропе, вьющейся среди деревьев. По ней, миновав пару затерявшихся в лесу сел, можно было выбраться на Могилевский тракт и ехать на Оршу, где, по последним полученным в Смоленске известиям, стояли войска литовского гетмана Радзивилла.

Планов на будущее у него особых не было. Про Киев он говорил старосте скорее для красного словца. По словам Михая купеческая община Могилева, получив от русского царя обещание, что им сохранят Магдебургское право, была готова со дня на день открыть ворота и присягнуть присланным боярам. Расположенный ближе к Киеву Овруч принадлежал казакам. Еще пять лет назад Богдан Хмельницкий выгнал оттуда польского старосту, а вместо него поставил своего полковника. Связываться с запорожцами Ольгерд не хотел, с московитами и подавно. Стало быть ловить ему ни в Овруче ни в Могилеве было нечего. Разве что наняться к торговцу каком-нибудь, в дороге его охранять.

Размышляя всерьез о том, не вернуться ли, пока не поздно в Вильно он, углубившись в лес, проскакал версты три и вдруг услышал доносящиеся из-за деревьев резкие тревожные голоса. Не медля съехал с тропы, приметил густые папоротники в пояс, спешился. Пошел, пригнувшись, на

звук.

На просторной лесной поляне шло вдумчивое толковище. Выехавший затемно из Замошья Шпилер, которому бимбер был не положен по чину, стоял, прижавшись спиной к толстому сосновому стволу, одной рукой держась за ушибленный лоб, другой же выставив перед собой немощную шпажонку. Собеседники — хмурые замурзанные мужики, оцепили его полукругом и что-то выспрашивали, размахивая дубинками. Конь Шпилера, лишившись седока, особо не огорчился — спокойно пасся неподалеку под присмотром еще одного разбойника. "Стянули, стало быть, героя с седла, — подумал Ольгерд, — а теперь хотят взять живым. Сколько же их, интересно, здесь всего?"

Разбойников на поляне было семеро. Четверо держали путника в осаде, уговаривая его сдаться по-хорошему, а если не согласится, то готовые пустить в ход дубины, один стерег захваченного конька, да двое стояли на стреме, высматривая, не приближается ли кто со стороны ближайшего села, которым была расположенная у тракта Архиповка. Поэтому окрик, раздавшийся за их спинами прозвучал громом средь ясного неба:

— Всем стоять!

Голос был спокойный, чуть насмешливый и явно принадлежал человеку, привыкшему отдавать команды. Главарь шайки опустил дубину и медленно осторожно оглянулся.

Под деревьями, незамеченным выехав на поляну, стоял простоволосый всадник наставив на честную компанию стволы двух пистолей. Поперек седла у него лежал явно заряженный, карабин, а на боку висела, поигрывая каменьями, дорогая шляхетская сабля.

Один из разбойников осторожно потянул руку за спину, но главарь запрещая, чуть заметно мотнул головой. С этим-то они пожалуй что справятся всемером, да как бы за деревьями не ждали слуги или, того хуже, сидящие в засаде жолнеры.

— Ехал бы ты мимо, уважаемый, — чуть не просительно протянул главарь. — Мы тут в своем праве. Этот малец на нас первый напал.

— Да ты не боись, — добавил другой разбойник. — Мы что, звери какие? Христианскую душу губить не будем. Выкуп возьмем, али татарам в полон продадим.

— Ты согласен выкуп платить? — осведомился у пленника всадник.

— Мне н-нечем, — заикаясь от страха ответил тот.

— А к татарам хочешь?

Прижатый к стволу полохливо замотал головой.

— Он не хочет, — спокойно сказал всадник. — Так что сейчас вы вернете ему лошадь и исчезнете отсюда.

— Не прав ты, уважаемый, — мирным голосом, поддав деланной дрожи, ответил главарь, подмигнув при этом подручному. — Наш это лес…

Всадник, хмурясь, молчал.

— Да что с ним говорить? Бей!!! — Завопил дальний разбойник, отвлекая к себе внимание. Главарь рыскнул в сторону, пытаясь укрыться меж деревьев, его помощник вытянул из-за пазухи сделанный из самопала обрез, а тот, что стоял в дозоре, поднял из травы незамеченное раньше копье из косы и, ринулся вперед. Он явно намеревался уйти от пули, поднырнув под коня, а потом резануть острым лезвием по жилам, чтобы спешить противника, но Ольгерд его опередил.

Два выстрела прозвучали почти одновременно. Главаря, словно куклу, швырнуло в бок и он, расплескивая мозги из треснувшего черепа, врезался головой в толстый сосновый ствол. Его подручный выронил обрез, постоял, отупевшим взором разглядывая свой живот, по которому медленно расползалось кровяное пятно, и скуля, словно подбитая собака, осел на землю. Разбойник с косой смог уйти с линии выстрела, но коня задеть не успел. "Хороша воеводина

сабля. Остра и в руке лежит как родная", — подумал Ольгерд отслеживая краем глаза как катится, приминая траву, отрубленная одним махом голова.

Второй дозорный и тот, что стерег коня, улепетывали со всего духу, а двое из тех, что щемили у дерева Шпилера, застыли, оцепенев. Ольгерд не любил пустого кровопролития, а пуще того жалел пули и порох, потому убивать сверх меры не собирался. Забросил саблю в ножны, выставил вперед карабин.

— Цел? — просил у Шпилера.

Тот молча кивнул.

— Забери обрез, садись на коня и поехали. А вы, — Ольгерд повел стволом в сторону ошалевших разбойников, — ежели дернитесь, то без причастия к святому Петру пойдете вслед за дружками. Не люблю я, когда на меня оружие наставляют, пугливым становлюсь, суетиться начинаю…

Шпилер, не выпуска из рук шпажонку, бочком подобрался к раненому в живот, схватил обрез и затрусил в сторону своей лошади. Та, почуяв приближение хозяина, подняла голову и заржала раз, потом другой. По разумению Ольгерда для такого недбалого лошадника, каким был Шпилер, со стороны хитрой животины чести было с избытком и общаться она пыталась с кем-то другим. Так оно и оказалось. В ответ на протянутую к поводьям руку, лошадка недовольно взбрыкнула, и снова заржала повернув морду к опушке. Ей в ответ из глубины леса донеслось ответное ржание, перешедшее в короткий храп, словно кто-то, приказывая коню замолчать, резко дернул узду.

Из лесу, навстречу убегающим разбойникам вывалил отряд человек в тридцать конников. Их можно было бы принять за рейтар — все как один на сытых откормленных боевых конях, с доспехами в тяжелых надежных шлемах. Если бы не разношерстные наряды, красноречиво свидетельствующие о том, что перед ним отнюдь не передовой дозор или армейские фуражиры…

Разбираться кто приближается к поляне, свои или чужие, не было ни малейшего резону, к тому же намерения незнакомцев тут же определились. Не останавливаясь и не разбираясь ни в чем, они жестко расправились с бегущими навстречу разбойниками и начали рассыпаться в линию для атаки. "Уж точно не дорогу спрашивать собрались" — подумал Ольгерд. Бой принимать было глупо. Он развернул своего мерина и врезал ему пятками в бока. Тот обиженно заржал и припустил к лесу широкой рысью.

— Скорей! — рявкнул он в сторону Шпилера, который все не мог поймать неслушную лошадь. — беги в лес, в чащу! Убьют!

Когда до деревьев оставалось совсем чуть-чуть, Ольгерд оглянулся. Преследователи, догоняя, пустили своих коней в галоп, но большой опасности они уже не представляли, в лесу такой аллюр держать не получится, кони переломают ноги об сучья и корни, стоит нырнуть в чащу и поминай как звали. Гораздо больше его волновал один, остановивший коня и целивший в его сторону длинным ружейным стволом.

Из ствола полыхнуло, спустя мгновение над головой свистнула пуля. Ольгерд вжался в конскую шею и со всей силы врезал коню в бока. Уйти бы за деревья, да свернуть в давешний папоротник. Пусть потом рыскают по всему лесу. Он успел уже разглядеть в бешеной скачке уходящую в глубь чащи спасительную тропинку, как в ногу будто ударили раскаленным железным прутом и его обожгла сильная, путающая мысли боль. Конь запнулся, подломил передние ноги и Ольгерда выбросило из седла. Перед глазами мелькнуло синее-синее, с мелкими кучерявыми облачками небо, верхушки сосен, оранжевые корабельные стволы. Последнее, что он увидел был зеленый травяной ковер с пятнами сиреневых и желтых цветов. Земля вздыбилась и с размаху ударила по лицу.

*** * ***

Первое что он ощутил после долгого обморока, был острый угол, впившийся в спину. Поняв, что лежит навзничь на чем-то твердом, Ольгерд открыл глаза. Над ним нависало белесое утреннее небо, окаймленное кронами деревьев. Было не разобрать, то ли это кружится голова и мелькающие над головой ветки плывут перед глазами, то ли его куда-то везут. Загнав поглубже стоящий в горле вязкий тошнотворный ком, Ольгерд попробовал оглядеться. Картина немного прояснилась. Он лежал на трясущейся телеге поверх уложенных на нее мешков, один из которых и причинял беспокойство спине. Попробовал сдвинуться, но как только шевельнул ногой та, от колена до бедра, отозвалась нестерпимой болью. Ольгерд сжал зубы, но не вытерпел, застонал. Над ухом глухо, словно сквозь вату, зазвучал чей-то голос:

— Ну слава богу, очнулся!

Голос был обрадованный и смутно знакомый. Ольгерд, кряхтя, сдвинулся на бок. Проклятый угол перестал жать на ребро и в поле зрения вплыло молодое лицо. Напрягся, вспомнил.

— Шпилер?

— Я самый, — откликнулся случайный товарищ. — Уж думал, что не выживешь, ан нет. Оклемался!

— Мы где?

— В плену.

— У кого?

— Себя называют охотными стрельцами, — понизив голос, рассказал собеседник. — . На самом деле обычные разбойники. Гуляют здесь, пользуясь тем что война и не до них. Ходили по деревням за живым товаром. Нас вот по пути прихватили. Сейчас хабар в свой острожек везут, куда-то на Брянщину, а полон — к татарам.

— Разбойники — московиты?

— Да кого здесь только нет. Русские, поляки татары. Даже швед затесался. Он у главаря в подручных.

— Главарь у них кто?

— Да бес его разберет, — глаза у Шпилера расширились и он перешел на шепот. — По имени вроде русский, кличут господином Димитрием, а кто он на самом деле — неведомо. Страшный на самом деле человек. Ему душу христианскую загубить — что муху прихлопнуть…

Ольгерд напрягся и смог, наконец, оглядеться по сторонам. Они ехали в середине обоза по неширокой, поросшей травой лесной дороге. Обоз составляли разнотычные телеги, доверху полные скарбом. Впереди и сзади телеги сопровождали давешние тяжеловооруженные всадники, а за последним возом, который тянули два сильных откормленных вола, словно бычки на кукане, семенили на веревке люди, среди которых он распознал и встреченных в лесу разбойников… На возу жалась кучка связанных девушек.

— Если ты пленный, то почему со мной на телеге? — спросил у Шпилера.

— За тобой приглядывать посадили.

— Я-то им зачем понадобился?

— Как тебя подстрелили, то хотели сперва добить, но приметили дорогую саблю взяли с собой. Решили, что ты из знатного рода, собираются, если выживешь, выкуп взять.

"Вот и сгодился воеводин подарок, — усмехнулся про себя Ольгерд, — и недели не прошло, как он жизнь мне спас". Вслух же произнес:

— Давно едем?

— Третий день уже. Крепко тебя об пенек приложило, у кого другого голова бы треснула. Да еще нога прострелена. К счастью, пуля навылет прошла. Я перевязал как мог, подорожник и мох приложил…

— А ты что, лекарь?

— Да какой там. Так, научился в странствиях раны обиходить.

К телеге подъезжало два всадника. Шпилер оглянулся и вжал голову в плечи. Первый, судя по наряду, был тем самым прибившимся к разбойникам шведом. Возраста среднего, в плечах кряжист, с короткой всклоченной бородой и мясистым неприятным лицом. Пальцы, что держат повод — длинные, узловатые, ухватистые словно клещи. В седле ездить подолгу не приучен — сутулится, елозит. Смотрит на пленников, как закольщик на рождественских поросят: прищурился, а глаза бегают вверх-винз, словно ищут, куда заколку вонзить. Таких обычно с радостью берут в пытошных дел мастера. Второй ехал позади и виден был только наполовину, но к ворожке не ходи, главарем здесь был именно он.

Этот человек выделялся среди своего пестрого отряда как ворон, затесавшийся в галочью стаю. Конь сильный, вороной, из тех, какими похваляются друг перед другом магнаты. Всадник коню под стать. Ему бы на парадах гарцевать да паненок с ума сводить. В черненой кирасе, из-под которой выглядывает рукав опять же черного бархатного камзола. В седельной кобуре точит рукоятка пистоля с серебряными чеканными накладками. Хоть годов далеко не юных, верхом держится прямо, легко, словно в седле родился. Без шапки, волосы коротко стрижены, с проседью. Про таких говорят "перец с солью".

Всадники поравнялись с телегой. Оба глядели на Ольгерда, выжидательно молчали. Он, не зная о чем пойдет речь, тоже не спешил начинать разговор.

— Очухался? — спросил швед, обращаясь к Шпилеру. Голос у него был под стать лицу: злой, утробный.

— Жить будет, — тихо ответил добровольный лекарь.

— Фот и славн. Тафай ты тепер ф общий строй, — швед, коверкая слова, рассмеялся, словно заквакал. — Лошати не люти — их беречь нужн…

По его знаку разбойник рангом пониже заставил Шпилера спрыгнуть с телеги, хлестнув по спине нагайкой и подогнал к веренице людей. Не останавливая обоз, спешился, споро прикуканил бедолагу в общую связку, заскочил на коня, снова хлестнул.

Швед понаблюдал за Шпилером, обернулся к Ольгерду.

— Рас жифой, теперь гофори, кто такоф? Шляхтиш? Сколько земля у ротственникофф? Сколько тенег за тепья тадут?

— Безземельный, — угрюмо ответил Ольгерд, про всяк случай подпустив к голосу слабины, что сделать, положа руку на сердце, было совсем несложно. — Был десятником у смоленского воеводы, а как как город сдали, ушел на вольные хлеба.

— Фидиш, Тмитрий! — произнес швед, обернувшись в сторону главаря. — Коворил я тебе, что толку с него не пудет. Нато было срасу заресать.

— Позабыл твой совет спросить, Щемила! — голос у главаря был сочный, чуть с хрипотцой и, на удивление, отдаленно знакомый.

Главарь подъехал к самому тележному борту, наставил на Ольгерда нехороший взгляд. Он оказался гораздо старше, чем выглядел издалека. Лет, наверное, пятидесяти. Лицо тяжелое, складки на лбу. Глаза карие, некрасивые. Взгляд не просто нехороший, — страшный.

— Что же делать с тобой, служивый? — после долгой паузы задал вопрос.

Ольгерд неопределенно пожал плечами. Пытаясь вспомнить, где видел этого человека раньше, он отчаянно тянул время.

Не дождавшись ответа главарь еще раз оценивающе оглядел лежащего Ольгерда с макушки до пят и ровным голосом произнес:

— Хочешь под мою руку? Жалованья я своим людям не плачу, но долю даю в добыче согласно заслугам. Ты воин опытный, будешь с нами — саблю верну, лошадь дам боевую вместо твоего одра. За рану не сетуй — время военное, а мы не смиренные богомольцы.

Главарь снова замолчал, теперь уже ожидая ответа.

— Подумать могу? — спросил Ольгерд, откидываясь на мешки.

— До вечернего привала, — коротко ответил главарь. — Дела предстоят большие, люди толковые мне нужны. Но и таскать с собой лишний груз нет резону.

Ольгерд кивнул. Главарь и его подручный Щемила, разом потеряв к нему интерес, вернулись в строй.

*** * ***

Но на следующем привале Ольгерд ответ дать не смог — рану на ноге растрясло так сильно, что он до утра метался в бреду. Ненадолго очнувшись уже неведомо каким по счету днем, увидел перед собой лицо Шпилера. Товарища по плену отцепили от кукана и приставили ухаживать за раненым, однако всех его лекарских познаний хватало лишь на то, чтобы менять повязки да помогать добраться до кустов на привалах, чтоб справить нужду.

День за днем странные разбойники двигались к неведомой цели по безлюдным лесным дорогам, обходя селения и высылая вперед летучие дозоры. По словам Шпилера шли они вторую неделю и, вроде бы на юг, в сторону степей. Приметив встречных, кто бы те ни были, в бой не лезли, прятались в чаще. Всего вернее — торопились на условленную встречу с татарами, чтобы продать ясырь. Об ольгердовом существовании словно позабыли, но он не обольщался на этот счет — не тот был человек главарь, чтобы запамятовать о своем предложении.

Наконец этот час наступил. Отряд двигался всю ночь, под утро стали на привал. Не успели Ольгерд со Шпилером сгрызть розданные на завтрак сухари и запить их водой, как к ним подошел Щемила. Выглядел подручный главаря празднично. На плечах у него алел красный короткий плащ, делавший хозяина еще больше похожим на палача, а на боку поигрывала чеканкой и каменьями отобранная у Ольгерда воеводская сабля. Посмотрел на пленных своим мясницким взглядом, корявя слова произнес:

— Тавайте-ка оба к костру.

— Нашто? — не желая безропотно подчинятся, сквозь зубы протянул Ольгерд.

— Ништо! — передразнил тот. — Тепе время дафали думат? Тафали. Тепер, конетц концоф, пора свой слофо сказат.

Щемила развернулся и пошел, огибая кусты, со спрятанными на день телегами. Опираясь на подставленное Шпилером плечо Ольгерд поковылял вслед за ним…

На тесной поляне, окруженной узловатыми приземистыми дубами, незнамо как выросшими посреди соснового бора, у кострища, сложенного из бездымного лиственного сухостоя, назревало необычное. Под деревьями выстроились конно-оружные разбойники. Напротив них гурьбился пеший полон. Заморенные многодневным маршем селяне напоминали стадо приведенных на бойню овец.

Не успел Ольгерд дохромать до середины поляны, как вперед выехал главарь. Словно полководец перед боем, он проскакал вдоль разбойничьего строя, остановился перед полоном, окинул вконец перепуганных людей долгим брезгливым взглядом. Заговорил.

— Ну что, волчья сыть. Прозвище мое уже все знают? Вижу что нет. Ну так вот. Душегубцем меня кличут. Тому, от кого я это услышу, конечно не жить. Однако ведать о этом имени моем все должны. Чтобы бояться и глупостей не творить. Уяснили?

Полон безмолвствовал.

— Фас спросили, уроты! — квакнул Щемила, оглаживая нагайкой конский круп.

Ответом ему был нестройный испуганный хор:

— Уяснили, вельможный пан!

Главарь недовольно поморщился и кивнул. Ольгерд изо всех сил напрягал память. То, что он уже видел этого человека, сомнений не вызывало. Только вот где и когда? Впрочем, это можно было выяснить и потом. Сейчас нужно было не оплошать, ведь от того, какой ответ он даст Душегубцу, зависела жизнь. Дать согласие решил почти сразу, но в разбойники он идти не хотел. Рассчитывал потянуть время, вылечиться, а как только сможет сесть в седло, дождаться оказии и уйти.

— Сегодня мы будем разделяться, — продолжал тем временем Душегубец. — Я пойду с ребятами в свой острог — отдыхать, да к следующему походу готовиться. Вы же, — он ткнул нагайкой в толпу, — к моим друзьям-татарам. На истамбульской верфи заложены новые большие галеры, и в Кафе за гребцов дают хорошую цену. Однако у некоторых из вас есть шанс послужить под моим началом. Вот ты! — он указал на всколоченного мужичонку, в котором Ольгерд с трудом признал давешнего разбойника. — Мне донесли, что в бойцы просишься?

— Как есть прошусь, пан Димирий, — закивал, тряся нечесаной, бородой разбойник.

— Чем на жизнь промышлял? Нам ведь гречкосеи без надобности.

— С путников в лесу брал мзду за проезд вместе с робятами.

— Лихоимствовал, значит?

— Ну можно и так сказать, пан Димитрий

— Саблей, копьем владеешь?

— Не обучены мы, ясновельможный пан. Все больше ножом…

— И скольких же ты "ножом"? — передразнивая испуганно-заплетающуюся речь разбойника спросил Душегубец.

— Та покамест никого, — смутился разбойник. — Так, разве что попугать…

— А у меня служить, стало быть хочешь? — голос Душегубца зазвучал вкрадчиво, почти ласково.

— В том готов крест целовать, ваше ясновельможество, — не замечая подвоха отвечал разбойник, подпустив в голос столько искренности, что даже Витебский настоятель, славящийся своей непреклонностью к прегрешениям вверенной паствы, немедленно отпустил бы ему все грехи.

— Вот и славно, — голос Душегубца чуть не сочился елеем. — Только крест-то мне целовать без надобности. У нас ведь другая клятва в ходу. Кровавая. А подойди-ка сюда, родимый…

Разбойник, еще ничего не понимая, сделал несколько шагов. Душегубец вытянул короткий нож, небрежно швырнул в траву. Вновь обернулся к полону, указал на дрожащего крестьянина:

— Вот этого. Он последние два дня на обе ноги спотыкается, с собой тащить-только время зря тратить.

Из строя выехали двое разбойников. Оттерли от толпы выбранную главарем жертву, подогнали к костру, сами стали осторонь, следя чтоб не пустился наутек.

— Ну? — почти ласково поинтересовался Душегубец.

— Чего яновельможный пан желает? — пролепетал разбойник. Судя по всему, он уже догадался, какое ему предстоит испытание, а дурачком прикидывался больше по холопской

привычке.

— Подними нож, пореши эту падаль, — терпеливо, словно учитель, повторяющий бестолковому школяру урок, произнес Душегубец. — Как закопаешь его — пойдешь для начала в обоз возницей. Откажешься, или кишка тонка — вернешься обратно в ясырь. Нам ведь чистоплюи не нужны.

По лицу разбойника пробежала недолгая тень сомнения. Он пустыми глазами поглядел на обреченного крестьянина, поднял глаза на Душегубца, коротко забито кивнул и пал на колени, рыская руками в траве. Отыскал нож, выставил его перед собой и пошел, раскачиваясь, вперед. Крестьянин, осознав свою участь, обреченно завыл, попробовал отскочить в сторону, но удерживаемый путами нелепо упал. Вжался в землю лицом, зарыдал, сотрясая плечами. Бандиты загоготали.

Разбойник не соврал — к смертоубийству привычки не имел. Однако старался, как мог. Подскочил, резким движением перевернул мужика, сел жертве на грудь, не давая вырваться, прижмурившись, сунул нож под ребро. Попал, к счастью ловко — крестьянин оборвал крик, охнул, выгнулся, чуть посучил ногами и затих. Полон замер, оцепенев от страха. Над поляной поплыла нехорошая тишина. Шевеля макушки деревьев, прошумел ветерок. Конь Душегубца переступил на месте и уронил в траву несколько яблок. Разбойник поднялся на ноги, вырвал пучок травы, хозяйственно вытер лезвие и протянул нож Душегубцу.

— Ну что же, испытание ты прошел, — кивнул тот, небрежно принимая оружие. — Теперь тащи этого в овраг, землей там прикинь, чтоб не нашли случайно и возвращайся. Скоро в путь.

Разбойник обрадованно кивнул, вцепился в ноги убитого, поволок по траве, оставляя след. Душегубец, мигом потеряв интерес к происходящему, тронул поводья, направляя коня в сторону Ольгерда. Подъехал, улыбнулся. Молча вытянул нож и кинул его в траву.

Молчал и Ольгерд.

— Сам выберешь или помочь?

— Выбирать не из чего, — спокойно ответил Ольгерд

— Что так? Боишься оплошать?

— Я воин, а не палач. На безоружных руку не подниму.

Строй разбойников отозвался угрюмым роптанием. Шпилер тихо охнул и зашептал что-то, очень напоминающее молитву.

Главарь взмахом руки оборвал разговоры. Немного подумал, снова нахмурился. Объявил решение:

— Ну что же. Ты слово сказал. Кровью не повязанный, ты мне без надобности. Ясырь из раненого тоже никакой, только припас на тебя тратить.

— Утафить? — спокойно, будто речь идет о чем-то обыденном, поинтересовался Щемила.

— А зачем? — махнул рукой главарь. — Тут на три дня пути в окрест ни единого селения. Он к завтрему и сам собой сдохнет…

Строй разбойников рассыпался, и на поляне началась суета.

Через полчаса, выстроив пленных и поменяв тягловых лошадей, разбойники продолжили путь. Ольгерд, позабытый всеми, сидел, опершись спиной о ствол необъятного дуба. Обернулись к нему напоследок только двое. Принятый в банду разбойник — с откровенным страхом, да Шпилер, словно прося прощения за то, что ничем не может помочь. Первого Ольгерд не удостоил внимания, второму ободряюще кивнул.

Поляна опустела. Стих за деревьями гул копыт, чуть погодя растворился в шуме листвы и скрип тележных колес.

* * *

Привыкая к одиночеству, он примерно с час посидел под деревом. Самого по себе леса Ольгерд особо не боялся. Ольгов, в котором он родился и вырос, окружали точно такие же чащи и перелески. Будь под рукой завалящая пищаль, не о чем было бы беспокоиться вовсе, но разбойники, уезжая, не оставили даже деревянной ложки-баклуши. Душегубец не зря свое прозвище заслужил — запретив добивать раненого, знал на что обрекает его, бросив в лесу. Не отпускающая боль в простреленной ноге держала страшнее любого плена и делала Ольгерда легкой добычей для хищного зверья.

Дело тем временем шло к полудню. Солнце выглянуло из-за веток, ударило в глаза. Ольгерд подвинулся, прячась в тень, краем глаза углядел, как что-то блеснуло в траве. В его положении и полушка-клад. Собрался с силами, терпя боль, захромал по поляне. Разглядев, улыбнулся с облегчением. Не оставил его Господь своей милостью, дал надежду уцелеть. Под желтыми цветочками медуницы валялся позабытый главарем нож.

Заостренный кусок кованого железа в руках человека умудренного будет пострашнее рысьих когтей, кабаньих клыков да медвежьих зубов. Потому что заменяет и то и другое и третье. Повертев головой по сторонам, Ольгерд выбрал молодое деревце с развилкой на конце, добрался до него, срезал, обрубил лишние ветки, подогнал по длине. Получился вполне удобный костыль, с помощью которого можно было передвигаться без упора на больную ногу. Попробовал ходить — под мышкой давило. Ольгерд отрезал подол у рубахи, намотал на рогатину. Навалился всем телом, сделал шаг-другой. Хмыкнул довольно — без упора на раненую ногу, хоть и черепашьим шагом, но можно было двигаться вперед. Не день и не два, пусть неделя — но выйдет если не на тропу, так к реке, что приведет его к людям. За пропитание не боялся — в лесу с голоду и слепой не помрет.

Вторым делом, чуть отдохнув, вырезал и заточил две крепкие дубовые остроги. Теперь, случись по пути речушка, можно и рыбы набить. Огнем бы еще разжиться и совсем хорошо. Но разбойники, взяв в плен, отобрали все что было при нем — в том числе и надежное походное кресало.

Уголек бы завалящий, подумал он, разглядывая чернеющее посреди поляны кострище, которое осторожные тати, уезжая, залили водой. Хотя, с чем черт не шутит… Ольгерд опустился на колени и начал ковырять ножом мокрые угольки. Расчистив площадку, те угли что посуше да покрупнее, разложил на солнышке. Пристроился сбоку, тихонько подул, подождал, подул еще. На двух угольках посерели пепельные бока, а по кромке засветило желто-красным. Подкинул сухой травы, снова подул. Над травой закурилась тонкая струйка дыма и через некоторое время заплясал огненный язычок. Огонь — это и тепло и свет, и защита от зверья. Но главное — горячая пища.

Оставив ненадолго бесценный костерок, Ольгерд привыкая заодно к костылю, допрыгал до деревьев, осмотрел стволы, нашел на одном нарост, ковырнул ножом, срезал, заглянул вовнутрь, довольно кивнул. Гриб-трутовик будет тлеть, сохраняя огонь, два а то и три дня, имея его при себе за огонь можно не опасаться. Кряхтя, обошел вкруг поляны, выдернул из мха с десяток белых грибов, вернулся к огню, поджарил на прутиках, пообедал. На сладкое обобрал примеченный еще с утра ежевичник и отправился в путь.

О месте своего нахождения Ольгерд не имел ни малейшего представления, потому решил двигаться по следу разбойничьего отряда. Не будут же они, в самом деле, до белых мух по лесам кружить, да от людей хорониться, рано или поздно выйдут в обитаемые места.

Шел, точнее скакал с длинными передыхами до самого заката. Как только солнышко

собралось на покой, сделал шалашик из еловых ветвей, развел костер, поужинал снова грибами и ягодами. Уснул сразу же, как коснулся головой пахучего елового ложа. Снов не видел. Проснулся после рассвета. Нашел росистую ложбинку, кое-как утолил жажду, продолжил путь.

Вроде бы шел сторожко, высматривая на деревьях следы от когтей, каким лесные хозяева метят свои угодья, но зверя все-таки проглядел. Вынырнув словно из-под земли, перед ним, загораживая проход меж двух сосновых стволов, расставив широкие лапы, возник волк. И не просто волк, а умудренный жизнью матерый волчище. Волк глядел на Ольгерда. Ольгерд в ответ, разглядывал возможного противника. А посмотреть было на что. Густой, словно зимний, черный вверху мех. Крепко сбитое тулово, широкая грудь, пальцы на комлистых лапах плотно сжаты. Лобастая голова с маленькими ушами и темными полосами вокруг белых щек. Хвост недлинный, в меру пушистый. В отличие от собачьего, волчий хвост не виляет и не топорщится, а потому намерений зверя не выдает. Пойди его пойми, чего задумал — то ли кинется, метя в горло, то ли, не желая рисковать, уступит дорогу и в один прыжок исчезнет в чаще…

Испуга особого Ольгерд не испытал. Волки в эту сытную пору в стаи не сбиваются. Делают это лишь зимой, когда голодно. Сейчас на дворе сентябрь, в лесу мелкой дичи с избытком, зачем ему человек? Но показать зверю зубы следовало в любом случае. Он медленно поднял и выставил вперед острогу. Волк в ответ прищурился, вздыбил загривок, но с места не сдвинулся ни на шаг. Ольгерд, набычился, сам сделал шаг вперед. Волк густо взлаял, словно пытаясь что-то сказать. В ответ ему из глубины леса донеслось разноголосое тявканье и подскуливание. Ольгерд вздохул облегченно и опустил острогу.

Теперь понятно в чем дело. Волки не охотятся близ своего семейного гнезда. Он собственными глазами несколько раз наблюдал на охотах, как серые полугодки мирно играют вместе с молодыми косулями. Но потомство свое лесные разбойники защищают отчаянно и жестоко, так что теперь нужно было дать понять главе семейства, что он не собирается обидеть щенков.

Ольгерд свернул с пути и двинулся в обход по широкой дуге. Волк постоял еще немного, словно убеждаясь в том, что от его единственного врага — человека не нужно ждать подвоха, и растворился меж деревьев так же неуловимо, как и возник.

Желая уйти как можно дальше от волчьего логова, Ольгерд двигался без привала до вторых звезд. Устал несказанно, разбередил больную ногу, но на земле ночевать не рискнул. К счастью, на пути подвернулся раскидистый дуб с низкими ветками. Забрался кое-как, выбрал место, устроился на ночлег.

Когда проснулся, подивился, как не грохнулся вниз. Тело ныло от неудобной позы, нога разболелась пуще прежнего. Сперва решил устроиться на долгий дневной отдых, но передумал. Похоже, что от раны началась горячка, а потому нужно идти, пока есть силы. Иначе погибель верная.

Шел долго, все медленнее и медленнее. Вначале от рощи к роще, позже от дерева к дереву. Не хотелось уже ни есть ни пить. Боль от ноги разбежалась по всему телу, а к вечеру его начал колотить озноб. Ночь хотел опять провести на дереве но и тут удача повернулась к нему спиной — пошел чистый, почти без подлеска сосняк, где нижние ветки начинались выше его роста.

На рассвете охвативший его морок ненадолго отступил. Но только для того, чтобы показать всю тщету дальнейших усилий. На толстом сосновом стволе, вершках в десяти от земли он разглядел ободранный участок. На следах процарапанных мощными когтями, застыли капли золотистой стволы. Такими метами волки отмечают свои охотничьи угодья.

Зверя, вынырнувшего из чащи он уже ждал. Поглядев серому в глаза, прочитал себе приговор. На самом-то деле волки больше не охотники, а падальщики. Главная для них добыча — больная дичь. То, что хромающий человек — не жилец, волку стало ясно гораздо раньше, чем

понял это сам Ольгерд. Несмотря на паморочное состояние, а может, именно благодаря ему, он читал волчьи мысли, словно с листа. Хозяин здешних чащ соблюл лесной закон, дождался пока Ольгерд не удалится от гнезда и не выйдет в охотничьи угодья, и теперь намеревался идти до конца. Но еще Ольгерд понял, что серый, явно умудренный жизнью и знающий что почем, все же не собирался за здорово живешь нападать на бредущего человека. Понимая, что он жив, пока стоит на ногах, Ольгерд собрал остатки сил и двинулся вперед.

Сколько продолжалась эта тягучая погоня он не знал. Волк следовал шагах в десяти, иногда ненадолго исчезал, но неизменно возвращался. Пару раз забегал вперед, заглядывал в глаза, словно оценивал — можно уже напасть или стоит повременить.

В какой-то миг, когда в голове снова ненадолго прояснилось, Ольгерду показалось, что деревья стали расти реже. Он обернулся. Волк, уже ничего не опасаясь, шел за ним в двух шагах. Ольгерд из последних сил ругнулся, переставил костыль, двинулся дальше, думая лишь об одном — не упасть. Но с каждым шагом удерживать собственное тело становилось все труднее и труднее. Наконец, сбившись с шага, он сделал упор на больную ногу и охнул от боли.

Все понявший волк, всерьез готовясь к завершению загона, обежал вокруг, и перегородил дорогу. Теряя сознание, Ольгерд глянул серому прямо в глаза. В выражении изготовившегося к броску хищника не было привычного хитровато-простецкого прищура. Он смотрел на добычу хмуро, оценивающе, видя в ней уже не живое существо, а набивающее брюхо горячее мясо. И это выражение было точь-в-точь таким, каким смотрел на Ольгерда главарь — Душегубец. По спине у Ольгерда пробежал мороз. Он вспомнил наконец, где видел раньше этого человека и он на время позабыл про боль и усталость.

По глазам полоснула вспышкой череда оживших воспоминаний. Тяжелые ворота отцовского городца словно сносит половодьем, и внутрь врывается озверевшая конно-пешая лава. Со всех сторон грохочут пищали. От факелов, заброшенных на крышу дома, вверх вздымается дымный столб.

Он, мальчишка, приехавший к родителям на лето из монастыря, где обучался чтению и письму, прячется в заросшем лебедой узком простенке меж баней и сараем. Неравный суетливый и заполошный бой мелькает перед ним криками и беготней. Он не сразу понимает, что валяющиеся то здесь то там бесформенные кули — это убитые люди.

Бой закончен, победители весело переговариваются друг с дружкой. Окровавленного отца подводят под руки к лошади. В седле — Душегубец, только моложе и злее, чем тот, с которым Ольгерд расстался несколько дней назад. Смотрит, ухмыляется. Бросает коротко:

— Удавить.

Дальше прикушенная губа, вкус крови, тело отца, извивающееся в приметанной к воротам петле. Мать, бросившаяся на обидчиков с охотничьим ножом. Выстрел и расплывающееся на сарафане пятно…

Покидая разоренный горящий двор, главарь оглядывается и смотрит прямо туда, где прячется Ольгерд. До смерти испуганный мальчик вжимается в лебеду, но не может сдержаться и поднимает глаз, перехватывая точно такой же взгляд, каким смотрит на него сейчас волк.

Волк отворачивается, недовольно рычит. Он удивлен и растерян. Потому что во взгляде у Ольгерда нет больше готовности умереть. Ольгерд знает, что должен выжить любой ценой. Для того, чтобы найти погубителя и отплатить ему кровь за кровь, смерть за смерть.

Ольгерд глубоко дышит, чтобы набраться сил и движется прямо на волка. Тот ворчит, еще не решив, уступать ли дорогу. Но здоровая нога цепляется за спрятавшийся в траве корень. Пытаясь удержаться на ногах, Ольгерд переступает. В ногу снова стреляет, теперь уже острой и нетерпимой болью. Он опускается на здоровое колено, одновременно с этим читая в глазах у волка принятое решение. Ощущая лицом движение воздуха от распластавшегося в прыжке

зверя, Ольгерд, почти не надеясь на спасение, выставил перед собой сжатую в руке острогу.

Волк, налетев плечом на заточенный конец, взвизгнул и отскочил. Сверкнул желтыми глазами, поднял верхнюю губу, показал клыки, припал на передние лапы и снова мягко, по-кошачьи прыгнул, метя прямо в горло.

В ноздри резко ударило мокрой псиной. Ольгерд, оттолкнувшись сдвинулся в сторону, но от удара уйти не смог. Острые зубы впились в предплечье. Волк рванул клок мяса, отпрыгнул. Боль была такая, что мир съежился до одних лишь желтых, осатаневших от крови звериных глаз.

Волк, прихрамывая, шаг-за шагом, подбирался к нему полукругом, готовясь к третьему прыжку, который теперь уж точно обещал стать последним. Ольгерд лежал, намертво сжав в руке последнюю свою надежду — найденный на поляне нож.

Потом случилось чудо. Зверь, напрягшийся уже для броска, прислушался вдруг к чему-то, рассержено заворчал, развернулся и, не оглядываясь, шустро запетлял меж деревьев. Едва серый хвост растворился в чаще, до Ольгерда донеслись неразборчивые голоса. Он смог, теряя сознание, разглядеть приближающиеся фигуры, но разобрать кто это — друзья или враги уже не сумел.

Над ним склонились, потом его, кажется, куда-то несли, но отличить где явь, где болезненный морок он уже не сумел. Деревья выстроились в две стены, кроны их соединились аркой и теперь перед ним тянулся длинный шепчущий тоннель, в дальнем конце которого, пробиваясь лучами сквозь ветки, бил яркий свет

Прошел может миг, а может вечность, в которые он чуть не зримо ощущал себя в самой близости от смертельной черты. Очнувшись на короткое время, увидел, что над ним склонился прекрасный ангел. "Стало быть, все-таки в рай" — разрешил он для себя давно назревший вопрос. И погрузился в черноту.

Пуще неволи

Ольгерд очнулся от споривших голосов и понял что жив. Голоса эти навряд ли принадлежали обитателям небесных сфер, и уж не ангелам — точно. Один — надменно-грубый, обращавшийся к собеседнику свысока, другой — тонкий, требовательный, пытающийся что-то доказать но, скорее всего, безуспешно:

— Рана с Антоновым огнем лечению не подлежит. И, ежели она расположена на конечности, то конечность сию полагается скорейшим делом отъять! — вещал надменный.

— Но ведь отъятие ноги, то бишь, ампутасион, в данном случае приведет к летальному исходу! — возражал тонкий. — На плече пациента рваная рана, он потерял много крови. Пациент изрядно ослаб и не выдержит операции.

Надменный фыркнул от возмущения:

— И что же наш знахарь предлагает в данном случае предпринять?

— Здесь помогут геруды, пан лекарь. Геруды, травяные притирки и укрепляющее питье!

В разговоре возникла пауза. Ольгерд было решил, что надменный, названный лекарем, обдумывает предложение тонкоголосого знахаря, однако ошибся. Лекарь просто набирал побольше воздуха в грудь:

— Если бы ты, шарлатан-недоучка, любимцем нашего сотника, то лежать бы тебе уж давно на лавке под батогами за этот спор! Так что иди отсюда подобру-поздорову. Сейчас вот мой слуга принесет инструмент, слуги сотника разобьют во дворе палатку, чтобы горницу кровью не пачкать, кликнем мужиков покрепче, чтоб раненого держали, зальем ему в рот горилки полштофа и приступим, во имя Христа…

Ольгерд, наконец, осознал, что речь идет не о ком-то а именно о нем. Перспектива остаться безногим калекой вызвала немедленный прилив сил и, он тут же раскрыл глаза.

Как выяснилось, надменный голос принадлежал носатому господину в шляпе с высокой тульей и запыленном с дороги цивильном платье. Обладателем тонкого голоса был невысокий круглолицый человечек на вид лет за тридцать, с широким приплюснутым носом и пухлыми губами. Человечек был облачен в подобие монашеской рясы, поверх которой была накинута перетянутая поясом свитка.

— Где я? — прошептал Ольгерд. — От слабости у него мутнело в глазах.

Тонкоголосый знахарь-шарлатан отреагировал на вопрос с неожиданной шустростью. Он округлил глаза и, не дав опомниться собеседнику, метнувшись к дверям, закричал с порога как резаный:

— Пан сотник, пани Ольга! Очнулся ваш найденыш!

Не успел возмущенный обладатель щегольской шляпы обернуться и раскрыть рот, как со двора в горницу зашли двое. Первым, наклонившись, чтоб не зацепить притолоку, через порог шагнул хмурый пожилой казак, чью могучую фигуру не скрывали даже свободные дорогие одежды. Вслед за ним впорхнула совсем молодая девушка с золотистой косой, спускающейся на грудь из-под наспех повязанного платка.

Хмурый казак угрюмо глянул сперва на лекаря, потом, чуть смягчившись, перевел взгляд на знахаря. Оба целителя, словно по команде, раздвинулись по сторонам.

— Кто таков? — подойдя к лавке, спросил казак.

— Наемный десятник соколинской хоругви Смоленского воеводства, — пересохшими губами ответил Ольгерд. Чуть помолчал и добавил. — Бывший.

— От Смоленска до места, где тебя подобрали верст пятьсот. Каким же ветром тебя на Черкасщину занесло?

— После сдачи Смоленска я не стал царю присягать, ушел со службы, ехал лесами в Киев. Попал в плен к разбойникам. Те, как узнали, что выкуп платить мне нечем, бросили в лесу…

— Ясно, — кивнул казак. — А как ты вот это мне объяснишь…

— Пан Тарас! — решительно вмешался знахарь. — Раненый в тяжелом состоянии. Ему не допрос сейчас чинить нужно, а немедля определить порядок лечения…

— Так определяйте! — громыхнул казак, названный паном Тарасом. — Вас тут аж двое лекарей, вам и карты в руки…

В разговор вступил, наконец, обладатель шляпы. Лицо у него оказалось одутловатым, нос крючком, глазки поросячьи. Ольгерд загодя решил, что бы не предлагал этот живодер — не соглашаться с ним нипочем.

— Как я уже говорил вашему протеже, — поджав губы произнес лекарь, — рана с гангреной смертельно опасна. Чтобы сохранить пациенту жизнь, требуется срочный ампутасьон, проще говоря, отъятие раненой конечности. Но мещанин Сарабун, зовущийся лекарем но, при этом никакого ученого звания не имеющий, утверждает, что сможет вылечить сего человека при помощи геруд, то есть пиявиц, притираний, да зелий непонятного происхождения…

— Этот самый Сарабун под Берестечком, где татары переметнулись к ляхам да разбили нас начисто, меня, израненного на себе с поля вынес, и выходил безо всяких ножей! — ответил казак. — Так что ему я верю я ему поболе, чем вам, армейским коновалам, хоть у вас лекарскими патентами все стены увешаны. — Лекарь вскинулся в непритворном возмущении, на что казак, сбавив тон, примирительно добавил. — Однако и ты, пан Стрембицкий, взят на кошт ко мне в сотню, не за красивые бумаги, а за то, что славишься твердой рукой да острым глазом. Многим казакам жизнь сумел сохранить. Получается и один прав, и другой. Так что не знаю, что уж тут и решить…

Казак, снова нахмурившись, замолчал, и тут же в разговор вмешалась притихшая поначалу девушка.

— Но ведь не кукла же перед нами бессловесная, дядюшка! Может самого его и спросим?

Голос у нее был звонкий, чистый, взгляд живой, чуть тревожный. Ольгерд тут же догадался, что это и есть тот самый ангел, которого он встретил в лесу.

— И то правда, — кивнул казак. — Ты, десятник, раз в чувство пришел, стало быть, значит сам и решай.

Решать-то Ольгерду особо было и нечего. Из спора двух лекарей он уже понял, что шансы на выздоровление: что с "ампутасьоном", что без, у него примерно равны. Точнее, почти никаких. А куда ему без ноги? В лучшем случае на паперть, где после многолетних кровопролитных войн от калек уже давно не протолкнуться… Он обернулся в сторону Сарабуна ткнул в него пальцем и едва шевелящимся языком вытолкнул в его сторону короткий хрип:

— Лечи!

Букли у сотенного лекаря Стрембицкого недовольно дернулись:

— Ну что же, как знаете, панове! Но помните, что я был против и сделал все, чтобы его спасти!

Ольгерд закрыл глаза. Его несло наваливающейся волнами болью, словно лодку в бурной воде. Кто-то приподнял голову и приставил к губам теплый глиняный край. Он потянул в себя горячее, с натугой глотнул. Отвар был со вкусом меда и терпких духмяных трав. Вскоре боль стала отступать и его окутала мягкая бархатистая дрема.

*** * ***

Полюбовавшись на затейливые морозные узоры, выросшие за ночь на оконном стекле, Ольгерд накинул полушубок и вышел на двор. Выздоравливал он до белых ноябрьских мух. Сперва и впрямь едва богу душу не отдал, однако хлопоты Сарабуна, взявшего на себя добровольную повинность по уходу за израненным десятником и, не в последнюю очередь, крепкое здоровье, помогли ему выкарабкаться из когтистых лап смерти. Пиявки, которых лекарь-самоучка отлавливал в приднепровских болотцах, несмотря на угрозы отстраненного от лечения сотенного лекаря, сделали свое дело. Вытянули из тела черную ядовитую кровь, не дали гангрене-антонову огню умертвить простреленную ногу. Но гораздо больше хлопот, как самозваному врачевателю, так и его нежданному пациенту доставило порванное волком плечо. Зашив рваную рану, Сарабун ежедневно менял повязки, густо умащивая их пахучими мазями и бальзамами, пока наконец, на месте следов от волчьих зубов не осталось лишь несколько бледных шрамов. Рука теперь чуть побаливала на смену погоды, но серьезных неудобств не доставляла.

Волею судьбы и черным помыслом Дмитрия Душегубца умирать его выбросили в Полесье, в дне пути от Лоева, селения бывшего Речинского повета Смоленского воеводства, захваченного у Литвы мятежными запорожцами. После недавней Переяславской рады это пограничное местечко, расположенное у места слияния Днепра и Сожа, приписали к Черниговскому полку, в котором и состоял сотником здешний царь, бог и воинский начальник — сотник Тарас Кочур.

Недели через две после того, как Ольгерд был привезен на хутор, убедившись, что спасенный выжил и поправляется, сотник удостоил его визитом. Зашел в комнату без стука, хмуро кивнул в благодарность за шустро поставленный Сарабуном табурет, после чего зыркнул на доморощенного целителя так, что тот пулей вылетел за порог. Присел, подобрав длинную саблю, чтоб не стукнула об дощатый пол. Спросил коротко, словно продолжая только что прерванный разговор:

— Значит литвин, говоришь?

— Литвин.

— Из шляхты?

— Безземельный.

— Что так? Младший сын?

— Старший и единственный.

— Московиты с вотчины согнали?

— В корень зришь, пан сотник. Я мальчишкой был, когда воры отца убили. Спрашивать никто не стал, прислали стрельца какого-то, отдали ему поместье.

Крякнул при этих словах старый сотник. Подумал о чем-то своем. Кивнул печально. Продолжил допрос:

— В Смоленске ты воевал, знаю. Мог ведь там к московитам пойти на службу. Царь Алексей всех к себе звал. Что не пошел?

— Просили уж больно лихо. С пушками да пищалями. А меня на испуг не уговоришь…

Ольгерд снова, уже подробнее, пересказал свою историю от ссоры с хорунжим и до последних лесных скитаний. Правда о том, что признал в главаре разбойников, Душегубце, кровного своего врага, он промолчал.

Сотник слушал внимательно, что-то молча прикидывал. Наконец, убедившись что его ненарочный гость именно тот, за кого себя выдает, хмуро кивнул:

— Про Душегубца от Белгорода до Риги только глухой не слыхивал. Ходит он с малым отрядом отборных лихоимцев, грабит села, бьет малые отряды, не разбирая где московиты, где литвины, а где казаки. На купцов нападает, полон берет хлеще татар. Живых оставляет редко, оттого и усомнился я сперва в твоем рассказе. Да все выходит по-твоему.

— Он и меня в живых оставить не собирался. Я ведь тогда уж ранен был и еле ноги переставлял, так что ждала меня смерть пострашнее петли и пули…

Сотник Тарас вновь задумался. Помолчал. Спросил, наконец, про то, зачем и пришел.

— Лекарь говорит, на поправку идешь. Что дальше себе думаешь делать?

— Мне бы оклематься немного, а там уж буду глядеть. Добро, что зашел, давно тебя за спасение поблагодарить хотел, — Ольгерд попробовал приподняться. Не смог, застонал от боли, откинулся на припасенную Сарабуном подушку.

— Не мне, племяннице моей спасибо говори. Это она тебя в лесу высмотрела.

О том, каким образом он попал на лоевский хутор, Ольгерд вызнал у словоохотливого Сарабуна. История его спасения оказалась проста и незатейлива. Ольга, племянница сотника Тараса, дочь служивого помещика, чьи земли находились где-то в в пограничных московских землях, похоронив отца, заложила имение и ехала на жительство к дяде. Верстах в двадцати от хутора остроглазая девушка высмотрела в лесу меж деревьев волка который, как ей показалось, терзает полуживого путника. Знакомство было до сей поры у них шапочное. Спасительница заглядывала в выделенную больному светлицу по несколько раз на дню, справлялась о том, как дела и, словно страшась разговора, мигом исчезала.

— Так чем же могу вас обоих отблагодарить за приют и спасение? — снова спросил Ольгерд.

— А что ты можешь? — усмехнулся сотник.

— Воевать. На коне или пешим. В поле и крепости. Стреляю вот хорошо. С недавних пор и минному делу обучен. Мало?

— В самый раз. Вот службой и отблагодаришь. У меня сейчас каждая сабля на счету.

— Рад бы, сотник, только слаб я еще для боя. Опять же, коня и оружие разбойники отобрали.

— Ништо. Ты мне в другом деле сгодишься — рекрутов натаскивать. Саблю тебе выделю из своих запасов. Еще дам пищаль, старую, но прикладистую. Она у меня счастливая, я с ней, когда на Сечи по молодости гулял, ходил в турецкий город Трапезунд, много трофеев привез… А коня для поездок можешь брать из моей конюшни, я холопов озабочу. Ну а дальше — как дело пойдет.

Дело пошло неплохо. Едва встав на ноги, Ольгерд выбрал из новобранцев два десятка парней потолковее, и вот уж пятую неделю вдалбливал в упрямые крестьянские головы непростую воинскую науку.

Ольгерд постоял на крыльце, оглянулся на добротный, выстроенный этим летом двухклетный рубленый дом, крытый отборным камышом — на славу поработали лоевские плотники для нового казацкого пана — и провел взглядом вдоль крепкого частокола, к воротам, у которых нес службу укутанный в тулуп охранник. За воротами, на огороженный жердями выгон, простирающийся вдоль заснеженного днепровского берега, поеживаясь, цепочкой тянулись врученные его попечению новобранцы. Ольгерд усмехнулся в усы. Нескладные парубки, нахватанные новыми панами по окрестным селам, мало напоминали его бывший, вышколенный не хуже шведских пикинеров, смоленский десяток.

Он возвратился в сени, подпоясал полушубок ремнем, повесил на бок саблю, забросил пищаль на плечо. Пройдя мимо охранника, спустился на выгон. На подходе к своему воинству расправил плечи, перешел на командирский шаг. При виде десятника хлопцы споро построились и теперь стояли в ряд, уперев в снег длинные жерди.

— Сегодня новый урок, — объявил с ходу Ольгерд. — Будем учиться, как пикой управиться против конных.

— Все пикой да пикой. А когда уже фузею дадуть? — прогнусавил из строя поповский сын

Олекса. — Долго ли дрекольем будем друг другу по головам стучать?

— Если вот к этой самой жердине прикрепить лезвие от косы, — ответил Ольгерд. — то будет у тебя альшпис, который в бою для врага опаснее бердыша. Вся хитрость в том, чтобы уметь строй держать да правильно с древком управляться. А фузею, тебе, попович, рано еще давать. Слухи ходят, что ты к плотниковой девке по вечерам шастаешь, а она тебя отшивает день за днем. Так что пока на палках тренируйся…

Нехитрая шутка Ольгерда утонула в громком смехе, больше напоминающем гогот гусей.

— Слушай! — оборвал он веселье, настраивая свою маленькую армию на предстоящие занятия. — Сегодня будем учить, как нужно пику в землю уставлять. Кто все делать научится правильно, тот скорее в бою уцелеет.

Приданые ему мальчишки в жизни не видели сражений, кровопролитнее деревенских драк, поэтому он не стал рассказывать, как страшен бывает удар тяжелых рейтар. Когда даже опытные воины, при виде несущейся на них сверкающей доспехами живой, изрыгающей ружейное пламя стены, бросают строй и бегут кто куда. Пойдут в бой, еще насмотрятся.

Впрочем, может уже и видели настоящий кровавый бой. Им всем здесь по семнадцать годков примерно, а шесть лет назад именно здесь, у Лоевской переправы князь Януш Радзивилл с малым, но отлично подготовленным войском, наголову разгромил посланную ему навстречу армию запорожцев. Казачий гетман тогда был взят в плен и умер от ран, а Радзивилл, имея склонность к красивым жестам, вернувшись с триумфом в Вашаву, бросил к ногам сенаторов и новоизбранного короля Яна Казимира, пятьдесят захваченных казацких хоругвей…

Учение началось. Хлопцы в учебных сшибках стенка на стенку уже смогли оценить важность плотного строя и относились к делу серьезно. Новобранцы перестроились по команде в два ряда. Первые опустились на колено, сомкнулись плечами, выставили жерди вперед. Вторые выложили свои "пики" первым поверх плеч. Получилась живая двухрядная ощетиненная стена. Чтобы такую снести, нужна рейтарская рота, либо кинжальный залп мушкетеров. Оттачивая навык, Ольгерд раз десять распускал и собирал строй, добиваясь, чтобы пики крепко упирались в землю и были склонены под одним углом.

Занятия подходили к концу, когда со сторожевой вежи раздался истошный крик.

— Едут!!! По черниговской дороге всадники движутся, с десяток человек!

Десяток — не рота, и уж тем более не маршевый полк. Даже если бы и появились здесь коронные войска, то шли бы они с другой стороны — от Мозыря, где сейчас литовский гетман с казаками воюет. Для разбойников тож не пора — зимой в лесу не заночуешь. Скорее всего свои, но ожидать можно всякого — война на пороге. Ольгерд мигом прекратил муштру, прогнал мальчишек в местечко, сам же вернулся на хутор, кликнул в ружье дворовых и зарядил пищаль.

Из дому выскочила встревоженная Ольга. В ее голубых бездонных глазах, плескался тревожный вопрос. Ольгерд мотнул головой, отгоняя сторонние мысли, рявкнул на нее нарочно-сердито:

— Сиди в доме! Если насядут — кликай девок с собой и немедля прячься в схрон!

Девушка понятливо кивнула и скрылась за дверью.

Ольгерд расставил стрелков, сам поднялся на вежу, сдвинул наблюдателя и до рези в глазах вгляделся в белизну заледеневшей реки, очерченную кромкой заречного леса. Высмотрел, что хотел, улыбнулся, махнул вниз рукой.

— Открывай ворота, отбой тревоги. Это пан Кочур домой возвращается!

Три недели назад, дождавшись, когда станут реки, лоевский сотник на свой страх и риск отъехал в далекий Чигирин, где держал свою ставку Богдан Хмельницкий. Тарас Кочур в свое время храбро сражался под рукой мятежного гетмана начиная со дня, когда тот, прибыв в Запорожье, вздыбил казачество кровью возвращать отобранные королем привилеи. Сотник

прошел всю войну без царапины, но был тяжко ранен под Берестечком, после чего за храбрость и пролитую кровь пожалован землями в только что отъятом от Литвы Полесье. Приехав в Лоев, Тарас первым делом поставил крепкий хутор и кликнул к себе охочих до земли запорожцев. Охочих оказалось в достатке, он набрал себе курень, потом другой. Усадив казаков на земле, скликал поместную раду и, как самый поважный казак, был выкликан поначалу в куренные атаманы, а вскоре избран лоевским сотником. В этом звании вместе со всей казачьей старшиной и присягал в Переяславе московскому царю.

Все бы ладно, но была в его нынешнем положении досадная неопределенность, вызванная в первую очередь неразберихой в устройстве земель Войска Запорожского. Старый сечевик, лично знакомый с Богданом Хмельницким, хоть и считался сотником Черниговского полка, однако в реестр казачьего войска внесен еще не был, и потому опасался, что сидя в лоевской глуши прозевает важные для себя дела и потеряет пост, которым он по праву гордился. Поэтому, не спросясь у недавно поставленного полковника, то бишь через голову своего прямого начальства, поехал "пошептаться" с давним другом, генеральным писарем Иваном Выговским. Чем закончилась тайная поездка, которой Тарас придавал очень большое значение, предстояло узнать в самое ближайшее время.

Под разнобойный собачий гвалт сани, сопровождаемые десятком гайдуков, въехали на просторный двор и остановились в десяти шагах от крыльца. Гайдуки спешились и повели лошадей в конюшню, а Тарас, как обычно, хмурый, откинул медвежью полость, встал, размялся, пожал руку подошедшему Ольгерду, засопел и молча протопал в дом. Кинул с уже с порога:

— Отдохну с дороги, уж не обессудь. А на обед заходи, будет у нас разговор… — Не успел он захлопнуть за собой дверь, как из сеней донеслись радостные ольгины крики.

*** * ***

Ольгерд пошел в пристройку — переодеться к столу. Скинул пропахшую потом рубаху, развернул свежую льняную вышиванку. Не успел надеть, как в комнату, отолкнув дверь животом, пыхтя и отдуваясь вошел Сарабун. В двух руках он держал большой горшок, над которым курился пар.

— Что, пан десятник, опять про лечение позабыл? — сказал лекарь, бухнув на стол посудину. — Эдак дело у нас не пойдет. Раз уж позволил, чтобы я тебя целил, так изволь все предписанное в точности исполнять!

— Надоел ты мне, хуже горькой редьки, — буркнул Ольгерд в ответ. — Слыхал же, что сотник прибыл, к обеду меня зовет. Недосуг, друже…

— Еще и какой досуг! — упрямо произнес лекарь. — Времени много не заберу. Пиявки по зимнему времени все закончились, так что остаются у нас для пользы телесной одни только притирания. Ложись на лавку, да разденься сперва. Ногу тебе разотру, плечо разомну с мороза. Али хочешь криворуким хромцом на старости лет остаться?

— Ты похуже Серка будешь, у которого я в казачках начинал, — Ольгерд, ворча больше для виду, стал стягивать только что надетую вышиванку. На самом деле на Сарабуна он не сердился. Понимал, что лекарь о пользе его печется. — Тот, как и ты, отговорок не терпел. Чуть что не так — за плетку хватался.

— Ну что ты, пан Ольгерд, какая плетка, — округлил глаза Сарабун, умащивая пахучей притиркой свежую выстиранную холстину. — Я и вилку-то в руках держать не обучен. А уж плеть или оружье какое…

— Ври больше, ты в бурсе школярствовал. Неужто не наловчился хоть палкой махать? Все

бурсаки — драчуны отчаянные…

— Не был я в школярах, я в коллегию киевскую поступал, — обиженно засопел лекарь. — Не приняли по бедности и худородию, пришлось у коновала куреневского в подручных ходить, там и премудрости врачевания постигал. Так что бурсацкому ратному делу уж прости, десятник, не обучен. Зато книг лекарских прочитал поболе, чем многие коллежские братчики трактирных счетов изучили…

Шутливо препираясь с пациентом, Сарабун споро втер ему в раненые места свое пекучее зелье, о составе которого отказывался говорить даже под угрозой отрезания ушей, насухо вытер порозовевшую ольгердову кожу, помог надеть вышиванку, подал кунтуш. Лекаря на хуторе все любили. Несмотря на отсутсвие медицинского патента, был он мастер непревзойденный, при том не заносчив и характером незлобив. А постоянное желание услужить шло у него не от холопской угодливости, но из потребности быть полезным для всех.

Избавившись, наконец, от прилипчивого медика, Ольгерд прошел в горницу. Тарас Кочур, вольготно раскинувшись за столом, грелся с дороги медовым настоем. Кивнул на пустую кружку, плеснул в нее из кувшина, двинул к Ольгерду:

— Выпей, рассказ будет некороткий.

Новости, что привез сотник из войсковой канцелярии, оказались неутешительны.

— Хмель и в молодости легким нравом не отличался, а сейчас, когда седьмой десяток разменял, и вовсе стал тяжел, как секач-двадцатилеток, — поведал он, двумя глотками опустошив кружку, вмещавшую добрых полштофа. — А тут еще жена его новая, Ганна Пилипиха. Пилипиха-то она по первому мужу, добрый был полковник, царство ему небесное, а в девичестве она звалась Золотаренко. Оворожила она старого лиса. Рассказал бы мне кто, плюнул бы в глаза, а так сам видел, что слушает Богдан Ганну, словно конь седока. А уж она рада стараться, братьев своих в люди выводит. Так что теперь у нас, куда ни плюнь, одни Золотаренки да их свойственники. Старший брат Ганны, Иван, наказным атаманом поставлен, в Литве воюет.

— Знаю, кивнул Ольгерд. — Самого не встречал, но слышал. А вот хлопцев его мы с литвинами бивали раз-другой…

— Да господь с ним, — отмахнулся досадливо Кочур. — Не в нем самом дело, а в том, что новым Черниговским полковником он тестя пристроил. Теперь Ванька Выбельской, которого я как облупленного знаю, спит и видит как бы на Лоев вместо меня своего человечка посадить. Иван-то Выговский, мой должник, я его после Желтых Вод ездил из татарского плена забирать по приказу Хмеля. Он по старой дружбе стал мне помогать, подготовил грамоту с назначением, понес на подпись, да похоже что батьке Хмелю Пилипиха уже нашептать успела. Как прочел он про "Лоевскую сотню", лицом посерел: "Там, — кричит, — под Лоевым, когда я Збараж осаждал, лучшие казацкие полки полегли. А вы, шмарогузы ободранные, хотите чтоб этим позорным именем казацкая сотня звалась!" — с такими словами порвал он в сердцах бумагу и клочки растоптал. Такие вот, Ольгерд, дела.

Ольгерду нравился старый казак и он ему искренне сочувствовал.

— Так что же, сотни теперь не будет?

— Да будет, как не быть. Если есть земля, то должен на ней быть начальник, это и гетман понимает. Остыл батька Хмель и подписал на другой день Выговский мое назначение. Только вот зваться будет сотня теперь не Лоевской, а Любецкой.

— Ну так поздравляю, пан Тарас!

Они чокнулись и снова опрокинули кружки.

— Пока что не с чем. Говорю же, что у Выбельского на мое место свой человек припасен. Так что главная драка еще впереди.

— Что же, придется теперь в Любеч перебираться?

Лицо у старого казака скривилось так, словно он раскусил червивую грушу-дичку.

— Пустой это городок, нищий, как костельная мышь. Земель у меня там нет и делать там нечего. Лоев и покрепче и побогаче. Пока что здесь посидим, а потом, ближе к осени, видно будет. Многие из казаков Золотаренками недовольны — уж больно прытко детки выкреста-ювелира в казацкий род обратились. А кто шустро вверх взметается, тому и падать больнее. Поглядим еще, как дело повернется.

Разговор прервали дворовые девки. Испуганно поглядывая на сурового сотника, начали хустко заставлять большой стол блюдами и глечиками.

Закусили крученниками, квашеной капустой, запеченным в глине восьмифунтовым глухарем да добрым шматом соленого сала. Выпили еще по одной. Старый сотник ощутив домашний уют, оттаял, позабыл на время о делах, кликнул к столу захлопотавшуюся племяницу.

— Посиди с нами, Оленька.

Та, смущенно косясь на Ольгерда, примостилась на дальнем конце.

— Ну что, доченька, я ведь и о тебе не забыл. Заехал в Киев справил там все бумаги. Закладную в Киеве приняли, вексель написали. Так что приданое твое никуда не денется.

Девушка покраснела до корней волос.

— Мне ли о приданном думать, дядюшка?

— Кому, как не тебе, — рассмеялся сотник. — Вот закончится война, вернешься домой — к тебе самые знатные женихи со всей округи сбегутся. Будет из кого выбирать…

— Не нужно мне выбирать никого, — еще больше смутилась девушка. Стрельнула сторожко глазами в Ольгерда, вскочила и тут же, сказавшись на пригорающую стряпню, сбежала. Вскоре из-за стены донеслись смешливые девичьи голоса.

Ольгерд, послужив в свое время в торговой Ливонии, знал толк в бумажных делах. Услышав о закладной и векселе, покачал головой.

— Зачем же имение заложили? Обдерут ведь купцы-банкиры…

— А что с ним делать? — нахмурился сотник. — В тех местах житье опасное, воров полно по лесам, что на Дон бегут, да и татары за Засечную черту все еще просачиваются, по ясырь. Ну а как брат-то мой помер и вовсе житья не стало. Земли те под московской рукой, кругом стрелецкие поместья, холостых да вдовых не счесть. Украли бы племянницу, да обвенчали насильно.

Они опорожнили кувшин, подтянули поближе новый. Пышущая жаром раскаленная печь и духмяная медовуха расположили к душевному разговору.

— Ты, пан сотник все же объясни, — решился спросить Ольгерд. — Как так получилось, что сам ты запорожец, а твой брат покойный — московский стрелец?

— Не родным мне братом был покойный Иван, а единоутробным. Мать у нас одна, а отцы разные. Мы в Сумах жили, батько казачил на Сечи, погиб в турецком походе. Мать хороша была собой, долго не вдовствовала, вышла замуж за проезжего стрельца. Он нас забрал к себе в Тверь, там Иван и родился. Мамке хорошо там было, любил ее отчим, да и хозяйство справное держал. Я же у московитов не прижился, как четырнадцать годков стукнуло, ушел, не спросясь, на Сечь — батьковой славы добывать. Так и закрутилось. То в Порту с набегом, то татарам брюхо пощупать, то польскую шляхту жечь. Потом, много позже, решил родню навестить. Приехал в Тверь, да не застал никого. Отчима под Брянском убили, мать померла, а брат Иван стал разбойником, в воровской шайке по лесам гулял. Где его искать? Только после ранения, когда хутор здесь получил, проведал я случайно о нем в Чернигове. Оказалось Иван мой давно уж с прошлым порвал, покаялся, в стрельцы попросился, получил землицы там, где раньше

разбойничал, осел, женился на местной красавице, Ольга у них родилась. Да только, поговаривают, земля досталась ему несчастливая. Съездил я к ним в гости, а Иван, когда я его увидел, был уже не жилец. Ела его черная хворь, да больше душевная тоска. Все каялся он за прошлое, кровь убиенных с души своей грешной смывал. Похоже, так и не смыл. Мать Ольги при родах померла, сам он жил без счастья, умирал тяжко. Я не видел, но племянница рассказала говорила — долго, в мучениях отходил. Дело было в грозу, кричал он страшно, пока глаза не закрыл. Ну да Бог ему судья…

Оба надолго замолчали, думая каждый о своем. Ольгерд вспомнил о девушке, про себя подивился. Досталось ей, стало быть в жизни немало. Матери не знала, отец, бывший тать, помер на руках. Вот почему на хуторе так легко все хозяйство потянула — дело привычное.

— Ладно, это все дела наши, домашние, — справившись с чувствами, продолжил Тарас. — Для тебя новости неплохие. Вместе с патентом на сотню получил я казенный кошт на десяток конных полчан, чтоб гарнизоном при мне стояли и порядок держали по селам и местечкам. На всех дают лошадей, оружие, фураж да боеприпас, к рождеству в Чернигов забирать поеду. Так что давай, записывайся в сотню. Поначалу будет жалование, конь да ружье. Позже, как начнем здешние земли к рукам прибирать, поставим тебя в реестр. Хутор свой заведешь, соседом станешь…

Вскинулся Ольгерд от этих слов, будто плетью его ожег старый сотник.

— Мне поместье с гетманского плеча без надобности. Есть у меня своя вотчина!

Тарас сочувственно вздохнул, заговорил рассудительно, словно с дитем неразумным.

— Вотчина твоя где, говоришь — на Курщине? Так там ведь уже давно на нее царев человек посажен. Тебе, литвину, чтоб отчие земли вернуть, нужно дождаться чтобы Речь Посполитая снова, как при Смуте, Москву повоевала. А пока что, сам видишь, оглобля в другую сторону смотрит. Воюет царь Алексей Литву, навсегда воюет. Сказывали в Чигирине, Шереметев взял Витебск и Могилев, а сам кесарь русский на Вильно двинулся и со дна на день город возьмет. Поверь старому казаку, после того, как примет под руку русский царь всю литовскую шляхту, не видать тебе отчих земель, как ушей без зерцала. Так что смирись, обиду поглубже в себя загони и бери, что дают. Это сейчас тебе новые поместья кажутся с гетманского плеча подачкой. Жизнь пролетит — глазом моргнуть не успеешь, и станут земли эти детям твоим и внукам родовой уже вотчиной. Так что соглашайся, сынок.

Помолчал Ольгерд перед тем как сотника обидеть. Спасителю своему отказывать не хотел, но давно уже принял решение: как первых новобранцев вышколит — уйдет из Лоева. Мысль у него была одна — сходить на войну, талерами разжиться, да успеть выследить Душегубца, пока того не изловили стрельцы из разбойного приказа. Каждый вечер, закрывая глаза, он видел родной Ольгов, отчий двор и кол, в землю вбитый на том самом месте, где стоял тогда конь погубителя, а на колу Душегубца, умирающего в страшных муках…

Он вдохнул, чтобы вымолвить слово отказа, после которого останется лишь собрать пожитки, но осекся от нежданной помехи.

— Дядюшка! Ольгерд! — в дверь залетела с Ольга. Улыбнулась, как жемчуга показала. — Морс клюквенный горячий поспел. Велеть чтоб подали?

— Вели, дочка, — растаял сотник. Глянул на Ольгерда со значением, усмехнулся себе в усы. — Наш Сарабун глаголит, что напиток сей для здоровья весьма полезен. А уж после тяжких ран — особо. Мы тут сейчас уж совет свой закончим, так что давай, к столу приходи. Подарки, что в Киеве взял, буду тебе показывать.

Девушка всплеснула руками, зарделась и кинулась обратно хлопотать. Совсем было ушла, но вдруг обернулась и бросила на Ольгерда озорной быстрый взгляд. Перехватил его Ольгерд. В стол потупил глаза. Приготовленный отказ застрял вдруг комом в горле. Он нахмурился,

глотнул из кружки медовухи и, сам себе удивляясь, словно мыслей иных не держал, выговорил рассудливо:

— Что же, пан сотник. Прав ты, как ни крути. Нечего за журавлем гоняться, коли синица в руки сама летит. Пойду я к тебе на службу.

Разгладились морщины на лбу у старого казака: чуял, видать, что может и отворот получить. Крякнул Тарас довольно и потянул саженную руку в дальний конец стола где, в окружении копченостей и солений, дожидалась своего часа бутыль доброй горилки.

*** * ***

С тех дней, когда Ольгерд ушел из Смоленска, прошел без малого год. Проскочила бегом зима, пришла весна, вздыбила воды Днепра и Сожа, понесла хрустящие льдины к далекому Запорожью, выплеснула речные воды на заливные луга. Потешив рыбаков, сошла полая вода и поднялись на выгонах густые сочные травы. С купальскими забавами пришло мягкое полесское лето.

С кочуровского хутора, не желая стеснять хозяев, Ольгерд съехал еще весной. Выискал в городишке мещан с просторным домом и доброй стряпухой, определился на постой. Квартирантом он был спокойным. Жил тихо, безобразий не чинил, уезжал часто, платил щедро, благо жалованье в три сотни талеров, — в нищем Полесье деньги громадные, — позволяло не скопидомничать. Жизнью нынешней был он вполне доволен, единственное, чего не хватало, так это ольгиных разносолов. Да, положа руку на сердце, и самой девушки, к которой он за время жизни на хуторе прикипел душой. Потому, хоть до стрельбы по дичи был равнодушен, прознав, что сечевики-ветераны со всей округи задумали большую многодневную охоту под Любечем и берут с собой жен да детей, сам напросился в сотникову свиту.

Раны у Ольгерда давно прошли и он с головой ушел в войсковые заботы. А дел наемника-компанейца было невпроворот. Вышколив первый свой десяток и передав его новому казаку лоевского коша, Ольгерд отобрал самолично очередных новобранцев, и снова гонял их семью потами, перемежая наставнические дела с гарнизонной и волостной службой. Возглавляя охранников-гайдуков ездил с сотником Тарасом то в Любеч, то в Чернигов то в Нежин. Мотался по приписанным к сотне селениям, грамоты старостам развозил, подати собирал. Два раза раз ходил на объявившихся по лесам разбойников. Была это сугубая мелочь: беглые холопы всех мастей, да дезертиры, от голода да с отчаяния нападавшие на запуганных полесских крестьян. Разговор с пленными был коротким — опушка леса вблизи села, чтоб видели холопы, как новая казацкая власть про них печется, сук потолще, да веревка покрепче. Все надеялся повстречаться с Душегубцем, да не пришлось. Пропал загадочный Димитрий, словно в воду канул — то ли затаился после большой добычи, то ли погиб.

Добравшись до поляны, где раскинулся охотничий лагерь, Ольгерд спрыгнул с коня, бросил повод недавно заведенному джуре, огляделся. В дальнем конце под присмотром казачков пасся целый табун скакунов, один другого краше — собравшиеся казаки не бедствовали и в лошадях толк знали. Чуть в сторонке, выложенные в два ряда, проветривались седла — простые невзрачные и богатые, расшитые золотом и серебром. Ближе к нему, под деревьями вразнотык стояли телеги, на одной из которых сидела, болтая алыми сафьяновыми сапожками, Ольга.

Первый загон еще на рассвете провели хозяева, любецкие казаки. Подняли с болотца загодя присмотренное кабанье стадо, положили свинью и двух секачей, так что приехавших к полудню у гостей ждали вывешенные на суку освежеванные туши, под которыми, приготавливая обильный обед, суетились дворовые люди. Ольгердовы копейщики, сменив пики на окованные

железом рогатины, были отправлены в загон под руководством Олексы Поповича, давно уж ставшего правой рукой бывшего десятника. Самого же Ольгерда Тарас, углядев, немедля вытребовал к столу.

Одобрительно поглядев на бурлящий пятиведерный казан, от которого шел кружащий голову аромат сдобренной травами отварной дичины, Ольгерд направился к персидскому ковру, уставленному бутылями да блюдами, вокруг которого, ожидая начала пира, расположились казаки. Все это были зрелые мужи, с властными мясистыми носами и шрамами на суровых обветренных лицах. Сечевики, с малых лет не знавшие другого промысла, кроме войны, имевшие собственные владения, но считавшие дни до весны, когда сойдет распутица, чтобы оседлав коня, отправиться в Запорожье, где ожидает их новый поход.

Многих из тех, кто сейчас, развалившись у походного стола пил вино, горилку или посасывал на турецкий манер, редкую, но помалу входящую в обиход люльку с кислым табачным листом, он уже знал. Из Черниговского полка — седневский сотник Яков Полежай и слабинский, Иван Тризна, Семен Герасименко из Ични, бывший борзнянский полковник Самойла Курбацкий, да Савва Мишуренко из Батурина. Были еще кошевые атаманы из разных мест, и простые реестровые казаки, знакомые и незнакомые, в общей сложности десятка полтора числом. Всех их, насколько былОльгерд посвящен в непростые расклады казацкой старшины, объединяло две вещи — сечевое братство и недовольство нынешним своим положением. Старый Тарас намекнул перед самым выездом, что затеянная охота была лишь предлогом. Для всех объявили, будто видели в здешних глухих местах редкого белого зубра, на самом же деле лоевский сотник хотел вдали от чужих глаз и ушей потолковать с верными, проверенными людьми.

Война, начатая русским царем, судя по всему, подходила к концу. Со взятием Вильно Литва склонилась под стрелецкими бердышами, а гетман Радзивилл, примеряя корону великого князя, вел со шведами переговоры о конкордате. Новый шведский король Карл Густав вторгся в коронные земли Польши и занял ее, почти не встречая сопротивления шляхты. Его гарнизоны уже стояли в Варшаве и Кракове. Мало кто сомневался в том, что Речь Посполитая, недавно еще раскинувшаяся от Черного до Балтийского моря, доживает последние свои дни. А потому нужно было думать, как жить дальше.

Большой кровью достались мятежным запорожцам земли и привилегии, и многие опасались, что присягнув русскому царю они, вместо того, чтоб спокойно управляться на новых своих маетках, попадут из легкой варшавской упряжи под тяжелый московский хомут.

Что говорить, русский царь стелил пока мягко. Число реестровых казаков положил такое, что хоть каждый день ему свечки ставь во здравие — в шестьдесят тысяч сабель против тех шести, что оставил польский король. Хлебное жалованье казакам установил, войску дал в походах погулять, на Литву воевать взял Ивана Золотаренка, а с ним двадцать тысяч сабель. Но казаки, новые хозяева Украины себя уже ощутили шляхтой, со своими собственными вольностями и сеймами, а потому, наглядевшись на жизнь московских стрельцов, безропотно подчинявшихся царской воле, стать служивыми людьми не рвались. И все было бы хорошо, если бы не окончательно утвердившаяся в ближайшем круге старого, почти все время хворающего гетмана Богдана-Зиновия чужая, "нехорошая" семья корсунских мещан Золотаренков. От том и шел застольный разговор.

— Старший Иван в Литве гетманствует, — рокотал, размахивая в руке кружкой, Самойла Курбацкий. — Мало ему Корсуня и Нежина, скоро и Оршанский бунчук над собой поднимать велит…

— Младший, Василь, в Нежине командирствует, — кивал, посасывая люльку, Иван Тризна. — А тесть Ивана на Черниговский полк поставлен. Если и дальше так пойдет, то вскоре

все земли, от Гомеля до Путивля станут вотчиной этого выкрестового племени.

Завидев приближающегося Ольгерда казаки примолкли, но Кочур махнул рукой:

— Это мой человек, надежный. Это как раз тот, кто нам и нужен: сам литвин, да казакам служит верно. Присядь, сынку, послушай старых ворчунов. Может что дельное нам подскажешь, а глядишь и сам помочь сможешь…

Ольгерд опустился в траву. Ему немедля подставили кружку, дали подсоленную краюху.

— Будьмо!!!

Добрая горилка обожгла горло, огнем растеклась по жилам.

— Знаешь ты, что нас всех здесь тревожит, — закусив, обратился к Ольгерду сотник. — Вытесняют нас, сечевиков, из старшины казацкой Золотаренки. Метят гетманство получить на все верхние земли, своих людей по кошам расставить, да к московитам перебежать.

— Знаю, — кивнул в ответ Ольгерд. — Та только чем помочь-то могу?

— Из всех Золотаренков опаснее других Иван. Пилипиха — гетманова шея, куда повернет, туда Хмельницкий и смотрит. А вот брат ее — это сила нешутейная. Законный наследник Хмеля во взрослые года еще не вошел, если, не приведи Господи, батька наш богу душу отдаст, то станет названный дядька Иван при нем регентом. Быть тогда Войску Запорожскому "Малою Русью" а нам, вольным казакам, служивыми людьми. Так что нужно, братья, решать, как Ивана остановить. И решать немедля, до того, как он с победой в Чигирин возвратится…

— А что тут думать? — Хлопнул по ковру огромной своей лапищей Яков Полежай. — Человека верного найти, чтоб пищаль в руке держать умел, да и вся недолга. Охочих-то только кликни. Лютует Иван на Литве. Зверствует на Гомельщине и Могилевщине. Людей из сел силой забирает, грабит мещан. Девок его казаки попортили без числа, а тем парубкам да батькам, что за обиженных вступались, головы секли без разбору. Ропщут литвины на Полесье, за топоры берутся. С весны уже по деревням без гайдуков и не поездишь, сами знаете. А нам ведь здесь жить и порядок держать. Мы эти земли взяли не для того, чтобы ободрать селян да мещан, словно загнанных кабанов — он туда, где висели разделанные туши, от которых остались лишь головы да хребты.

— Многие Ивана проклинают, — кивнул Тарас Кочур. — Да только мало кто будет согласен, в него стреляя, живот положить. Ведь как пить дать, порешат убивца на месте гайдуки. Что скажешь Ольгерд?

Ольгерд по службе в соколинской хоругви не понаслышке знал о золотаренковских зверствах, потому страхи заговорщиков разделял. К тому же сотник Тарас метил в черниговские полковники, и стремление это Ольгерд одобрял всецело. Глядишь, самому в есаулы удастся выйти. Подумал, пожал плечами ответил рассудительно:

— Слышал я, в Литве ходят слухи, будто бы наш наказной гетман — оборотень. Ксендзы проклинают его по костелам, а селяне, как в лес идут, обереги надевают, да осиновые колья припасают. Это мне мой ополченец, Олекса попович, сказывал. Брат его двоюродный в Быховском костеле на органе играет, так недавно с оказией письмо прислал, будто сам Иван Золотаренко его молодую жену насильно взял, свел из дому и татарам продал. Дать поповичу добрую пищаль, посулить денег побольше, да реестр, и отправить тайком в Быхов…

Сидящие за столом одобрительно закивали. Высказался за всех Тризна.

— Складно мыслишь, парень. Золота мы на такое дело не пожалеем. Сможешь его уговорить? Не обидим и тебя. Только, если дело откроется — не обессудь, мы откажемся от всего, так что ты будешь зачинщиком. Согласен ли?

— Почему нет? — снова пожал плечами Ольгерд. — как обратно вернемся, я с ним и погутарю…

— Ну, вопрос решенный, братове, — кивнул Тарас, довольный своим любимцем. — Теперь

давайте думу думать, что делать будем, когда от оборотня избавимся? Батько Хмель может и сам от такой опеки освободиться будет рад, да только за свояка по-любому разлютуется.

— Будем поднимать Черниговский и Нежинский полк, черную раду скликать, новых сотников да полковников ставить…

Ухмыльнулся батуринский полковник, сказал непонятно:

— На черную раду нужен бы Черный Гетман.

Все разом замолчали и сторожко поглядели на Ольгерда

— Пойди, сынок, погуляй, — чуть не ласково вымолвил Кочур. — Тут у нас свои дела, в которые допускать того, кто на Сечи посвящение не прошел, казацкий обычай не дозволяет…

Ольгерд не обиделся. Знал, что у казаков много тайн и поверий, которые они берегут пуще глаза. Зашагал в сторону лагеря, размышляя. Думать-то ему никто не мог запретить…

Что такое черная рада он знал. Так у запорожцев назывался сейм, куда допускались, помимо старшины, простые, "черные" казаки. В ловких руках подобное сборище могло оказаться страшной, кровавой силой, и порой завершалось тут же жестокой казнью неугодных. А вот по "Черного Гетмана" он слышал сейчас впервые. Всколыхнулось в душе нехорошее, будто прикоснулся к чему-то такому, чего лучше не ведать вовсе. Больше знаешь-крепче спишь. "Черный Гетман, Черный Гетман. Да что же это такое прах его побери?"

Обрывая мысли, с верхушки разлапистой ели истошно застрекотала сорока. Ольгерд завертел головой, прислушался, пытаясь понять, кто — человек или зверь приближается к их поляне? Ухо разобрало в шуме веток недобрый рокот многих копыт.

Татары!? Нет. Неоткуда им взяться. Места дальние, кругом заставы, да и что им здесь делать, когда повел крымский хан своих мурз в Подолию, на помощь Яну Казимиру? Рейтарам радзивилловым в лесу тоже взяться неоткуда — они в полях воюют. Но ведь шум-то стоит такой, будто по лесу ломит не меньше сотни тяжелых конников!

Вопрос разрешился в минуту. Меж деревьями замелькали огромные тени: если это и были татары, то скакали они не иначе, как на медведях. Еще миг, и под истошное ржание лошадей на поляну выплеснулось ревущее бурое стадо. Всполошенные загонщиками зубры — по большей части коровы с телятами, меж которых затесалось два могучих быка, мчали вперед, не разбирая дороги и сметали все на своем пути. Ольгерд вскинул заряженный карабин, выстрелил, не особо и целясь. Тяжелая пуля ушла в стадо, не причинив ему заметного вреда, словно камушек, брошенный в глубокие воды.

Гривастые рогачи с горбами выше человечьего роста, взметая россыпи искр, с разгону налетели на костер — словно пустое ведерко, отлетел вбок неподъемный казан, а от бычьего рева, казалось раздались в стороны сосны. Обожженные и ошпаренные исполины рассыпались кто куда по поляне и заметались меж кремезных стволов. Вскоре рев быков смешался с храпом насмерть перепуганных лошадей.

Привычные ко всему казаки быстро пришли в себя. Попрятались за деревья, выставили вперед ружейные стволы, дали залп. Но толку от запоздалой стрельбы было не больше, чем от ольгердова карабина: поздно вешать замок, когда коней со двора свели. Стадо испуганных зубров, наконец, растворилось в густом лесу. Поляна оказалась безнадежно разгромленной, будто бы через нее прошла, не разбирая дороги, многотысячная татарская орда.

— Ну, кошевой, ты к меня попляшешь! — по-хозяйски загромыхал откуда-то с кроны дуба Тарас Кочур. — Не егеря у тебя, а калеки убогие. Куда загонщиков поставили? Почему в рог не трубили, когда стадо погнали?

Перемежая брань с четкими командами, лоевский сотник спустился с дерева и стал наводить порядок. Джуры со штопорами наголо заметались меж стволов, высматривая выпущенные пули. Слуги по новой разжигали вытоптанный костер, бегали к ручью за водой,

собирали разбросанный провиант: война войной, а обед по расписанию. Казаки, покрикивая на джур и холопов, отправились искать рассеянных по лесу лошадей.

Ольгерд, не дожидаясь приказа, кинулся в березняк, где был оставлен обоз. Ко всеобщему облегчению, то место, где ожидали казацкие дочери и жены, стадо проскочило стороной, саженях в двадцати, но в том, что там все в порядке следовало убедиться самому. Мало ли что случилось… с Ольгой…

Он прошел мимо перепуганных вусмерть казачек, оглядев всю рощу от начала до конца, но кочурову телегу не обнаружил. Напряг память, нашел все же то самое место, но теперь там были одни лишь переломанные кусты. Спина его похолодела. Значит не успел ленивый возница лошадь распряч, вот оноа, зубров заслышав, и понесла!

Не дожидаясь, пока соберут лошадей, Ольгерд забросил за спину карабин и, в поисках пропавшей телеги, бросился прочь от лагеря. Следов, к счастью, было в избытке. Сломанные ветки и развороченный мох быстро привели его к длинной и узкой, словно проторенный тракт, прогалине. Колея, оставленная в примятой траве, показывала, в какую сторону понесла лошадь. По открытому месту она могла уйди и за три версты. Сберегая силы, перешел с бега на быстрый шаг.

Он уходил все дальше. После первого поворота шум, доносившийся из лагеря стих. После второго перестал слышаться зычный голос Тараса. Вскоре где-то в ветвях завелась кукушка. Он привычно загадал "сколько лет?…", начал считать, приноравливая бег к кукованию. Сбился после третьего десятка, хотел начать по-новой но, пройдя очередной извив, позабыл обо всем, потому что увидел разбитую в хлам телегу, которая разметав колеса колеса, криво торчала меж двух стволов. Лошади рядом не обнаружилось. Боясь и подумать о страшном, не чуя ног побежал он вперед. Осмотрелся и от сердца чуть отлегло — девушки не было ни на телеге ни рядом. Приложил ладонь к губам, аукнул. Из-за деревьев откликнулся звонкий крик, медом упал на сердце.

Ольга вышла на опушку чуть прихрамывая и потирая колено. Волосы ее, обычно собранные в косу, сейчас раскинулись по плечам золотым русалочьим водопадом.

Спросил тревожно:

— Цела?

— Цела. Ушиблась только немного. Лошадь ходко неслась — не спрыгнешь, а повод на землю упал. Я глаза зажмурила, так и ехала, пока на ухабе не подбросило, тут, словно птаха, и полетела. Страхов натерпелась пока в воздухе была, благо на мох упала. Колено оцарапала, подорожник нашла, приложила…

— Главное, голова цела, а ссадины и ушибы — ништо. До свадь… — Ольгерд осекся на полуслове, замолчал, страшась за чуть не брякнутую со перепугу глупость.

Ольга в ответ покраснела, сделавшись от этого еще пригожее.

— Что уж там. Девчонкой когда была — в лес ходила, по деревьям лазила. Так что к царапинам не привыкать.

Оба помолчали.

— Ладно, — сказал он просительно, — пойдем что ли обратно, ищут ведь. Пока твой дядюшка в сердцах всех холопов на кол не пересажал.

— Скажешь тоже, — фыркнула Ольга. — Дядя на вид лишь грозен, а душа у него добрая. Пошумит, потом пожалеет…

"Видела бы ты своего добродушного дядю, перед тем когда зубры выскочили, когда он про убийство Ивана Золоторенка сговаривался", — подумал про себя Ольгерд. Сам же кивнул, улыбнулся, словно приглашая на танец и по-шляхетски, с поклоном предложил девушке руку. Ольга, приняв игру, присела в книксене, оперлась на Ольгерда и пошла чуть прихрамывая на

ушибленную ногу.

Шли медленно, отдыхая чуть не через каждые десять саженей. По пути болтали про все подряд. Так увлеклись, что оба прозевали, когда птицы, словно повинуясь безмолвному приказу, разом умолкли, а ясное июльское небо затянуло набухшими от воды черными грозовыми тучами.

В темя ударила тяжелая капля. Ольгерд поднял глаза и охнул. Из-за леса, прямо на них двигалась водяная стена. "Добрая охота получилась, — с досадой подумал он. — Вот только ливня нам сегодня и не хватало". Перехватил за руку ойкнувшую девушку, вжимая голову в плечи, под учащающимися ударами капель двинулся под деревья.

Когда ливень добрался до укрытия, сразу же выяснилось, что большая разлапистая ель цедит через себя воду похлеще, чем мельничное решето. Оставив девушку, Ольгерд, накинув на голову рубаху ринулся на разведку. Вернулся скоро, махнул Ольге рукой, мол, давай за мной. Крикнул, перекрывая водяной гул:

— Шалаш охотники оставили, там и переждем непогоду!

Девушка кивнула, съежилась, путаясь в отяжелевшем подоле, побежала за ним. Шалаш-не шалаш, скорее схрон у звериной тропы был обустроен под большой низкой веткой которую неведомые засадчики обставили кольями и наглухо заложили дерном. Ольгерд, проверив, не успел ли занять укрытие кто-то из лесных обитателей, кивнул девушке:

— Ныряй вовнутрь.

Два раза упрашивать не пришлось.

— Мокро! — пожаловался из темноты девичий голос.

— Сейчас сухо станет, — успокоил Ольгерд.

То и дело стряхивая текущие по лицу струи, он споро нарезал гору еловника, и набросал на крышу. Ветки, что помягче, передал вовнутрь, чтобы вниз подстелить. Выслушав из шалаша радостный доклад о том, что "сверху больше не течет, а снизу не хлюпает", нагнувшись, забрался в пахнущий хвоей скит. Привык к темноте, встретился взглядом с Ольгой. Они улыбнулись друг другу уже как друзья, успешно справившиеся с общим и нужным делом. Дождь снаружи ударил пуще, но крепкий шалаш выдержал разверстые небесные хляби, не пустил внутрь воды.

Укрывшись от непогоды они понемногу пришли в себя. Только сейчас Ольгерд ощутил. что вымок насквозь с головы до ног. Поглядел на Ольгу. Девушка сидела у дальнего края, поджав ноги и обхватив руками колени. Зубы у нее постукивали.

— Выжмись, — сказал ей, — застудишься. Я отвернусь.

Девушка благодарно кивнула.

Ольгерд крутнулся на месте, сел лицом ко входу, порывшись в сумке достал чудом не промокшую ветошь и, прислушиваясь к шуршанию за спиной, начал насухо протирать патроны.

Он ждал разрешения повернуться, но дождался совсем другого. Вздрогнул от неожиданного прикосновения, когда шею обхватили тонкие девичьи руки. Ольга прижалась к нему всем телом — мокрая и холодная, обняла, задышала в ухо.

— Не оборачивайся пока, — шепнула. — Слушай пока что скажу. Полюбила тебя еще тогда, раненого, в лесу. Думала-наваждение. В церковь ходила, свечки ставила. К ворожке лесной бегала много раз. Пока болен ты был, просила чтоб выжил. Потом, как встал, — уже про другое… Ворожка сказывала, что ты мой суженый. Что небеса нас давно повенчали. А ты за все время мне и не усмехнулся ни разу. Едва оклемался, так с хутора сбежал, будто чего боялся. Почему? Не мила я тебе?

От пронзительного желания Ольгерда бросило в жар. Он перехватил девушку за запястья, подержал, не зная как дальше быть — разомкнуть ли сладкую цепь судьбы или, отозвавшись на

зов, ринуться, сломя голову, не загадывая к каким берегам вынесет его скупая на счастье судьба. Приложил дрожащие девичьи ладони к своим горящим щекам. Ответил, высказывая то, в чем и сам себе признаваться не смел:

— Мила, Оленька! Так мила, что боялся глаза поднять, чтобы не обидеть взглядом бесстыдным!

Рассмеялась девушка. Выдернула ладони, ужом проползла под рукой, навзничь легла, голову на колени устроила, раскинув волосы по ногам.

— Глупый. Сильный, смелый, а глупый. Сам подумай, ну как любовью обидеть можно?

Больше сдерживаться не было сил. Обнял девушку за плечи, прижал к себе, впился в губы огненным поцелуем. Ольга ответила ему — открыто, без смущения и боязни. Целовались долго, сладко, до тумана в глазах.

Любуясь девичьим телом, он стянул прилипшую к телу тяжелую от влаги рубаху, приник к гибкому стану. Провел дрожащими пальцами от шеи и до бедер, ощущая ответную дрожь… Ринулся в нежданную любовь словно с обрыва в пропасть.

Подгоняемые шальным северным ветром, тучи, разрешаясь на ходу грозовым дождем, шли по небу волна за волной, словно наступающие полки. В одном из промежутков между атаками, когда дождь, давая недолгий отдых промокшему до корней лесу, на время утих, из чащи к шалашу вышел матерый волк. Гроза застала его на охоте и он укрылся в пустой барсучьей норе, а теперь возвращался в логово, где ждали волчата.

Уловив в сыром воздухе прибитый дождем человечий запах, мягко ступая лапами волк подкрался ко входу. Разглядел внутри сплетенные, двигающиеся в сладкой истоме тела, принюхался, узнал. С этим самым человеком он встречался зиму назад. Не мешая чужой любви, волк тихо тявкнул о чем то своем, и сторожко ушел в глубину мокрого взъерошенного леса.

Ольгерд лежал на спине, чувствуя себе беспомощным младенцем, не в силах пошевелить и пальцем. Лицо спящей девушки светилось тихим счастьем. Монахом Ольгерд никогда не был. Впервые женщину познал еще казачком, и в дальнейшей походной жизни было их у него немало. Но распутные горожанки, шаловливые крестьянки и сребролюбивые маркитантки в обилии сопровождавшие любое войско, не шли в сравнение с тем, что испытал он сейчас. Любовь — настоящая, выстраданная и обоюдная оказалась чем-то гораздо большим, нежели то разговление плоти, какое он знал до сей поры.

Ольга открыла глаза, улыбнулась устало. Протянула руку, провела по плечу, прошептала:

— Глаза у тебя зеленые

Он сел, выглянул наружу.

— Дождь уходит. Можно идти.

— А я уж думала, здесь ночевать придется.

— Нельзя. Сотник с ума сойдет, весь полк сгонит под Любеч, лес прочесывать.

— Тогда собираться будем.

Не высохшая одежда снова прилипла к телу. Они выбрались из шалаша, обнялись.

— Ты прямо иди, пока голосов не услышишь, — сказал Ольгерд, кивая в сторону где, по его прикидкам располагался лагерь.

— А ты?

— Я рядом буду, но осторонь. Негоже чтоб видели нас вдвоем. Казаки на язык остры, начнут болтать — не остановишь.

— Молвы боишься?

— Не молвы. За тебя боюсь, да за тех, кого мне в поединках придется на тот свет отправить, честь твою защищая.

Засмеялась, головой приникла к плечу.

— Тогда ладно, делай как знаешь. Что дядюшке говорить?

— Как есть, так и говори. С телеги упала, дождь в шалаше пересидела. А я лагерь обойду, выйду с другой стороны. Скажусь что заблукал. Посмеются, да забудут.

— Они забудут. Я — нет.

Провожал он девушку до тех пор, пока не услышал вдали голоса. Убедившись, что свои, скрылся меж деревьев. Когда возвратился в лагерь, над бескрайним лесом стояла мокрая непроглядная ночь.

*** * ***

Первым порывом хотел Ольгерд сотнику в ноги кинуться, каяться да руки ольгиной просить. Поостыв немного решил все сделать без суеты — чтоб пересудов не вызвать объяснение отложил на потом. Под подначки казаков, заплутал, мол в трех соснах десятник, глотнул горилки, пожевал свежины(голод не тетка), но за полночь со всеми засиживаться не стал. Сослался на службу, поехал к своему десятку. В приготовленной для него джурой палатке заснул, словно на дно ушел.

Снился ему странный сон. На поляне, где он с разбойниками расстался, став на задние лапы и вытянувшись к полной багряной луне, хохотал огромный волк с глазами Дмитрия Душегубца. Отсмеявшись провыл-прорычал:

— Любви и счастья захотел, беспритульный? И не надейся! Род твой проклят до тех пор, пока не встретится на твоем пути Черный Гетман!!!

— Черный гетман! Черный Гетман! — эхом прокаркал из-за хозяйской спины невесть откуда взявшись Щемила.

Вскинулся Ольгерд в холодом поту, откинул полог. Придя в себя, рассмеялся. Никакой луны не было и в помине, лицо ласкали пробиваясь сквозь кроны, лучи незлого утреннего солнышка, а каркала голосом разбойника, устроившись на суку и выпрашивая свой завтрак, здоровенная лесная ворона.

Наутро после злополучной охоты не признающие неудач казаки объявили зубрам форменную войну. Отправили по следам дозоры, пустили цепь загонщиков, выгнали ни в чем не повинных зверей на пойменный луг, достали верхом, открыли пальбу. Успокоились лишь положив старого быка и главную в стаде корову. На том и разъехались.

По возвращению в Лоев Ольгерд, думал лишь об Ольге, собрался было заслать на хутор сватов, но водоворот накативших событий затянул его с головой.

Дождавшись когда из Батурина прибудет тайный гонец, Ольгерд с глазу на глаз переговорил с Олексой. Поповский сын, узнав в чем дело, отнекиваться не стал. Положившись на слово десятника, от имени казаков обещавшего ему чин реестрового, принял задаток, получил надежный пистоль голландской работы и пулю чистого серебра. Зачем нужно было, и без того отчаянно рискуя, стрелять в наказного гетмана ненадежной серебряной пулей, Ольгерд в толк не взял, Олекса — тем паче. Тут у Тараса и его сподвижников были какие-то свои, далеко идущие резоны.

В аккурат на Фомин день Ольгерд выступил во главе конного полудесятка в опасный дальний дозор. Якобы по приказу сотника, чтоб пройти аж до самого Быхова, разведать по селам, что где творится, да поглядеть, не стоят ли в крепости радзивилловы войска. Меньше чем за неделю они честно отмахали две сотни верст и, не дойдя до Быхова повернули назад. Тут-то попович и "пропал". Поехал в дозор и исчез, будто не было. Искали — одну лишь лошадь нашли. Порешили, что в засаду попал. Пошел Ольгерд обратно в Лоев, богу молясь, чтоб все

получилось так, как задумано.

Возвратившись, отпарился в бане, смыл с себя дорожную пыль, оделся в чистое и, под понимающие взгляды хозяйки, поехал на кочуровский хутор. Беспокоился по дороге. Сотник Тарас Кочур крут и до власти алчен. В полковники метит, а там, на старости лет, глядишь и в малые гетманы пробьется. А потому Ольге мог судьбу уготовить получше, чем женитьба на своем же десятнике, к тому же безземельном чужаке-литвине. Однако, сразу же по приезду понял, что плохо думал про своего благодетеля.

Въехав в расхлопнутую створку ворот, кивнул головой в ответ на поклон холопа. Сотник ждал его на крыльце. Старый сечевик словно мысли ольгердовы читал — облачился в праздничные наряды — безразмерные турецкие шаровары алого шелка, которого хватило бы с лихвой на небольшой парус и навыпуск надетую свободную льняную рубаху с затейливой вышиванкой по вороту и золотым шитьем по обшлагам. Прогибая ступени, спустился с крыльца, трижды расцеловал, по обычаю, заведенному у сечевых казаков, обнял за плечи, повел в дом и усадил к приготовленному столу.

— Что же племянница твоя не встречает? — спросил Ольгерд. — Уехала куда что ли?

— Занедужала что-то Оленька, — мотнул усами Тарас. — Лошадь треклятая так ее испугала, что с тех пор как из лесу вышла места себе не находит. Спит плохо, молчит все время. Сарабун ее отварами какими-то пользует. Возницу я высечь велел, и конюшни чистить отправил.

Ольгерд, кляня свою нерешительность, прикусил с досады губу. Пока он в колебаниях своих по Полесью копыта бил, суженая места себе не находила…

— Ладно, девичьи хвори не то что стариковские, быстро приходят, уходят еще еще быстрее, — прервал сотник ольгердовы казнения. — И хворям этим обычно причина — статный да удалой молодец. Ну да ладно, об этом после. Садись-ка за стол, да рассказывай, как дело прошло?

Ольгерд вполголоса доложил об успехе — весточка от поповича о том, что с братом он повстречался и на месть кровную его споро уговорил, пришла почти сразу вслед за их возвращением в Лоев.

Обрадовался сотник не на шутку — видать не тверд был в задуманном. Привычно обернулся на угол, к иконе, начал было креститься, однако, сообразив, куда и зачем послал наемного убивца, осекся и заместо знамения руку к бутыли потянул.

Выпили, закусили. Поговорили о делах текущих. Сотник сходил к сундуку, выложил на стол увесистый кошель.

— Вот тут, как и сговаривались, первая половина твоей награды. Можешь не считать — талер к талеру. Хватит и на доброго коня и на саблю не последнюю. Еще и на добрый мушкет останется

— Спасибо, пан сотник, — вымолвил Ольгерд бесцветно. Не о деньгах думал сейчас, а о том, как ему разговор начать.

— Что не рад? — изумился Кочур. — Награда мала, аль другого чего получить хотел? Ты говори, не соромься. За особую службу и награда особая.

— Уж и не знаю, как разговор вести пан сотник, — собравшись с духом, ответил Ольгерд. — Сам знаешь, я ведь без родителей рос. С малых лет в походах и лагерях. Про жизнь мирную мало что знаю, в обычаях не силен.

— Как можешь, так и скажи сынку, — догадавшись, куда клонит гость, улыбнулся сотник. — Сердце правильные слова подскажет.

Сердце подсказало Ольгерду слова пустые, глупые и казенные:

— Ну, как бы так сказать. В общем, есть у тебя товар а у меня… то есть я — купец… —

заплетаясь языком, выдавил он слышанное где-то сватовское присловье.

Не дослушал сотник Тарас, рассмеялся так, что потолочные сволока задрожали.

— Давно я от тебя этих слов ожидаю. Мне о зяте таком только мечтать. Да и Ольге ты пара — лучше и быть не может. Опасался я одного, может не люб ты ей. Да ошибся, старый пень, извелась она вся, тебя из дозора выглядывая.

У Ольгерда отлегло от сердца.

— Стало быть, благословишь нас, пан сотник?

— Сейчас и благословлю. Позовем только Оленьку, сообщим ей весть радостную. А потом уж икону принесем, да и попируем малым кошем, благо повод не убогий.

Послали наверх дворовую девку. Ждали долго — не спешила Ольга, видать прихорашивалась. А когда, наконец, сошла из горницы, не признал Ольгерд ту девушку, с которой любился в лесу. Была она вся измучена, словно от давней гложущей хвори, шла, цепляя ногами пол. Под глазами у девушки лежали черно-синие тени. Глядя на нее, Ольгерд ощутил себя бесчувственным болваном — коли б знал как она изводится, посватался в тот же день. Да уж, знал бы где упадешь, соломки бы подстелил…

Кочур на девушку поглядел, хмыкнул довольно, покосился на Ольгерда, мол сейчас мы ее тоску на корню развеем:

— Ну что, племянница. Тут вот известный тебе товарищ казацкого любецкого полку, Ольгерд, Ольгердов сын, руки твоей просить прибыл. Я благословение свое на это, как отец твой посаженный, даю. Слово теперь за тобой.

Замерли в ожидании Ольгерд и старый казак. Молчала и девушка, стояла, губы обкусывая. Вдруг разрыдалась в голос — слезы хлынули из ее глаз пуще повенчавшего их дождя. И увидел Ольгерд, от ужаса цепенея, что в глазах тех не радость, а надрывное отчаянье.

— Что Оленька, худо тебе? Может потом поговорим? — встревоженно спросил Кочур.

— Худо мне, дядя, — справившись со слезами, выдавила Ольга. — Только говорить сейчас станем, разговор этот на потом откладывать никак невозможно. Ты уж прости, Ольгерд, но сватовство твое не сложилось. Не могу я женой твоей стать. Никак не могу. Прости.

Ольгерд со старым казаком обратились в две каменные степные бабы. Ворочая одновременно белками, только и смогли, что проследить за тем, как девушка, спрятав в платок лицо, уходит в свои покои.

Первым опомнился Тарас. Почесал со скрипом в затылке, нахмурился, плечами пожал. Осмыслив произошедшее, сказал:.

— Ты вот что, погоди, парень. Может у нее и вправду хворь не сердечная, а телесная, вот и чудит наша девица. Сам ничего не пойму. Давай так. Ты пока за столом посиди или, если хочешь, во дворе погуляй. А я схожу, погутарю с ней по-стариковски.

Сотник споро скрылся за дверью. Ольгерд, приходя помалу в себя, глянул на стол, посчитал глазами бутылки, насчитал пять штук, понял что при его теперешнем состоянии, если присядет к столу то, по возвращению Тарас недосчитается содержимого двух, а то и трех, вышел на воздух.

Пугаясь то подкатывающей к сердцу обиды, то вскипающей изнутри злости, раз сто смерил просторное подворье от коновязи до стодолы и от крыльца до калитки, Понять, что с Ольгою происходит, как ни старался, не мог, и оттого ярился еще больше. Появись сейчас под хутором залетный татарский отряд, ринулся бы навстречу не рассуждая. До темноты в глазах рубил бы саблей бритые басурманские головы, а потом украсил ими крепкий кочуровский частокол…

Сколько времени прошло, пока появился сотник, Ольгерд не ведал. Кочур, чернее тучи, прошел к поленнице, взгромоздился на поколотые утром дрова, кивнул на стоящую напротив колоду, садись мол, потолкуем…

Опустился Ольгерд на посеченную колуном древесину, как осужденный в ожидании приговора. Затих, сжался, сотника слушая. Тот тоже помолчал, заговори непривычно глухо, словно в нехорошем сознался:

— Открылась мне Оленька, во всем открылась. Любит она тебя, но замуж пойти не может. Тут вишь какое дело. Брат мой названный, Иван, стрелецкий сын, мало ему того, что свою жизнь всю неладно прожил, так еще и дочке своей, помирая, долю женскую попортить решил. Помнишь, сказывал я, что поместье его на кровь заговорено? Так вот, он перед тем, как дух испустить, священника позвал, да приказал Ольге икону целовать в том, что замуж выйдет она за наследника старых хозяев. Сын ихний, вишь ты, к нему когда-то на двор приходил, а мой брат Иван велел его батогами гнать. Умом он от болезни совсем, видать, ослаб, вот и решил, что связав Ольгу клятвой, род свой от проклятия избавит. Она же, бедная, теперь разрывается. И тебя терять ей невмочь, и божбу нарушить не в силах.

Потемнело в ольгердовых глазах.

— Кто же счастливец этот, которому Ольга назначена?

— Не ведаю. Знал бы, из-под земли достал. Убил бы, женил на другой, или заставил его деньгами или чем еще девочку нашу от клятвы освободить. Завтра же пошлю человека, чтоб разведал в подробностях кто таков был прежний помещик и куда сгинул его сын.

— Ольга сама-то что думает?

— Думает ждать года три, а потом в монастырь уйти.

Вскинулся Ольгерд так, что сотник от неожиданности стукнул назад спиной и обрушил вниз полполенницы.

— Не ее и не моя эта доля, в черницах чужие грехи замаливать! Сам найду того человека, сам ее от клятвы избавлю.

— Негоже так поступать, литвин, — потирая ушибленное плечо, ответил Тарас. — Наше это дело, семейное. Если ты в него встрянешь, да чего доброго жизни наследничка этого лишишь, то только все попортишь. Уж поверь, я все сделаю как нужно…

Помолчал Ольгерд. кивнул, признавая тарасову правоту.

— Поговорить-то с ней хоть могу?

— Я что? — вздохнул старый сотник. — Сам знаешь, кто в этом доме заправляет. Постучись. Впустит — твоя удача.

Вошел Ольгерд в дом. Стараясь не топать сапогами, пробрался в дальние комнаты. Поскребся в дубовые доски девичьей спальни.

— Оленька, пусти или выйди сама. Все мне дядя твой рассказал. Мучить не буду, два слова всего скажу…

Дверь приоткрылась чуть больше чем на вершок. Девушка стояла, привалившись плечом к косяку. Ольгерд толкнулся вперед, хотел отодвинуть дверь, сжать в объятиях, но в грудь ему уперлась твердая маленькая ладонь.

— Ступай. Худо мне.

Он повернулся, молча ушел. Как запрыгивал на коня, несся по лоевской улице, разгоняя кур, с кем и о чем говорил, видел, как сквозь туман. Ночь провел без сна, а к утру, взяв себя в руки, надумал, наконец, как будет жить дальше. С тем и уснул.

*** * ***

Ольгерд уезжал на рассвете. Неделю потратил на то, чтобы привести в порядок дела. Обратившись по чину к сотнику, получил отпускную. На деньги, накопленные во время службы,

купил вьючного коня и дорожный припас. Ехать думал сперва в Чернигов, попытать счастья на службе, а если не повезет, то оттуда и до Киева недалече.

Добрался до берега, вышагивал по песку, ожидая, когда вялые спросонья паромщики наладят переправу, когда над невысоким обрывом замелькала знакомая Тарасова шапка. Старый сотник спешился, бросил повод подскочившему джуре и, обрушив дерн, по-медвежьи спустился вниз. Посмотрел на Ольгерда горько:

— Уговаривать снова не буду. Нет у меня для тебя привады. Хорунжим хотел поставить — ты отказал. Обещал, как полковником стану, возвести в осавулы, ты и этим не польстился. Но я на тебя камня не держу — вижу, невмоготу тебе рядом племянницей нести службу.

— Не то слово, невмоготу, пан Тарас. Не служба для меня здесь теперь — ад кромешный.

— Понимаю, потому и неволить не могу. Только вот не откажи в двух просьбах старику. Они тебя не обяжут.

— Как можно, батько? Добром ты меня отпустил, коня и зброю оставил, жалованье отдал все до последнего медяка. Говори, что могу — сделаю.

— Добре. Ты ведь в Чернигов собрался? Так не в службу а в дружбу, доставь тамошнему сотнику этот вот пакет, да позаботься о том, чтобы он по дороге чужим не достался.

— О чем разговор? Как в Чернигове буду — первым делом к нему и заеду. А вторая просьба какова?

— Вторая и того проще. Наш лекарь Сарабун мне живот прогрыз — просится отпустить его в Киев, на обучение в коллегию. Хочет науки одолеть, да заиметь, наконец, патент врачевателя. Я ему денег дал на первое обустройство, письмо для ректора написал, мол он раненых казаков после боя от верной смерти не раз и не два спасал. Ты уж хоть до Чернигова его проводи.

— Да не служба, пан сотник! Пошли к нему гонца, пусть собирается и не мешкает. Я подожду.

— Тут он уже, со мной приехал.

Ольгерд поднял голову. На обрыве, вслушиваясь издалека в разговор, мялся, кутаясь в балахон, маленький лекарь. В руках он неловко сжимал длинный повод повод, на котором пряла ушами невысокая крепкая лошаденка.

— Добро. Побеспокоюсь о нем.

— Ну а если в Чернигове не задержишься, то вот тебе еще одно письмо. Это в Киев, к куреневскому кошевому. Друг он мой старый, поможет тебе службу найти. Да и мне спокойнее будет.

— Поклон тебе низкий, отче. И за спасение, и за заботу. Паром вот уже готов. Давай прощаться, пора коней по мосткам вести.

— Ну прощай, Ольгерд. Слово тебе даю: как прознаю про судьбу невольного вашего разлучника, сообщу тебе враз, где бы ты ни был. А до того поспешностей не твори. Ты ведь Ольге живой и здоровый нужен.

Паром отошел от берега и, под тревожный храп коней, двинулся наискось через реку.

Ольгерд, не решаясь глядеть назад, рассматривал медленно приближающийся лес. Не слышал, как подошел к нему Сарабун. Долго ждал лекарь, чтоб слово вставить, наконец решился, заговорил:

— Ты уж не терзайся так, господин. У панны Ольги спиритус, дух то есть, покрепче, чем у многих воинов. Справится она с горем, любовь свою запросто не отдаст. Так что все у вас еще впереди.

Глянул Ольгерд на лекаря, усмехнулся горько в усы.

— Да ведь не только в ней одной дело, пиявочный мастер. У меня ведь тоже своя клятва есть. Ни Ольге, ни сотнику я того не рассказывал, что поклялся двоим обидчикам за родню свою

отомстить. Да только слабость проявил — как ее встретил, так на службу легкую пошел, в Лоеве остался…

— Двоим? — удивился лекарь. — Про первого ведаю. Ты рассказывал. Это тот разбойник, что дом твой разорил. Кто же еще?

— Второй — тот, кто в поместье моем поселился. За то, что от царя Михаила он наш родовой надел получил, зла не держу — не он моих отца и батюшку убивал. За другое наказать должен. Я ведь, когда мальчишкой из полона сбежал, не сразу к казакам подался — первым делом воротился домой. Весь в обносках, три дня не ел, спал в лесу. Подошел к нему чуть не с поклоном: так мол и так вырос я под этой крышей, возьми хоть дворовым, хоть казачком, хоть свиней пасти, некуда мне больше податься. Верно служить тебе буду, о том, что вотчина здесь моя, ни полусловом ни заикнусь.

— И что же он?

— Ништо. Выслушал до последнего слова, развернулся, кликнул своих конюхов, да приказал меня гнать плетьми до самой реки. Те спину мне исхлестали, дождались пока я на ту сторону переплыву, да крикнули, мол хозяин велел передать, что если еще вернусь, то самолично пристрелит как зайца. Так что сперва я найду Душегубца и с ним поквитаюсь, а потом уж вернусь в свой родной Ольгов и со стрельцом тем поговорю по душам…

*** * ***

Из окон верхнего клета река смотрелась как на ладони. Ольга с Тарасом стояли у распахнутого окна, наблюдая за тем как на той стороне сводят на берег и грузят вьюками лошадей.

— Ладный бы муж тебе был, а мне помощник, — вздохнул тяжко сотник Тарас. — Ох и неправа ты, Оленька. Ох неправа. Он ведь, даром что безземельный, а непрост. Я людей навидался и княжью кровь от холопской могу на раз отличить. Нам бы, казакам, вот такого в гетманы. Пусть и дальнего, но потомка великих князей литовских, а не худородного Хмеля-Абданка с его чигиринами да субботовыми.

— Не береди душу, дядюшка. И так себя чувствую, словно в гроб положена. Будь проклята эта клятва моя.

— Ну так за чем дело стало? У иудеев хитроумных да мусульман коварных нужно учиться, как заповеди с клятвами обходить. На то и попы, чтоб епитимьи накладывать да грехи отпускать.

— Может и так. Но я же на иконе родовой клялась. Вот она, и сейчас здесь в углу стоит. Клятву словами опутать да обойти, словно камень, на дороге лежащий, задача не велика. Да только как дальше жить? Икону из дому убрать, чтоб не глядела вечным укором? Род наш проклят и без того. Заговоренная — что чумная, много ли счастья Ольгерду принесу?

— Так то оно так. Да больно уж мне жаль вас обоих. И зачем только покойный Иван тебя в честь селения этого злополучного назвал? Говорил же я тогда, не называй дочь в честь поместья. А он в ответ: примета мол, добрая. Вот и вышло все таким добром, что хоть в петлю лезь. Будь проклят тот день, когда брату пожаловали этот Ольгов…

Не слыша дядю, Ольга глядела на исчезающие в лесу конные фигурки. Глаза ее застилали слезы.

Враг моего врага

Ольгерд пустил коня к береговой кромке и с сомнением оглядел неширокую водную преграду:

— Это и есть что ли Днепр?

— Нет, пан Ольгерд, — отозвался, подъехав, Сарабун. — Борисфен чуть дальше, за островом, а сие перед нами протока, рекомая Чертороя.

— Чертороя? — усмехнулся Ольгерд. — Однако. Такое название заслужить еще нужно…

— Так и есть, — перекрестился лекарь. — Место это издавна почитают как гиблое, нехорошее. Мол черти здесь в полную луну воду роют, от того и буруны на воде. Говорят, что на Ивана Купала тут русалки в камышах пляшут, путников в омуты манят. Ох, скорее бы перевоз…

К тому времени, когда из-за длинной отмели появилась большая барка, приводимая в движение десятком дюжих гребцов, у небольшой деревянной пристани скопилось изрядно путников. Были здесь пешие богомольцы, идущие на поклон к пещерным мощам, возвращающиеся в город мещане, купец с двумя укрытыми рогожей телегами, да несколько служивых людей, среди которых Ольгерд с радостью и удивлением вдруг обнаружил знакомое лицо.

— Шпилер? Живой!

Молодой, небедно одетый всадник, услышав свое имя, обернулся. Глаза его расширились в изумлении.

— Ольгерд! Ты ли это?

— Как видишь.

За время, прошедшее с тех пор, как они расстались в лесу, Шпилер не только возмужал, но и определено добился некоторых жизненных успехов. Добрый походный конь, которого он вел за собой на поводу, ничем не напоминал давешнюю клячу, сам искатель приключений был одет в новый кунтуш, а на ногах у него алели щегольские сафьяновые сапоги. Его оружие было под стать одеже: торчащий за поясом добрый голландский пистоль, кривая татарская сабля и притороченный к седлу кремневый мушкет ясно говорили о том, что бывший товарищ по несчастью времени зря не терял, сумел-таки за прошедший год поднабраться опыта и стал настоящим бойцом.

"Не к Душегубцу ли на службу пошел?" — с тревогой подумал Ольгерд. Но, глядя на открытое сияющее лицо Шпилера от мысли своей почти отказался. Рассудил про себя так, даже если в разбойниках состоит, тем лучше — сам же на главаря и выведет.

Шпилер, отметая все подозрения, светился искренней радостью:

— Но как же ты спасся, Ольгерд? Оставлен ведь был израненный, в дремучем лесу.

— Повезло, — не вдаваясь в подробности ответил Ольгерд. — Путники случайные подобрали. Но как тебе-то удалось из плена уйти?

— Сбежал, — улыбнулся Шпилер. — Только не сразу, а погодя. После того, как тебя помирать бросили, Душегубец более потех не устраивал, на привалах не рассиживался. Шли мы без продыху аж до самого пограничного Путивля. Город обошли стороной, углубились в степь на полсотни верст, а там, оказалось воров наших басурмане ждали. Продали им разбойники весь ясырь, да двинули в брянские леса.

— Тебя татарам, стало быть, не отдали?

— Нет, слава богу. В цене не сошлись. Их мурза предлагал за меня мало денег, как за галерного раба, а Дмитрий же хотел как за шляхтича. Спорили оба до хрипоты, чуть за сабли не

взялись. Душегубец так и не уступил. Ругался он страшно, голову мне срубить хотел с досады. Потом остыл, приказал меня с собой взять, стало быть на выкуп. И поехали мы в воровской острог.

Ольгерд с трудом удержался, чтоб не вцепиться в шпилерово плечо.

— Так ты, значит, логово его видел? Где оно?!

— Если бы, — Шпилер развел руками. — Везли-то меня туда, да только не довезли. На второй день пути, как в лес заглубились, устроили разбойники большой многодневный привал. Душегубец со Щемилой отъехали куда-то по тайным своим делам, вот разбойники и почуяли волю, да на радостях перепились. Что с них взять, если на страхе жить привыкли? Тут я улучил момент, свел лошадь, что пошустрее, и дал ходу. В сумке седельной кошель обнаружился с двумя сотнями талеров, так что на первое время хватило.

Ольгерд оглядел собеседника с головы до ног и хмыкнул.

— Двести талеров, говоришь? Если прикинуть, сколко стоит все, что на тебе надето, так серебро разбойничье в кошеле твоем похоже, словно тесто взошло. Хватило его не только на первое время, но и на второе…

Шпилер, ни капли не смутившись каверзным допросом, гордо поправил полу отороченного соболями кунтуша,

— А я тогда на эти талеры и не роскошничал. До городка ближайшего доскакал, нанял охочих людей, за татарами вслед кинулся. Они-то с ясырем шли непрытко, так что догнали на пятый день. Отбили полон, взяли трофей небедный. Саблю вот эту самую я у мурзы забрал. Стал думать, что делать дальше, решил от добра добра не искать. Остался в польной украйне, что меж Курском да Путивлем, собрал молодцов, начал ходить по лесам да степям. Места разбойные, шаек малых бегает там числом поболе, чем деревень в округе. Так вот и стал вольным охотником. Потом сговорился с засечным воеводой, чтоб на постой в крепости приходить, порох с пулями от него стал получать. А как опыту ратного поднабрался, пошел на службу проситься в Белгород. Тамошний воевода мне для начала поручение дал, на Дон съездить, к казакам… — на этих словах Шпилер понял что сболтнул лишнего и осекся.

— Да ладно уж, — усмехнулся Ольгерд. — В тайны твои мне лезть недосуг. Расскажи лучше, как здесь оказался.

— С Дона был послан в Киев, оттуда в Москву. Сейчас со срочной депешей бегу из Москвы в Киев, к воеводе, князю Куракину.

— А что, в Киеве теперь воевода московский правит?

— Он самый. Сразу же после Переяславской рады и поставлен. Только князь в самом городе силы никакой не имеет — сидит себе в замке на Киселевской горе, подати принимает да переговоры ведет. Гарнизон здешний составляет казацкий Киевский полк. Торговое сословие, блюдя Магдебургское право, подчиняется выборному бургомистру, у мещан свой войт, а монастыри, так те и вовсе по своему укладу живут. А сам ты теперь где, Ольгерд? Понимаю так, что теперь казакам служишь?

— В Любецкой сотне товарищем состоял. Сейчас вот еду к старшине, на службу проситься.

— Тогда тебе в Куреневскую слободу

Тем временем барка пересекла Черторою, обогнула отмель и вошла в глубокую затоку, в дальнем конце которой обнаружилась точь в точь такая же как и на оставленном берегу деревянная пристань. Путники оживились и стали готовиться к выгрузке, разговор старых знакомцев прервался.

Сарабун, ждавший в стороне, чтобы не мешать беседе, вернулся к Ольгерду, поехал рядом.

— Был ли в ты Киеве раньше, пан Ольгерд?

— Не приходилось.

— Ну тогда примечай. Хоть старая княжья столица давно уж не лучшие свои дни считает, все же нет на Руси города краше. Впрочем, что тут рассказывать — сам смотри!

Они вышли на другой берег острова. Ольгерд посмотрел. И охнул. Прозрачно-голубое, чуть тронутое осенью небо, по которому были разбросаны редкими клочками снежно-белые облака, перечеркивал гусиный клин. И этот клин, длинный и размашистый — весь, от тяжелого неутомимого вожака, до летящих по краям легких суетливых погодков, целиком отражался в глади раскинувшейся перед ними большой воды. Водную гладь, шириною не меньше чем в полверсты, кое-где подернутую рябью, то здесь то там пересекали ряды поплавков, удерживавших рыбацкие сети.

Привычный ему Днепр, в верхнем своем течении струящийся незнатной лесной рекой, каких на Руси десятки, здесь, под Киевом, вобрав в себя воды Сожа, Припяти и Десны, раскинулся под зеленой холмистой грядой размашистым важным боярином.

Теперь близость большого города ощущалась во всем. Перевоз был поставлен на широкую ногу — путников, собирающихся сразу с нескольких концов длинного лесистого острова, ожидали две большие барки и не меньше десятка разнобойных малых суденышек, чьи хозяева, наследники легендарного Кия-паромщика, перекрикивая друг друга, зазывали к себе бесконных: "К нам давай, пан — господин! Переплывем — зевнуть не успеешь, а плату берем вдвое меньше против купеческой…"

Сторговавшись с хозяином барки, путники разместились на палубе. За речной суетой, подремывая под зеленой шубой густых лесов, вонзая в небо золото церковных куполов, вздымался киевский берег. У подножия ближнего холма, на ровном участке от откоса до берега, теснились многочисленные деревянные домишки, огороженные несерьезным по нынешним временам частоколом. С трудом оторвавшись от любования речными красотами, Ольгерд продолжил прерванный разговор

— Пока в плену был, что-то про Душегубца узнал?

— Отомстить ему хочешь? — прищурился Шпилер.

— А то, — коротко кивнул Ольгерд. — Остался за ним должок.

Шпилер, прежде чем ответить, помолчал, взвешивая слова.

— Вот тебе мой совет, литвин: лучше и не пытайся. Я за это время всякого навидался, и смерти в глаза смотрел не раз. Но как взгляд его вспомню — мурашки по спине бегут. Разбойники в отряде шептались, что Дмитрий Душегубец с нечистым договор заключил, мол от того не взять его ни пулей, ни саблей.

— Слышали уже, — усмехнулся Ольгерд. — Оборотнями сейчас кого только не кличут, да только у страха глаза велики. Простая пуля не возьмет — серебряная достанет. Где сабля от тела отскочит, там кол осиновый без помех пройдет. Ты лучше говори, что сам видел, может узнал, кто он и откуда?

— Как знаешь, литвин, — Шпилер пожал плечами. — Многого я прознать не смог. Душегубец ведь скрытный, слова лишнего не скажет. Однако, похоже что он не из простого люда, а боярских кровей.

— С чего взял?

— К языкам уж больно горазд. С татарами по-татарски лопотал. Когда воры по дороге костел обнесли, так он ксендза тамошнего сперва по-польски пытал, потом на латыни допрашивал. Еще подглядел я, как на отдыхе он книгу греческую читал. Опять же манеры у него самые что ни на есть шляхетские, а воинская выучка такая, будто он, словно рыцарь-крестоносец, с четырех годков в седле.

— Из дворян, говоришь? Ну и на кой черт ему промышлять разбоем? Такого любой с радостью на службу возьмет.

— Этого и сам не понимаю. Гордыни в нем — на трех царей, а делом занят мелким. С полюдья навару — что кошку стричь: шуму много, шерсти мало. Похоже не хочет он в служивые люди. На московитов зол страшно, казаков всех презирает, над польской шляхтой смеется, а с татарами обращается, словно с домашним скотом.

Барка пересекла Днепр и вошла в устье реки Почайны, где за косой открылась шумная торговая гавань. Широкая неуклюжая посудина привалилась бортом к причалу, холопы бросили сходни и путники ступили на берег.

Вблизи нижний киевский город оказался большой тесной деревней, по сравнению с которой даже затерянное в лесах Замошье было образцом чистоты и порядка. А уж со Смоленском это сборище теснящихся глинобитных мазанок, над которыми изредка вздымались крыши богатых усадеб, беленые стены каменных церквей да шпили присутственных мест, сравнивать было и вовсе смешно.

— Что же город так плохо блюдут? — поинтересовался Ольгерд у Сарабуна.

— Так ведь хозяев в нем много, от того и порядку нет, — с готовностью отозвался киевский патриот. — У семи нянек, сам знаешь, дитя без глазу. Я же говорил — воевода по обычаю сидит у себя на Замковой горе, митрополит в Софии распоряжается, там где старый княжий град. Здесь, у Днепра, тот самый мещанский посад, называемый Подолом, которому Магдебургское право дано, а дальше, на холме, верстах в десяти, пещерский монастырь устроен, куда богомольцы ходят. Сам посуди: подольские толстосумы бургомистра сами себе выбирают, церкви и монастыри лишь о своих землях да доходах пекутся, а казаки спят и видят, чтобы и первых и вторых к ногтю прижать. Какой уж тут будет порядок? Реестровые теперь свои суды назначают, бывшую шляхетскую землю гребут под себя, как кроты, с монастырями за каждый лужок тяжбы ведут, а мещанам до всех дела нет, лишь бы их торговлю не трогали да податями не давили. Так вот и живут…

Разговора Ольгерд не поддержал. Жаловаться на власти — удел обывателей, а для воина есть начальник, приказ и верная сабля. Которой, кстати, пора было найти достойное применение…

— Ты мне скажи, — обернулся он к Шпилеру. — А казаки здесь где живут?

— Казаки обосновались за городом, в семи верстах. У них там свой курень, за Сырецким ручьем.

— А добраться как?

— Езжай по этой дороге, вдоль берега. Как из перелесков выйдешь, оболони начнутся, там и спросишь, всяк дорогу подскажет.

— Спасибо. Рад был встрече. Ежели что, как тебя здесь найти?

— Проще легкого, — усмехнулся Шпилер. — Я, как послание Куракину передам, остановлюсь в корчме у Янкеля, ее весь город знает. Цены там, правда, повыше, чем у добрых христиан, потому что с жидов налогов больше берут, зато пиво не разбавляют и комнаты чище.

На том и расстались.

*** * ***

Выехав за подольский забор (назвать стеной это смешное укрепление даже про себя язык не поворачивался), Ольгерд в сопровождении Сарабуна двинул по дороге вдоль берега Почайны. Лекарь, уж было собиравшийся ехать в свою коллегию, оглядев неспокойные улицы, передумал и упросил Ольгерда подержать его при себе. Сказался тем, что боится за выданные лоевским сотником деньги, мол в городе не отберут, так украдут. Ольгерд не возражал, с попутчиком все

веселее, да и мысли об Ольге в голову меньше лезут…

Кони, отдохнувшие не перевозе, шли резво, не прошло и часа, как дорога, идущая мимо заливных лугов, вербных зарослей и бесчисленных заток, вывела к казацкому поселению Подъехав поближе Ольгерд довольно крякнул: ладное место.

Недавно отстроенная Куреневская слобода, или, как ее уже окрестили киевляне, Куреневка, всем своим видом давала понять, что теперешние ее хозяева — это не сирые холопы, а люди служивые и заможные. Ухоженные, без единого сорняка огороды с рыжими пятнами дозревающих гарбузов были окружены крепкими плетеными тынами, какими на Полесье не то что огород — не всякий двор обнесен, а просторные, скатанные из мощных бревен дома отличались от крестьянских глинобитных халуп, как крепкий боевой конь от заморенной старой клячи. Словом, селение, удобно расположившееся меж Дорогожицким шляхом и Сырецким ручьем, радовало глаз настолько, что Ольгерду, припомнившему давешний разговор с несостоявшимся тестем, вдруг вновь захотелось позабыть про все обиды и клятвы, про неудавшуюся свою любовь да стать хозяином одной из этих усадеб.

Первым встретившимся по пути куреневским жителем оказалась босоногая дивчина лет шестнадцати. Что-то напевая на ходу, она шла вдоль обочины, держа в руках свернутый рулоном льняной отрез. Завидев приезжих остановилась свернула к тыну. Ольгерд придержал коня:

— Где здесь кошевой живет не подскажешь, красавица?

— Богдан Молява? — нараспев, поднимая гласные, забавно переспросила девушка, и стрельнула в Ольгерда хитрыми озорными глазами. — Так це не в нас, а в тому кутку. Третя хата праворуч. А вы що, пане, новЫй козак? На службу до нас, чи як?

— Пока "чи як", а там поглядим, может быть и на службу, — улыбнулся ей Ольгерд.

Девушка покраснела до корня волос. По вошедшей в кровь солдатской привычке, он было собрался наклониться и потрепать ее за плечо, но перед глазами вдруг встало заплаканное, а оттого еще более прекрасное лицо Ольги и он, убрав с лица даже намек на игривость, двинул коня у ту сторону, куда указывал тонкий девичий палец.

Нагнувшись под низкой брамой, Ольгерд въехал в гостеприимно распахнутые ворота. Сразу же откуда-то сбоку, словно чертик из германской игрушки, выскочил вооруженный пищалью джура. Спросил подозрительно:

— К кому изволите, ясновельможный пан?

— До кошевого Молявы. С депешей от любецкого сотника и друга его, пана Кочура. Сам буду Ольгерд, компанеец.

Лицо охранника помягчело.

— Коли так, то милости просим. Вы пока коней своих расположите, а я сей же час доложу.

Ольгерд кивнул, соскочил с коня, понаблюдал как сползает на землю едва живой Сарабун и оглядел казацкое хозяйство.

Куреневский кошевой, друг и соратник лоевского сотника Тараса, обитал в доме столь размашистом, что в нем без труда разместилась бы рейтарская рота. Которая при этом вполне могла использовать бескрайнее подворье если уж не для кавалерийских, то пехотных маневров. Не успел он оглядеться в поисках сообразного места, где можно было дождаться аудиенции, не расхаживая цаплей по двору, как на крыльце появился джура.

— Пан Ольгерд! Просим в хату, ждет кошевой!

— Здесь пока подожди, — бросил лекарю Ольгерд и взбежал вверх по добротным ступенькам, не издавшим под его весом ни единого скрипа.

Кошевой Богдан Молява, как и все соратники старого сечевика, чем-то неуловимо напоминал самого Кочура. Здоровый как бык, нарочито-хмурый, он вышел в залу из дальних

покоев, кивком направил Ольгерда к столу, чуть сварливо спросил:

— Ты значит, ты и есть от брата моего кровного посланец?

— Я, пан кошевой! — Ольгерд расстегнул сумку и протянул казаку пакет с толстой печатью ярко-красного сургуча.

Молява внимательно разглядел печать, повернул на свет, проверил — не повреждена ли, хмыкнул довольно и с хрустом переломил ее пополам. Вытянул сложенный лист, развернул, подержал в руке, после чего крикнул в дверь:

— Иван!

В комнату мигом влетел давешний джура.

— Слухаю, пан кошевой!

— Читай, — протянул ему лист Молява.

Тот забегал глазами по строчкам, зачастил:

— … а-моего-компанейца-ольгерда-как-своего-прими-и-на-новом-месте-ему-помоги-устроиться… воин-он-опытный-пятерых-в-бою-стоит-и-хлопец-надежный…

Кошевой выслушал джуру и, чуть заметным движением брови, выставил чтеца обратно за дверь. Еще раз оценивающе глянул на Ольгерда.

— Что же ушел от Кочура, раз так хорош?

— Не в сотнике дело, — ответил Ольгерд. — К девке посватался, а она мне отказала. От позора службу оставил.

— Вон значит как, — хохотнул кошевой. — Оно и понятно, парень ты видный, от баб позору терпеть не привык. А что ежели, и в Киеве тебе какая-то зазноба гарбуза подарует? Тоже уйдешь?

— Я здесь жениться не буду, — нахмурился Ольгерд. — В Полесье с лихвою хватило сватовства. Пока что думаю лишь о службе…

— Ой хлопче, от тюрьмы, сумы да супружеского ложа не зарекайся, — вздохнул кошевой. — Ну да ладно, балачки это все. Если серьезно, то просьба Тараса для меня считай что приказ. Сегодня гостем будешь, стол соберем, потолкуем за доброй чаркой. Переночуешь у меня, а завтра в полковую канцелярию съездим. Наш полковник гайдуков себе набирает, буду тебя пропонувать. Если в стрельбе себя покажешь — непременно возьмет, цнит он метких стрелков.

— Попробую, — кивнул Ольгерд. — Но сразу говорю, что по горшкам не силен палить, все больше в бою приходилось.

Старый казак кивнул с уважением, размышляя о чем-то подошел к распахнутому окну. Выглянул на двор. Вдруг заметил там нечто и переменился в лице.

— Кто это топчется у сарая? С тобой приехал, что ли?

— Да, со мной, — Ольгерд привстав у стола, увидел, что кошевой рассматривает скучающего Сарабуна. — Это лекарь…

— Лекарь!!! — заревел Малява почище черниговских зубров. — Да то же тот самый лиходей, что меня в походе чуть на тот свет не отправил!!! Я лихорадкой тогда занемог, а он прописал мне горилки с двумя ложками пороху. Сам гетман наш, Богдан, говорит, так лечится… Я и выпил, щоб его чорты в прогорклом масле жарили… Подослан он был ляхами, не иначе. Едва богу душу не отдал, думал кишки все спекутся, до сих пор животом маюсь, горилку почти не пью, да на кашах сижу, словно старец беззубый.

"Только этого не хватало", — с тоской подумал Ольгерд.

— Не гневись, кошевой, — попробовал урезонить он казака. — Я-то совсем не ведаю о тех делах, а Сарабуна сотник Тарас знает отлияно. Может и обознался ты. Охолонь, а потом уж все и решим.

Но слова, предназначенные для того, чтобы урезонить вспыхнувшего как сухой хворост хозяина, достигли действия прямо противоположного.

— Не гневись?!! — зарычал казак. — Да у меня почитай шестой год как кол для него заготовлен…

Ольгерд понял, что если сей же час не прекратить этот нехороший разговор и не остановить готового лопнуть, как перегретый казан кошевого, то через какую-то минуту, когда сюда ворвутся охранники, его с Сарабуном жизнь не будет стоить и ломаного медяка.

— Никакого кола не будет. — твердо ответил Ольгерд и, для пущей убедительности, перенес руку с пояса на сабельный эфес.

Урезонить разъяренного казака встречной угрозой оказалось не лучшей мыслью. Вспомнилось, как в персидском походе перепуганные насмерть погонщики пытались остановить слона, которому изобретательные донцы всунули под хвост тлеющий уголек. Таким же угольком и оказались для кошевого ольгердовы слова. В глазах у кочуровского кровника вспыхнул нехороший рысий блеск.

— Так ты значит с ним заодно, убить меня заслан!? — с этими словами он ринулся на Ольгерда.

Не теряя времени на бесполезные уговоры, Ольгерд отскочил к идущей вдоль стены деревянной полке, схватил первый попавший под руку тяжелый, а стало быть не пустой горшок и метнул его в голову кошевого. Снаряд попал точно в лоб, Молява охнул, закатил глаза, безвольно опустил свои граблеподобные руки и осел на пол. Тут же и выяснилось, чем был наполнен горшок — по щекам кошевого поползли языки белого липового меда.

Ольгерд, не мешкая, отволок обеспамятевшего казака за печку, накинул на него сверху рушник, отдышался и спокойно вышел за дверь, где стоял встревоженный джура:

— Что там такое, пан? Звал кошевой?

— Да нет, — хмурясь, будто чем озабочен, ответил Ольгерд. — Главного-то в письме не было сказано, а новость я ему на словах передал не шибко и добрую. Вот он и разгневался. Велел не тревожить пока. Размышляет.

Джура, судя по оторопевшему виду, никак не мог примерить к старому казаку слово "размышляет", однако и показаться на глаза гневливому господину определенно не спешил.

Ольгерд, сдерживаясь из последних сил, медленно, с ленцой прошел к коновязи,

где у поленницы скучал Сарабун. Приложив палец к губам, Ольгерд скосил глаза на дом, мол молчи и не оглядывайся, после чего незаметно со стороны прихватил ничего не подозревающего лекаря за капюшон и прошипел ему в ухо:

— Ты зачем же, пьявочник поганый, здешних казаков горилкой с порохом потравил?

У Сарабуна задрожали колени и вылезли из орбит глаза. Он зашептал, испуганно озираясь:

— Не виноват, я пан Ольгерд! Хотел как лучше, а получилось, как у прошлого московского посланника… Давно же дело было было, я тогда только из родного Бердичева в Киев приехал и подручным у коновала устроился. Вот мы однажды с хозяином в богатый дом пришли, охотничьих псов лечить, а там французский инженер гостил, имя его я запомнил, Гийом де Боплан. Он грамотный был шибко, про казаков книгу писал, при нас зачитывал хозяевам про то, как сичевики от болезней лечатся. Я тогда речепт сей и приметил. Потом, у Хмельницкого в войске, вызвали меня к поважному казаку, велели его лечить. Вот я ему это средствие и прописал. Кто же знал, что Боплан сей с чужих слов побасенки собирал да для красного словца за правду выдавал? Как прослышал я, что казак помирает, испугался, сбежал в другой полк, где с паном Кочуром повстречался, храни его бог. Свечки потом ставил за погубленную по глупости христианскую душу…

— Тут ты не угадал, — осклабился Ольгерд. — Радуйся, пациент твой жив, здоров и тебя в

гости ждет — не дождется. От благодарности так весь и лучится. Даже кол особый припас.

— Ж-ждет, говорите? — от страха бедный лекарь едва ворочал языком. — П-пан Ольгерд, всем что есть у меня, заклинаю, спасите от гибели! Слугой вашим верным буду до конца моих дней. Только не выдавайте меня этим зверям в человечьем обличье. Казаки — народ жестокий…

— Лезь в седло, — хохотнул тихо Ольгерд. Хотя было ему, честно говоря, не до смеха. — С Дону выдачи нет. Я кошевого отдохнуть пока попросил, так что с полчаса, пока он в себя придет и пустится в погоню, у нас с тобой есть. Выезжай со двора неспешно, а как за воротами окажемся, гони за мной, что есть сил!

Под скучающими взглядами дворовых холопов они покинули негостеприимное подворье. Немного отъехав, пустили коней в галоп. Сарабунова лошаденка, после того как Ольгерд огрел ее плетью, взбрыкнула от неожиданности и, ошарашенная от собственно лихости, рванула вперед по улице разметав отчаянно закудахтавших кур. Непривычный к седлу Сарабун заойкал.

Вылетев за околицу Ольгерд огляделся. Впереди на версту сплошные луга, не спрячешься. Справа блестит вода. Там протекает ручей, в который, не зная броду, соваться опасно, лошади могут в болото влететь. А оставшись без лошадей лучше самим возвратиться обратно и без команды лезть на припасенный кошевым кол. Можно, конечно, вернуться в город, но там особо не спрячешься — каждый новый человек на виду. Так что выход представлялся пока один: пока не подняли тревогу, мчать что есть духу к дальним холмам холмам и пробовать схорониться в лесу.

"Только бы не прознали, в какую сторону мы ушли —, подумал он, подхлестывая коня. — Если кинутся на другую дорогу, тогда успеем". Не тут то было. Убивая едва зародившуюся надежду на спасение, сзади донесся отчаянный тонкий крик:

— Туды, туды поскакали, дядько Богдан! Я их ще бачила, як в село приезжалы…

Ольгерд обернулся. С огорода, размахивая руками на них указывала встреченная на въезде девушка.

То ли кошевой оказался крепок и быстро очнулся, то ли бдительный джура, преодолев страх перед вспыльчивым батькой, постучал таки в закрытую дверь, но обещанного Сарабуну получаса у них теперь не было. Из-за домов, поднимая густую дорожную пыль, выносилась серьезная конная погоня.

*** * ***

Глухо и часто рокотали копыта. Впереди вздымался заросший деревьями холм, над которым серели прямые каменные стены большой православной церкви. Слева от холма уходила вдаль лесистая ложбина. Именно туда Ольгерд и решил направить коней — в лесу всегда можно спрятаться, запутать следы, отсидеться, сделав укрытие. Слобожане — не боровые охотники, следы в чаще читать не умеют.

Не будь рядом с ним Сарабуна, уйти бы было легче легкого, казаки воевали в пешем строю, а потому коней держали походных: выносливых, но не быстрых. Так что гонку в три — четыре версты его шустрому на бег жеребцу проиграли бы на раз. Лекарева же лошаденка была простой сермягой, которую только в телегу впрягать да под плугом водить. После того как они пулей вылетели из села, саженей с полста она честно пробовала изобразить боевой галоп, но быстро выдохлась и теперь, невзирая на все усилия Сарабуна, обреченно частила суетливой крестьянской рысью.

Обстановки нелепее нельзя было и придумать. Остановиться, чтобы снова попробовать объясниться, означало подписать не только себе но и злосчастному лекарю лютый смертный

приговор. Суд казацкий был скор и жесток — обнаружив подлинное или мнимое преступление, сбежавшиеся на клич запорожцы тут же, без лишних формальностей проводили беглое дознание и выносили приговор, чаще всего заканчивающийся тем, что вора, изменника или убийцу вздергивали на ближайшем суку.

Проскакав с полпути до спасительного леса, Ольгерд обернулся. Расстояние между беглецами и преследователями сократилось саженей до трехсот, и в мчащейся группе можно было уже разглядеть отдельных всадников. Он насчитал семерых. "Как пить дать, догонят", — обреченно подумал Ольгерд и, закрепив повод на луке седла, начал заряжать свой второй пистоль. Первый, тот что за поясом, он разряженным не держал даже когда шел в баню.

Тем временем сарабунова лошадь начала проявлять первые признаки усталости: нервно похрапывала, кусая удила и ходила боками. До леса оставалось не так уж много и нужно было быстро решить, в какую сторону повернуть. "Только бы стрелять не начали", — подумал Ольгерд. Словно в ответ на невысказанные слова сзади послышались частые хлопки. Сарабун охнул, запричитал, врезал лошади пятками по бокам и намертво вжался в гриву. Чуткая на опасность крестьянская кобылка, полностью разделяя опасения своего седока, всхрапнула, поджала уши и рванула так лихо, что выскочила вперед на полкорпуса. Конь Ольгерда тоже поддал, догоняя товарку…

До осталось саженей пятьдесят, примерно столько же до настигающей их погони. Можно было уже разглядеть, что казаков возглавил сам кошевой. Он размахивал саблей и кричал на ходу: " К лесу, к лесу прижимай, хлопцы! Теперь не уйдут". "Еще и как уйдут", — подумал Ольгерд, направляя коня на змеящуюся между деревьев дорогу, уходившую к подножью крутого холма.

Кони беглецов влетели в сосняк. Шум погони словно отрезало и теперь конская прыть не играла большой роли. Кони зашарахались от веток пошли частой рысью.

Молясь, чтобы казаки не были знакомы со здешним лесом, Ольгерд свернул на первую же встретившуюся тропу. Ветки хлестнули его по бокам, за спиной громко засопел Сарабун. Шикнув на лекаря, Ольгерд перевел коня на шаг и въехал в густой орешник.

Углубившись в заросли, они остановили коней. Вдалеке раздался истошный сорочий стрекот. Ольгерд улыбнулся- обман удался и преследователи, не приметив тропы промчались вперед.

— Что дальше делать будем? — шепотом спросил Сарабун.

— Подождем, пока они подальше уедут и двинем в урочище, — ответил Ольгерд. Киев обойдем стороной, пойдем в Чернобыль, где осавул у меня знакомый. Оттуда до Лоева недалече.

— Вернемся, стало быть, к пану Кочуру?

— А куда нам еще податься? — вздохнул Ольгерд. — В Киеве нам обоим теперь на колу торчать, ну а под рукой у сотника хотя бы не пропадем.

На ходу размышляя о превратностях жизни, Ольгерд двинул коня сквозь орешник. "От судьбы не уйти, — думал он, придерживая рукой гибкие ветви. — Место мое рядом с Ольгой, в Лоеве. Все, хватит. Забуду и про месть и про вора этого, Душегубца, ворочусь к Тарасу да буду служить ему верой и правдой"

Не успел он додумать последнее до конца, как орешник неожиданно раздался по сторонам, открывая спрятанную под самым откосом холма дорогу с широкой прогалиной. Посреди дороги, в окружении своих подручных, возвышался в седле только что помянутый Дмитрий Душегубец.

*** * ***

"Может ошибся?", — подумал Ольгерд. Что мог делать в людных местах лесной разбойник? Но нет, это был точно он. Если, конечно у Душегубца не было брата-близнеца, предпочитающего черно-серебряный наряд и глядящего на мир презрительным волчьим взглядом. Сидящий внутри мелкий бес взвизгнул, придя в себя: "И что ты там про судьбу говорил?".

Ольгерд бесу не ответил. Соображать кто, господь или дьявол, поставил на его пути главаря разбойников, да и вообще прикидывать, откуда он тут вдруг взялся было теперь недосуг. В седельных кобурах лежали два заряженных пистоля, и нужно было быстро оценить, во-первых, разбегутся ли остальные разбойники после того, как он разнесет голову Душегубцу и, во-вторых, насколько быстро, заслышав выстрелы, примчатся сюда разъяренные казаки. Медленно опуская руку к правой кобуре, он двинул коня вперед.

Разбойники явно не ожидали гостей. Они разом развернули коней в их сторону и вскинули стволы. С ходу стрелять не стали, видно тоже боялись шуму.

Первым опомнился Душегубец. Прищурившись, оглядел вновь прибывших, определенно узнал Ольгерда, а потому заговорил голосом скорее веселым, чем изумленным.

— Глазам не верю, это ты, литвин? Вот уж кого не чаял встретить здесь и сейчас. Выжил значит? Ну радуйся, счастливец, теперь до ста лет проживешь!

От его насмешливого тона Ольгерда передернуло. Он, как мог, сдержался и сделал безразличное лицо. Пистоль-не мушкет, бьет наверняка всего с двух-трех саженей, так что нужно было подобраться как можно ближе не спугнув при этом добычу.

Усмири гнев, процедил сквозь зубы:

— Проживу. Твоими молитвами.

— Да ладно тебе, — не усмотрев угрозы, хохотнул воровской главарь. — Там в лесу все честно было. Я в плен тебя взял оружного, как воина, а не как холопа. Лечить тебя приказал, службу тебе предложил. Так что пенять на меня вроде как не за что. Кстати, я и сейчас от слов своих не отказываюсь. Хочешь — оставайся с нами. Только вот испытание все равно придется пройти. — Душегубец указал на своего заводного коня, на спине у которого поперек чепрака был перекинут длинный мешок. — Как только этого вот допросим, перережешь ему горло и все дела…

Ольгерд кивал, делая вид что слушает, в то время как его пальцы осторожно подбирались к рукоятке пистоля. Ощутив привычное тепло деревянных щек, он притворился, будто обдумывает сделанное предложение. На самом деле лихорадочно прикидывал, выстрелить ли с бедра в тулово или, теряя время, поднять руку повыше, чтобы наверняка попасть в голову.

Душегубец ждал ответа. Ольгерд принял решени. Мало ли какой там у этого оборотня доспех на груди, а голова хоть и мишень поменьше, но при попадании в нее обеспечена верная смерть. Он тронул повод, пустив коня редким шагом и, отвлекая наблюдателей, провел левой рукой по лбу, вытирая выступивший от волнения пот. До Душегубца оставалось не больше десятка шагов.

— А почему бы и нет? — спросил он у Дмитрия, сам сжимаясь уже, чтобы единым движением выдернуть пистоль, вытянуть вперед руку и, поймав прицелом переносицу погубителя, нажать на спуск. — Только тут вот дело такое…

Он не успел договорить, как в кустах затрещало и на поляну, прямо в самое толковище, выскочила казацкая погоня.

Разбойники снова вскинули опущенные было стволы, но главарь остановил их властным жестом. Два отряда замерли, разглядывая друг друга. Разбойники стояли плотно, укрывая Ольгерда с Сарабуном от преследователей живой стеной.

— Эй вы, чужих тут не встречали? — не заметив беглецов, нарушил молчание кошевой,

который с волосами, слипшимися от несмытого меда напоминал паршивого барсука. — Мы казаки из Куреневского коша, ловим разбойников, что с подметным письмом разъезжают…

— Езжайте своей дорогой, казачки, не теребите людей, — спокойно произнес в ответ Дмитрий. — Никого мы не видели, ничего не знаем.

— Это ты проезжай, голота, — огрызнулся в ответ кошевой. — Сами чьи будете?

— Мы люди московского воеводы. Едем по делу, перед тобой ответ держать — много чести будет…

Кошевой озадаченно нахмурился. Мысли его легко угадывались по лицу. Особого почтения к новому московскому начальству Молява, судя по всему, не имел, но и ссориться с посланцами царского наместника опасался.

— Ладно, — мрачно выговорил он, сохраняя достоинство, — раз так, то езжайте…

— Ну, пака! — акнув на московитский манер, кивнул Дмитрий и тронул поводья. В это время кобылка Сарабуна, отдохнув и придя в себя, решивла привлечь внимание собравшихся на поляне жеребцов, и тонко противно заржала.

— Вот же они голубчики!!! — радостно взревел Богдан Молява. — Говорил я, что никуда из урочища не денутся, выскочат на старую монастырскую дорогу, тут-то мы их и перехватим…

Ольгерд хотел было ответить, но его опередил Душегубец, который, похоже, принял слова кошевого на свой счет.

— Путаешь ты казак, — ответил он с накипающим гневом. — Мы тебя не знаем и трогать тебя не хотим. Говорю же, езжай своей дорогой, пока цел.

Лицо кошевого перекосила буйная злоба:

— Так значит, вы все заодно? Этот литвин с письмом к нам в слободу приехал, лекаря своего привез, чтоб меня на тот свет отправить, а остальные воры тем временем в лесу поджидали!? — Ну так держитесь!

Душегубец тратить время не стал. Махнул рукой своим людям и те не мешкая вскинули стволы. Оглушительно бахнули выстрелы и поляну занесло дымом. Один из казаков ойкнул, схватился за руку, второго как ветром выдуло из седла. Сам кошевой застонал, откинулся назад и картинно грохнулся оземь.

— Вперед! — крикнул Душегубец, вытаскивая саблю. — Живыми не оставлять!

Уцелевшие казаки бой принимать не стали. Не успел пороховой дым рассеяться, как они уже соскользнули с коней и растворились в кустах. Разбойники, упустив добычу, завертелись по сторонам.

Удачнее момента и придумать было нельзя. Ольгерд вскинул пистоль, уцелил в голову Душегубца но, уже давя на спуск, увидел, как черный всадник, дав шпоры коню, уходит с линии выстрела… Проклиная всё и вся, Ольгерд разрядил второй пистоль прямо в голову одного из разбойников. Выстрел был удачным — пуля разворотила височную кость и застряла в голове. Тать тот уронил недозаряженное ружье и кулем шмякнулся на взрытую от копыт траву.

— С коня! — крикнул Ольгерд Сарабуну. — В кустах схоронись, да побеги, погляди кошевого, жив или нет.

Краем глаза заметив, что Сарабун нырнул в орешник, Ольгерд вздохнул с облегчением и, последовав примеру казаков, слетел с коня и занял стрелковую позицию за древесными стволами.

— Бросай все, уходим! — донесся уже со склона голос Душегубца.

Как опытный командир, не зная с каким числом врагов он имеет дело, Дмитрий явно решил не рисковать. Разбойники разом повернули коней и, хрустя сухостоем ломанули через кусты. Поляна вмиг опустела.

Ольгерд огляделся, выискивая засевших в лесу казаков. Обнаружить слобожан было

нетрудно — из орешника высунулась и скрылась одна чубатая голова, чуть правее, в кустах бузины, мелькнула другая. Ожидая, чем кончится дело, он остался сидеть за деревом. Пистоли зарядить успел, но с казаками биться не собирался. Разве что, если они поймают и попытаются убить Сарабуна.

— Вот и попався, вышкварок! — раздался вдруг за спиной хриплый голос.

Ольгерд обернулся. В спину его смотрело два ружейных ствола, а вид казаков, сжимавших ружья, не предвещал ничего хорошего. Сплюнул с досады — скрали, словно рябчика на охоте. Делать нечего, раз оплошал — сдавайся. Он положил на траву пистоли, медленно поднялся на ноги, воткнул в землю саблю, скинул с плеча карабин и, надеясь, что казаки не обнаружат спрятанный в голенище нож, безропотно позволил связать себе руки.

— Не успел, вражина, сбежать, — прошипел ему в спину один из конвоиров, тот самый, встреченный на подворье у кошевого джура. — Ну ничего. Сейчас костер разведем и допросим железом. Все как на духу нам расскажешь. Ждали мы подосланного убивца. Русскому воеводе наши вольности давно поперек яиц, а наш батько и вовсе торчит у московитов костью в горле. Кошевой за казацкие привилеи кому хош кафтан на тряпки порвет…

Прерывая джуровы рассуждения, с другой стороны поляны послышался крик — казаки выволакивали из кустов Сарабуна, который изгибался и вертелся в дюжих руках словно пиявка.

— Кошевого нашли? — спросил джура.

— Эге ж, знайшлы! — с пыхтением закручивая за спину руку лекаря, ответил казак.

— Шо с ним? Живоой!?

— Живой, ще й як! Тильки ранетый. Вовремя мы поспели — этот вот убивца над рясе над батьком уже суетился, еле оторвали. Он ведь уже и мотузку приспособил, чтоб кошевого нашего придушить…

— Какой придушить!!! — взвился в непритворном гневе маленький лекарь. — Да оставьте же меня, чтоб вас черная болезнь в нужнике заморила, я же перевязку вашему батьке сделал и жгут собирался наложить, чтоб кровь запереть. А тут вы налетели, как мухи на навоз. А ну, отпустите немедля, пока он кровью совсем не истек.

Джура переменился в лице и не хуже своего пана рявкнул на бдительных конвоиров:

— Где батько!?

— Та вона за теми кущами.

— Мигом все туда. И этих с собой берите!

Вся честная компания переместилась с поляны в лес. Куреневский кошевой, словно затравленный медведь, сидел, опершись спиной о древесный ствол. Голова его, поверх меда густо припорошенная землей, безвольно лежала на груди, перетянутой свежим бинтом. Заслышав голоса и шаги Молява открыл глаза подбородок.

— Что там? — спросил он слабым голосом.

— Обоих узяли, батько! — радостно, словно пес, принесший хозяину дичь, разве что хвостом не виляя, доложил джура. — Что теперь делать с ними прикажешь: прямо здесь в петлю, или домой доставить и там уж на кол? Я без вашего приказу даже допрос не начинал!

— Молчи, Иван, — поморщился кошевой. — Это потом. Ты сперва мне доложи, наших сколько погибло?

— Один, Остап. Наповал в грудь. Еще Ондрию руку зацепило, но то несильно.

— А сколько полегло москалей?

Джура вжал голову в плечи:

— Один убит. Остальные ушли.

— Кто убил москаля?

— Этот вот, — казак, удерживающий Сарабуна, ткнул пальцем в Ольгерда. — Я сам видел,

как он сперва в главаря их целил, да промазал, а потом ближайшего к себе и порешил из пистоля. Стрелок меткий, каких поискать.

Кошевой, с трудом удерживая голову на весу, хмуро оглядел свое воинство.

— Нас было семеро. А с этими вот, — он указал на Ольгерда рукой и поморщился от боли, — считай девять. А московитских убивцев всего пятеро. Семь казаков не смогли одолеть пятерых воеводиных выкормышей? Стало быть, как батьку ранили, все вы по кустам разбежались, гречкосеи хреновы?! Да будь мы сейчас в сечевом походе или под рукой у батьки Хмеля, я сам бы, своей рукой вздернул всех за трусость и дезертирство…

— Это были не московиты, — буркнул Ольгерд.

Удерживающий его казак дернул за плечо, заставляя молчать. Но кошевой расслышал. Рыкнул коротко:

— Не мешай, пусть говорит. Вот ты и проболтался, засланец. Знаешь, стало быть, кто это были такие?

Ольгерда коварный вопрос не смутил

— Как не знать, когда я у них год назад в плену побывал. Это разбойники с Брянщины. Кабы не вы со своими воплями, перестрелял бы я их, как собак, а на кого пули не хватило, тех бы саблей срубил.

Кошевой слушал Ольгерда, буравя его росомашьим взглядом. Дождался конца, кивнул, соглашаясь и приказал:

— Развязать.

Если куреневские слобожане и не отличались особой храбростью в бою, то что-что, а слушаться своего кошевого они умели. Не успел Молява договорить, как путы на руках у Ольгерда ослабли.

— Лекаря сперва отпустите, — немедля потребовал Ольгерд. — Пусть раненым помощь окажет.

— Пускайте! — прохрипел кошевой. — Это ведь он меня от верной гибели спас. Пока вы там в кустах пана трусачевского праздновали, отволок меня в безопасное место и повязку наложил.

Сарабун обдал казаков уничтожающим взглядом, хмыкнул, вырвал руки и захлопотал вокруг раненого.

— Зброю отдайте, — спокойно потребовал Ольгерд.

— Отдай, — подтвердил из-за лекаревой спины кошевой. — Тут, похоже, ошибка вышла. Вижу, что не убивцы эти двое. Но ребята горячие. Ох и приложил ты меня глечиком, хлопче, словно мякиной набита…

— Как есть ошибся ты, кошевой, — кивнул Ольгерд, засовывая за пояс пистоли. — Не за мной было никакой измены. И про дела твои с лекарем я ничего не знал, пока во дворе его не расспросил. Не со злого умыслу он тебя тебя тогда селитрой отпотчевал, а по ошибке.

— Христом-богом клянусь, пан Молява, — хлопоча над раной, зачастил Сарабун. — Это все француз поганый со своими речептами меня попутал. Я с тех пор многому научился, при пане Кочуре личным лекарем состоял. Пана Ольгерда от ран излечил…

— Ладно, верю, — прокряхтел Молява. — Помыслил бы ты злое, не стал бы меня спасать. В лекарском деле, говоришь, преуспел?

— Ну не так чтоб очень, — зарделся Сарабун. — Однако все, кого от увечья да смерти спас, не жалуются. Мне бы в коллегию еще поступить да там обучиться…

— Ладно, нечего тут посеред леса лясы точить, — оборвал лекаря кошевой. — Поехали обратно в слободу. Там и поговорим обо всем. Ты, лекарь, меня уж пользуй до самого выздоровления, раз попался. Должок за тобой все же как-никак имеется. А тебе, — он кивнул в

сторону Ольгерда, — раз обещал я протекцию к пану полковнику, стало быть сделаю. Тем паче ты, как стрелок, похоже себя проявил неплохо. Не то что мои тюхи.

Ольгерд покачал головой.

— Отпустил бы ты меня пока, пан Молява. К этим ворам я имею особый счет. Поеду вслед, может и догоню.

— Ты казак вольный, — кивнул кошевой, чуть подумав, — тебе и решать. Езжай, раз охота. Лекаря я твоего, уж не обессудь, никуда не пущу, а вот трофеи бери по чести. Что там осталось? — обратился он к джуре.

— Две лошади, скаковая и заводная, — ответил тот. — С разбойника убитого сняли кремневую фузею, саблю да нож. А на заводной лошади холоп связанный лежит.

— Пленный, говоришь? — покачал головой Молява. — Это ж надо, как московитские воры оборзели. Совсем страх после Переяслава потеряли, под самый Киев приехали промышлять… Ладно, вот все что есть ему и отдайте.

Было похоже, что вспыльчивый кошевой считал источников всех своих жизненных неприятностей исключительно обитателей московского царства. Ольгерд спорить не стал. Не дожидаясь, пока под руководством Сарабуна взгромоздят на коня шатающегося Богдана, вернулся на оставленную поляну. Там его и догнал казак, вручил трофеи. Конь у разбойника был не чета ольгердову жеребцу, но дареному, как известно, в зубы не смотрят.

— Помощь нужна? — спросил казак.

— Сам пока разберусь, — отказался Ольгерд. — Ты скажи мне только, куда они могли отсюда пойти?

— Да тут по сторонам-то и не разгонишься. Из Желани, как это урочище здешние зовут, куда не поедешь, на жилье наткнешься. Та дорога, что под холмом бежит, упирается в Ерданские ворота подольского места. Вторая дорога, по которой мы ехали, выводит наверх холма, к Троицкому монастырю. В город они вряд ли поедут, там все строго, придется страже рассказывать кто такие. Так что, скорее всего, двинут они через гору мимо монастыря на литовский шлях. Сменных лошадей у них вроде нет, так что ты о три-конь, пожалуй, их быстро настигнешь.

— Добре, — усмехнулся Ольгерд. — что же поеду наверх, попробую прохожих расспросить. Кошевого своего берегите. Больно уж он у вас горяч да на расправу скор.

— Да уж, есть такое дело, — вздохнул казак. — Ладно уж, друже, ты зла на нас не держи. Сам понимаешь, война кругом. Да и воевода еще этот зловредный. Всем измены в молочной крынке мерещатся…

Литовский шлях, о котором упомянул казак, Ольгерду был знаком. Пролегал он по местности заселенной, где группе вооруженных всадников остаться незамеченной, не при себе шапок-невидимок, крайне мудрено.

Погоня предстояла долгая и готовиться к ней нужно было особым тщанием. Первым делом следовало осмотреть новых трофейных коней. Ольгерд подошел к ним поближе и выругался чуть слышно — поперек кобыльей спины кобылы все еще лежал давешний мешок, в котором, судя по всему, находился отбитый у разбойников пленник.

Ольгерд достал нож и разрезал стягивающие мешок ремни. Тюк медленно начал съезжать на землю. Оттуда, высвобождаясь из рогожи, высунулся человек в сером одеянии богомольца. Пленник медленно сполз с коня, сел, потряс кистями, разгоняя кровь, отбросил скрывающий лицо капюшон и, глядя на Ольгерда снизу вверх, недовольным голосом произнес:

— Зачем вмешался? Кто ты такой? Как вообще оказался здесь?

*** * ***

От неожиданности Ольгерд оторопел. По его разумению, любому освобожденному пленнику полагалось если уж не рассыпаться в благодарностях, то по крайней мере сидеть молчать и приходить в себя, в то время как его нечаянный собеседник, не выказывая малейшей признательности, недовольно сверкал глазами и сыпал вопросами, словно не Ольгерд избавил его от пыток и верной смерти, а вовсе наоборот.

Незнакомец откинул капюшон, под которым обнаружилась до блеска лысая голова со странным, сильно вытянутым назад затылком. Спасенный на вид был совсем не стар. "Лед тридцать, как и мне, — отметил Ольгерд. — Если и старше, то ненамного". То что этот человек отнюдь не случайно прихваченный разбойниками ясырь, не было и малейших сомнений — на простого богомольца он походил не больше, чем крылатый гусар на местечкового раввина. У спасенного был высокий, нахмуренный лоб и прямой, с небольшой горбинкой нос. Мягкий, но в то же время волевой подбородок и большие миндалевидные глаза выдавали в нем недюжинную породу. О чем там говорил Душегубец перед стычкой? Кажется о том, что собирается допрашивать пленника…Зачем же он понадобился разбойнику?

Тем временем только что безвольно свисавший с коня человек, путая ольгердовы мысли, бросал вопросы решительным и до крайности недовольным голосом.

— Давай-ка для начала это я тебя кое о чем спрошу, — не выдержав, перебил незнакомца Ольгерд.

— Это ты спросишь меня? — бывший пленник с птичьей легкостью взметнулся на ноги. Ростом он был чуть повыше Ольгерда и теперь смотрел на него сверху вниз, недовольно сверкая темно-вишневыми глазами. — Ты спугнул этих негодяев, не дав мне с ними поговорить, а теперь пытаешься учинить мне допрос?

— Можно подумать, что это ты меня спас, — фыркнул Ольгерд.

Незнакомец рассмеялся.

— Спас? Их было всего пятеро, мне не нужна была ничья помощь.

"Ясно, — вздохнул про себя Ольгерд, найдя наконец объяснение столь странному поведению незнакомца. — Обычный сумасшедший, каких полно в любых богомольных местах. С перепугу совсем обезрассудел, вот околесицу и несет. Не мудрено было Душегубцу его с кем-то попутать".

Толку в дальнейших препирательствах не было ни на грош. Человек с помраченным рассудком — свидетель негодный: разницы меж придуманным и услышанным не знает, от того вряд ли расскажет что путное.

— Ладно, ступай, божий человек, — примирительно сказал Ольгерд. — Дел у меня сегодня много, не до тебя. Доберешься до церкви, в которую на поклон идешь, свечку за меня поставь… — Он отвернулся о незнакомца к коню и стал проверять подпругу.

— Нет уж, так не пойдут дела, — раздался вдруг сзади холодный и жесткий голос. — Рассказывай сейчас же, все что мне нужно, или…

— Что "или"? — Ольгерд развернулся к ополоумевшему богомольцу, усмехнулся и положил руку на эфес. Теперь было совсем уж понятно, как и почему убогий оказался пленником Душегубца — если он и с разбойничьим главарем попробовал говорить в подобном непочтительном тоне, то странно вообще, как он жив остался.

— Или я буду вынужден применить к тебе насилие, — не обращая внимания на угрожающую позу собеседника, договорил богомолец.

"Точно буйный" — подумал Ольгерд. А с буйными нужно поосторожнее. Он скосил глаза к

кустам, надеясь на подмогу, но казаков уже след простыл. Вздохнув обреченно, Ольгерд шагнул назад и вытащил саблю. Не рубить конечно — постращать. Ну а если в буйство впадет, то и врезать плашмя. Кто их, сумасшедших знает, вдруг еще кинется?

Блаженный кинулся. И кинулся так что глаз едва уследил, метнулся вперед стрелой, выпущенной из тугого татарского лука, так что глаз за ним не поспел. Хоть Ольгерд и был готов к любому коленцу, которое может выкинуть лишенный ума человек, но против столь стремительного броска даже саблю выставить не смог, только назад откинулся.

Ожидал всего — ногтей, что полезут в лицо, зубов, вцепившихся в руку, в крайнем случае кулака. Но только не башмака, врезавшего по державшей саблю руке. Удар был несильным, самым кончиком носка по тыльной стороне ладони, но видно попал блаженный в какое-то слабое место — всю руку до плеча пронзила дикая боль. Пальцы разжались сами собой и сабля упала в траву.

Бешеный богомолец отбросил ногой клинок и замер в шаге от Ольгерда, выставив перед собой кулаки.

Ольгерд облегченно вздохнул и набычился, предвкушая расплату. Не догадывался его лишенный разума поединщик, что лихой донской есаул, у которого Ольгерд три года ходил в казачках, главной забавою в почитал кулачный бой стенка на стенку. В боях этих Ольгерд, хоть и не по доброй воле, был непременный участниу, так что оттузить сухопарого незнакомца было для него делом нехитрым.

Не дожидаясь, пока рука придет в чувство, Ольгерд спружинился, оттолкнулся от земли и, вложив в удар весь свой вес, врезал бешеному под дых. Попал хорошо, крепко, но поставленный удар, которым он не раз выводил из строя врагов куда покрепче чем сухопарый противник, на сей раз удался только наполовину. Богомолец, как и положено человеку, получившему кулаком в живот, сложился словно колодезный журавель но, вопреки ожиданиям, не упал, хватая ртом воздух, а семенящими шагами отскочил назад, сделал несколько глубоких вдохов и снова ринулся в бой.

Ольгерд уже понял, что его противник любит пускать в ход ноги и был к этому готов. Сумел отбить несколько нанесенных подряд ударов. И не только отбить, но и ответить хорошими тумаками.

Если спасенный противник и был на самом деле блаженным, то в бою он своего духовного нищенства ну никак не проявил — действовал хладнокровно, расчетливо и умело. Пропустив несколько точных и хорошо поставленных удара Ольгерд начало верить в то, что слова о том, что он собрался в одиночку совладать с пятерыми разбойниками, не были больным бредом. А раз противник в здравом уме, то с ним всегда можно договориться. Глупую и бессмысленную стычку требовалось немедля прекратить.

Заговорили оба сразу.

— Вот что, любезный, эдак мы все ребра один одному поломаем. Может бросим кулаками махать? — спросил Ольгерд.

— Слушай, если мы покалечим друг друга это будет очень глупо. Давай лучше поговорим, — одновременно предложил богомолец.

Они улыбнулись друг другу и опустили руки.

— Присядем? — предложил Ольгерд, указывая на поваленный ствол.

— С удовольствием, — честно кивнул богомолец.

Они уселись на разных концах ствола. Ольгерд начал разминать сильно ушибленное плечо, а его собеседник блаженно вытянул вперед ноги.

— Это с каких же пор у сирых богомольцев обувка из воловьей кожи? — спросил Ольгерд разглядывая ладный башмак на ноге у недавнего противника.

— Это носорог, — ответил, почесывая скулу, собеседник, — недешево, конечно, обходятся, но для дальнего пути лучше ничего нет. — Богомолец выговаривал слова чуть неправильно, как говорят по-русски валахи.

Что за зверь носорог Ольгерд знал, видел это заморское чудище в зверинце у магнатов Потоцких. Но с каких это пор, хотелось бы знать, в полунищей Валахии завелись редкие африканские звери?

— Издалека, значит шагаешь? — спросил Ольгерд.

— Луксор, — коротко ответил богомолец.

"Так и есть, валах".

— Путь не близкий. И чего тебя из самой Болгарии на Киевщину понесло?

— Я не из Болгарии.

— А… Так значит из Турции?

— Нет. Еще дальше. Приплыл в Аккерман из Александрии через Босфор.

— Ну на грека-то ты не сильно и похож…

— Александрия не в Греции. Это Египет

— Какой еще Египет!?

— Тот самый. Где пирамиды.

— Ничего не понимаю. Там же басурмане одни живут, а ты вроде как христианин…

— А тебе не кажется, — усмехнулся богомолец, — что теперь моя очередь спрашивать?

— Согласен, — кивнул Ольгерд. — Что хочешь узнать?

— То же что и вначале. Кто ты такой и как здесь оказался?

Ольгерд, по примеру богомольца, отвечал коротко и запираться не стал.

— Я литвин, родом с Курщины, до недавних пор компанеец у запорожцев. Не поладил со здешним кошевым, бежал от него, по дороге наткнулся на старого знакомого, с которым давно имел свои счеты. Это тот, кто тебя пленил. Остальное ты видел. Словом, случайность.

— Случайность, говоришь? — прищурил глаза странный египтянин. — В том, что произошло здесь сегодня, нет места случаю. Этих людей предупредили о моем появлении. Они ждали меня несколько дней, подстерегли в засаде и увезли в лес на допрос. Я дал себя связать, потому что хотел того же, что и они — поговорить без посторонних глаз и узнать, что им нужно. Тут вдруг появились вы, и пошло идет насмарку.

— Ничего не понял, — пожал плечами Ольгерд. — Это ведь были обычные разбойники, которые промышляют на Брянщине и в Полесье. Какой им резон соваться в Киев, чтобы на богомольца засадой стоять? Ты что, пуд золота с собой вез?

— Есть вещи много дороже золота, — улыбнулся богомолец. — Знания, например. Недавно умерший канцлер Франции, герцог Арман де Плюсси оставил в своих воспоминаниях фразу: "Кто владеет информацией, тот владеет миром".

Польское слово informacja Ольгерд знал — оно обозначало знание и понимание. Стало быть не ошибся он в своих предположениях — спасенный был и впрямь чьим-то тайным посланником.

— Дай мне руку, — потребовал вдруг египтянин.

— Какую?

— Ту, что от сердца.

Ольгерд протянул ему левую руку. Тот взял ее за запястье, развернул ладонью наверх. Провел пальцем по складкам, усмехнулся.

— Случай, говоришь? Не смеши. Ты ведь из того самого княжеского рода, который пятьсот лет назад заключил с нашими старейшинами договор на крови.

Ольгерд начал сомневаться, не рано ли перевел богомольца в нормальные. Спросил, уже

скорее для поддержания разговора.

— Откуда про мой род знаешь?

— Сам смотри, — собеседник указал на две толстых скрещивающихся линии. — Этот знак носят потомки князя Олега Черниговского. Так ли?

— Все верно, — ошарашенно кивнул Ольгерд. — Есть у нас в роду и Ольговичи Черниговские и литовские Гедиминовичи, от которых мальчикам имя дают. Но тогда совсем уж непонятно, что нас троих здесь свело — тебя, меня и Душегубца…

— Я и сам хотел бы это узнать, — усмехнулся египтянин. — Да только спасители помешали. Ну да ладно, про дела дней давно минувших, мы, надеюсь, еще успеем поговорить. Теперь нам нужно решить, что делать сейчас.

— А чего тут решать? — удивился Ольгерд. — Я собрался за разбойниками в погоню, если хочешь, давай со мной. Тебя, говоришь, ваш человек выдал? Вот для начала его и расспросим.

— Боюсь, что он уже ничего не скажет, — ответил богомолец. — Но поиски в любом случае нужно начать оттуда. И он указал рукой в сторону нависающего над ними холма, туда, где, сквозь верхушки деревьев проглядывал купол примеченной еще во время погони церкви.

*** * ***

Незнакомец оказался хорошим наездником. Из представленных ему Ольгердом на выбор двух трофейных коней — боевого и заводного, он без колебаний выбрал злого разбойничьего скакуна, проверил подпругу, похлопал коня по гриве, вставил ногу в стремя и, без заметных усилий, взвившись в седло, уверенно направил коня по чуть заметной вьющейся меж кустов тропинке.

Рощи и перелески, укрывающие крутой склон, уже отметила ранняя осень: то здесь то там среди зелени виднелись красные и желтые пятна увядших листьев. Помалу приходя в себя после всех сегодняшних передряг, Ольгерд вдыхал сочный лесной воздух. Хотел справиться у нового знакомца про имя, да не успел, уже добрались до цели. Пропетляв вверх-вниз по склону тропа вывела в глубокий крутой овраг, по дну которого шла наверх укатанная прямая дорога. В конце нерукотворной аллеи виднелись деревянные стены надвратной церквушки — похоже, это и был тот самый Троицкий монастырь, о котором говорил казак.

Стремя в стремя они подъехали к воротам. В том, что покинув поле боя, Душегубец отправился именно сюда, не осталось ни малейших сомнений: выбитая створка ворот покачивалась на одной петле, а рядом, истекая кровью, лежал привратник в послушничьем облачении.

Богомолец спрыгнул с коня, склонился над телом, взял лежащего за запястье, подержал и, обернувшись к Ольгерду, покачал головой.

— Не дышит.

— Значит, нам туда, — сказал Ольгерд и двинул коня вперед.

Монастырь, укрытый за простым деревянным частоколом, оказался сборищем разнотычных деревянных строений, из-за которых выглядывал круглый купол церкви. В том, что Душегубец с подручными, проломившись в обитель не ограничились убийством несчастного привратника, можно было даже не сомневаться: пристанище смиренных иноков напоминала растревоженный муравейник. Меж срубами метались во множестве одетые в рясы вусмерть перепуганные люди, роясь вокруг осанистого, но изрядно взъерошенного иерарха, стоящего у входа в большой двухэтажный дом. Это, по всей вероятности, и был здешний настоятель-архимандрит.

Понять толком, что же именно всполошило божьих людей, не удавлось — сбивчивые

заполошные выкрики, от "Божья кара за грехи наши!" и "Гроб у кого заказывать, у Василя в Гончарах или у ляшского плотника, он берет меньше?" до "Так кто же теперь лампадное масло на вечерню выдаст, братие?" никак не укладывались в цельную картину. Отчаявшись вникнуть в стоящий гомон, Ольгерд решительно оттер одного из братьев к стене и учинил ему строгий допрос.

Монах, по всей видимости приняв осанистого оружного незнакомца за одного из служивых людей, поведал, что вчера в монастырском странноприимном доме, предназначенном для мирян: "Любой лишний талер для обители во благо еси" остановились путники, представившиеся московитами, едущими по торговым делам к одному из подольских купцов, от которого якобы должны были взять обоз, чтобы сопровождать товары не то в Новгород, не то в Рязань. Утром пятеро постояльцев неожиданно сорвались с места и ушли. Рассчитались они сполна, а дела мирские, суетные, монахам до большой софийской лампады. Отворили братья ворота, да благословили в путь, как водится, торговых людей. Про то, что вместе с уехавшими пропал вдруг и ночевавший в обители пеший путник, дознались не сразу. Когда дознались — поняли, что силком его увезли. Собрались воеводе гонца заслать, мол подозрительные дела творятся, но не успели. С полчаса назад назад трое из пятерых лихоимцев во главе со своим старшим: "Черным, яко ворон", вломились в мирный монастырь, проникли в келью отца-кастеляна, перерезали ему горло и были таковы.

— Это, я так понимаю, и был тот человек, что тебя Душегубцу выдал? — отпустив с миром монаха, спросил Ольгерд у своего спутника.

— Он самый, — кивнул богомолец. Накинув капюшон он почти ничем не отличался от обитателей Троицкой обители. — Это был наш человек, который и вызвал меня сюда.

Разговаривая, они подъехали ближе к архимандриту который как раз завершал напутствие неуклюже взбирающемуся на коня молодому послушнику.

— Князю-воеводе все как есть передашь. Пусть ратных людей в погоню немедля высылает. Виданное ли дело, чтобы человека монашеского чина вот так ни за что ни про что, как свинью, в собственной келье зарезали?

— А к казакам будем гонца посылать, владыко? — спросил кто-то из братии.

— Пошлем и к ним, пожалуй, — кивнул настоятель. — Куреневка поближе, чем Киселевка, скорее погоню вышлют. Хотя, конечно, казаков на помощь звать, что татей в дом пускать. Отымут они у нас после этого оболонский выгон, прости Господи…

Отправив гонца, архимандрит немного остыл и обратил, наконец, внимание на вновь прибывших.

— Кто такие? Как в монастырь проникли? Почему ворота до сих пор открыты?! Ох и наложу я привратнику епитимью, сто раз "Отче наш…" коленопреклоненным, на горохе с земными поклонами… Не монастырь а проезжий двор какой-то.

— Мы путники. Сами от тех разбойников ноги едва унесли, — ответил Ольгерд.

— А привратнику епитимью наложить не получится, — добавил его спутник. — Он уже предстал перед иным судьей, гораздо более строгим, чем ты, отче…

Архимандрит посерел лицом и осенил себя крестным знамением. В толпе охнули, кто-то понесся к воротам, и оттуда донеслись горестные вскрики.

— Кто-то видел как они в келью ворвались? — спросил Ольгерд, обращаясь к братии.

— Я! — отозвался дрожащим голосом совсем молоденький лопоухий послушник.

— Что было потом?

— Сели на коней и уехали.

— Куда они ускакали?

— Тудою! — послушник указал в сторону противоположную от ворот.

— Что, через паркан перелетели?

— Да нет, там, на задах у нас есть еще калитка для дорогожицких прихожан. По ней-то они и ушли.

Из всего увиденного и услышанного Ольгерд сделал главный малоутешительный вывод — Душегубец ушел, и пускаться за ним в погоню нет никакого резону. Можно, конечно расспрашивать путников о "черном всаднике", уж больно Дмитрий приметен, ни с кем не с путаешь, да ведь тати по дорогам отродясь не ходили. Уйдут на запад, в Литву, где сейчас война, или на север в Чернобыльские леса, от которых до Полесья и Брянщины рукой подать. Что так, что эдак — ищи ветра в поле.

Поиграла судьба с Ольгердом, словно напоминая ему, что выше головы не прыгнешь. Столкнула лицом к лицу с кровным врагом и снова развела. Правда оставив взамен пусть сомнительный, но подарок — странного боевитого попутчика…

Архимандрит навел порядок в своем полохливом христовом воинстве. Тела убиенных понесли отпевать в часовню и монастырские проулки стали понемногу пустеть. Только сейчас Ольгерд заметил что солнце висит уже совсем низко. Приближалась ночь и, стало быть, нужно было что-то решать.

В пословицу "утро вечера мудренее" Ольгерд не верил с тех самых пор, когда в персидском походе атаман, при котором он состоял казачком, отложив военный совет на утро был убит ночью пробравшимися в лагерь азербайджанцами. Потому он твердо намеревался определиться с дальнейшими действиями прямо сейчас, тем более, что было из чего выбирать.

Можно было, несмотря ни на какие доводы рассудка, все же попробовать пойти по следу Душегубца. Или же плюнуть на все, возвратиться на Куреневку, и поступить на службу к казакам. В крайнем случае, надеясь на то, что Ольга откажется от глупой клятвы, возвратиться-таки в распроклятый Лоев… Однако первым делом неплохо было бы поговорить по душам с богомольцем. Ведь не просто так его разбойник искал…

Его спутник давно уже спешился и стоял, рассматривая монастырское подворье. Ольгерд соскочил с коня и представился:

— Ольгерд!

— Зови меня Измаил! — крепко пожав протянутую руку, ответил тот.

Познакомились.

— Что делать дальше собрался?

Измаил ответил не сразу. Сверкнув глазами из капюшона смерил Ольгерда взглядом. Наконец произнес:

— До захода солнца осталось немного времени. Наверное ты, как и я, не хотел бы ночевать в этих стенах, — он кивнул на неказистое одноэтажное строение, где располагался монашеский постоялый двор. — Там полно клопов и очень грязно. Но я хочу осмотреть то место, ради которого сюда прибыл, а заодно и рассказать тебе о некоторых вещах, о которых ты должен знать, как отпрыск рода Ольговичей.

— И что тебе нужно осмотреть?

— Вот это. — Измаил кивнул в сторону возвышающихся церковных стен.

— Как скажешь, — пожал плечами Ольгерд. — Только коней нужно кому-нибудь поручить.

*** * ***

Монастырская церковь с единственным большим круглым куполом, непривычным после

шпилей польских костелов и русских луковок, тяжелой своей стремительностью разительно походила на вкопанного в землю витязя из былин.

Ольгерд и Измаил подошли к вратам.

— Троицкой эту церковь, как и монастырь, стали называть совсем недавно, — начал рассказ новый знакомый, — пятьсот лет назад потомки князя Олега Черниговского, Ольговичи, чьей родовой усыпальницей стал этот храм, нарекли его Кирилловским. В честь Кирилла, святого, которого почитают христиане в странах Средиземного моря…

— Значит великий был человек, — отозвался Ольгерд, — раз князья древнерусские его именем церковь свою назвали…

Измаил в ответ хмыкнул.

— Если бы! Епископ Александрийский Кирилл был редкий казуист, мракобес и политикан. При его возведении в сан недовольные горожане едва не подняли бунт и ромейским властям пришлось вызывать войска. Это был первый в истории Церкви кровавый гонитель евреев, язычников и раскольников, заслуживший своей неистовостью столь мрачную славу, пред которой меркнет "подвиг" самого Герострата: подстрекаемые им фанатики до смерти забили профессора Александрийской библиотеки Ипатию, знаменитую женщину-ученого, одну из самых просвещенных людей своего времени. Кроме того, он своими трактатами как никто способствовал церковному расколу, последствия которого ощутимы и до сих пор…

— Батюшка в монастырской школе говорил, что пути святых неисповедимы, — перекрестившись у входа и понизив голос, ответил Ольгерд. — Однако если все то, что ты сейчас рассказал — правда, то в самом деле, зачем было именем этого Кирилла, которого у нас и не знает никто, русскую церковь называть?

— Причина только одна, — прошептал Измаил, — князю Всеволоду нужно было, чтобы храм строили не константинопольские, а александрийские мастера…

Они углубились в шелестящий церковный сумрак. В церкви было пусто, лишь во мраке отбрасываемых колоннами теней шепталось несколько монахов, по всей видимости готовившихся ко всенощной службе, посвященной молитвам за упокой убиенных братьев.

Ольгерд повел носом и огляделся по сторонам. Несмотря внутренний простор, — под уходящим ввысь куполом вполне могло уместиться не меньше трех сотен человек, — воздух внутри пах сыростью, ладаном и чуть-чуть мышами, а сама древняя церковь имела вид неухоженный и облупленный. Осыпавшиеся фрески, плесень у основания поддерживающих свод колонн и, наконец, полуобвалившийся потолок над хорами, ясно свидетельствовали о том, что у нынешней братии нет ни денег ни мастеров, которые могли бы содержать творение неведомых зодчих в должном порядке.

Не дойдя десятка шагов до алтаря, перед которым, чуть раздвигая сумрак, островком благочиния кучно мерцали свечи и лампады, Измаил повернул направо и подвел Ольгерда к обширной глубокой нише.

— В одном предатель не обманул, — прошептал он. — Саркофаги Ольговичей действительно пропали.

На земляном полу, куда показал странный египтянин, были видны глубокие прямоугольные вмятины, словно оставленные большими тяжелыми сундуками.

— Слушай, — начиная злиться, сказал Ольгерд, — может хватит всех этих недомолвок? Ты объяснишь мне, наконец, что это все означает?

Измаил кивнул.

— Вся история, от начала до конца получится очень долгой. Пока что расскажу самое важное. Внук Ярослава Мудрого, князь Олег Святославич, потерпел поражение в междоусобной борьбе и бежал в Константинополь. Однако не задержался надолго и там. после беспорядков в

русских кварталах, ромейские власти сослали его на далекий Родос. Именно там и нашли его наши люди…

— Что за "ваши люди"? — не удержался и спросил Ольгерд.

— Небольшая община, существовавшая со столь давних времен, что ты мне вряд ли поверишь, — чуть улыбнувшись, терпеливо пояснил Измаил и, предваряя следующий, уже вертевшийся на языке у Ольгерда вопрос, продолжил. — Дело в том, что в здешних местах, точнее, именно на том месте, где мы сейчас стоим, хранилась древняя почитаемая нами реликвия. Познакомившись с опальным князем мы предложили ему союз. Защиту нашей реликвии в обмен на поддержку его рода.

— А что, нельзя было просто забрать эту реликвию в свой Египет?

— Нет, — покачал головой Измаил. — Это кусок черного металла, один из упавших в незапамятные времена с небес на землю. Он не может быть перенесен дальше чем на три недели пути от места падения — тому кто это сделает, грозят неисчислимые беды. Сперва мы поручили заботу о камне здешним волхвам, с которыми поддерживали связь. Но с обращением здешних князей в христианство над капищем, стоявшим на этом холме, нависла угроза. Для греческих епископов, не посвященных в древние тайны, наша реликвия — простой языческий талисман. Ни один священник не позволил бы его держать в освященных церковных стенах. Вот и пришлось заключить союз с одним из княжеских родов, и под его покровительством построить особую церковь, которая с одной стороны стала бы надежным укрытием для реликвии, а с другой не оскорбляла христианского канона.

— И как же это вам удалось?

— Я уже говорил, что на строительство были присланы александрийские мастера. Чтобы не вызывать подозрений, они взяли с собой каменщиков из Болгарского царства. Правда, к тому времени князь Олег уже умер, и строительство церкви началось при его сыне Всеволоде, а завершилось и вовсе после его смерти. Реликвия хранилась здесь, — Измаил указал на нишу справа от алтаря, — но вне церковных стен, на специально пристроенной площадке.

Действительно, из стены, на высоте чуть выше человеческого роста, выдавался вперед небольшой балкончик, за которым чернела маленькая дверца.

— Княжеская молельня располагалась на хорах, — продолжил рассказ Измаил. — Если бы не обваленный свод, то мы могли бы подняться туда, и ты увидел бы то, что видели твои предки. Впереди за стеной — ковчежец с реликвией, справа внизу — мраморные саркофаги, в которых лежали усопшие представители рода. Слева же, на колонне был изображен сам князь Всеволод Ольгович, напоминавший своим потомкам о заключенном договоре.

Ольгерд повернул голову туда, куда указывал Измаил и чуть не охнул от изумления. С колонны на него смотрел человек в полном рыцарском снаряжении с круглым щитом, кавалерийским копьем и выглядывающим из-за спины мечом. По мелким деталям, мало понятным людям не военным, было хорошо видно, что неведомый художник либо изображал настоящего, позирующего ему рыцаря, либо сам отлично разбирался в тонкостях ношения доспехов. Но самым поразительным в этом воине, неведомым образом попавшего на стены храма, где положено было изображать одних лишь святых, было его лицо!

— Узнал? — усмехнулся Измаил.

— Не узнаешь тут, — огорошенно прошептал Ольгерд. Изображенный на фреске человек разительно напоминал убитого Душегубцем отца. — Теперь объясни мне, где теперь ваша реликвия, и при чем тут пропавшие саркофаги?

— Охотно, — кивнул Измаил. — Во время строительства церкви мы провели тайную церемонию. Замешали кровь князя Всеволода в расплавленный небесный металл выковали из него пернач.

— И что, никто не догадался за столько лет его перековать по-новой?

— Это невозможно. Переплавить небесный металл могут лишь наши мастера. Реликвия хранилась в ковчежце до прихода монголов. Хан Бату был благоразумным правителем. Он прислушался к совету нашего посланника и трогать пернач не стал. Внук Чингисхана оказался столь добр, что посоветовал, чтобы реликвию перепрятали понадежнее. Удержать суеверных нукеров от грабежей могли, да и то не всегда, лишь могилы, поэтому с тех пор и до недавнего времени реликвия сохранялась в одном саркофагов. Которые стояли здеь до недавних пор.

— Так кому же могло прийти в голову княжеские саркофаги из церкви увозить? — изумился Ольгерд. — Судя по отпечаткам, весу в каждом было по нескольку сот пудов. Не иголка. Да и кому они вообще могли понадобиться?

— Для того чтобы это выяснить, я и пришел сюда, — ответил Измаил.

Ольгерд было собрался продолжить расспросы, но к ним, шелестя одеждами, подошел один из церковных служек.

— Вы уж простите, ради Бога, уважаемые путники. Церковь, по закону христианскому, денно и нощно открыта для всех, кому нужна молитва и утешение, но мы ко всенощной готовимся, дабы молить господа нашего Иисуса Христа о спасении душ братьев наших невинно убиенных. Просит вас настоятель смиренно: либо присоединяйтесь к молебну, либо потерпите до завтрашнего дня, дабы делами суетными таинству не мешать. А с первыми лучами солнца возвращайтесь и оставайтесь здесь, сколько душе угодно…

Ольгерд с Измаилом спорить не стали. Бросив в стоящую рядом кружку несколько талеров, взяли по свечке, поставили их у иконы покровителя воинов, Георгия — Победоносца и покинули церковь. У коновязи, забрав лошадей, продолжили разговор.

— Ну ладно, с твоими делами все худо-бедно понятно, — произнес Ольгерд, проверяя подковы. — Да только в толк взять не могу, при чем тут разбойники? Где и как они в этих делах мог свой куш углядеть?

— Я уже подумал об этом, — отозвался Измаил, сноровисто проверяя доставшуюся ему фузею. — Я вижу только один ответ. Тот, кого ты назвал Душегубцем, каким-то образом проник в тайну реликвии и тоже хочет ей завладеть.

— Так, похоже, оно и есть. И что ты предлагаешь делать?

— Прежде всего — объединиться в поисках. Душегубец знает что-то, чего пока не знаем мы. Найдем реликвию — обнаружим и Душегубца. Отыщем Душегубца — узнаем, куда пропал Черный Гетман.

В голове у Ольгерда промелькнула вспышка воспоминаний. Из серого тумана выплыла вдруг любецкая поляна в тот день, когда они с Ольгой оказались вдвоем в лесу. Встали пред взором сечевики, сгрудившиеся вокруг походного ковра и зазвучали в ушах слова, произнесенные батуринским полковником: "На черную раду нужен бы Черный Гетман"…

В горле у него пересохло.

— Черный Гетман, ты сказал? — спросил он осипшим голосом.

— Ну да. Этот пернач в здешних местах именно так называют. Толком о нем никто ничего не знает, но легенды передаются с давних времен. Так что, по рукам, литвин? Враг моего врага — мой друг…

Раздумывать было не над чем.

— Мне тоже на крови что ли клясться? — спросил у нового боевого товарища.

— В этом нет необходимости, — ответил тот. — Договор скреплен кровью твоего рода.

— Ладно. Тогда давай на ходу решать, что будем делать дальше? Закат вон уже…

— Прежде всего нужно разузнать, кто и когда похитил саркофаги.

— Резонно. В монастыре были еще ваши были?

— Нет. Только убитый кастелян.

— У монахов надо бы порасспрашивать. Эдакие тяжести незаметно не вывезти.

— Без свидетелей, конечно, не обошлось. Но обитателей монастыря сегодня лучше не тревожить. Они напуганы убийствами и вряд ли что расскажут, к тому же Душегубец мог оставить здесь собственных соглядатаев. Даже и не знаю, с какого конца разматывать этот клубок.

— Зато я знаю, — сказал Ольгерд. — Едем на Куреневку.

*** * ***

Новый монастырский привратник, заслышав церковный колокол начал, уже закрывать ворота, как мимо него, отбросив прилаженную створку, пронеслось двое всадников: до зубов вооруженный казак, а за ним подозрительно ладный в седле богомолец с ружьем поперек луки и с заводной лошадью на поводу. Привратник, памятуя о судьбе своего предшественника, проворно отскочил в сторону, и из укрытия наблюдал за скрывающимися меж дерев фигурами. Пусть себе ищут неприятностей на ночь глядя…

Сердитый народ

Куреневские казаки справляли поминки по убитому разбойниками Остапу. В глубине обширной усадьбы в саду под вишнями стоял длинный, укрытый белыми скатертями стол, сплошь уставленный бутылями и богатой снедью. За столом кучно сидел слободской народ. Застолье перевалило за высшую точку — большая часть горилки, вслед за кутьей, гречишными поросятами и вареной в казане телятиной перетекла уже в бездонные казацкие животы. На подворье, ожидая объедков, перебрехивались собаки. Над садом, выворачивая душу, неслась песня, длинная и тягучая, как степная дорога:

Ой на… Ой на горі та й женьці жнуть
Ой на… Ой на горі та й женьці жнуть
А по-під горою, по-під зеленою
Казаки йдуть
Ге-ей! Долю-долю, гей!
Ши-ро-ко-о-о…
Казаки йдуть!

— Ох и добре спели, хлопцы! — промочив пересохшее горло, произнес кошевой. — Эту самую песню батько мой дуже любил. Рассказывал, что когда с Сагайдачным ходил на турок, пели они ее во всех походах…

Ольгерд, Сарабун и Измаил сидели как почетные гости, по правую руку от хозяина. На Куреневку они вернулись три дна назад. Раненый ошевой, у которого гнев и доброта ходили рука об руку, приказал разместить их в доме, поставил на довольствие и предоставил на время самим себе. Измаила Ольгерд отрекомендовал как спасенного из разбойничьих лап богомольца, а Сарабун к их прибытию ни в каких рекомендациях не нуждался, эскулап-недоучка взял кошевого в столь плотный лекарский оборот, что тот давно позабыл о прошлых обидах, орал на весь двор, что здоров и вообще, предпринимал титанические усилия, чтобы избавиться от опеки и вернуться к своим старшинским обязанностям.

Пару дней после неожиданной стычки казацкая слобода гудела как улей, которому в леток ткнули палку. Превым делом отправили двух гонцов — одного к полковнику, с просьбой о помощи, другого к московитскому воеводе, с жалобой на распоясавшихся брянских разбойников. В ожидании ответов чистили пищали рядили, а не пойти ли, чтоб зазря коней не гонять, на Брестский шлях и, раз уж такие дела вышли, не погромить ли по тамошним местечкам кровопийное иудино племя…

Однако до похорон, которые по христианскому обычаю проводили на третий день, никаких серьезных дел не произошло.

— Давно никто из наших в бою не гиб, пан Богдан, — покачивая длинными свисающими вниз усами отозвался один из сидящих в главе стола. — Не упомню уж, кого последний раз с саблей в гробу хоронили.

— Как же! — отозвался Молява. — а помнишь, пятерых хлопцев потеряли, когда Радзивилл в город входил?

Капюшон у Измаила чуть дернулся — такое направление разговора явно заинтересовало настырного египтянина, который все время пребывания у казаков места себе не находил, пытаясь хоть что-нибудь разузнать. Чтобы не выбить беседу из нужного русла, Ольгерд

спросил:

— Так вроде бы Киев сдали тогда без боя?

— Было дело, — кивнул кошевой. — После того, как литовский гетман под Лоевом и под Черниговым наши полки разбил, Всем сотням Киевского полка, чтобы не терять людей понапрасну, приказали грузить челны и идти водой в Переяслав, чтоб гетманскую столицу защищать. Радзивила после Лоевской битвы бояться стали так, словно Ярема Вишневецкий из гроба восстал. Но мы тогда приказ не послушали, осталис, подворья свои защищать. Тогда еще Иван Лютый был кошевым. Собрал он всех нас и повел в Кирилловский монастырь, за которым наш приход числился.

— И что же?

— Ничего. Радзивилл в город вступил беспрепятственно. Въехал через золотые ворота, бургомистр, трясця цого бабе, ключи от города ему преподнес. А на третий день в монастырь пришло две роты немцев и выбили нас из монастыря. Те, кто уцелел, Чернобыль ушли. Дождались мы пока Радзивилловы войска Киев оставят, вернулись, хотели бургомистра повесить, собаку, да гетман запретил. Видишь ли он пообещал мещанам все вольности сохранить, на что Богдан и полковники крест целовали. — кошевой сплюнул в сердцах на землю. — А то, что эти безбожники церковь нашу пограбили начисто, даже мраморные гробницы княжеские из нее увезли, до того и дела нет никому…

— Как так, увезли? — удивился Ольгерд.

— А вот так. По приказу самого литовского гетмана.

— Зачем же они они ему понадобились?

— Монахи от немцев тогда слышали, что он из них ванны мраморные в своем дворце сделать решил.

— Но ведь он же христианин!?

— Какой он христианин. Игумен потом сказывал, что он лютеранскую ересь исповедует. Так что с него станется и на могильных плитах пировать… — На дальнем конце стола затянули новую песню. Кошевой уставил локоть в стол, подпер голову кулаком и стал слушать. По щеке у него покатилась скупая слеза.

Расходились по хатам за полночь, когда над дальними холмами рыжим лисом поднялся днепровский месяц. Проводив родню погибшего Остапа, в числе которой была и встреченная по приезду девушка, оказавшаяся его младшей сестрой, Ольгерд с Сарабуном отошли в глубину сада — обсудить услышанное.

— Радзивиллы, значит, — вполголоса процедил египтянин. — Знакомое семейство. Его предки во времена киевских князей были языческими жрецами в литовских землях…

— Что-то тут не складывается, — покачал головой Ольгерд. — Будь он хоть трижды язычник или кальвинист, но сделать ванны из усыпальниц, это уж слишком…

Измаил откинул капюшон и мотнул головой.

— Я уверен, что история с ваннами — это полная чепуха. Ее придумали монахи, чтобы очернить своего врага.

— Тогда зачем же ему могли понадобится саркофаги?

— Вижу здесь две причины. Или литовский князь знает о Черном Гетмане, а потому и решил забрать его вместе с гробницами. Или же он просто пожелал перенести усыпальницы в какое-то особое место.

— Зачем?

— Ну к примеру затем, чтобы показать свое родство с Ольговичами.

— Ладно, — кивнул Ольгерд. — Как ни крути, а отгадку искать придется гетманском дворе. Так что путь наш лежит в Литву.

— Но там же идет война. Где мы будем его искать?

— Завтра поедем в город, там все новости и узнаем. Гетман Литовский не иголка, где-нибудь да отыщется. Или в стольном городе Вильно, или своих Кайданах или в Несвиже, где их родовой замок.

С тем и отправились спать.

*** * ***

Поутру, узнав о том, что Ольгерд хочет покинуть Киев, кошевой расстроился не на шутку, однако по отходчивости своей и широте души обиды не затаил:

— Скоро в поход выступать, каждая сабля дороже золота, а уж такой как ты воин — и вовсе находка. Лекарь твой вчера объявил, что в братскую коллегию на учебу пойдет, но то ладно, Киев под боком, если понадобится, то хлопцы его в два часа доставят. С тобой другое, конечно, дело. Я-то, старый дурень, обрадовался, уж было решил тебе службу предложить да в нашей слободе поселить. Земли бы тебе нарезали — оболонь велика, на всех хватит. Всем кошем бы хату справили, новоселье закатили такое, что ляхам бы в Варшаве икалось…

— Не могу, пан Богдан, — прямо отвечал Ольгерд. — Рассказал же я тебе без утайки и о том, кто таков этот Дмитрий Душегубец, и о клятве своей. Как же мне слово свое порушить? Ведаю, что пока не найду погубителя и своей рукой на тот свет его не спроважу, не будет покою ни мне, ни близким моим, ни душам матери и отца.

— За родных отомстить — дело святое, — махнув чубом, кивнул кошевой. — Да только и мне обидно, как ни крути. Я ведь тебе и службу уже сыскал, да такую, что любому слобожанину за честь. Завтра поутру из Почайнинской гавани две барки пойдут в Запорожье: казакам, что на сечи зимуют и кордон стерегут повезут припас от Киевской сотни. С октября — то, когда распутица начнется, а степь завянет, до самой весны там войску не пройти, вот запорожцы на хутора свои зимовать и уходят, оставив выборную полусотню в караул. Вот над этим конвоем и хотел я тебе старшим поставить. Барки лошадей на борт берут, так что туда-водой, а обратно — конно. За месяц до Параскевы бы обернулись, а там и к сотнику можно было бы подходить, в реестр проситься. Еще тебе что скажу. Гануся, сестра Остапа погибшего, про тебя справлялась не раз. Батько ее казак заможный, сама она по весне заневестится, чем тебе не пара? Свадьбу сыграем на весь Киев, мигом позабудешь про лоевского гарбуза…

Нахмурился Ольгерд при последних словах. Глаза в щелки сощурил, губу нижнюю прикусил, чтобы словом злым казака не обидеть. Правду говорил один из литвинов его смоленского десятка, чтов в веру лютерову крещеный был, благими намерениями дорога в ад выстелена…

Вслух произнес как можно тверже:

— Нет, пан кошевой, прости и не уговаривай, да с пути соблазнить не пытайся. Служба твоя мне мила, мила и Ганна, и дом свой давно уже построить хочу. Да только не судьба.

— Ладно, — вздохнул Молява. — Такого как ты ни кнутом ни пряником не возьмешь, поступай как знаешь. Однако хлопцам своим, тем что на сеч пойдут, я про тебя дам приказ, чтобы если передумаешь, то на борт без расспросов взяли. Впрочем, они все тебя и так уже знают. Припаса там много, опять же казна, так что лишний пистоль в дороге не помешает.

Ольгерд как мог, поблагодарил кошевого, кликнул Измаила, взял увязавшегося проводить их до Киева Сарабуна и, не размениваясь на долгие сборы и прощания, выехал с Куреневки.

Обычно, отправляясь в дальний опасный путь Ольгерд назад не оглядывался, такая была у него примета. Сегодня же словно ткнул его кто-то в спину, обернись. Придержал коня,

обернулся, вздохнул тяжело. На пригорке у тына белела тонкая девичья фигурка. Ганусяся махнула рукой, в которой был зажат ярко алый платок.

Отвлекся Ольгерд от грустных мыслей лишь въехав в подольный Киев. День был базарный, в город понаехала тьма торгового люда и в гомонящей толпе рассуждать было некогда: зевнуть не успеешь, как не обворуют, так затопчут.

У Гостиного двора расстались с Сарабуном. Тот готовясь к разговору с ректором по поводу своего обучения, заметно нервничал и ощупывал упрятанный под одежей подаренный лоевским сотником кошель. Уговорились, что будущий ученый медикус же после разговора непременно заглянет в корчму "У Янкеля" и расскажет как вышло дело, Ольгерд с Сарабуном отправились искать новостей.

Выяснить, где в настоящее время обретается литовский гетман, оказалось проще простого — все немалое торжище гудело от последних известий. Спешившись и ведя коней на поводу, Ольгерд с Измаилом приметели двух увлеченных беседой кераитов и, пристроившись у прилавка заезжего ювелира, сделали вид, что рассматривают товар.

— Вчера мой племянник Израэль, чтоб ему быть здоровым, вернулся из Кейдан — вещал обладатель большого мясистого носа и свисающих чуть не до плеч закрученных пейсов. — Так вот, здоровьем Рахили клянусь, он и рассказал, что Януш Радзивилл, таки сдал Вильну московскому царю, но при этом раздосадовался на польского короля Яна Казимира, доброго ему здоровьечка за то, что нас, евреев, не притесняет. Якобы сей добрый король ему войска на помощь не прислал, вы слышали про такое? Нет, я вас спрашиваю, и с чего бы это Яну Казимиру в эту нищую Литву посылать своих гусаров (крылья им в тухес, за то, что у моего двоюродного брата в Кракове лавку разгромили), когда на него наши новые паны — казаки войной собрались пойти? Ну откуда, скажите, сосед, взять польскому королю войска, если шведы по всем углам его щемят, словно вавилоняне иудеев, чтоб они были все здоровы. К тому же, вы подумайте, где Варшава а где Вильна? Да на одну дорогу туда нужно злотых потратить больше, чем есть сейчас у всех шляхтичей в коронных землях, дай им бог долгих лет, чтоб они успели вернуть евреям все долги! Но разве князь Януш послушает умного совета? И вот, что вы думали, он таки, вместо того, чтобы, как это принято у всех приличных людей, одолжить у евреев немного денег, нанять недорогих германских ландскнехтов и выиграть свою гойскую войну, собрал литовский сейм из верных магнатов, отложился от Речи Посполитой и заключил союз со шведами! И теперь он Великий литовский князь, чтоб моя Рахиль сорвала свой ангельский голос, и ему от этого легче?! Он сидит себе в Кейданах и делает таки свою унию, а что прикажете делать моему племяннику? Пока они там договариваются, вся торговля остановилась, никто не знает, по каким теперь ценам продавать и покупать!

Уловив из разговора почтенных негоциантов главное: Радзивилл безвылазно сидит в Кейданах, а значит искать его по всей Литве не придется, Ольгерд перестал вслушиваться в разговор и хотел уж было предложить Измаилу отправиться на поиски расхваленной Шпилером корчмы, как вдруг поймал себя на том, что уже давно разглядывает какой-то перстень, лежащий среди других украшений, в беспорядке рассыпанных по куску тяжелого красного бархата. Кольцо — не кольцо, перстень — не перстень, был искусно отлит из золота в виде львиной головы, переходящей из гривы в хвост, чью кисточку золотой царь зверей, замыкая окружность, сжимал в зубах. Грива у льва была усыпана мелкими искрящимися алмазами, а глаза сделаны из двух кроваво-красных рубинов.

Драгоценностей Ольгерд не жаловал, не разбирался в них вовсе, но эта безделушка притягивала почище, чем пчелу медовый цветок.

"Ольге точно впору будет" — подумал он, вспоминая длинные красивые пальцы, которые он совсем недавно сжимал. Ругнулся не в голос, спросил у затаившего дыхание продавца:

— Сколько?

Услышав шепотом объявленную цену скривился.

— Венецианская работа, господин, — словно извиняясь, ответил торговец. — Этому перстню лет сто, не меньше. Так что он стоит своей цены.

Ольгерд высыпал на прилавок чуть ли не половину содержимого кошелька и, не торгуясь, выдал запрошенное, после чего получил в придачу к сокровищу изящную шкатулку, обитую внутри тяжелой парчой, а сверху тонким ярко-красным сафьяном.

Измаил, поглядев на перстень, кивнул, выражая свое одобрение:

— Редкая вещь. Такие делают лучшие ювелиры Венеции и Туниса. Как она в Киев попала, даже представить себе не могу. В любом случае, ты сделал правильный выбор. Та, которой предназначен этот царский подарок, будет счастлива. Такое украшение и любимой жене султана не зазорно носить.

— Твои бы слова, да богу в уши, — вздохнул Ольгерд, укладывая шкатулку в плечевую сумку.

*** * ***

Корчма "У Янкеля" обнаружилась в тихом месте между торговыми рядами и жилыми кварталами. Если бы не вывеска с большой пенящейся кружкой и крытая коновязь, то она ничем бы не отличалась от прочих мещанских хат. Поручив коней выросшему как из-под земли уличному служке, спутники вошли внутрь. Заведение польского иудея Ольгерду сразу понравилось Здесь было намного чище, чем в местечковых литовских трактирах и уж не в пример опрятнее, нежели в московитских государевых кабаках. Просыпанный красной охряной глиной пол был чисто выметен, объедками не засыпан, оттертые песком столы радовали чистотой, а на беленых стенах, перемежаясь со связками лука и чеснока, висели пучки засушенных трав. Народу было немного, так что сидящего за дальним столом Шпилера Ольгерд разглядел прямо с порога.

Завидев вновь прибывших старый приятель расплылся в улыбке и замахал руками, приглашая к себе. По всему ощущалось, что его распирает какая-то новость, которой он непременно должен сей же час поделиться. Так и вышло. Не успел Ольгерд расположиться поудобнее и заказать обед, как Шпилер отставил высокую кружку и зачастил,

— А я уж искать тебя собирался! Не поверишь, кого встретил сегодня! Иду в Верхнем городе по улице, а навстречу мне Щемила. Тот самый, подручный Душегубца. В шведском платье, без оружия, мещанином обряжен.

— Точно? Не путаешь ли чего? — мигом позабыв про обед, вскинулся Ольгерд

— Да разве рожу его жабью спутать с кем можно? Он самый, будь уверен.

— И куда же он шел, не заметил?

— Заметил, еще и как! Я, как его приметил, сразу же в переулок нырнул и прикинулся дохлым журавлем, мало ли что? Он мимо прошел, я за ним увязался, запомнил в какой дом он входил. Потом я спустился на Подол и пришел в корчму, думаю, вдруг Ольгерда там застану? Не застал, хотел нарочного к казакам отправить, а если и там тебя нет, то собрался пообедать и воеводе о воре докладывать…

— Значит дом показать сможешь? — чуть ли не на ходу уже спросил Ольгерд.

— Запросто, — кивнул Шпилер.

— Тогда поехали. Глядишь еще и застанем.

Наскоро расплатившись с хозяином, Ольгерд, Измаил и Шпилер плотным строем двинули

на выход, однако не успели они сделать нескольких шагов, как широкая деревянная дверь распахнулась, обнаружив вцепившегося в косяк человека. На пороге стоял бледный как полотно Сарабун.

*** * ***

— Что случилось? — искренне изумился Ольгерд. — Неужто братскую коллегию разогнали?

— Деньги… — выдавил из себя Сарабун.

— Что: "Деньги?" — переспросил Измаил.

— У-украли, — глотая слезы пролепетал лекарь. — В-все у-украли на улице, в толпе. Нечем мне теперь за у-ученье платить…

Времени на разбирательства у них не было.

— Брось хныкать, — скомандовал Ольгерд. — Вора мы уже не найдем, к тому же и недосуг, дело есть поважнее. Так что бери своего коня, да поспевай за нами. В Верхний город поедем.

Обогнув по краю торжище, они миновали пряничную церковь Богородицы Пирогощи, въехали на Боричев взвоз и, обгоняя вереницу груженых подвод, помчались к вершине большого холма, над которой вздымался, сверкая золотом, купол Софийской колокольни.

Верхний город или, как издревле звали его киевляне, Гора, был со времен Рюриковичей местом княжьих хором, важных церквей и боярских теремов. С того же времени, как воеводы Речи Посполитой поставили замок в стороне, на дальнем холме, старый город превратился в тихое утопающее в зелени место вокруг монастырских подворий, где селились богатые шляхтичи, заможные горожане да знатные иноземцы.

Здесь! — кивнул Шпилер, указывая на скрытый за деревьями дом, большое строение, крытое гонтой — деревянной черепицей, которую могли позволить себе только состоятельные хозяева. Окинув взглядом неухоженный сад и заросшее бурьяном подворье Ольгерд нахмурился и увлек компаньонов за ближайшие кусты. Там, под видом путников, дающих отдых коням, они устроили военный совет.

— Кто живет там, знаешь? — спросил у Шпилера Ольгерд.

— Откуда? — ответил тот. — Я ведь сам в Киеве без году неделя…

— Ладно, — кивнул Ольгерд, — тогда мы с тобой здесь подождем, чтобы своими видом никого не спугнуть, а Измаил с Сарабуном в разведку пойдете. У вас одеяния богомольцев, вам скорее откроют. Сарабун, пойди в соседний дом, представься лекарем, что ищет работу, да расспроси, кто здесь обитает. Измаил, проскочи задами, осмотри дом со всех сторон и попробуй в окна заглянуть.

Египтянин, ни слова не говоря, вмиг скользнул вдоль забора и скрылся в зарослях. Сарабун кивнул и зашагал по улице, волоча ноги, словно усталый путник.

— Думаешь, Душегубец там? — шепотом спросил Шпилер.

Ольгерд пожал плечами.

— С него станется. После убийства в монастыре его, поди, по всем дорогам ловят. Никто не догадается в старом городе искать.

— Какое еще убийство?

Ольгерд вспомнил, что Шпилеру ничего не известно и в двух словах рассказал о событиях трех последних дней. Не успел он закончить, как из воздуха соткался Измаил.

— За домом старый сарай, на задах огороды. Грядки по склонам идут до самого низу. А

внизу какое-то село. В самом же доме имеется задний вход, но он заперт наглухо. В окна я заглянул. Там темно, ничего не видно, но шевеление какое-то было. Думаю, что внутри не меньше двух человек.

— Подмогу надо бы звать, — предложил Шпилер. — Может направим кого к воеводе?

— Сами справимся, — отрезал Ольгерд. — Там их при любом раскладе вместе с хозяином человек пять от силы. Толпой после нападения на монастырь они в Верхний город прийти бы не рискнули. Опять же, коней на подворье не видно, стало быть и всадников нет. А главное, они нас не ждут.

— А если там Душегубец?

— В сарай заглядывал? — спросил Ольгерд у Измаила.

— Да, — кивнул тот. — Пусто.

— Навоз лошадиный, сено, седла, торбы из-под овса там есть?

— Нет.

— Стало быть, нет там и Душегубца, — уверенно заключил Ольгерд. — Людей спрятать в городе легче легкого, коней — невозможно. Особо тех, что я у разбойников видел.

Сарабун вернулся нескоро. Уже забеспокоились, когда лекарь, сопя и отдуваясь, вышел из соседской калитки. Махнув там кому-то рукой, он деловито прошлепал вдоль улицы и, лишь зайдя за угол, чуть не вприпрыжку рванул в укрытие, где ждали его компаньоны. Отдышавшись, рассказал:

— Это польский конец, или, как они сами его называют, "край". Тут со времен унии живут шляхтичи из незнатных. Хозяина дома не было, а хозяйка, пани Агнесса, маялась гемикранией, или, как говорят французы, мигренью. Узнав, что я лекарь, вцепилась мертвой хваткой: лечи. Озолотить обещала. Пришлось, чтобы подозрения отвести, по-скорому в огороде коренья изыскать и отвар приготовить. Как панне Агнесе полегчало, так она про свое обещание, конечно забыла. Выдала всего полталера серебром, но зато все что знала мне выложила. В этом доме, — Сарабун кивнул на здание за забором, — живет в спившийся шляхтич Черневецкий герба Абданк. Его бы уже давно отсюда турнули не казаки, так московский воевода, но к Абданкам приписан сам гетман Хмельницкий, поэтому его никто не трогает. Жену Черневецкий схоронил пять лет назад, сам же кормится доходами с небольшого поместья, где, по словам панны Агнесы, самый поганый клевер во всей округе. Из дому он почти не выходит, лишь изредка берет на постой путников, да проезжих купцов. И не ради прибытку, а чтобы была кампания для пьянства.

— Он что, родственник здешнего князя? — не уловив всех тонкостей рассказа, спросил Измаил.

— Нет, — пояснил Ольгерд. — У польской шляхты нет, как у французов и германцев, собственных гербов. Каждый, хоть родич, хоть выкрест, хоть новопожалованный дворянин, приписывается к уже существующим. Так что наш Абданк Черневецкий скорее всего Абданка Хмельницкого в жизни в глаза не видел. Ну да ладно, не в этом тело. Нужно бы к нашему шляхтичу тоже на постой попроситься…

— Сегодня видели там кого? — спросил Сарабуна Шпилер.

Лекарь отрицательно мотнул головой.

— Сегодня нет. Хозяин, как я говорил, в отъезде, хозяйка весь день на лавке провалялась с мокрым полотенцем на лбу, а слуги у них настолько забитые, что докторов боятся пуще татар — при моем появлении все попрятались.

Ольгерд поразмышлял с минуту, прикидывая диспозицию.

— Значит так. Сарабун, ты стой у калитки, приглядывай, кто по улице идет. Увидишь оружных или тех, что в дом направляются — начинай немедля кричать: "Пьявки, пьявки"! —

это будет нам знак. При малейшей опасности беги и хоронись в кустах. Шпилер, ты приготовь оружие, займи позицию за домом, под сараем. Кто выскочит чужой — стреляй. Добрый человек из дому задами тикать не станет.

— А я? — спросил Измаил.

— Спрячь под свой балахон нож и иди за мной. Сейчас, чтобы в дом проникнуть, кумедию будем изображать. Главное, чтобы нам дверь отворили, а дальше-как сложится.

Ольгерд подбоченился, враскачку, по-хозяйски протопал по улице, распахнул калитку, подошел к запертой двери, и начал безжалостно молотить в нее кованым носком сапога.

За окном заметались тени. Не открывали долго. В конце концов, когда Ольгерд начал орать на всю округу, что, мол, немедля позовет стрельцов и разнесет "ляшскую избу" по бревнышку, из сеней послышался скрипучий голос, неуклюже пытающийся изобразить только что проснувшегося человека:

— Кого там черт принес, Матка Боска?

— Ты, что ли, лях Черневецкий будешь? Открывай! — подпустив в голос наглости государева человека, крикнул Ольгерд. — Я пристав из воеводской сотни. Новый указ вчера вышел: чтобы, значит, вам, ляхам-еретикам, брать на постой православных богомольцев, которые в святую Софию молиться приходят. Такая вам за еретическую подлость повинность теперь положена. Вот я тебе первого божьего человека и привел. Принимай, накорми, напои, да спать уложи. Устал он с дороги…

Дверь растворилась неожиданно тихо. "Петли салом мажет, чтоб по ночам гостей без шуму впускать и выпускать" — отметил про себя Ольгерд. На пороге стоял сутулый поляк с длинным прямым носом, нечесаной головой и свисающими жидкими усами.

— Черневецкий — ты?

— Ну, так! Я!

— Тогда посунься! Хоромы твои велено осмотреть.

— Пся крев! — ругнулся Черневецкий. — Какие еще постояльцы? У меня охранная грамота от самого войта…

Ольгерд, входя в роль государева человека, как мог насупился, положил руку на сабельную рукоять:

— Вот ужо сделаю я тебе и войта и грамоту, лях поганый! А ну-ка отвянь в сторону, пока я тебя арештовать не велел…

Гонору у шляхтича поубавилось. Забегав глазами, он сделал шаг назад и непроизвольно оглянулся, выдавая притаившуюся в доме засаду. После того как Ольгерд втиснулся в сени, лях тихо и примирительно забубнил:

— Слушай, жолнер. А если ты меня не застал? Или к примеру, маеток мой оглядел, но решил, что для постоя богомольцев по бедности и убогости непригоден? — В руке у просителя сверкнул серебряный талер.

Ольгерд скосился на взятку, хмыкнул, обернулся к топчущемуся на крыльце Измаилу, подмигнул мигнул ему, мол внимателен будь, Черневецкому же ответил:

— Ладно. Дело твое решим. Воды только дай попить.

— Это с радостью, — засуетился хозяин. Неловко ткнув Ольгерду приготовленный талер, он метнулся в угол к ведру, над которым висела на гвозде деревянная кружка.

Ольгерд собрался, словно перед прыжком, сделал шаг в глубину просторных сеней, дождался, пока хозяин развернется спиной и врезал ему кулаком по стриженому затылку. Не успело грузное тело осесть на пол, как в сени влетел Измаил. Ольгерд приостановил его рукой, приложил палец к губам и нырнул уткой в дверь, которая вела в залу. Над головой бахнуло, зазвенела разбитая пулей посуда. Теперь сомнений не оставалось — в доме прячутся именно

разбойники. Кто же еще, находясь в здравом уме, будет стрелять в воеводиного пристава?

Ольгерд выпрямился и развернулся к стрелявшему, успев при этом вынуть саблю из ножен. Увидев это, разбойник отшвырнул бесполезный пистоль и сделал выпад длинным прямым кинжалом. Едва успев уйти от удара, Ольгерд подался назад и ответ рубанул по руке сверху вниз. Разбойник скрючился и стал медленно оседать на почерневшие доски пола.

Пока Ольгерд управлялся с первым противником, мимо них прошелестел рясой Измаил. Он влетел в залу и огляделся по сторонам. Не обнаружив там ни души, египтянин скрылся в дальней комнате, откуда немедленно донесся звон скрещенных клинков. Чуть погодя откуда-то с задов ляшской усадьбы донесся выстрел. С момента, когда Ольгерд проник в дом, прошло не больше минуты, а все, кто имел несчастливую долю сидеть засадой внутри, враги были убиты или захвачены в плен.

Всего же в доме, как выяснилось, было четверо злоумышленников. В заднюю дверь впятился Шпилер, волоча за ногу мертвого татя. Из комнаты, приставив к горлу острый кинжал, вывел одного Измаил. Ольгерд вернулся в сени, взял за шиворот, словно напроказившего пса, и приволок, бросив посреди залы еще не пришедшего в себя Черневецкого.

Пока Шпилер с Измаилом вязали пойманных воров, Ольгерд внимательно оглядел весь дом и обнаружил под половицей лаз в тайный подпол. Чтобы не рисковать, скрутил из травы и сырого сена дымокур, распалил, забросил вовнутрь и прислушался. Дождавшись пока сквозь щели в полу полезут тонкие струйки, пошел обратно к своим. Если и были внутри живые — то все вышли. Дым едкий, в глаза лезет, дыхание забивает, никто не выдержит…

Тем временем в зале начинался допрос. То что эти люди были связаны с Душегубцем, теперь не оставаось ни малейших сомнений, В злодее, которого взял Измаил: мужичонке в дорогом, но грязном кафтане, со всколоченой бородой Ольгерд с ходу признал того самого замошенского разбойника, который в прошлом году, чтобы сохранить свою жизнь и попасть в отряд к Дмитрию, зарезал пленного крестьянина. Ни Ольгерда ни Шпилера тот со страху не узнал, сидел со скрученными за спиной руками, вжавшись в стену, и пучил глаза.

— Где Душегубец? — рявкнул, чтоб сразу ошеломить, Ольгерд.

— Не ведаю, господин, — плаксиво ответил разбойник.

— Здесь он был? Когда?

Получив от Шпилера крепкий пинок под ребра, допрашиваемый стал отвечать быстрее и подробнее.

— Третьего дня пришел, в хате отсиживался.

— Когда ушел?

— Незадолго до того, как вы появились.

— Коней где прячете?

— Внизу, под холмом, Кожемяцкая слобода, там у лошадника на подворье и оставляем. А сюда огородами поднимаемся.

— Куда Душегубец поехал? Отвечай, не то убью!

— Вот те крест святой-истинный, пан-господин, знать не знаю, ведать не ведаю. Душегубец нам никогда ничего не рассказывает! — в ужасе зачастил разбойник. — Не убивай, пан-господин, все что знаю расскажу!

— И что же ты знаешь?

— Знаю точно, куда он Щемилу отправил.

— Куда же?

— На Сечь Чертомлыцкую.

— Зачем?

— Сам в толк не возьму. Душегубец приказал ему взять пару хлопцев, найти там какого-то

слепого кобзаря, да жизни его лишить. Кричал, чтоб поторопились, пока у старого бабака язык не развязался…

— Этот лях, хозяин дома, Душегубца давно знает?

— Тоже не ведаю, господин. Мы сюда вещи, что подороже, привозим, он их продает заезжим купцам.

— Награбленное в подполе хранится?

— Ага, — кивнул разбойник.

Ольгерд обернулся к товарищам.

— Если дым рассеялся, поглядите внизу. Глядишь, чего интересного и найдете. А я пока с нашим паном Абданком потолкую.

Ольгерд сходил в сени, принес оттуда ведро, и с размаху плеснул всей водой прямо в лицо Черневецкому. Шляхтич дернулся, раскрыл широко глаза, и, отплевываясь, завертел головой. Придя в себя недостойный представитель гордого и прославленного рода запричитал, словно пойманный на карманной краже базарный воришка.

— Ой, лихо! Ой, не губите меня, пан пристав! Не виноват я, как есть не виноват. Те клятые злодзеи меня запугали, обманом в свои воровские дела втянули, пся крев! Я ведь, крест готов целовать, как узнал, что эти схизматики юезвинного монаха зарезали, сей же час с докладом хотел к воеводе бежать, да не поспел, вы раньше объявились! Все скажу, все верну, только не убивайте!

— Для начала выкладывай все как есть, — скомандовал Ольгерд. — А ты, — кивнул он в сторону первого разбойника, — если хоть звук издашь, будешь висеть на ближайшем суку…

Разбойник испуганно закивал головой.

Рассказ Черневецкого, перемежаемый жалобами на тяжкую шляхетскую жизнь в казацко-московитском Киеве, в целом подтвердил то, что Ольгерд уже узнал. Перед тем как покинуть воровскую хату, оставалось сделать три дела. Завершить обыск, решить судьбу пленных татей и окончательно определиться в дальнейших действиях.

Услышав оживленные голоса из комнаты, Ольгерд, оставив связанных сидеть у стены, пошел к товарищам, отправленным на проверку схрона. Как выяснилось, в подполе обнаружилась изрядная казна и неплохой арсенал.

— Что делать будем? — спросил Шпилер, вываливая на пол из мешка груду пистолей и сабель.

— Оружие — трофей законный, выберем, что кому требуется, — решил Ольгерд. А вот остальное нужно оставить, да воеводу о пойманных ворах немедля же известить.

— Здесь не только оружие и одежда, — вмешался в разговор Измаил. — есть ларец с драгоценностями и вот это. — он бросил на стол четыре тугих кошеля.

— Золото! — крякнул, не удержавшись Шпилер. — Да тут денег хватит на то, чтоб каждому по поместью купить. Нас четверо, и золота четыре кошеля. Как нарочно. Грех не поделить. Не в казну же отдавать, все равно приставы разворуют.

— Этот кошель у меня отобрали, — Измаил кивнул на туго набитый мешочек из хорошо выделанной кожи с затейливым вензелем. — я его обратно заберу по праву.

— Мне кровавые деньги без надобности, — отрезал Ольгерд.

Шпилер глянул на Сарабуна. Толком не пришедший в себя лекарь долго переводил взгляд с с кошелей на разбойников в соседней комнате. На его лице читалось отчаянье. В конце концов он, собравшись с духом, мотнул головой:

— Лгал римский кесарь, который сказал, что деньги не пахнут. Пахнут, еще и как. Это золото мертвечиной разит. Не могу я взяьб его чтобы платить за лекарскую учебу…

— В рыцарей поиграть решили? — усмехнулся Шпилер. — Ну, как знаете. Я брезговать не

будую Да только не на себя потрачу разбойничье золото. Найму отряд, пойду на службу к князю Куракину, задам жару лиходеям на их же хабар…

Ольгерд, соглашаясь, кивнул. В куче вываленного оружия нашел два пистоля получше и длинный боевой нож. Вручил их Сарабуну:

— Оружие возьми, лекарь, не отпирайся. Тебе оно пригодится. Сам же возвращайся на Куреневку, теперь мне не до тебя.

Сарабун кивнул с неохотой, но трофеи принял.

— Что дальше? — спросил Шпилер.

— Ты оставайся, — ответил Ольгерд, — зови в хату воеводиных людей, сдавай им разбойников. И почет заработаешь и награду получишь — для Куракина пойманный лях, что с ворами в одной шайке, будет что масло на сердце. А у нас дела еще есть. Поехали, Измаил.

— Куда? — поинтересовался молчавший все время египтянин.

— Как куда? — удивился Ольгерд. Сперва в Кожемяки, где разбойничьи кони, а оттуда дальше по следу Дмитрия.

— Почему же не к Радзивиллу, как раньше решили?

— Радзивилл никуда не денется, а здесь у нас след горячий.

— Но есть еще и третья ниточка…

— Какая же?

— Щемила, который скачет сейчас на Сечь.

— А толку нам с того? Сечь совсем в другой стороне, да и Щемила нам без надобности, когда Душегубец где-то рядом…

— Не верно рассуждаешь, — покачал головой Измаил. — Сам посуди: Душегубец, после неудачи в Кирилловской церкви, начал убирать всех, кто знает о Черном Гетмане. Значит этот кобзарь, за которым послан Щемила, входит в их число. Тем более, что поехал за ним главный подручный, которому, как я понял, поручаются все дела особой важности.

— А ведь верно меркуешь, — кивнул Ольгерд. — Куда отправился Душегубец, нам неведомо — у волка сто дорог, а у охотника всегда лишь одна. А вот куда сейчас скачет Щемила, мы знаем. И опередить его можем легко. Если, конечно, в гавань поспеем, пока барка не отошла…

Собрались вмиг. Отдохнувшие кони, распугивая прохожих ураганом неслись вниз по спуску, так что оказались в почайнинской гавани не успев толком опомниться. Слава богу, успели — барка, которую киевские казаки отправляли на Сечь, покачивалась у берега под настырные крики чаек, подставляя высокий борт под шлепки днепровской волны.

*** * ***

Барка с тихим шелестом рассекала днепровскую воду. По левому берегу, сколько мог достать взгляд, простиралась ровная как стол, заросшая лозняками равнина с болотцами, протоками и озерками, перемежавшимися кое-где заливными лугами. Справа, вырастая чуть не из воды, стеной вздымались крутые, поросшие лесом холмы с цепью сигнальных башен, передающих вглубь страны вести о татарских набегах. Устроившись на свернутом в бухту канате, Ольгерд сидел, наблюдая за тем, как широкий нос тяжело груженого судна, пуская по сторонам длинные казацкие усы, гонится за дрожащей лунной дорожкой.

Небо было чистым, а луна настолько яркой, что после Триполья, их старший, жалея время и силы гребцов, приказал при попутном ветре идти под парусом по ночам. Луна на Днепре оказалось особой — большой, круглой, выпукло-сочной и густо-оранжевой, словно редкий плод

померанец, виденный им в зимнем саду у одного из литовских магнатов.

За спиной раздался шорох. Ольгерд обернулся. Из трюма высунулась знакомая голова. В свою очередь узнав Ольгерда, Сарабун тут же нырнул обратно. Даже на третий день пути лекарь не рисковал попадаться Ольгерду на глаза. Почти сразу после отплытия Ольгерд обнаружил своего невольного спутника чудом просочившимся на борт и разозлился настолько, что едва не выбросил его в сердцах прямо в Почайну. Отговорил Измаил. Сослался на то, что уроженец Бердичева вряд ли умеет плавать, без денег пропадет, а даже если не пропадет и вернется на Куреневку, то по неуемности собственного нрава и вспыльчивости куреневского кошевого, долго при Моляве в лекарях не продержится.

Из трюма, где прятался Сарабун, послышались встревоженные голоса: один что-то просил, другой вроде бы от чего-то отговаривал. Вскоре на палубу поднялся Измаил. Египтянин сел прямо на доски, откинулся спиной к фальшборту, сбросил капюшон и, откровенно наслаждаясь, подставил безволосый череп прохладным струям ночного ветра.

— Если бы вместо елей и дубов здесь росли бы пальмы, — сказал он, подняв глаза к луне, — то эти места ничем бы не отличались от долины моего Нила. Такая же широкая, медленная река, большое небесное светило, яркие, бессчетные звезды. Только вот Млечный путь у нас не висит над самой головой.

— Здесь его называют Чумацкий шлях, — ответил Ольгерд.

— У каждого народа для созвездий свои названия, — кивнул Измаил.

— Самое время тебе рассказать, кто вы такие и зачем вам казацкая реликвия, — ответил чуть резко Ольгерд. Отдохнув и придя в себя после безумной гонки последних дней, он хотел получить, наконец, ответ на отложенные в спешке вопросы. — Не знаю. что там у вас за община такая, но за все время, начиная с того дня, когда мы встретились, я не разу не замечал, чтобы ты не то, что молитву прочел, — просто на церковь перекрестился…

— В наблюдательности тебе не откажешь, — не смутившись, улыбнулся Измаил. — Ты прав. Я, как и мои братья — не христианин. Мы служим богу столь древнему, что в сравнении с ним ваш Христос — неразумное дитя, иудейский Моисей — нерадивый школяр, нахватавшийся верхушек тайных знаний, а пророк Мухаммед и вовсе одержимый видениями вождь разбойников-пастухов.

— Что же это за бог такой? — спросил Ольгерд. — Сам он, хоть и был крещен в православии, право других исповедовать веру иную уважал, считая что каждый должен блюсти обычай своего народа и своих отцов.

— У нас не один бог, — ответил египтянин.

— Язычники что ли? — изумился Ольгерд.

— Если хочешь, то называй нас так. Но мы уже возносили молитвы в Карнаке, когда иудейский царь Соломон еще не построил храм в Иерусалиме, а великие фараоны не возвели свои усыпальницы. В те времена жрецы каждого живущего на земле племени были вправе выбирать себе в покровители любых богов. Многие боги были общими, потому верования и обряды у всех жрецов — от Египта до далеких северных земель были близки и понятны посвященным. Шли времена, рождались, восходили и рушились империи. Появлялись новые пророки и царства. А мы все так же продолжали жить в Карнаке. Вначале мы были жрецами фараонов. Затем, когда Египтом стали править эллины-македоняне, мы стали зваться понтификами. Жрецами древних мистерий, к которым приезжали со всего света, мы назывались до тех пор, пока потомки императора Константина, перенеся столицу ромейской империи в городок Византий, не объявили Христа единым государственным богом и не начали воевать с иноверием. Тогда мы влились в Александрийскую церковь и даже стали занимать в новой иерархии заметные посты. С приходом в Египет воинственных потомков аравийских бедуинов

мы приняли их обряды. Пророки и обряды изменяются, но это никак не влияет на суть.

— Так значит вы и есть та самая тайная власть, о которой так много всякого говорят?

Измаил в ответ весело, по-мальчишески рассмеялся.

— Нет. На самом деле нас почти не беспокоит происходящее в мире. Тем более, что тайной власти в мире не существует. На самом деле все священники и пророки, впрочем, как и все великие правители, всего лишь плывут по течению жизни, умело подставляя парус изменчивым ветрам перемен. Мы всего лишь храним свои реликвии, одна из которых — Черный Четман.

— Расскажи подробнее, если можешь — попросил Ольгерд.

— Могу, — улыбнулся Измаил. — В те времена, когда обитатели здешних урочищ носили звериные шкуры, а на лугах еще встречались огромные мохнатые слоны, по всей земле, от Нубии до Ледяных островов с неба упали странные камни. Один из них врезался в землю неподалеку от Фив. Мы нашли его и принесли в Храм. Камень оказался самородком неизвестного черного металла, столь упорного, что его не удавалось расплавить даже в печах, в которых варят железо. Нам понадобилось более двухсот лет, чтобы открыть тайну его литья, и тогда из нашего слитка был выкован жезл для одного из великих фараонов, который согласился участвовать в мистерии и пожертвовать для нее свою кровь. Правление этой династии было блистательным до тех пор, пока отдаленные потомки первого фараона не решили нести свет своего царствования в другие страны на кончиках копий боевых колесниц. Тогда же и выяснилось, что выкованные из небесных камней реликвии не любят покидать места своего падения с неба. Однако многие правители, особенно их отдаленные потомки, посвященные проникшие в тайну, отказываются в это верить.

— Значит наш Черный Гетман из таких вот реликвий? Не многим же он, судя по всему, принес удачу…

— Камень защищает только свою землю. Но все правители непременно пытались с его помощью победить соседей. Первым владельцем реликвии был русский князь Святослав. Познав о камне, не перекованном тогда еще в пернач, он отобрал его у волхвов-хранителей и пошел в завоевательные походы. Сперва отправился в царство хазар и разгромил его. Затем пошел в Болгарию и учинил там такое опустошение, что после его ухода целое государство стало малолюдной ромейской фемой.

— И погиб от рук убийц.

— Совершенно верно. Мы не желали повторения тех событий, потому-то, познакомившись с князем Олегом Святославичем, предложили ему договор. Реликвию в обмен на его покровительство.

— Однако, если мне не изменяет память Ольговичи, мои предки так и не стали великокняжеским родом…

— Черный Гетман отнюдь не волшебный талисман из старых сказок. Он не делает своего владельца неуязвимым ни для железа, ни для лжи и предательства. Получив пернач, сын Олега, Всеволод Ольгович захватил киевский стол. Однако он и его потомки, уверовав в свою безнаказанность, наделал множество ошибок. Монголы, как я уже говорил, оставили реликвию в покое, но незадолго до их прихода ей пытался овладеть князь из северных земель, Андрей по прозвищу Боголюбский.

— Так ведь он был убит своими же приближенными!

— После того, как ограбил киев и вывез из него все святыни.

— И Черного Гетмана?

— И Черного Гетмана. Тогда одному из моих предшественников, также как и мне теперь, пришлось приехать на Русь, чтобы вернуть реликвию в монастырь.

— Стало быть, пернач хранился в одном из саркофагов. Но если Радзивилл каким-то

образом прознал про реликвию и решил ею завладеть, то зачем ему понадобилось забирать все гробницы?

— Здесь могут быть два объяснения. Литовский гетман мог и не знать о перначе и ему по каким-то непонятным пока соображениям нужны были именно саркофаги. Вполне может быть и так, что он просто побоялся открывать саркофаги, а в каком именно спрятан пернач не знал. Вот и забрал их все.

— Чего же он мог бояться? Радзивилл — кальвинист, а их церковь не столь строга, как римская…

— К какой бы он не принадлежал конфессии, он прежде всего представитель жреческого рода, в котором есть свои поверья и предания. И он знает, что вскрывать гробницы без исполнения очистительного обряда нельзя.

— Иначе что?

— В лучшем случае — смерть.

— Если Радзивилл столь серьезно относится к реликвии, значит верит в ее силу?

— Да, похоже что так. Если он знает о ней, то не иначе, как с ее помощью он надеется завоевать корону.

— Так вот значит, зачем нашему Душегубцу понадобился этот пернач! Разбойник, стало быть, в государи метит. Выходит, что он прознал о казацких легендах, кому-то пытками развязал язык, отыскал в монастыре вашего человека и решил завладеть реликвией.

— Да. Определенно он жаждет власти. Но следует также учесть и то, что он может использовать Черный Гетман лишь при одном условии.

— При каком же?

— Если этот Дмитрий уверен, что в его жилах течет княжья кровь.

*** * ***

Перед самым рассветом барка стала у каневской пристани. Небольшой казацкий городок стелился под днепровскими кручами на месте древней днепровской переправы, которой на протяжении сотен лет пользовались все путешественники, идущие из Европы в монгольские земли. Об этом месте Ольгерд знал по книгам посланников- францисканцев, именно здесь они пересекали великую украинскую реку. направляясь кратчайшей дорогой в низовья Дона, откуда путь их лежал на загадочный Восток.

Сам Канев оказался небольшим укрепленным селением с богатым мещанским посадом, вытянувшимся вдоль подошвы похожего на курган холма. Чтобы размять коня и немного отдохнуть от качки, Ольгерд решил проехаться по улицам, заодно заехать в какое-нибудь питейное заведение, а заодно и справиться о последних новостях. Оставив попутчиков на борту, он выехал из гавани, рысью прошелся взад-вперед по единственной прямой улице, приметил корчму, зашел выбрал незанятый стол, спросил пива с закуской, отхлебнул из мигом поставленной перед ним пенящейся деревянной кружки, накромсал ножом круг испускающей головокружительный чесночный аромат рубленой колбасы и начал неспешно наслаждаться мирной жизнью, всерьез размышляя, а не заказать ли еще и наваристой мясной похлебки, запах которой, щекоча ноздри, тянулся из кухни.

Новости, за которыми он, собственно, и заехал в корчму, не заставили себя ждать. Два мещанина, морщась от крепкого хлебного вина, пили его чарками столь часто, словно за ними гнались татары, налегали на жареную курицу и наперебой обменивались тем, что знали:

— Говорят, что ему осиновый кол в спину вбили!

— Да нет же, все врут, сосед. Я слышал, что гетмана Золотаренка серебряной пулей со свету сжили!

— То есть так-таки и серебряной?

При этих словах Ольгерд позабыв о пиве, колбасе и похлебке, превратился в слух. Мещане, не обращая особого внимания на заезжего компанейца, продолжали судачить:

— Точно так, сосед! Разговор по городу ходит, что ксендзы быховские тайком обратились к горожанам, чтобы освященное серебро собрать. Из крестиков и цепочек, что люди нанесли, приказали пулю отлить, а потом отдали ее своему служке, что на органе в костеле играл. Вот тот музЫка пистоль серебряной пулей-то зарядил, отправился в стан к казакам, которые Быхов обложили, да Ивана Золотаренко и подстрелил…

— И что, сразу же наповал? Меткие же в Литве музыканты.

— В том то и дело, что ранил он гетмана совсем легко — попал в ногу ниже коленки. Казаки, получив такие раны, на третий день в седло уж садятся, а Иван Золотаренко в сей же день в страшных муках скончался. Казаки до смерти, бают, убийцу того запытали, вот он им про ксендзов все и рассказал.

— Ох и нечисто тут дело, сосед!

— Еще и как нечисто. Так слушай и дальше: хоронить-то убитого из Быхова в Корсунь, привезли!

— Вот это новость! Казаки своих обычно кладут в землю в том месте, где те голову сложили. А этого, стало быть, на родной погост?

— Истинный крест! Кто бы другой рассказал, я бы не поверил, но вчера кум из Корсуня вернулся, полотно на продажу возил, так вот, он сказывал, что привезли покойника хоронить на родину. Только и тут молва нехорошее бает. Мол привезди его на Ураину не от большой любви, а потому что там, на Полесье, Золотаренка по черной его славе оборотня, ни один поп православный отпевать не согласился. Мало того, местные жители, которым он много обид учинил, грозились, ежели тело его положат хоть на каком беларусском кладбище, как только казаки уйдут — то выкопают его непременно и сожгут, как любого мертвого колдуна. Золотаренко — свояк самому Хмелю, старшина и порешила от греха подальше отвезти тело в Корсунь и достойно отпеть, чтобы поменьше грехов ему пришлось на том свете в геенне огненной искупать.

— Ох, сосед, до чего же страшна молва людская. Если оборотнем прослывешь — то хоть сам в себя осиновый кол втыкай…

— Может оно и так, однако, согласись, что для того, чтоб славу упыря в народе заиметь, кровушки нужно пролить немало.

Заметив наконец внимательно прислушивающегося к ним оружного соседа, мещане испуганно замолкли и налегли на недоеденную курицу. Но Ольгерду и услышанного было вполне достаточно.

"Сделал все-таки дело Олекса Попович, — подумал он. — Отомстил его брат за поруганную гетманом жену. Ох, лиха беда начало. Чует мое сердце, выжгут теперь черниговские старшины весь род Золотаренков каленым железом. Далеко глядит Тарас Кочур. Мало ему было своего притеснителя жизни лишить чужими руками, так он еще и оборотнем его прославил. Ей, богу, быть ему полковником, а то и гетманом…". Припомнилось тут же, что и он к этому делу руку свою приложил, а начав думать о Лоеве и вовсе про Ольгу вспомнил. Затосковал Ольгерд, допил вставшее в горле пиво, расплатился и покинул корчму, позабыв про колбасу на радость забившемуся в углу пьянчужке.

* * *

Утром ветер изменил направление, и барка продолжила путь на веслах. По мере продвижения к низовому руслу воспетого еще греками Борисфенва однообразная местность стала быстро меняться. Сразу за Чигириным идущие вдоль реки холмы расступились, отодвинулись от речных берегов и помалу сошли на нет, леса поредели, а заливные луга и лозняки чащи сменились на рощи и перелески. На следующий день пути из всей растительности по обе стороны Днепра остались лишь одиноко стоящие дубы, но и их хватило не надолго. По оба борта, куда ни кинь глаз, простиралась голая безлюдная степь. За все время только раз или два вдали, поднимая пыль, пронеслись отряды каких-то всадников, скорее всего татар.

Неспокойные крымчаки и и кочующие по Таврии ногайцы держали и без того немногочисленное население протянувшихся от Буга до Волги польных украин в постоянной угрозе набегов. Воеводы пограничных уездов, получив известия о кочевниках, собирали окрестных жителей в осаду, заставляя их покидать поля и селения, угонять скот в густые леса, а хлеб зарывать в ямы. Каждый год, от мая до сентября, пока степные дороги не расквасит распутица, татары то здесь, то там беспокоили границы, иногда забираясь далеко в глубину освоенных земель, и не было на них никакой управы, кроме сабли и доброго ружья. Даже мирный договор с турецким султаном или крымским ханом Гиреем мог обеспечивать только одно — что на украину не пойдет вся орда. Защитой от нападения отдельных, порой многочисленных татарских отрядов, служила цепочка нечастых сторожевых застав, которые у здешних казаков исстари назывались сечами. Для главной из них, Чертомлынской сечи, и был предназначен отправленный куреневцами припас.

Глухой рев зажатой в гранит реки они заслышали еще за полдня до того, как барка подошла к знаменитым порогам. Днепр, медленный и важный под Киевом, здесь, бурля на бесчисленных каменных гребенках и перекатываясь через торчащие из воды валуны, больше напоминал горную реку.

— Сколько от сюда до сечи? — спросил у старшего Измаил.

— Верст с пятьдесят, — ответил тот. — Но барка наша вниз не пойдет, казаки из Александровской слободы припас перегрузят, да сами все до низу челнами и сплавят. Вон, видишь, уже встречают.

На желтой полосе песка у большого, раскинувшегося по левому берегу селения, к которому приближалась барка, Ольгерд разглядел несколько десятков длинных челнов, вокруг которых суетились во множестве люди.

Заметил лодки и Измаил.

— И что же, — снова спросил египтянин, — эти люди рискнут плыть через пороги на долбленых лодчонках?

— Здешние казаки с того и живут. — усмехнулся старший. — Сызмальства все камни отсюда и до реки Чертомлыны знают, как свой огород. Вон там, у берега, есть казачий переход, через который и проскакивают, если, конечно рулевой опытный да удачливый. Только ты, чужеземец, при местных казацкие байдаки "лодчонками" не зови, иначе побьют. На худой конец уж по-московитски, стругами…

Ольгерд вслушивался в разговор, но сейчас его больше волновало другое:

— А как же мы дальше пойдем? — спросил он у казака. — Тоже по воде? Но у нас ведь кони…

— Ежели хотите на-конь до сечи пойти, то вам тогда треба взять в слободе проводника и степью чесать напрямки. Тут верст сорок, не больше, если с первым солнцем отправитесь, то к

вечеру налегке доберетесь. Сегодня разгрузимся, а завтра с утра пораньше на правый берег вас перекинем…

— А сразу нас на тот берег никак нельзя? Спешим мы, казаче.

— Почему же, — почесав затылок, ответил тот. — Можно и сразу. Только заблудитесь вы в степи без провожатого.

— За это не бойся, — вступил в разговор Измаил. — Я по звездам путь найду, а если что, то у местных расспросим.

— Поищешь ты "местных" в диком поле! — хохотнул казак. — Ну, да мое дело предупредить. Кошевой приказал взять вас с собой, я и взял. А дальше хозяин-барин.

Казак отдал громкий приказ, двое кормчих толкнули рулевое весло и барка, под изумленные крики, доносившиеся со спущенных уже на воду байдаков, начала заворачивать к правому берегу.

Степь встретила маленький отряд дурманящим медовым ароматом, словно бесчисленные цветы и травы, готовясь к наступающей осени, весь свой нерастраченный летом пыл спеша управиться до холодов, отдавали сухому теплому воздуху.

Ольгерду, воевавшему в донских степях, не понадобилось много времени, чтобы обнаружить среди буйного разнотравья торную дорогу. Отдохнувшие кони несли путников ровной широкой рысью, так что к тому времени как над степью рассыпались звезды, они проделали больше половины пути. Сделав привал, огня не разводили, чтобы не привлекать чужих. Поели прихваченной с собой снедью, поспали по очереди и, дождавшись рассвета продолжили путь.

Ближе к обеду встретили казачий разъезд. Завидев чужих, сечевики, несущие дальний дозор, спешились и наставили на пришельцев ружья. Однако услышав имя Богдана Молявы, отставили в сторону подозрения и даже предложили проводить до самой Чертомлынской сечи, до которой оставалось пара часов пути.

— Что братче, — поинтересовался Ольгерд у одного из провожатых, — остался кто из хлопцев на сечи?

— Не! — отвечал тот. — Тильки наша застава с полсотни сабель, за татарвой присматривать, чтоб курени не попалили, поганцы.

— А остальные?

— Хто як. Одни по хуторам на зимовье разошлись, другие до Хмеля подались, с ляхом воевать. Говорят, что круля ихнего наши с московитами в Подолье добре пощемили…

— А про кобзаря слепого, что на сечи живет, ты ничего не слыхал?

— Как не слыхать? Слыхал. Филимоном кличут. Песни казацкие поет так, что душа разрывается.

— А где он сейчас? Остался на сечи зимовать?

— Чего не знаю, того не знаю. Когда выезжали в дозор, вроде бы был еще на сечи.

— А когда это было?

— Третьего дня. Ну а вот и наша сечь!

Поднявшись на небольшую возвышенность всадники увидели наконец знаменитую Чертомлыцкую, которая пряталась в просторном урочище, за грядой невысоких холмов, над которыми высились сторожевые башни. Указав Измаилу с Сарабуном на большое, в несколько миль, пространство, ограниченное справа и слева плавнями и днепровскими протоками, Ольгерд пояснил:

— Вот это и есть Запорожская сеч. То самое место, где собирается казацкое войско. По весне, как вода спадет, дороги просохнут и в степи начнет расти трава, сюда со всех окрестных земель стекаются во множестве искатели военной поживы. Сами организовываются в походные

сотни и полки, избирают себе кошевых, полковников и гетманов и решают, куда идти воевать.

— С кем же они воюют? — спросил Измаил.

— Спроси лучше, с кем они не не воюют. Раньше с Вишневецкими не воевали — те использовали казаков, как защиту от татар и поставляли им оружие и зерно, как московский царь сейчас поставляет донцам. С недавних пор не воюют они с московитами, так как гетман Хмельницкий им присягнул в вечной дружбе. А так — где война идет, где пограбить можно, туда и идут. То на турок, то на ляхов. Но чаще на земли Московского царства. Бывает еще, нанимаются к западным государям на службу.

— И сколько же их сюда собирается?

— Бывает тысяч и десять, и двадцать, как когда.

— Целая армия.

— Бери выше — войско.

Ольгерд поглядел на вытоптанную площадь, окруженную невысоким тыном и несколькими сторожевыми вежами и вдруг представил себе все это пространство заполненное рядами полотняных шатров, окруженных бесконечными коновязями, вдоль которых перебирают крепкими ногами добрые походные кони. Словно наяву он увидел, как вокруг бурлящих на огне казанов с варящимся обедом расхаживают ждущие сигнала к выступлению едва ли не лучшие во всей Европе бойцы — сухопутные флибустьеры, которым платят жалованье большее, даже чем швейцарским вольным копейщикам. А потом ему привиделся поставленный посреди лагеря большой богатый шатер, а в шатре старшинский совет, который возглавляют неудавшийся его тесть лоевский сотник Тарас Кочур и его единомышленники. Ольгерд, потомок славных княжеских родов, представил себе, какую державу смогли бы сотворить эти люди, способные в борьбе за власть подослать к тому, кто встал у них на пути, наемного убийцу и ошельмовать противника оборотнем, и ему стало страшно. Он тряхнул головой, разгоняя ненужные мысли. О будущем нужно думать тогда, когда оно наступит, сейчас же есть другая задача, ради которой они мчались сюда много дней…

— Где слепой кобзарь? — развернув коня перед первым же вышедшим навстречу караульным, крикнул Ольгерд

— Так пишов до себе на хутор, — удивленно ответил тот. — А шо?

— Что за хутор, далеко отсюда?

— Та ни, верст з двадцать. Он туда с кашеварами завсегда зимовать уходит. Живут себе в плавнях, птицу бьют, рыбу ловят. Татары их не трогают — что взять, на хутор одни старухи да старики. Только вы же не первые, кто сегодня про кобзаря пытает…

Волосы у Ольгерда стали дыбом.

— Давно?!

— Шо, "давно"? — не понял караульный.

— Давно про кобзаря спрашивали?

— Та ни, недавно. Тильки вчора.

— Много их было?

— Трое москалей, с татарвой какой-то залетной. У всех от самого Выговского грамоты проездные, вроде как посольство из Переяслава едет, да кони добрые, дорогие. Нам-то шо? Це люди гетьмановы, у них свои дела. Нас спросили, мы ответили.

— Знаете, где этот хутор? — спросил Ольгерд у подтянувшихся к разговору дозорных.

— Знаем, — кивнул начальник.

— Показывайте дорогу.

— А дело-то в чем?

— Это не послы, а, подосланные убийцы. Остановить нужно, пока беды не натворили.

Не задавая больше вопросов, казаки развернули коней, Ольгерд, Измаил и Сарабун устремились за ними вслед.

Скакали без отдыху до самого заката. Когда солнце уже почти скрылось, казаки, выехав по приметам к берегу в нужном месте, начали рыскать вдоль стены камышей, пытаясь найти дорогу.

— И как мы на ночь глядя найдем этот проклятый хутор? — пробурчал один из дозорных. — Сплошной очерет кругом, дороги не видно… Проводника нужно было брать из здешних.

— Думаю, что нам это не понадобится, — ответил Измаил, указывая туда, где над плавнями, взметая искры в чернеющее небо, поднимались языки разгорающегося пожара.

*** * ***

До хутора добрались едва ли не вмиг — поднятое пожаром зарево осветило плавни, указав уходящий к реке проезд. Ольгерд подъехал к казакам:

— Сколько там хат?

— Не больше десятка. Хутор.

— А народу много живет?

— Какой народ? Старики да старухи. Десятка три едва наберется.

У Ольгерда немного отлегло от сердца. Если нападавшим нужен был именно слепой кобзарь, стало быть, не нашли они его с ходу, вот и начали хаты жечь, чтобы народ на двор выгнать. Подскакав поближе, он приостановил и огляделся. Похоже, дела обстояли именно так, как он и предполагал. Дома — глинобитные мазанки, разбросанные вокруг небольшой ровной площадки, по-здешнему майдана, окруженные стенами высокого очерета, гудя, полыхали прогоревшими крышами. Меж домами метались тени, в которых по шапкам можно было без ошибки признать татар. Спешившиеся, чтобы не пугать огнем коней, налетчики, размахивая оружием, метались взад-вперед в поисках хуторян. Двое, вероятно предводители шайки, оставшись в седлах, стояли на безопасном отдалении, и ждали окончания дела.

Ольгерд наскоро прикинул порядок действий. Казаков с ними было шестеро, вместе с ним и Измаилом, стало быть, восемь сабель, Сарабун не в счет. На хуторе он насчитал не меньше полутора десятков нападавших. С учетом внезапности, силы равные. Конечно, бандиты, устроив пожар, не могли не понимать, что завидев огонь, оставшиеся на сечи казаки непременно отправят дозорных. Но столь быстрого нападения ждать они не могли, чем и следовало не мешкая воспользоваться.

Если бы им нужно было просто отбить нападение, дело было бы проще пареной репы, но отряду предстояло не просто вступить в схватку, а посреди ночи в горящем селении обнаружить и спасти слепого беспомощного старика. И это изрядно усложняло задачу.

Ольгерд поднял руку, привлекая к себе внимание спутников.

— Двое твоих, — обратился он к старшему разъезда, — пусть спешатся, да засаду устроят на выезде. Как разбойники побегут, пусть стреляют по ним из ружей, словно на загонной охоте. Остальные — давай за мной. Пойдем в обход, потом рассыпаемся по селу. Как начнется пляска, рубите всех, кто под руку попадется, но без шума. Только после первого выстрела, хоть своего, хоть вражеского, учиняйте такой гам, будто нас тут не меньше сотни. Пусть решат, что казаки с сечи подошли. Если запаникуют, то побегут они в плавни, там потом и отловим. А от огня сторонитесь, чтобы кони не понесли.

— А я? — спросил Сарабун.

— Ты не воин, а лекарь, твое дело людей спасать. Спешься, да тихо пробирайся к домам задами. Пока мы будем внимание отвлекать, твоя задача не лезть в бой, а попробовать разыскать старика. Если он жив, конечно.

Сарабун охнул, перекрестился а потом, скосив глаза на казаков, осторожно плюнул через левое плечо.

Под покровом пляшущих теней, которые отбрасывали освещенные пожаром камыши, всадники, огибая хутор, потекли вслед за Ольгердом. После того как меж ними и главарями налетчиков оказались горящие дома, конники, не дожидаясь команды, пришпорили коней, споро пошли вперед, развернулись вслед за командиром и, на ходу рассыпаясь веером, пошли на село. Взметнулись вверх клинки, побежали по ухоженной стали отблески пожаров кровавыми пятнами.

Первым, на кого вылетел распаленный предчувствием боя ольгердов жеребец, оказался вооруженный луком татарин. Завидев взявшегося словно ниоткуда казака, вольный сын степей взвизгнул, натянул тетиву, успел пустить короткую злую стрелу — но поздно. Стрела ушла куда-то вбок, а татарин, получив удар с оттяжкой точно между плечом и шеей, всхрипнул и, подергивая руками, упал навзничь. Не думая уже о поверженном противнике Ольгерд вылетел на хуторской майдан.

Огляделся, увидел как казаки гоняют, словно ястребы цыплят, ошалевших разбойников, вбился клином меж двумя бегущими татарами, махнул саблей вправо, попал, переклонился на другую сторону, ударил влево — сталь со звоном наскочила на подставленный ятаган. Татарин скривил лицо, сощурился, показал неровные зубы и попытался пырнуть коня острием под брюхо. Ольгерд, предугадав удар, поднял жеребца на дыбы, пнул басурманина в лоб ногой и, не желая тратить времени на пустое фехтование, вытянул левой рукой пистоль. Направил ствол в середину груди, моля бога, чтобы у того не оказалось под кунтушем стальной кирасы, нажал на спуск. Выстрел в упор оказался удачным — разбойника швырнуло в сторону, словно кость при игре в бабки. Не успел развеяться пороховой дым, как со всех сторон понеслись грозные голоса:

— Давай, хлопцы, навались!

— Правый десяток, перекрывай цепью, живыми всех брать!

— Гарматы, гарматы выкатывай! Да картечью по басурманам!

Казаки, несмотря на боевой запал, строго выполнили приказ. Хотя, насчет пушек было, наверное, зря, подумал Ольгерд. Хватило бы и просто криков — как он и предполагал, уцелевшие разбойники, пытаясь спрятаться в спасительных зарослях, брызнули по сторонам, словно крысы с горящего корабля. Кинулся Ольгерд в погоню, да вовремя опомнился — не до рубки сейчас. Развернул коня, кликнул казаков, да двинул обратно к пожарищу, старика искать.

За хатами, где-то напротив выезда, бахнуло раз, потом другой — похоже часть разбойников пыталась прорваться тем же путем, как и пришли. Схоронившись от шальной стрелы под крышей колодезного теремка, чудом уцелевшего от огня (вдруг татарин какой не успев сбежать, в темноте затаился), Ольгерд направил казаков с Измаилом на выстрелы, сам же взял наизготовку заряженный карабин и замер, всматриваясь в чернеющие просветы между домами.

Однако прикрывать тылы не понадобилось — суматошный ночной бой завершился полной и сокрушительной победой. Вскоре из темноты появились двое казаков, стоявших в засаде, каждый толкал перед собой по пленному. За ними вслед, ведя на поводу казацких лошадей, ехал Измаил.

— Чисто, пан лоевский компанеец! — весело прокричал казак. — Все, как ты и говорил: человек пять по плавням разбежались, переловим их засветло. Там одна татарва, а без коней они что без ног, далеко не сбегут. А эти вот двое чкурнуть попробовали, да хлопцы, что в засаде, коней у них подстрелили.

— И что, они после этого, сами в плен сдались?

— Пытались сопротивляться, — пояснил египтянин. — Казаки хотели их зарубить, но я решил, что они понадобятся нам живыми.

— Ох и крут твой богомолец, — с нескрываемым восхищением добавил один из казаков. — Налетел из темноты коршуном, с коня спрыгнул, да давай ногами махать, словно гопак пляшет. Лиходеи и сабли достать не успели, как он обоих оглушил да скрутил в бараний рог. Нам осталось только связать и пригнать сюда, как телков.

К разговору присоединился старший дозора.

— С тех пор, как батька Хмель с московитами побратался, совсем разбойники обнаглели. Виданное ли дело, казацкий хутор под самой сечью разорять! Да был бы хутор еще, а так, инвалидская команда, с которой и взять-то нечего.

— Не грабить они пришли, казак, — ответил старшему Ольгерд. — Убийцы это подосланные. Кобзаря вашего извести хотели.

Глаза казака сузились в две злые щелки.

— Кобзаря нашего? Деда Филимона, говоришь, убить собрались? Да я же на его песнях с мальчишества вырос. Пусть молятся богу своему, чтобы жив он был, иначе гнить им на колу заживо не меньше недели…

— Тогда уж не богу, а богам, — уточнил Измаил. Не знаю, кто из них первый, а второй точно мусульманин.

— Первый это швед, — ответил Ольгерд. — Хотя, конечно, вполне мог принять ислам.

Пленный вскинул голову и сверкнул недобрым жабьим взглядом. Перед ними, прищурив глаз, под которым набухал на полщеки свежий кровоподтек, стоял Щемила.

— Зачем на хутор напали? Где кобзарь? — спросил его Ольгерд.

Подручный Душегубца, не признал бывшего пленника. Бросил на всех злой взгляд, пробормотал какое-то шведское проклятие, плюнул под себя и умолк.

Взоры присутствующих обратились к его подельнику — круглощекому бритому татарину в шароварах, овчинной безрукавке, надетой прямо на голое тело и откинутом назад войлочном баслыке.

Татарин, не дожидаясь вопросов, выпятил нижнюю губу и произнес:

— Я мурза из Еникев!

Имя это не говорило Ольгерду ровным счетом ничего, но стоящий рядом казак вскинул в удивлении брови:

— Еникеи — ногайская знать. Повезло твоему богомольцу, однако, с пленником: за мурзу большой выкуп дадут.

— Где старик? — спросил Ольгерд у мурзы.

— Тот, хоть и понял суть вопроса, на разговор не пошел — начал в ответ браниться на лающем татарском наречии.

Ольгерд повторил вопрос. Брань усилилась.

Стоящий рядом казах пару раз тяжело вздохнул, поморщился, крякнул, отодвинул Ольгерда в сторону, и врезал пленному с размаху кулаком под дых. Дождавшись, когда тот восстановит дыхание, казак что-то коротко спросил по-татарски. Мурза тихо застонал в ответ и, уже без намека на браваду, так же коротко, одной фразой, ответил.

— Они не нашли старика, — перевел казак.

— Спроси, как он здесь оказался, — продолжил допрос Ольгерд. — А этого, — он указал на Щемилу, — отволоките подальше, чтоб он разговор наш не слышал, да берегите пуще глазу. Я его знаю, опасен как змея.

— Мы ждали в условленном месте людей Димитри-бека, — поведал через переводчика

татарин, — чтобы забрать ясырь. Но приехал его главный нукер, — мурза дернул подбородком в ту сторону, куда увели Щемилу, — и сказал что даст двести талеров, если мы поможем ему напасть на это селение. Мы очень боялись мести казаков, но двести талеров — большие деньги. Впереди зима, и нашим женам и детям нужны теплые одежды и новые юрты.

— Ну а старик?

— Мы никого не нашли, господин. Селение словно вымерло. Нукер Димитри-бека велел поджигать вначале дома, потом камыши, чтобы спугнуть хашар. Но никто так и не появился. А потом пришли вы…

— Вот, значит, почему разбойники оказались здесь незадолго до нас, — произнес Ольгерд, обращаясь к Измаилу. — делали крюк, чтобы татар с собой прихватить, и смертоубийство на них свалить. Хитер Душегубец, нечего тут сказать…

— Здесь, похоже, все ясно, — ответил, нахмурившись, Измаил. — Теперь неплохо было бы выяснить, где же все таки этот самый кобзарь…

*** * ***

Прятаться обитатели хутора умели почище, чем зайцы-русаки, каких в поле наступишь — не заметишь, и в темноте себя проявить не спешили. Благо рассвет был не за горами, и с первыми лучами солнца на майдане, словно гриб, вырос как из-под земли, помятый грязный как черт дедок. Разглядев казаков, свистнул, крикнул по-особому, после чего из неприметных схронов, расположенных прямо между домами, словно словно кроты, стали кряхтя выбираться люди.

— Ты что ли тут главный? — спросил дедок Ольгерда, безошибочно признав в нем командира.

— Пока что я, — кивнул тот. — Ты мне, батьку, скажи, как это они вас врасплох не застали?

— Тоже мне, тихушники, — хмыкнул дедок. — Ломили сквозь плавни громче кабаньего стада. Да они еще за полверсты были, когда мы узнали. Птиц да зверей не обманешь. А схроны у нас надежные, знаем с кем соседствуем. Ну, да спасибо вам, казаки-молодцы, за спасение! Сейчас вот немного кости разомнем, да обед сгоношим. Старые мы уже, быстро шевелиться не можем…

— А где Филимон? — оглядывая собирающихся на майдане хуторян, ответил с тревогой Ольгерд. — Не могли эти воры его достать?

— Не боись, — ухмыльнулся дедок. — Филимон — то как раз первым их приближение и услышал. Негоже кобзарю под землей дрожать, мы его сразу же в надежный тайник в плавнях вместе с поводырем и отправили. Да вот же и он!

Опираясь на Сарабуна, к колодцу ковылял высокий, костлявый, седой, как лунь старик с бельмами на глазах. За ними шел мальчишка, за спиной у которого болталась на спине кобза.

— Гости к тебе, Филимон! — окрикнул кобзаря дедок. — Вы тут поговорите, а я пока насчет обеда подсуечусь.

— Значит ты и есть знаменитый сечевой кобзарь? — спросил Ольгерд у подошедшего старика.

— А ты значит с самой Литвы прискакал, чтобы мои думы послушать? — голос у Филимон оказался на удивление ясный и чистый, словно у совсем молодого.

— Откуда знаешь, что я литвин? — изумился Ольгерд.

— Незрячие слышат то, что зрячим порой и видеть не дано. По тому, как человек говорит,

можно много о нем узнать…

— Ладно, раз так. Прав ты, отец, я литвин. Прибыл сюда из Киева, да только не песни слушать. Хочу, чтобы ты мне бывальщину рассказал.

— Бывальщину? Какую же?

— Про вора одного. Душегубцем кличут.

— Вздрогнул старик при этих словах всем телом, но взял себя в руки. Поднял бельма горе, подставляя лицо восходящему солнышку, вздохнул, словно что-то себе решая. Медленно, словно взвешивая каждый звук, ответил:

— Не знаю я никакого Душегубца, литвин. И бывальщины рассказывать не умею. Хочешь песен — потерпи. К вечеру, как хуторские люди оклемаются, да казаки твои отдохнут да отобедают, так уж и быть спою. А потом каждый из нас пойдет своей дорогой…

— Дорога у нас теперь одна, отец. Люди, что напали на хутор, присланы Дмитрием, чтобы тебя убить.

— Ошибся ты, — совсем уж спокойно ответил старик. — Кому нужен слепой кобзарь?

— А вот это мы сейчас и узнаем, — усмехнулся молчавший до сей поры Измаил. — Давайте — ка сюда этого сумасшедшего шведа.

Казаки подвели к колодцу упирающегося Щемилу.

— Ну, теперь говори, зачем тебя Дмитрий Душегубец на сечь послал? — рявкнул, пытаясь ошеломить пленника, Ольгерд. — Да запираться не смей, нам ваш пан Черневецкий, что в старом городе хабарем торгует, все рассказал, как на духу…

— Ешли фсе снаеш, почему топрос? — шепелявя выбитым зубом, поинтересовался Щемила. Прищурился, оглядел внимательно Ольгерда и вздрогнул всем телом — узнал.

— Потому что нам нужно знать, почему твоему главарю понадобилось вдруг убивать простого кобзаря.

— Ф том, что телает косподин, нет ничего простофо! — проквакал в ответ Щемила. — Толко он никокда не рассвасыфвает что и почему…

— Ты тут не гоношись! — прикрикнул на шведа казак. — Пытать начнем — расскажешь все как на духу. Не то что про приказы полученные доложишь, вспомнишь, как мальцом за девками в бане подглядывал…

— У нас ф банях тефки моются фместе с мушиками, — ухмыльнулся Щемила. — Но не нато меня пытать, я сам фсе расскшу. Ты праф, фезунчик, — Произнес он, глядя прямо в глаза Ольгерду. — Мой косподин отпрафил меня сюта, чтобы нафскгда завязать ясык этому фот калеке…

Разбойник резким движением выпростал из-за спины руку. В воздухе сверкнуло, крутясь, короткое тяжелое лезвие. Охранявший Щемилу казак тут же вскинул пистоль и разрядил прямо в голову шведа. Щемила рухнул на землю, лицом вниз брызнув кровью и обломками костей из развороченного затылка.

— Отвязался незаметно, злодей, — извиняясь произнес казак. — И нож в рукаве припрятал. Как это он ухитрился, понять не могу, наш Онисим так обыскивать умеет — булавку не спрячешь, а уж вязать пленных — первый мастер в сотне.

Ольгерд развернулся к колодцу. Старый кобзарь стоял, качаясь взад-вперед, словно на сильном ветру, держась ладонью за бок, из которого торчала короткая черная рукоятка. Из раны бежала, пропитывая рубаху, тонкая струйка темной крови.

— Помогите же! Скорее! — крикнул стоящий рядом Сарабун.

Ольгерд с Измаилом ринулись вперед и осторожно опустили старого кобзаря на траву. Лекарь требовательным жестом заставил всех отойти и поднял рубаху и начал ощупывать рану. Кобзарь утробно застонал.

— Что? — спросил Ольгерд, едва дождавшись завершения осмотра.

Лекарь отрицательно покачал головой.

— Нож застрял в печени. Если его вынуть, то умрет едва ли не сразу. Если оставить — умрет через день-два в страшных муках.

— Подойди сюда, литвин, — прохрипел старик, устремив узловатый палец прямо в грудь Ольгерду. — А все остальные уйдите. Буду с ним говорить.

Ольгерд дернул головой: выполняйте! Измаил и Сарабун понятливо кивнули и пошли в дальний край майдана, где хуторяне приступили к приготовлению обещанного дедом обеда. Дождавшись, когда казаки отволокут подальше тело Щемилы, кобзарь с усилием, негромко спросил:

— Имя Душегубца тебе ведомо?

— Дмитрием вроде велел себя кликать.

— Дмитрием говоришь? Ты его видел? Каков он из себя?

Ольгерд коротко описал главаря разбойников.

Старик снова поднял незрячие глаза к небесам, погрел на солнце лицо.

— Объявился все-таки. Я уж думал, что не услышу о нем боле, а вот, значит, как оно вышло…

Ольгерд нахмурился

— Ты бы не говорил загадками, отец, а растолковал, все что знаешь. Время дорого.

— Ты ли будешь мне о времени говорить? — горько усмехнулся кобзарь. — Все, сколько его осталось, теперь мое. Лучше другое мне ответь. Тебе-то, литвин, зачем все это нужно?

— У меня к этому разбойнику особый счет, — ответил, не чинясь, Ольгерд. — Он отца и мать жизни лишил, меня без имени и наследства оставил, да еще так получается, что разлучил с любимой, без которой мне свет не мил.

— Не все говоришь, — покачал головой старик. — Что еще за душой? Не ответишь мне, как на исповеди, не услышишь и от меня ни слова.

— Мой друг, египтянин, хочет возвратить пропавший из Киева Черный Гетман. Для этого ему нужно найти Димитрия. Что тебе известно, старик?

— Про пернач я узнал уже тогда, когда взял в руки кобзу и был посвящен в наше тайное братство. С тех пор и пел про него думы на тайных казачьих сходах. А Дмитрия знаю едва не с детских лет.

— Расскажи, — попросил Ольгерд.

Старик кивнул, попробовал повернуться, но не смог — застонал от невыносимой боли, откинулся на стенку колодца. Заслышав стон, к ним тут же подскочил Сарабун.

— Вот, отец, попей отвар из трав. Легче станет.

Слепой кобзарь сделал несколько натужных глотков, полежал немного и, чуть оживившись, проговорил:

— Воля моя такая. Зови своего египтянина, да и лекаря оставь. По голосу слышу, что он за тебя готов жизнь отдать, — при этих словах Сарабун густо, до ушей, покраснел. — Расскажу я вам то, о чем больше никто не ведает. Переложу груз тяжкий, неподъемный на ваши плечи, а вы уж поступайте с ним, как сердце подскажет. Только перед этим поклянитесь все трое, что когда я рассказ свой завершу, дадите мне помереть быстро и без мук и схороните по-христиански на островке, что в плавнях неподалеку от хутора, да кобзу мою в могилу со мной положите, а хлопчику, поводырю моему, денег дадите, чтоб хватило новую купить, обещал я ему такое наследство.

— Христом-богом клянусь, сделаем все как скажешь, — кивнул Ольгерд. — Ведь сделаем, Сарабун?

— Любой лекарь дает клятву, бороться за жизнь больного до последней возможности, — ответил тот, глотая слезы. — Но здесь случай особый, и сократить страдания неизлечимо больного — мой прямой долг.

— Зови Измаила, — тихо приказал Ольгерд.

Старик провел открытой ладонью над лицами склонившихся над ним людей, словно пытаясь ощупать их через воздух, кивнул и начал медленно говорить.

*** * ***

Я родился здесь, на запорожской украйне, в год смерти славного короля Степана Батория. Отец мой, казак, служил в отряде Герасима Евангелика, промышлявшего в здешних плавнях. Когда мне исполнилось девять лет, он погиб в стычке с ногайцами, а матушка моя к тому времени уже отдала богу душу, так что остался я на свете один. Герасим, как друг отца, взял меня в услужение и поселил на тайном зимовье, что хоронилось среди проток ниже порогов.

Два года прошло и вот, как-то раз на Маслену, когда еще стоял лед на протоках, давая дорогу коням, добрались до нас вместе с проводником трое шляхтичей — двое постарше один помоложе. Одеты были просто, но по повадкам не спутаешь — все трое высокого полета птицы. Я тогда за столом прислуживал, видел, как один из приехавших, старший видать, дал Герасиму тугой кошель и приказал чтобы третьего, молодого, приняли в отряд и обучали ратному делу. Мол, ему сейчас ни в Московии, ни в Речи Посполитой объявляться нельзя, а в страны латынской веры ехать не годится, потому что нужно среди своих, православных побыть. До самого утра они о чем-то шептались, о чем мне неведомо, потому что выставили из хаты всех слуг. На следующий день двое покинули зимовье, а молодой остался.

Больше чем полвека прошло, у многих из тех, кто тогда в отряде у Герасима был, внуки повзрослели, а я помню все, будто вчера это было.

Сперва шляхтич приехавший всего дичился. Хуторян сторонился, по вечерам на сходки не ходил, горилки не пил, а как прознал, что в хатах все едят из одной миски деревянными ложками, так чуть обратно не сбежал. Однако свыкся помаленьку, правда посуду себе отдельную завел. Знал я его получше многих, потому что Герасим Евангелик меня к нему казачком с первого дня приставил. Это тогда мне, мальцу, он казался взрослым мужем, а ведь было ему едва за двадцать. Назвался Дмитрием, лицом был пригож, приветлив, умом скор. Богат, да не прижимист — тех, кто ему по нраву пришелся, озолотить был готов. Говорить умел как по-писаному, на коне держался, будто родился в седле и охоту обожал пуще других забав. До девок был охоч, однако откуда на казацком хуторе девки, да еще такие, чтобы шляхтичу угодили? Все рвался в Чертомлын к маркитанткам, однако Герасим наш стеной стал — не пущу мол, никуда, не время пока себя открывать…

Скоро снег сошел, и начали казаки к походам готовиться. Дмитрию сам Евангелик наставничал. Пороха не жалея, учил его стрелять из ружья и пистоля, бить саблей пешим и на скаку. Хвалил его атаман: "Не будь этому хлопцу иная судьба уготована, — не раз говорил, — знатный бы из него получился гетман для Войска Запорожского"

Вот, как дороги просохли после распутицы, а в степи зазеленела трава, прознали казаки, что в двух днях пути от зимовья кочует богатый ногайский юрт и решили татар пощипать для разминки. Дмитрий с ними тогда напросился, меня же по малолетству дома оставили. Хоть и удачным был набег, много взяли оружия, драгоценностей, денег и полона, атаман Герасим не смог себе простить его до самой своей смерти. Потому что привез Дмитрий на зимовье, перекинув через седло, взятую в ясырь татарку, взятую из шатра убитого в стычке бея. При

разделе добычи Дмитрий девушку. Казаки было зароптали, многим татарочка та приглянулась: на вид не старше меня тогдашнего, глаза большие, зеленые, что у кошки камышовой, в поясе что твоя оса — двумя пальцами можно обхватить, а грудь большая, высокая, но Герасим прикрикнул, велел сделать так, как заезжий шляхтич желает.

Поселил ее Дмитрий в своей хате, в выгородке. Сперва дичилась, словно пойманная ласка. Два раза бежать даже пыталась. Потом смирилась, к пану моему стала льнуть, татарскому языку его учила, сама же по-русски стала понемногу лопотать. Узнали мы, что звать ее Агли, и оказалась она дочерью того самого ногайского бея, что выехал по весне на соколиную охоту. Так или иначе, а вскоре приглянулись они друг другу. Оба молодые, пригожие, грамоте ученые, в столицах бывавшие. И такая случилась у них любовь, что к Ивана Купала уже вместе шляхтич беглый и пленная татарская панночка спали, не хоронясь, да души друг в друге не чаяли. А ближе к зиме даже мне, несмышленышу, видно стало, что татарка наша ребеночка ждет.

Дмитрия тогда словно подменили. С татарки он чуть пылинки не сдувал, двух хуторских старух нанял, чтобы за ней ухаживали, любой каприз её исполнял. А как срок ей подошел, сам о три-конь помчался за повивальной бабкой, да все время пока она рожала, за дверью простоял. Но видать не было на роду ему написано даже толики счастья. Что там произошло, не ведомо, да только померла Агли при родах. Черен стал Дмитрий лицом, когда бабка из хаты вышла. Ребеночка у нее принял, зубами скрипнул, но слезы сдержал. Похоронил татарку, приказал кормилицу на хутор привезти, но улыбаться совсем перестал с тех пор.

Дальше покатилась жизнь, словно под гору снежный ком. Не успели мы сороковины отгоревать, как приехал в зимовье один из тех шляхтичей, что Дмитрия к нам привез. При мне ему сказал: "Пора, Ваше Величество, ехать к Вишневецкому. Все готово для начала дела". Стал Дмитрий собираться, долго прощался с сыном, а перед тем как в седло вскочить подошел ко мне и сказал: "Дмитрия моего, — Дмитрием он сына назвал, — береги пуще глаза, Филимон". Изменишь, и на том свете достану, сбережешь наследника — озолочу и большим человеком сделаю"… С тем и уехал. А вскоре дошел до нас слух, что объявился в польских землях чудом уцелевший царевич, Дмитрий Иоаннович, сын самого царя Иоанна Васильевича Четвертого, которого ливонцы и шляхта не иначе, как "Тираннусом" называла…

Вот так и оказалось, что я почти два года, сам того не ведая, был первым слугою и воспитателем его сына у будущего московского царя.

Знаю, что спросить хотите. Был ли Дмитрий самозванцем, или настоящим царевичем? Да только ответа у меня как не было, так и нет. Со мной, как со слугой своим, он, понятное дело, не откровенничал. Но, если верить тому, что мне сердце подсказывает, то был он царского роду, не иначе! Это сейчас сказывают, будто был он некрасив, криворук и кривоног. На самом же деле был он на вид настоящим великим князем, а те, кто удосужился знаться с царем Иоанном Васильевичем, признавали, что был он похож на царя более, чем старший его сын, убиенный Иоанн… Был этот юноша по-царски храбр, но беспечен и высокомерен. Если его не слушались или пытались обмануть, приходил в ярость. Смеялся над моим простонародным украинским говором, грамоте учить пробовал. Что и говорить, блистало в нем какое-то величие, которое и словами не выразить. Герасим наш Евангелик, который ни бога ни чёрта не боялся, кошевого на Сечи мог прилюдно послать по матушке, короля польского клопом обзывал и султана турецкого ни во что ни ставил, и тот с Дмитрием держался почтительно.

Через год после его отъезда прибыли гонцы от Вишневецкого, и все наши казаки под рукой Герасима Евангелика пошли воевать в Путивль, где стояло войско законного русского царя Дмитрия Иоанновича идущего на Москву свергать узурпатора Годунова. Целых пять лет мы с Дмитрием Дмитриевичем слухами о войне и прожили — то Годунов разобьет Дмитрия, то Дмитрий снова, словно птица-феникс из пепла восстает и силы собирает. А сынишка у царевича

шустрый рос. Волосами и глазами в мать, а статью и умом весь в отца. Говорить рано начал да и умом был цепок. К тому времени, как Дмитрий добыл Москву, ему уже седьмой годок шел. Моими стараниями отца он любил и, как мог, по-ребячески им гордился.

Пришел, наконец, день, когда воротился в хутор десяток казаков из той сотни, что с Герасимом на Путивль когда-то отбыла. Все на конях отборных, ножны у сабель с серебряными чеканными накладами, ружья германские, под кунтушами доспехи из доброй германской стали — бояре, а не казаки. Старший десятник не передохнув с дороги прямо в наш дом побежал, упал мальцу в ноги, великим князем его величал, да докладывал, что Дмитрий Иоаннович в Москве помазан на царствие и велит немедля доставить к нему сына под отчую руку. А их царь-батюшка, прислал, чтобы в Москву доставить, где жить нам, Дмитрию Дмитриевичу да наставнику его Филимону, мне то есть, в Кремле, в царских палатах.

Дальше все пошло как в сказке. Дмитрия в шляхетские одежи нарядили, мне тоже зброю да новое платье выдали. Скакали мы под охраной, в городах и крепостях меняли лошадей. Говорить, кто мы такие, было не велено, чтобы врагов не привлечь. Еще одна причина тому была, это мне казаки в пути рассказали, — не желал до времени царь Дмитрий сына от татарки признавать, потому что сватался к шляхтянке Марине Мнишек. Долго я удивлялся, с чего это мой бывший пан пошел против бояр и взял польскую невесту. Понял позже, когда портрет ее увидел — была эта самая Марина на Агли-покойницу, мать Дмитрия Дмитриевича, похожа как две капли воды…

Вот на вторую неделю добрались мы до московских околиц и оказался у той сказки конец — страшнее не бывает.

Прознали у ворот, что в городе беспорядки пошли — ночью бояре во главе с Васькой Шуйским взбунтовали людей, перерезали всех поляков, ворвались в царские хоромы и низложили Дмитрия. Казаки — люди служивые: получили приказ в кремль доставить мальца, стало быть бунт не бунт, а выполнить нужно. Спросить-то некого, вся шляхта перебита, служивые люди по норам прячутся, ждут, чем дело закончится. Переоделись попроще, оружие спрятали под одежду, коней оставили в надежном дворе, да пошли.

Добрались до китая-города, где толпа зверствовала. Двое казаков пошли обходом в кремль, разузнать что и как, мы же в торговые ряды повернули. Там Дмитрия и увидели. Лежал он на мясном прилавке, таком коротком, что голова и ноги свешивались по бокам. В худом грязном армяке, какой он и в худшие свои времена надеть бы побрезговал, с исколотым боком, калеченой рукой, с дудкой скоморошьей в рот вставленной, но живой. Узнал я его тогда, потянул мальца за собой, чтобы подальше отвести, но тут, как назло из толпы глумящейся черни выскочила немытая пьяная бабища и давай костерить царя во все горло. Мол, никакой он не царевич убиенный, Дмитрий Иоаннович, а вовсе Гришка Отрепьев, монах-расстрига, который ее, девицу — послушницу невинную, чести лишил да к блудному делу приставил. Услышал малец, вцепился мне в руку, потянул назад. Тут какие-то злодеи в кафтанах Дмитрия к Лобному месту поволокли, где уже мортира заряженная стояла, мы за ними. Пока они низложенного царя к дулу привязывали, пробились сквозь толпу. Малец крикнул что-то, Дмитрий из последних сил поднял глаза, да так и застыл. Признал, видать сына. Потом на меня скосился, подбородком дернул, уходите, мол…

Тут пушкарь начал фитиль подносить. Толпа охнула, назад подалась. Я Дмитрию младшему хотел хоть глаза закрыть, но он мне так в ладонь зубами вцепился, что шрам на всю жизнь остался. Я вскрикнул, руку отдернул, тут мортира и выстрелила.

Как нас казаки нашли, как из города вывезли, как обратно на зимовье привезли и не помню почти — всю дорогу передо мной стояли кровавые клочья, по площади разметанные, да пустые стеклянные глаза, какими мальчишка на все смотрел.

С тех пор у Дмитрия и взгляд застыл, словно у мертвого. Прожили мы в плавнях худо-бедно еще год, а потом как-то ночью предатель-казак к нам татар привел. Татары те были страшные. Не грабили, не насиловали. Согнали всех на майдан, хаты пожгли. Потом, словно турки поганые, не дожидаясь утра стали вбивать в ряд вдоль дороги колы, а на них сажать всех хуторян — от казаков до последней слепой старухи. Распоряжался у них совсем молодой ногаец. Жестокий был: глазами сверкал, когда нового человека на кол поднимали смеялся радостно, как ребенок. Когда же очередь до Дмитрия дошла, остановил вдруг криком своих нукеров, схватил мальца за плечо, развернул к огню, всмотрелся в лицо, прекратил сразу казни и давай уцелевших расспрашивать. Узнал, что Дмитрий сын татарки-полонянки, лицом поменялся, стал его обнимать да целовать.

Оказалось что Агли была дочерью бея всей ногайской орды, а налетчик — ее братом, Темир-беем. Он жил десять лет у султана в Стамбуле, вернувшись в степь, узнал смерти отца, выяснил, что юрт побили люди Герасима Евангелика, подкупил проводника. Пришел на зимовье мстить, а нашел родную кровь. Дмитрия, как родного племянника, он с собой забрал, а остальных, во исполнение клятвы, приказал казнить. Однако Дмитрий меня тут спас. Уперся, потребовал у Темира, чтобы я и дальше при нем состоял. Темир-бей так обрадовался тому, что нашел сына Агли, что готов был выполнить любую его прихоть. Но и клятву, данную Аллаху, он, как правоверный мусульманин, не мог нарушить. Поэтому приказал меня ослепить и с собой забрал.

Дом Темир-бея находился в крепости Ор, которая запирает перешеек, соединяющий Крым со степью. Туда нас с Дмирием ногайцы и привезли. Мальца — в бейские палаты, а меня к домашним слугам, в сарай. Кому нужен слепец, хоть и молодой? Погиб бы я там от тоски, если бы не раб-кобзарь, который вместе с турецкими и татарскими музыкантами услаждал Темир-бея и его жен с наложницами, взялся меня своему делу учить.

Шли годы. Мальчик, взяв новое татарское имя, рос при дяде и совсем меня позабыл. Только сказывали все домашние, что был он жесток сверх меры. Сам провинившихся слуг сек, да так, что двоих до смерти уходил. В походах, куда бей его начал брать едва тот лук смог держать в руках, неистовствовал так, что у татарских джигитов, всякого навидавшихся, волосы дыбом стояли. Дядя уже и сам поди не рад был, что племянника такого признал. В серале стали шептаться, что хочет Темир от него избавиться. Да вскоре он сам от ногайцев ушел.

Когда запорожцы с крымчаками мириться начали, гостил у Темира в доме казачий полковник. Я им тогда всю ночь играл. Темир дурман-траву тутун курил, а полковник на танцовщиц языком цокал, да горилку хлестал. Рассказал ему про племянника своего Темир, предложил, возьми мол с собой на сечь, а то он у меня всю орду в ужасе держит. Посмеялся полковник и говорит вдруг — вот, мол, кому нужно Черный Гетман вручить — этот твой сродственник Украине свободу завоюет, не боясь по трупам пойдет. Темир ну его расспрашивать, а полковник мигом язык прикусил, будто лишку сказал по пьяни. Тут Темир своим слугам моргнул, те в горилку опия подмешали, полковник выпил и рассказал все, что знал про пернач, который неведомо где волхвы сохраняют до тех пор, пока не явится человек с княжьей кровью в жилах, что воинов соберет и Киевскую Русь возродит. Только потом узнали мы, что Дмитрий за ковром прятался, да весь этот рассказ от слова до слова слышал.

На третий день после того, как покинули нас казаки, Дмитрий уволок из сокровищницы кошель, свел лучших лошадей, набрал в арсенале оружия и ушел в степь. Говорили, что разбойничал, вроде бы, да скоро и сгинул. Меня же тот самый полковник через два года у Темир-бея выкупил да на Сечь забрал. Больно ему мои песни пришлись по душе. С тех пор так я и жил: летом на Сечи с казаками, зимой на этом вот хуторе. До самого сегодняшнего дня.

* * *

Когда раненый завершил свой рассказ, над плавнями стояла ночь. Где-то в темноте не переставая надсадно и дергано вскрикивала выпь. Старик сделал несколько хриплых тяжелых вздохов и облизал пересохшие губы. Ольгерд, Измаил и Сарабун ошарашено молчали.

— Я выполнил свое обещание, — спокойно сказал кобзарь. — Теперь выполняйте и вы свое.

Измаил поглядел на Ольгерда и покачал головой.

— Моя вера не позволяет мне убивать беззащитного.

— Выньте нож из раны, — совершенно спокойно, словно речь шла о чем-то будничном, сказал кобзарь. — Если ваш лекарь не врет, то скоро мои страдания прекратятся.

— Прости, Господи, если ты это слышишь, — сбивчиво зачастил Сарабун. — Но я могу дать этому человеку выпить отвар, от которого он крепко уснет…

— Да, — кивнул старик. — Только тогда я не смогу вытащить нож из раны.

— Я сделаю это, — сказал Ольгерд. — Ведь я дал слово.

Пока Сарабун колдовал над котелком, смешивая в нем какие-то корешки и выливая жидкость из маленького глиняного сосуда, никто из присутствующих не произнес ни слова. Наконец лекарь закончил приготовления, снял котелок с огня, перелил густую коричневую жидкость в деревянную плошку, остудил и поднес ее к губам умирающего.

— Старик благодарно кивнул и сделал несколько длинных глотков.

Прошло немного времени и грудь его начала ровно вздыматься, а руки безвольно легли вдоль тела.

— Отвар ускорит дело, — прошептал Сарабун. — он уйдет быстро и без боли.

— Отойдите, — сказал Ольгерд. — Негоже вам здесь стоять.

Дождавшись, когда Измаил с Сарабуном скроются в темноте, он сел рядом со спящим, собрался с духом, осторожно вытянул нож из раны. Старик чуть вздрогнул и медленно выдохнул. Черты лица его обострились, а кожа стала словно восковой.

Ольгерд опустился перед кобзарем на колени, перекрестился, шепча первую пришедшую на ум молитву, встал и пошел прочь из хутора на голос выпи, туда, где отблески большого костра высвечивали непролазную камышовую стену.

Сало и шариат

Южный ветер нес со стороны моря тяжелые льнущие к земле тучи. Не дожидаясь, пока они разрешатся злым осенним дождем, Ольгерд с компаньонами, заручившись помощью казаков, проводили кобзаря к тому месту, которое он себе выбрал для последнего успокоения. Про какой остров говорил старый Филимон растолковал, сквозь непрекращающиеся рыдания, его поводырь.

К острову пошли большим плоскодонным челном. Казаки правили шестами, хуторяне указывали дорогу, а Ольгерд, Измаил и Сарабун сидели на корме, в головах у спеленутого саваном тела, вслушиваясь в свист раздвигаемых камышей.

Островок появился внезапно. Это было совсем небольшое возвышение, саженей двадцати в поперечнике, укрытое, словно шатром, неохватной столетней вербой. Под стволом и выкопали могилу.

— Добрый старому вышел погост, — воткнув в землю лопату, высказался один из запорожцев. — В казацких селах завсегда на могилках вербу садят, а здесь, ты гляди, сама уже выросла. Будто его и ждала.

Под молитву, прочитанную одним из селян, опустили тело на дно узкой глубокой ямы. Ольгерд, исполняя данную клятву, положил на грудь умершему казацкую кобзу, а после того, как выровняли невысокий песчаный холмик, отсчитал поводырю в протянутую ладонь серебряные талеры.

— Это тебе на новый инструмент. Хватит?

— Да, — кивнул он, глотая слезы. — За эти деньги я смогу купить в Чигирине отличную кобзу. Лучше той, что была у Филимона. Только кто меня будет учить тем песням, которые знал старик?

Остров покидали в молчании. Не успела барка отчалить от берега, как над вербой с криками закружили собиратели душ, большие речные чайки.

Хуторяне и казаки любили старого кобзаря и, искренне о нем скорбя, устроили большие поминки. Пока собирали на стол, старший разъезда вызвал Ольгерда в казачий круг — делить захваченные у налетчиков трофеи.

— Другу твоему ничего не даем, — пояснил по дороге. — Он мурзу взял в полон, а с ним коня, доспех и все что было при нем в бою. Такой наш обычай: общий хабар делят те, кто пленных в поединке не взял.

На большой кошме были разложены сабли, ятаганы, пара пистолей, старая пищаль, три люльки, из которых татары курят дурманящий голову тутун и немного приличной одежды. Отдельно располагались оружие и доспехи подороже, судя по всему, взятые у Щемилы.

— Выбирай первым, ты гость, — предложил казак.

Шляхетскую саблю Ольгерд узнал сразу — это был тот самый клинок, который подарил ему при расставании смоленский воевода Обухович. Указал на нее рукой, бросил на казака вопросительный взгляд:

— Можно ли?

— Забирай, твое право, — кивнул тот.

Также как и тогда, в Смоленском лесу, Ольгерд вынул до половины клинок из ножен, поиграл на свету дамасской паутинкой и провел рукой по металлу, вспоминая о том, что было: оборону Смоленска, плен у Душегубца, Лоев, Ольгу, первую встречу с Сарабуном. "Раз уж вернулся ко мне подарок Обуховича. — подумал, он, вспоминая утренний сон, — значит принесет мне этот клинок удачу".

От дум его оторвал голос казака:

— Стало быть ты, пан компанеец, свое получил. Ну а мы теперь по казацкому обычаю устроим свой дуван.

Казаки по команде старшего споро разложили добычу на кучки по числу участвующих в дележе, стараясь делать так, чтобы ценность каждой из них была примерно равна, после чего предводитель, по праву командира, выбрал себе сам, а потом, повернувшись спиною к кошме, начал отвечать на вопрос "Кому?", который задавал ему один из казаков. Очередной казак, молча брал доставшуюся ему долю, не высказывая ни радости ни недовольства относил ее к своему вьюку, складывал и шел к поминальному столу.

— Зачем тебе польская сабля? — поинтересовался Измаил.

— Потом расскажу, — ответил Ольгерд. Какими бы казаки ни были им сейчас друзьями, но хвалиться воеводским подарком перед запорожцами — главными врагами коронной шляхты, по его мнению, не годилось…

Перед тем, как сесть за длинный сколоченный наспех стол, уставленный кувшинами с вином и всеми возможными видами сала — от свежего, до соленого, копченого и вяленого, Ольгерд с Измаилом успели перекинуться парой слов.

— Ну что, помянем кобзаря, а завтра двинем в Литву? — спросил Ольгерд.

— Успеем еще, литвин, — покачал головой египтянин. — Теперь, когда мы точно знаем, кто такой Дмитрий, самое время познакомиться с его ближайшей родней.

— Его ближайшая родня вся на том свете, — не понимая, куда клонит Измаил, буркнул Ольгерд. — Мать при родах умерла, а отцом и пушки выстрелили…

— Не вся, — ответил, улыбнувшись кончиками губ, египтянин. — Судя по тому, что рассказал нам старик, у него еще был дядя, ногаец Темир-бей.

— Так он, поди, помер давно. То, о чем кобзарь рассказал, происходило, страшно подумать, пятьдесят пять лет назад…

Измаил снова покачал головой.

— По рассказу кобзаря татарке, матери Дмитрия, было тогда лет пятнадцать, пусть даже шестнадцать, а Темир-бей приходился ей младшим братом, Со времени казни самозванца в Москве прошло без малого пятьдесят лет. Стало быть, сейчас ему примерно лет шестьдесят.

— Но как узнать, дожил ли он до сегодняшнего дня?

— Очень просто, нужно допросить пленного. Он ведь был в сговоре с Душегубцем, так что заодно и узнаем, где у них место встречи. Ведь есть же у них уговор какой-то, иначе как бы твой Щемила их так быстро в степи нашел?

— И то верно, — кивнул Ольгерд. — Если Дмитрий через его юрт свой ясырь сбывал, стало быть это верная дорожка к Душегубцу. Главное чтобы мурза запираться не стал.

— Пойдем познакомимся что ли, пока к столу не позвали, — предложил Измаил.

Пленный сидел там же где его оставили, уезжая хоронить кобзаря.

Ольгерд выдернул изо рта у татарина кляп. Тот, оскалился и, отплевывая паклю, прошипел что-то по-своему.

— Ругается, — улыбнулся Измаил. Что делать будем?

— Как что? — удивился Ольгерд. — Допросим с пристрастием, он нам все и расскажет.

— Не сейчас. — усмехнулся Измаил. — Пусть пока дозревает, а нас уже за столом ждут.

— Поднимем же чарки, — громыхнул над столом голос старшего казака, на груди которого переливалась в лучах заходящего солнца отобранная у мурзы кольчуга, — за раба божьего Филимона. Пусть земля ему будет пухом.

Сидящие за столом подняли разномастную посуду, от найденных в татарских вьюках дорогих серебряных бокалов до простых глиняных кружек и, не чокаясь, выпили.

* * *

Поминки с непременными песнями затянулись до позднего утра. Покинув застолье, Ольгерд выбрал место на солнечном пригорке, подложил под голову седло и провалился в недолгий дневной сон. И снова, как когда-то в Любецком лесу, встал перед ним волк-душегубец. Не хохотал на сей раз, а медленно, кошачьим шагом, переступая прямыми лапами, подошел вплотную, заглянул в глаза.

"Щемилу тебе не прощу, — прорычал тихо, почти ласково, — теперь за тобой должок, литвин. Только не трудись его отдавать, сам свое возьму. Баш на баш, твой соратник за моего". Желтые глаза оборотня сверкнули сатанинским блеском, Ольгерд не выдержал, отвел взгляд. Волк толкнул его пахнущим псиной боком и прошел мимо, напоследок обидно хлестнув по лицу кончиком хвоста.

Ольгерд открыл глаза, вскочил, ощущая на спине под рубахой липкий холодный пот. Пришел в себя не сразу, но отдышался, понял что это всего лишь сон успокоился. С пробуждением хмель от выпитого в немалом количестве коварного хлебного вина быстро выветрился из головы. Теперь нужно было оставить все страхи и позаботиться о ближайшем будущем.

Он оглядел понемногу возрождающийся к жизни хутор. Местные жители резали камыш и укладывали его в связки, чтобы перекрыть сожженные налетчиками крыши. Казаки крутились возле коней — закончив все дела собирались в дорогу, нести дозор. Измаил, спустившись к воде, стоял меж челнами, скинув наряд богомольца и умывался, подставляя под пригоршни бритую голову.

Ольгерд присоединился к приятелю, но одним лишь умыванием не обошелся — скинул порты и рубаху, вздымая брызги вбежал в воду, охнул, проплыл саженками взад-вперед по неширокому плесу, выскочил, сбегал до коней за сменой белья, вытерся, оделся в чистое, приладил на бок воеводину саблю и кликнул египтянина:

— Ну что, волхв-язычник, пошли мурзу допрашивать!

На полпути к остову сгоревшей хаты, внутри которого держался под караулом взятый полон, их перехватила сухонькая старушка в чистой вышитой рубашке. Начала мелко кланяться, то и дело открывая за отстающим воротом сморщенные груди и зачастила тем малорусским ручьистым говором, в котором с непривычки едва разбирались слова.

— А вот и полудник готов, воины-заступники! Покуштуйте, чем бог послал. Век вам благодарны будем, что от татарвы злой спасли, да Филимона нашего защищали. Жалко старого, добрый был кобзарь…

На столе, к которому их оттянула радушная хозяйка, снова, как и вчера, было одно лишь сало. Но, похоже, уже из давних, последних запасов — старое и твердое как подошва. Ольгерд глотнул вишневого взвара, кромсанул хлебную краюху и впился зубами в бело-розовый шмат. Сало было старым и жилистым не только на вид — кусок оторвать он не смог, сдался, отрезал то, что надкусил и долго истово жевал, боясь обидеть хлебосольных хуторян.

Сарабун, за короткое время пребывания в селении, заслуживший славу великого лекаря обошелся без политесов. Повел носом в сторону стола, скривился, спросил у хозяйки:

— У вас что кроме сала другого ничего нет?

— Откуда ж взяться другому? — искренне удивилась старушка. — На украйне ведь живем, у самой границы. Овец, коров, да и коз тут держать нельзя: татары если не сведут, так зарежут. А свиней они не трогают, вера басурманская не позволяет, вот мы сало на всю зиму и запасаем…

Отдав должное угощению, компаньоны вернулись к намеченному допросу…

На второй день пребывания в плену мурза растерял всю свою татарскую спесь. Сидел в углу, глядя голодными глазами на брошенный ему казаками перемазанный землей и сажей шмат неизменного сала. Если верить выражению его лица, то в душе правоверного мусульманина уже не первый час шла нешуточная борьба между голодом и запретами шариата. При этом, судя по тому, как его рука невольно тянулась к единственной доступной сейчас пище, голод медленно, но верно одерживал победу.

Оголодавший татарин злобно зыркнул на дознавателей, но сразу понял, что пришли на серьезный разговор и ругаться не стал. Измаил, как выяснилось, изрядно изъяснялся на одним из татарских наречий, а Ольгерд, проживший несколько лет на Дону, тоже неплохо понимал речь ногайца.

— Ты мой пленник, — для начала объяснил мурзе Измаил. — Если ты сейчас расскажешь нам честно обо всем, что тебя спросят, то мы будем к тебе благосклонны. Если откажешься — убьем.

— Зачем меня убивать? — искренне удивился татарин. — В любом пограничном городе польский воевода даст за меня не меньше восьмидесяти ваших денег серебром. Ему это выгодно, потому что меня можно будет обменять на вашего пленника, так что обмен обойдется дешевле, чем выкуп.

— Нам не нужны деньги, — ответил Измаил. — Нам нужны знания.

— Спрашивайте, — пожал плечами мурза. — Только, если можно, дайте вначале халильной еды: баранины или конины, в крайнем случае просто хлеба. У меня от голода мутнеет в глазах, но если я сейчас попробую хотя бы маленький кусочек этого шайтаньего угощения, — он указал на валяющееся перед ним сало, — то мне, чтобы очиститься от скверны, придется совершить долгий и разорительный хадж.

— А почему вас кормят только салом? — поинтересовался Ольгерд.

— Запорожцы не только хорошие воины, но и очень веселые люди, — скосившись на караульного, пробурчал Еникей. — Они смотрят на то, как мы, мучаясь от голода, жуем этот жуткий прогорклый жир, тем самым делая харам, и смеются как дети…

— Это лучше, чем быть посаженным на кол, — заметил Измаил. В голосе египтянина неожиданно прорезалась сталь. Мурза осекся и заерзал, словно заостренный конец уже коснулся его тощей задницы.

— Я готов рассказать все что знаю! — плаксиво выкрикнул он. — Но только прошу об одном — не глумитесь над моей верой и дайте хоть немного еды.

Ольгерд достал из наплечной сумки четвертушку хлеба, протянул татарину. Тот с ворчанием впился в нее зубами. Дождавшись, когда пленный, почти не жуя расправится с едой, они продолжили разговор.

— Зачем ты пошел в набег на бедный хутор вместе с неверным разбойником? — спросил Измаил.

— Щемил приехал ко мне в юрт и сказал, что это приказ Димир-аги.

— Ты и воины твоего юрта — служите Димир-аге?

— Ногайцы не служат никому, даже самому султану! С этими неверными мы просто торгуем.

— Торгуете людьми?

— Однажды Пророка, мир ему, спросили: "Какой заработок является наилучшим?" Он, мир ему, ответил: "Тот, что человек заработал своими руками или в результате добропорядочной торговли". Пророк, мир ему, также сказал: "Настанет время, когда человек перестанет заботиться о том, дозволенным или запретным является богатство, которое он приобретает". Так

говорит Коран. Так что наше занятие дозволено Пророком и угодно Аллаху!

— Оправдываться будешь перед своими имамами, — перебил пленника Измаил. — Говори по делу.

Мурза кивнул:

— В это селение мы явились не за добычей. Здесь и в лучшие времена поживиться было нечем. На казацкие хутора нападать — все равно, что кошку стричь: шума много, шерсти мало. Просто я не рассчитался с Димиром за последний ясырь, а Щемил, тот, который убил старого музыканта, приехал к нам в стойбище и передал, что Димир простит долг, если мы ему поможем. Отказывать было глупо, я должен был много денег.

— Как Щемила нашел твое стойбище? Степь большая…

— Это для вас, копающихся в земле, степь большая. Для нас, кочевников она — родной дом. Там, где прошла орда, остается след, видимый до зимы. Любой, кто здесь вырос, его легко разберет. А кроме того, на курганах, где стоят языческие истуканы, мы оставляем тайные знаки. Тот, кто знает секрет, всегда найдет место, где кочует нужный юрт.

— И что же, вы так дружны с христианином Дмитрием, что посвящаете его в свои ногайские секреты?

— Почему нет? Война это одно, а торговля — совсем другое. Недавно крымские Гиреи были союзниками казаков, сегодня хан воюет против них вместе с ляхами. С Димир-агой еще мой отец был в союзе, и это выгодный союз. Другим ногайским юртам, чтобы взять ясырь, нужно собираться большой ордой, высылать дозоры, пробираться через деревянные заборы, которых с каждым годом становится все больше, обходить засады, рискуя жизнью идти вглубь земель и, страшась погони, гнать обратно живой товар. А мы получаем пленных прямо в степи и ведем их на продажу в Ор или Кафу. Выручаем, конечно, меньше, зато ничего не тратим. Ногайцы моего юрта не только хорошие воины но и лучшие купцы!

— Значит вот к кому Душегубец гонял ясырь, — вполголоса произнес Ольгерд, обращаясь к Измаилу. — Теперь про Темир-бея его спроси.

— Само-собой, — кивнул египтянин. — Ты знаешь Темир-бея?

Мурза усмехнулся.

— Кто же не знает второго человека в ногайской орде?

— Вот даже как, — задумчиво произнес Измаил.

— Темир-бей знает Димир-агу? — спросил Ольгерд.

— Нет! — испуганно замотал головой Еникей. — Мой юрт хранит эти дела в строжайшем секрете, иначе любой могущественный бей сам станет торговать с неверными и мы останемся без дохода.

— Верю, — улыбнулся Измаил. — Ну что же, Еникей, считай что жизнь ты себе сохранил. Теперь жди до утра, пока мы не решим, что будем делать дальше.

*** * ***

Ольгерд с Измаилом сидели у костра. Рядом, помешивая какой-то отвар, сопел посвященный во все дела Сарабун. После того, как лекарь стал свидетелем кобзарева рассказа, компаньоны перестали от него таиться и открыли цель поездки на сечь.

— Может и вправду нужно было из Киева сразу к Радзивиллу скакать, — не отрывая взгляда от пляшущего языка произнес Ольгерд. — Теперь все запуталось так, что голова кругом идет. Душегубец — сын самозванца, ищет Черного Гетмана, да к тому же убивает тех, кто знал его с детства.

— Мы правильно поступили, приехав сюда, — покачал головой Измаил. — Теперь мы знаем, кто такой этот Дмитрий и откуда он взялся на нашу голову.

— А что нам дает это знание, египтянин?

— Ты помнишь о чем мы говорили с тобой ночью на Днепре? — спросил Измаил.

Ольгерд кивнул:

— Про то, кто может использовать Черный Гетман.

— Вот именно. И если этот разбойник искренне считает себя внуком царя Иоанна Гордого, то…

— … это означает, что он хочет завладеть перначом, чтобы завоевать корону Московского царства. Ты это хочешь сказать, Измаил?

— Именно так. И если в его жилах течет кровь Рюрика, то ему это вполне по силам.

— Послал Господь родственничка, — скривился Ольгерд. — И что мы по-твоему можем узнать от этого Темира?

— Если бей питает к племяннику родственные чувства, мы порадуем его рассказом о том, что Дмитрий жив. Если же Темир проклинает его, то тем более станет нашим верным союзником. Я согласен с тобой, Ольгерд, Душегубец должен быть где-то рядом с правителями Речи Посполитой, но самый короткий путь к нему для нас лежит через скифскую степь. Татары сейчас воюют на стороне поляков, против казаков и московитов, так что заручившись поддержкой ногайского бея мы сможем проникнуть туда, куда иначе не будет прохода.

Ольгерд помолчал, обдумывая все сказанное, веско кивнул, встал от костра, пошел в сторону казацкого лагеря:

— Схожу со старшим потолкую. Предупредить его нужно, что завтра мы в степь уходим. Да насчет проводника поинтересуюсь.

— Зачем нам проводник? — удивился Измаил. — Чем мурза не хорош? Пообещаем его отпустить без выкупа, когда найдем Темир-бея, он землю будет носом рыть.

— Хорошо. Тогда отправляйтесь с Сарабуном спать. Завтра, как небо порозовеет, выезжаем

Узнав о решении компаньонов Еникей едва не прослезился от радости и долго нахваливал своему Аллаху благородных и щедрых джигитов, которые отказались от выкупа и тем самым не лишили последней лепешки его многочисленных жен и детей.

Для того, чтобы попасть в степь, где обычно в это время кочует юрт Темир-бея, требовалось перебраться на левый берег Днепра. Не желая рисковать лошадьми, переправляясь вплавь через широкую реку, Ольгерд выяснил у казаков, что ниже по течению в полусотне верст есть паромный перевоз и, распростившись с запорожцами, покинул затерянный в плавнях хутор.

В последний момент, когда кони уже въезжали в чуть заметный проход, побитый сквозь камыш, Ольгерду перегородила путь давешняя старушка. Одной рукой она ловко перехватила коня под уздцы, другой протянула увесистый рогожный куль, внутри которого, было не меньше пяти фунтов сала, судя запаху, заготовленного еще для воинов князя Владимира.

— Не жалко? — спросил он бабку, тща себя робкой надеждой, что сможет избежать щедрого дара.

— Бери, сынок — мотнула головой хуторянка. — В дороге любая еда сгодится. Мы-то смотреть на него уже не можем…

Связанный мурза, чей конь шел с ольгердовым стремя в стремя, скосился на куль, потянул носом и, почуяв ненавистный запах, бессильно зашипел.

*** * ***

Маленький отряд — четыре всадника, три заводных коня и вьючный мерин, которого Сарабун купил перед самым отъездом у хуторян за пятнадцать талеров, останавливаясь лишь на короткие ночевки, двигался к своей цели. Степь встретила путешественников серебристыми волнами трепещущей на ветру ковыли и желтеющими озерами разнотравья. Несмотря на кажущуюся безжизненность здешние просторы таили в себе завидную дичь. Страдающий от отсутствия халильного мяса Еникей выпросил у Измаила свой сагайдак и через пару часов подбил прятавшуюся в пожухлой траве дрофу. Чтобы не возиться с ощипыванием перьев, назначенный походным кашеваром Сарабун запек ее, обмазав в глине и огромную птицу ели вчетвером целых два дня.

Поначалу Ольгерд не спускал глаз с проводника, опасаясь, что тот сбежит на первом же привале, однако пленный мурза оказался на удивление хорошим попутчиком. Татарин по нескольку раз в день сотворял намаз — останавливал коня, стелил на землю коврик и что-то напевал, поминая Аллаха. При этом блюл данное слово почище иного шляхтича: бежать не пытался, дорогу не путал, в чужие дела не лез, а когда им встретился по дороге татарский разъезд, объявил, что едущие с ним неверные — это кардаш-казаки, дружественные татарам запорожцы, которые разыскивают Темир-бея, чтобы выкупать пленного родственника.

От этих же татар, которые, как выяснилось, принадлежали к юрту Темира, компаньоны узнали, что грозный дядя проклятого Душегубца сейчас находится в Ор-Кепе, крепости, охраняющей перешеек, который соединяет Крым со степью.

Три последних дневных перехода оказались особо трудными не только для Сарабуна, но и для привыкших к долгим и опасным путешествиям Ольгерда с Измаилом. Травяное поле поредело, зарябило проплешинами солончаков и в конце концов сменилось на глинистую, испещренную трещинами землю, перемежаемую мертвыми соляными озерами. Кони, подведенные на водопой, недовольно фыркали и воротили от нее морды, так что поить их приходилось из прихваченных с собой бурдюков.

К полудню четвертого дня пути по соленой пустыне, когда была доедена последняя подстреленная дрофа и Ольгерд с Сарабуном, к ужасу правоверного мурзы, экономя припасенную впрок вяленую конину, перешли на хуторское сало, маленький отряд уперся в высокий насыпной вал, перед которым блестел десятисаженный ров заполненный черной, маслянистой на вид водой…

— Вот она, граница Крыма, — сказал мурза, указывая на тянущуюся от горизонта до горизонта преграду, утыканную редкими сторожевыми вежами.

— Насколько я понимаю, здесь должен быть какой-то проезд, — неуверенно произнес очумевший от многодневной тряски Сарабун.

— Не проезд, — улыбнулся ему Измаил, — а целая крепость, Ор-Кепе. Ее название так и переводится: ворота во рву.

Неужели это татары сей вал протянули? — удивился Ольгерд. — Видел я в Московии пограничные засеки, но все они по сравнению с этим — что плетеный тын против кремлевской стены.

— Татары-крымчаки утверждают, что это их рук дело, — кивнул Измаил, — но записи, которые хранит наша община, свидетельствуют, что что когда татары пришли в эти земли вал уже давно был насыпан. Перед тем, как отправиться в Киев, я просматривал записи, сделанные путешественниками, побывавшими здесь в те времена, когда в Риме правил император Тиберий, там говорится, что вал возвели киммерийцы. Однако и это вызывает сомнения — кочевники никогда не занимались фортификацией.

— Однако и татары немало сил положили на этот вал, — кивнул Ольгерд. — Точнее, славянские рабы. Размышляя о главном источнике богатства крымцев, ясыре, он вспомнил о

главной цели путешествия и махнул Еникею. — Куда теперь, направо или налево?

Мурза сощурил и без того узкие глаза, повертел головой и уверенно указал плетью влево, туда, где почти у самого горизонта чернели обветренные деревянные стены.

Вдоль рва бежала утоптанная дорога и, двигаясь по ней, компаньоны вскоре достигли Ор-Кепе. Грозная крепость, через которую каждый год возвращались домой из набегов крикливыми вороньими стаями татарские всадники, за которыми, увязанные куканами, шли навстречу нелегкой судьбе тысячи угнанных в рабство славян, представляла собой обычный рубленый острог. Те же земляные укрепления, раза в два выше защитного вала, а над ними горизонтальные бревна стен с мощными квадратными башнями по углам. Если бы не полное безлесье, да не выглядывающая из-за стен свеча минарета, то ворота Крыма мало чем отличались бы от того же Белгорода, в котором ему довелось побывать еще на службе у донцов.

— Вот он, Ор, — сказал Еникей. — Что же, джигиты, я выполнил свое обещание, теперь выполняйте и вы свое. Мы добрались до границ Крыма, здесь вы найдете Темир-бея, а я хочу вернуться в степь и найти свой юрт.

— А с нами в Ор заехать не хочешь, мурза? — поинтересовался Ольгерд.

— Место ногайца не за заборами, а в степи, — хмуро ответит тот. — Мой юрт не любит Гиреев…

Ольгерд скосился на Измаила. Тот согласно кивнул головой.

— Езжай, мурза, — сказал Ольгерд. — Бери припас, если нужно, и лихом нас не поминай. Но помни, Дмитрию о нашей встрече не говори ни слова…

— О чем речь, Олгирд — ага! — обрадованно закивал Еникей. — если Димир-бей прознает, что наша с ним торговля перестала быть тайной, мой юрт понесет огромные убытки…

— Думаю, что тогда в первую очередь убытки понесет твоя шея, — усмехнулся Измаил. — Твой торговый компаньон не любит, когда рассказывают о его делах и, прознай о случившемся, быстро отделит от нее голову.

Мурза втянул голову в плечи и засопел. Получив в дорогу коня, харчей на три дня пути, ятаган и снаряженный сагайдак, Еникей приложил пальцы к губам, коснулся лба, сделал рубящее движение ладонью вверх и, ударив пятками коня, поскакал от стены в степь. К тому времени когда компаньоны достигли ворот, к которым вел перекинутый через ров подъемный мост, его силуэт уже слился в чуть заиметную черную точку.

Подъехав поближе Ольгерд стал рассматривать крепость Ор глазами воина. Углядев в бойницах второго яруса башен матовый блеск орудийных стволов хмуро кивнул сам себе. Конечно, для серьезного войска с осадными пушками и инженерными отрядами татарская линия укреплений особого препятствия не представляла — ядра легко разбивали деревянные стены, а картечь, для которой бревна не особая и помеха, выметала защитников, открывая дорогу внутрь тяжелой копейной пехоте. Пикинеры — сила, с которой татарам без поддержки тяжеловооруженных турецких янычар было не потягаться. Если в пробитый пролом прорвется штурмовой отряд, сметет пеших стрелков, отобьется от бесполезной внутри крепости конницы, откроет ворота и вырежет пушкарскую прислугу, то несдобровать татарам. Как не раз уже бывало до этого, потекут в Крым сверкающей лентой суровые неразговорчивые рейтары… Ольгерд обернулся назад, поглядел на прячущегося в капюшон Измаила, улыбнулся ободряюще перепуганному вкрай Сарабуну и вздохнул. С такими вот, как эти, рейтарами дай бог ноги отсюда унести, коль что пойдет не так.

По дневному времени ворота в крепость были отворены и сейчас в них втягивался непривычного вида обоз — двуколки, которые увлекали вперед, забавно частя ногами, мелкие ослики. На двуколках громоздились серые слоистые пласты — добытая в озерах соль. Несмотря на мирный груз, охраняли обоз вооруженные всадники.

Появление незнакомцев не осталось незамеченным, стоило им приблизиться к воротам на расстояние прицельного ружейного выстрела, как из проема надвратной башни высунулся по пояс панцирный стрелок и наставил на их пищаль.

— Ну всё, — чуть шевеля побелевшими губами прошептал Сарабун. — Теперь нам точно, как Еникей говорил, кирдык пришел…

— Молчи, — оборвал лекаря Ольгерд. — Хотели бы нас перестрелять, так били бы, не высовываясь, а скорее всего выслали бы навстречу разъезд. Это они нас просто пугают.

— Не бойтесь, они нас не тронут — сказал Измаил. — Здешние народы, что ногайцы, что крымчаки — подданные турецкого султана. Египет, откуда я родом, тоже принадлежит Порте. Я знаю как разговаривать с людьми Османов.

Стрелять в них с башен никто не стал, но стражники, несущие службу в воротах дело свое знали. Пропустив соляной караван, выставили копья, заставили спешиться.

Старший подошел к Ольгерду, оглядел его с головы до ног, ткнул пальцем, спросил:

— Казак? У него это прозвучало как "хазах".

Ольгерд, пожав плечами, кивнул. Из-за его спины вывернулся Измаил, заговорил чуть надменно, махнул перед лицом у стражника небольшой деревянной табличкой с арабской вязью. Стражник глянул на фирман и махнул рукой. Его подчиненные опустили копья, но дорогу не уступили. Стражник что-то сказал.

— Спрашивает, зачем мы едем в Крым, — перевел Измаил. — Я представился цадиком из Истанбула, который сопровождает кардаш-казака, едущего выкупать своего дядю. Отвечай ему, а я буду переводить.

— Нам нужен Темир-бей, — важно произнес Ольгерд, положив руку на эфес и поигрывая на солнце драгоценными камнями.

Измаил состроил мину услужливого посредника, часто закивал и начал длинный цветистый разговор, по ходу которого из тонкой ладони египтянина в широкую лапу начальника стражи рыбкой блеснула серебряная монета. Татарин спрятал монету в рот, почесался, лениво и неразборчиво ответил. Измаил благодарно кивнул, обернулся к Ольгерду и тихо, но очень красноречиво выругался на каком-то незнакомом наречии. Судя по тому, что он вложил в ругательство душу, сквернословил он на своем родном языке.

— Что такое? — кисло поинтересовался, Ольгерд.

— Темира нет в Оре, — ответил Измаил.

Ольгерд, уже мечтавший о том, как расспросив ногайского бея он покинет эти неуютные земли и вернется к привычным лесам и надежным каменным крепостям, тихо сквозь зубы выругался по-польски. Лучшего языка для проклятий он не знал.

— Разминулись значит. Теперь ищи его по степи…

— Если бы, — вздохнул Измаил. — Он ушел три дня назад в Кафу со своим ясырем.

За спиной послышалась отборная лекарская латынь — это в свою очередь, дал волю чувствам слушавший разговор Сарабун.

— Только зря время потеряли, — буркнул Ольгерд. — Говорил же я тебе, Измаил, нехороша вся эта затея. Ну так что, заночуем здесь или же пополним припасы и сразу обратно в степь? До Вильны с этих выселок месяца полтора добираться, время не ждет…

Сарабун закивал, поддерживая Ольгерда, со страхом скосился на татарскую стражу и с надеждой поглядел на Измаила.

— И все же я думаю, что в Вильно мы не поедем, — ответил египтянин.

— Мы с тобой, конечно, компаньоны, — рыкнул, начав злиться уже всерьез, Ольгерд, — но я пока что присягу тебе, язычник не приносил, и командовать ты не станешь. Хочешь в Кафу? Твой жребий. А я в Литву пойду. Как встретились, так и расстанемся.

— Отъедем, — предложил Измаил. — Стража на нас и так уже недобро смотрит.

Ольгерд кивнул. Египтянин произнес в сторону стражников несколько успокоительных фраз. Те, подозрительно косясь на странных пришельцев, вернулись в арку надвратной башни. Компаньоны отъехали в сторону на несколько десятков шагов и расположились на краю рва у самой воды.

— Не понимаю тебя, — сказал Ольгерд. — За каким лешим нам ехать в Крым? Это же все равно что самому добровольно голову в петлю совать.

— Как ты думаешь, почему крестовые походы закончились неудачей? — спросил неожиданно египтянин.

— При чем здесь это? — Не понимая пока, куда клонит его высокоученый приятель, спросил Ольгерд.

— Потому, что султан Саллах ад-Дин, разбив крестоносцев и возвратив мусульманам Иерусалим, не запретил службу в Церкви Гроба Господня и, мало того, разрешил христианам продолжать паломничество в святые места. Так же поступали и его последователи. Крестоносцам стало не с кем и не за что воевать.

— Он что, любил христиан?

— Христиан он считал своими врагами, но ежегодный доход от паломников, желающих помолиться у Гроба Господня, превышал шестьдесят тысяч золотых динаров. Глупо упускать такую выгоду даже ради Аллаха.

— И что это означает?

— Мусульмане, конечно, воины, но прежде всего они негоцианты. И тот, кто приносит им прибыль, находится в безопасности. Нужно лишь разжиться охранной грамотой, и мы сможем спокойно добраться до Кафы.

— Может оно, конечно и так. Но лучше, раз уж проделали такой путь, нам здесь подождать, Темир на обратном пути мимо Ора никак не пройдет.

— Сюда он шел с рабами, — возразил Измаил, — а обратно будет возвращаться налегке. У волка сто дорог, у погони-только одна. Он может задержаться в Крыму, может отправиться в Турцию или отплыть морем в Аккерман. Если мы двинемся завтра, то еще сможем его застать.

— Ты все еще считаешь, что нам этот ногайский бей нужен больше, чем литовский гетман?

— Да, мой друг. Мы уже не раз говорили с тобой о том, что ключ к Дмитрию сегодняшнему упрятан в его темном прошлом. Ты знаешь, зачем твой кровный враг хочет разыскать Черного Гетмана? Чем он руководствуется в своих поступках?

— Он вор, — отрезал Ольгерд. — И поступки у него воровские.

— Вряд ли. Вору нужна лишь добыча. Дмитрий же, судя по всему, считает себя внуком последнего русского царя из рода Рюрика, а значит прежде всего стремится к власти. Встреча с кобзарем Филимоном принесла нам знание о детстве Дмитрия. Встретившись с Темиром мы сможем узнать про его юность. Мы уже здесь. Глупо вставить ключ в замок и не открыть дверь…

С доводами, которые приводил собеседник, трудно было не согласиться, но Ольгерд молчал, подыскивая новые возражения. Уж очень не хотелось ему углубляться в Крым.

— А если он в Турцию уйдет, мы тоже за ним?

— Нет, — звонким мальчишеским смехом рассмеялся египтянин. Он скинул капюшон и замотал бритой головой, так что по ней заметались солнечные блики. — В Турцию мы не поедем. К тому же учти, что Темир пошел не просто в Крым, а в Кафу.

— Ну так и что с того?

— А то, что Кафа — это крепость, которой управляет не крымский хан, а турецкий паша.

— Какая разница?

— Примерно такая как между запорожской сечью и великопольской крепостью. У турок везде порядок и жестокая дисциплина, а у меня надежный фирман подписанный великим визирем. С османскими чиновниками я смогу договориться намного быстрее, чем с татарами. Темир в Кафе такой же чужак, как и мы, найти с ним общий язык там будет намного легче.

— Убеждать ты умеешь, — пробурчал Ольгерд. — Ну что же, давай тогда так поступим: коль сумеешь получить пропуск в Крым — верховодь, пока мы в русские земли не вернемся. Не сможешь, я командую, и мы уходим в Литву.

— По рукам, — улыбнулся загадочный компаньон. — Только не забывай, что теперь нас трое.

Они одновременно обернулись к Сарабуну. Лекарь сидел чуть в сторонке с выражением лица подсудимого, которому вот вот должны прочитать приговор.

— А что я? — спросил он, обреченно почесывая в затылке. — Как решите, так оно и будет. Пока все целы и здоровы, мое дело сторона. Но ежели, не приведи Господи, что случится и кому понадобится лечение, тут уж будете меня слушать…

Измаил вызвал на мост начальника стражи, и задал ему несколько вопросов. Тот начал в ответ что-то долго объяснять, частя словами, однако, когда рука египтянина снова потянулась к кошелю, отрицательно замотал головой и махнул рукой в сторону крепости.

— Что опять не так? — пробурчал Ольгерд.

— Сейчас нас проводят к местному коменданту. С ним и будем говорить.

Сдав оружие они въехали в крепость. В сопровождении двух стражников миновали несколько извилистых узких улиц с глухими заборами и быстро добрались до отдельно стоящего двухэтажного дома, обмазанного сверху донизу белой глиной и расписанного причудливыми цветными орнаментами.

Комендант принял путешественников на крытой матерчатым пологом террасе. Несмотря на то что на улице было совсем тепло он, видимо для того, чтобы подчеркнуть свое высокое положение, был выряжен в лисью шубу до пят, надетую прямо на голое тело. Выслушав рассказ Измаила татарин, чуя бакшиш, сально сверкнул глазами:

— Значит вы кардаш-казаки и ищете этого дикого степняка Темира? Деньги на выкуп у вас, конечно, имеются, — при последних словах глаза аги превратились в тонкие щелочки.

— Кто же берет с собой в дорогу столько золота? — нарочито наивно спросил Измаил. — Мы имеем кредитное письмо венецианского банка, которое с удовольствием примет любой купец в Кафе. — Письмо именное, — добавил он, чем окончательно расстроил хитрого мусульманина. — Однако прямо перед входом в твои покои мы вдруг обнаружили вот это, — египтянин ловко извлек из висящего на поясе кошелька и аккуратно выстроил перед агой стопку увесистых золотых монет. — Думаю. что это ты обронил, когда шел сюда, ага…

Татарин сделал рукой неуловимое движение, как кошка ловит на столе ползущую муху, мелькнула отброшенная лисья пола и стопка мигом исчезла в недрах необъятных шаровар.

— Твой честный поступок угоден Аллаху! — управившись с золотом, кивнул комендант. — С вами приятно иметь дело и люди вы честные. Потому волею нашего досточтимого хана, который дал мне право от его имени выписывать подорожные пропуска, я дозволяю вам въезд в нашу благословенную страну. Но только все нужно сделать строго по закону! Прежде всего вы должны заплатить проездной налог и харадж, налог на неверных. Конечно придется еще заплатить и писцу, тому, которого порекомендую я, ибо сей важный документ должен быть исполнен грамотно и без малейших помарок….

— Насколько мне известно по тем благословенным дням, когда я работал секретарем у аги Александрийского порта, — вежливо, но твердо возразил египтянин, — работа писца включается в сумму пошлины…

Комендант выпучил глаза набрал побольше воздуха в легкие и начал торговаться так, что ему, на взгляд Ольгерда могли позавидовать даже славящиеся своим скопидомством краковские евреи. Измаил, человек восточный, тоже не ударил лицом в грязь. Через полчаса сговорились на том, что путешественники заплатят лишь половину причитающихся писцу денег.

— Может высокочтимый бей выделит нам несколько своих джигитов для защиты от дорожного разбоя? — спросил напоследок египтянин.

— Это будет стоить по одной серебряной монете за человека в день, — зевая во весь рот, объявил комендант. — И они проведут вас только до деревни Джанкой — дальше моим джигитам нельзя, чужие земли. Там наймете себе проводника до Кафы, а охрана не понадобится, в нашей стране царит покой и порядок.

Пропуск ждали до позднего вечера. Дождавшись посыльного, который торжественно вручил Измаилу свернутый в трубку фирман, с которого свисала большая сургучная печать, отправились искать место для ночлега. Единственным заведением для пуников, которое согласилось их принять, оказался большой и очень грязный постоялый двор, называвшийся здесь на восточный манер караван-сараем, в котором прямо за стенами спальных комнат располагались загоны для приведенного в Ор ясыря.

Ольгерд, слушая крики детей и восклицания женщин, смог заснуть лишь поутру. Хмурый и невыспавшийся, он сел на коня и поскакал вслед за двумя присланными комендантом охранниками — грязными как черти "джигитами" в бараньих тулупах, все вооружение которых составляли деревянные копья с костяными наконечниками. "Вернусь еще сюда, — подумал он, оглядываясь на татарскую крепость, — но только вместе с армией и во главе сотни отборных рейтар. Тогда и поглядим, кто кому здесь будет подорожные выправлять"…

*** * ***

В первый день пути крымская земля мало чем отличалась от оставленных по ту сторону рва таврийских солончаков. Та же, вся в трещинах, глинистая земля, по которой бежала почти без изгибов в камень укатанная дорога, потом такая же выжженная степь, с козьими и овечьими отарами. Пару раз конные пастухи, завидев путников, с гортанными криками бросались им наперерез, но разглядев сопровождающих, сразу же заворачивали обратно.

Джанкой оказался небольшой деревушкой с единственным в округе глубоким колодцем, откуда местный кадий, невзирая ни на уговоры, ни на предложенные и немалые деньги разрешил им вычерпать всего лишь два ведра мутной желтоватой воды.

— Неделю была сушь, — внимательно изучив османский фирман Измаила и выданную в Ор-Кепе подорожную, пояснил он путникам. — Наша земля суха, и если вы заберете всю воду, то колодец будет наполняться два дня. Человека можно оставить без воды, скотину и коней- нельзя. Берите что дают и ступайте во имя Аллаха!

Дав в проводники неразговорчивого старика на шелудивом муле, кадий отказался от мзды и выделил им на ночь стоящий на отшибе сарай, настрого предупредив, чтобы они не выходили наружу во время намаза — несмотря на малый размер селения мечеть в деревне имелась — не интересовались женщинами и ни в коем случае не сотворяли харам, как любят это делать проезжие казаки. Сарабун со страху упаковал оставшееся сало и горилку в двойной мешок и затолкал их на самое дно вьючной сумы. Ужинали татарским блюдом — кусочками мелко нарезанной острой баранины, обжаренной с овощами, которое называлось азу.

После Джанкоя в селах не останавливались. При посредничестве проводника, старого Айнура, покупали у крестьян овечий сыр, козье молоко, вкусные ароматные лепешки и свежее

мясо. Пользуясь теплой погодой, ночевали в степи под открытым небом. С каждым днем пути места становились все более обжитыми, а степная высохшая трава стала понемногу уступать место сочным зеленым лугам. На четвертый день перед их глазами выросли далекие горы.

— Где Кафа, за горами? — спросил Ольгерд проводника.

— Да, джигит, — выдержав приличествующую паузу важно ответствовал тот. — Город Кафа вот там, за Кара-Дагом, — он указал рукоятью плети на синеющий отрог. — Но наш путь лежит в обход, по равнине. Мы же не архары, чтоб по скалам прыгать.

Вблизи крымские предгорья казались настоящим земным раем. Сочные травы, на которых паслись холеные тучные стада, утопающие в садах богатые селения, с неизменными мечетями на мощеных площадях с нарядно украшенными фонтанами. Здешние татары ничем не напоминали степняков — одевались в свободные рубахи до пят с красивыми вышивками, бороды брили, редко носили оружие. Головы многих мужчин украшала большая чалма зеленого шелка, как объяснил Измаил, свидетельство о том, что ее обладатель совершил паломничество в Мекку, Медину или Иерусалим.

— Заможные места, — цокал языком Сарабун. — У нас в Бердичеве земли тоже родючие, но такого изобилия не бывает даже в самые урожайные годы. И чего этой татарве дома не сидится? Зачем им людьми торговать?

— Эти и не торгуют, — усмехнулся Ольгерд. — За ясырем ходят те, кто кочует в степи, а здешние землевладельцы у них покупают невольников и строят свое благоденствие на нашей беде. Все эти земли возделаны руками славян, так что неизвестно, кто на этих землях настоящий хозяин.

— Земля принадлежит не тому, кто на ней работает, а тому, кто ей правит, возразил египтянин. — Твои предки, если помнишь, тоже пришли на Русь завоевателями. К тому же рабство далеко не всегда абсолютное зло. Путешествуя по вашей стране я видел шляхетских и казацких холопов, которым, поверь, живется намного хуже. Впрочем, если заглянуть в суть вещей, — вздохнув, философски завершил Измаил, — все мы так или иначе чьи-то рабы.

— И мы трое тоже? — усмехнулся Ольгерд.

— Конечно. Разве мы едем в Кафу от скуки или для развлечения? Каждого из нас ведет туда чужая воля. Я исполняю то, что приказано моими старейшинами. Ты — раб кровавой клятвы. Сарабун — раб своего происхождения, он должен следовать за нами потому, что иначе просто погибнет…

— Еще скажи, что все мы в конечном счете рабы божьи, — не сдержался Ольгерд.

— Ты понял, — улыбнулся в ответ египтянин. — Свобода, — это всего лишь призрак, за которым легче всего повести отчаявшихся людей…

Ольгерд слегка пришпорил сбившегося с рыси коня.

— Я не силен в философии и не столь образован, как ты, чтобы спорить о высоких материях, но свою несвободу воина на сытую свободу раба не сменяю!

— Здесь нет высоких материй, — мотнул головой египтянин. — Все просто. Попробуй освободить раба, и ты увидишь, что он будет несчастен, ибо разорвав пусть и ненавистную цепь, он потеряет и кров и хлеб, которые не приучен добывать без хозяйского присмотра…

На следующем дневном переходе стало не до ученых бесед. Ровная как стол степь начала бугриться крутеющими с каждой пройденной верстой каменистыми холмами, меж которых приходилось петлять, выбирая дорогу дну ложбин, чтобы не изматывать лошадей бесконечными спусками и подъемами. Казалось, что дороге не будет конца, когда неожиданно для всех в одной из дальних расселин сверкнула лазурь. Кони заржали, раньше людей учуяв влажный соленый воздух.

— Море! — облегченно вздохнул Измаил.

Через пару часов они вышли на проторенную дорогу, ведущую в Кафу и, пройдя по ней не больше десяти верст, стали лагерем, чтобы отдохнуть перед важным днем. По словам проводника, выехав в ночь, к рассвету они должны были добраться до цели…

— Красота-то какая! — чуть не застонал от восхищения Сарабун, когда отряд поднялся на последний, спускающейся к прибрежной долине холм.

Было ранее утро и морскую гладь белой полупрозрачной шалью скрадывая горизонт, укрывала легкая туманная дымка, так что казалось что перед ними стоит сплошная светло-голубая стена. Лежащая внизу береговая черта выгибалась кошачьей спиной, образуя большой открытый залив. Выдающийся далеко в море насыпной мол с маячной башней отгораживал от большой воды просторную гавань в которой, словно нерестящиеся рыбы, теснились десятки разновеликих судов. Над гаванью вырисовывались зубчатые стены большой цитадели, от которой в стороны и вверх, к подошвам подступающих к морю гор, расходились лучами прямые мощеные белым камнем улицы. Улицы упирались в линию внешних городских стен, за которыми теснились городские кварталы, разбавленные то здесь, то там неизменными стрелами вонзающихся в небо минаретов.

Полюбовавшись на город с вершины холма, путники двинулись вниз.

— Кафа, — рассказывал по дороге Измаил, — была в давние времена греческим торговым полисом. С приходом татар она пришла в запустение, но во времена крестовых походов город выкупили у мусульман генуэзцы. Они и построили эту крепость. Последние двести лет Кафой владеют османы. Если верить легенде, именно отсюда в христианский мир пришла чума, опустошившая в четырнадцатом веке Европу. Кафу тогда осаждал монгольский хан Джанибек, в чье войско принесло эту страшную болезнь. Монголы начали обстреливать город зараженными трупами, и его обитатели почти все целиком стали спасаться на кораблях, развозя болезнь по всем портам Черного и Средиземного моря…

— Чума — страшная напасть, — покачал головой Сарабун. — Читал я в одном трактате, что вроде бы излечивает ее снадобье из из патоки десятилетней выдержки, мелко изрубленных змей, вина и еще нескольких десятков ингридиентов, но правда то или нет не знаю…

За внешней крепостной стеной раскинулись, занимая места не меньше, а пожалуй что и больше, чем внутренняя часть города, ремесленные и торговые кварталы — бесчисленные лавки, мастерские и духаны.

— Где нам искать искать Темир-бея, Айнур? — спросил Ольгерд.

— Зачем искать? — удивился тот. — Ногайцы не любят каменных стен. Когда ясырь приводят на продажу, то останавливаются за городом. Да вот же они! — Старик указал на холм, вершину которого венчал большой войлочный шатер окруженный десятком обычных юрт.

В подтверждение того, что на возвышенности расположился не простой кочевник, а важный мурза, над шатром на длинном шесте колыхался под легкими порывами ветра бейский бунчук. Вокруг лагеря во множестве паслись стреноженные кони.

— Мы пришли туда, куда вы хотели, — сказал проводник. — Могу я идти, ага? Мой брат держит в Кафе сапожную мастерскую, мы не виделись много лет.

— Ступай, старик, да хранит тебя Аллах!

Щедро вознаградив проводника, компаньоны двинулись к лагерю Темир-бея.

*** * ***

Служба у ногайцев была поставлена образцово. В самом начале подъема к лагерю им перегородили дорогу двое всадников внешней охраны.

— Что вам нужно? — спросил молодой татарин.

— Нам нужен Темир-бей, — спокойно произнес Измаил. — Мы к нему с важным делом.

Татарин хрипло рассмеялся в ответ:

— Вы неверные. А Темир-бей разговаривает только с теми неверными, чьи головы насажены на копье. Ступайте отсюда, пока целы или я вызову подкрепление.

— Уж не хочешь ли ты в местах, находящихся под рукой самого султана, да славится Его имя во веки веков, напасть на путников, имеющих фирман от самого великого визиря? — добавив в голос надменности, спросил Измаил.

— Пугай своим фирманом здешних крыс, — караульный махнул саблей в сторону ближайшей городской башни. — Ногайцы живут своей жизнью и не подчиняются никому.

— И все же доложи о нас бею, — теперь уже ровным голосом то ли попросил, то ли потребовал египтянин. — Мы имеем весть об одном его потерянном родственнике.

— Бей стар и потерял множество близких. О ком именно ты говоришь?

— Это мы скажем только ему.

Поколебавшись немного, татарин отдал короткий приказ своему напарнику, вложил саблю в ножны и, бросив ожидающим путникам:

— Ждите здесь, и если вы двинетесь вперед хоть на аршын, стрелки превратят вас в подушки для иголок.

Ударив пятками коня, ногайский всадник понесся, вздымая пыль к реющему бунчуку.

— Похоже, Темир-бей не спешит принять нас с распростертыми объятиями, — произнес Ольгерд, наблюдая за тем, как караульный спрыгивает с коня и скрывается в шатре.

— Главное, чтобы он стал слушать, — ответил Измаил. — Я думаю, что мои доводы смогут его убедить.

Караульный быстро покинул шатер и придерживая коня, чтобы тот не оступился на склоне, спустился к ожидающим компаньонам.

— Бей приказал доставить к нему только одного. Это будешь… — татарин поднял плеть, водя рукоятью от Измаила к Сарабуну, — Ты! Рукоять плети едва не уперлась в Ольгерда.

Никак не ожидавший такого исхода Ольгерд попытался отказаться.

— Я плохо говорю по-татарски.

— Наш бей говорит на языках неверных. То что ему нужно, он поймет. Оставь оружие и следуй за мной.

Ольгерд перебросил через голову перевязь с саблей, вытянул из седельных кобур пистоли, достал из-за пояса нож, передал все Сарабуну. Подумав немного, извлек из голенища припрятанный там кинжал.

Опасения оказались не напрасны. Наверху, у входа в шатер, он был передан в руки двум угрюмым молодцам в стальных шлемах и кольчугахи эти, вооруженные почище шведских кирасиров ногайцы учинили ему серьезный обыск. Припрятанный в голенище стилет нашли бы непременно, и не будь Ольгерд настолько предусмотрителен, не иначе как исполнили угрозу караульного и доставили своему господину голову подосланного убийцы нанизанной на копье.

Завершив обыск, охранник что-то прокричал в сторону шатра. Через пару минут оттуда, запахивая на ходу наброшенный на плечи халат, вышел невысокий широкоплечий старик. Черты лица его были словно высечены из камня — жесткий треугольный подбородок, тонкие, сжатые узкой полоской губы, высокие, чуть выдающиеся скулы и прямой нос выдавали в нем не турка или вольного сына степей, чья кровь за многие поколения смешалась с иными племенами, но потомка грозных монгол, какими их изображали на старинных гравюрах.

Бей прищурился, привыкая к свету, и наставил взгляд на Ольгерда. Если и были еще какие-то сомнения в правдивости рассказа, услышанного от покойного кобзаря, то теперь они

рассеялись, словно туман на летнем пекучем солнце: это был тот самый волчий взгляд Дмитрия Душегубца, хотя и без его безумной жестокости.

Бей и литвин молча смотрели друг на друга. В глазах Темира зажегся некоторый интерес, но быстро погас. Он опустил вниз кончики губ, покачал головой, что-то тихо сказал охранникам и исчез в темном проеме. Из глубины шатра донесся звонкий девичий смех.

— Мой господин не желает с тобой говорить, — отозвался один из охранников. — Ступай, откуда пришел.

Мрачный как туча Ольгерд в сопровождении того же конного охранника спустился вниз. В ответ на невысказанный вопрос Измаила отрицательно мотнул головой и начал распределять по местам отданное Сарабуну оружие.

Под бдительными взглядами ногайцев они шагом двинули в сторону городского предместья.

— Ты хоть слово сказать успел? — спросил египтянин.

— Даже слушать не стал.

— Плохо, но не смертельно. Не вышло в лоб, значит придется действовать иначе.

— Старик — кремень. Не представляю, как можно к нему пробиться.

— Не так сложно, как ты думаешь. Не сегодня так завтра он непременно отправится на невольничий рынок. Если сам прибыл в Кафу, значит и сам будет следить за продажей ясыря — для степняков это важно. При этом он будет общаться с османскими чиновниками, так как рынок — собственность султана. И если кто-то из окружения здешнего наместника-паши попросит принять и выслушать единоверца, прибывшего из далеких египетских земель, он вряд ли сможет ему отказать.

— Попробуй, — пожал плечами Ольгерд. — Однако, кажется мне, что мы сюда приехали зря.

— Дай мне еще один день, и если мы не сможем переговорить с этим гордым и неприступным ногайцем, ты поведешь нас в Литву. Надеюсь, что к Радзивиллу нам удастся пробиться с меньшим трудом.

Кафа встретила компаньонов гомоном и суетой восточного торгового города, по сравнению с которым даже Киев с его Подолом выглядел дальней глухой деревней. Больше всего Ольгерда с Сарабуном поразили не пестрые одежды представителей всех наций и народов, какие только можно было себе вообразить и даже не многочисленные мечети и богатые подворья с глухими заборами из-за которых, как тесто из передержанной квашни, выплескивалась наружу буйная зелень, а здесь и там встречающиеся фонтаны с бассейнами, наполненными чистой родниковой водой, устроенные для всеобщего блага.

Напившись всласть и напоив коней, компаньоны, расспросив прохожих, быстро нашли армянский постоялый двор, где дозволялось останавливаться прибывшим в Кафу христианам. Перепоручив коней расторопным слугам и отдав должное здешней кухне, Ольгерд с Сарабуном решили, пользуясь случаем, устроить себе дневной отдых, а Измаил, переодевшись в мусульманское платье и нацепив на голый череп турецкую феску, отправился в цитадель, где располагалась резиденция кафского паши.

Вернулся он к вечеру, бросил на стол изрядно отощавший кошель.

— Ногайский ясырь будут торговать завтра утром. В этот день выставляют самых ценных рабов — мастеров, красавиц для гаремов, благородных пленников, с которых можно взять выкуп. Темир-бей обязательно будет там, и я подойду к нему вместе с распорядителем торгов. Мне удалось с ним договориться, но более алчного человека мне встречать не довелось, да покарает его Дагон!

Настала ночь и над далекими горами повисла желтая луна. Неутихающий уличный шум

слился с плеском моря, но для путников, которые много недель провели в голой степи, эти звуки казались баюкающей колыбельной. Впервые с тех пор как он покинул Лоев, Ольгерд спал как убитый.

*** * ***

На встречу с Темиром Измаил стал собираться чуть свет, еще до первой мусульманской молитвы. Оделся на сей раз в свой обычный наряд путника — накидку с капюшоном, повздыхав, оставил оружие на попечение компаньонов.

— Ждите пока здесь, — сказал он Ольгерду с Сарабуном. — Пока есть время набирайтесь сил. Мало ли как дальше дела повернутся.

— Ну уж нет, — возразил ему Ольгерд. — Вместе пойдем. Я так понимаю, что встречаться будете вы в Кафе, на невольничьем рынке? Хочу сам поглядеть…

Египтянин грустно покачал головой:

— Может не нужно? Там ведь твоих единоверцев продают, словно скот. Ты воин горячий, неровен час начнешь за справедливость в драку лезть…

— Пойдем, — упрямо повторил Ольгерд. — Мне нужно видеть это место. Когда-нибудь, даст Бог с войском сюда придем, чтобы знать, как сподручнее город брать. А насчет горячности моей не волнуйся. Слово даю, что глупостей не наделаю.

— Хорошо, — пожал плечами в ответ компаньон. — Есть желание, значит пошли. Только вот объясни, а то в толк никак не возьму, с чьим же войском ты Кафу освобождать надумал? Польским, литовским, запорожским или московитским? Или же может со шведским?

— С христианским, — огрызнулся Ольгерд, вешая на перевязь подаренную воеводой саблю.

Квадратные увенчанные зубцами башни, ворота с мощными барбиканами и широкие рвы, обложенные камнем, делали крепость настоящим чудом фортификации и не шли ни в какое сравнение с деревянным острогом, какой представлял из себя пограничный Ор-Кепе. Ольгерд завертел головой, оценивая вражескую твердыню, но взгляд его, едва ли не с каждым шагом становился все кислее и кислее: эта крепость уступала тому же Смоленску разве только по толщине стен, которые в отличие от всех кремлей московского царства были сложены не из кирпича, а ломаного камня. Неровные желтоватые глыбы, положенные на известковый раствор, на опытный взгляд Ольгерда легко могли выдержать даже удары десятифунтовых ядер, которыми, по словам бывавших в Москве шляхтичей, стреляла знаменитая Царь-пушка.

Для того, чтобы попасть вовнутрь, Измаилу, Ольгерду и репьем прилипшему к ним Сарабуну, который наотрез отказался сидеть один на постоялом дворе, потребовалось трижды предъявить подорожную, дважды выдержать допрос караула, а также уплатить пошлину и дать бакшиш носатому армянину в турецкой феске, который оказался здешним таможенным чиновником. При этом на саблю, которую Ольгерд отказался оставлять на хранение явно вороватым привратникам, потребовалось отдельное разрешение и, соответственно, дополнительная мзда.

Оказавшись внутри они двинулись вперед по широкой улице, ведущей к гавани, рядом с которой, по объяснению хозяина постоялого двора, находился невольничий рынок. Все пространство слева от них, от моря до цитадели представляло собой нагромождение бедных лачуг. Справа от цитадели, у подошвы горы вольготно раскинулись дворы побогаче, с двух, а то и трехэтажными особняками, перемежающимися рядами высоких кипарисов.

Нависающая над кварталами бывшая генуэзская цитадель была построена на несколько сот лет раньше — ее кладка была намного темнее. Раскинувшийся под ней печально знаменитый

невольничий рынок Кафы занимал большую треугольную площадь меж стеной и огораживающим порт забором. Ольгерду он напомнил одновременно конную ярмарку и скомороший балаган. Почти все свободное пространство, оставляя лишь тесные проходы для покупателей и зевак, занимали огороженные жердями длинные загоны, соединенные с постройками, напоминающими стойла. Загоны перемежались с возведенными в беспорядке помостами, поднятыми на высоту половины человеческого роста. Однако обитателями загонов были не кони, а лицедеями на помостах выступали не скоморохи…

Приведенные на продажу рабы держались вдоль стен в дальних концах загонов и лишь по приказу надсмотрщиков выходили поближе к ограждению, чтобы их могли рассмотреть заинтересовавшиеся покупатели. Мужчины, женщины, дети, старики в рваных одеждах, многие в одних лишь набедренных повязках да прикрывающих головы от солнца тряпицах сидели на земле вперемешку.

Здешние торговцы и их подручные знали толк в своем гнусном деле. Сильные мужчины сидели на земле, забитые в колодки — распиленные посередине и стянутые клиньями доски с отверстиями для ног, позволявшие передвигаться неуклюжими медленными шагами. У некоторых, видимо самых опасных с точки зрения их хозяев, в колодки были забиты не только ноги, но и головы с руками. Прочие, те кто не был в состоянии оказать сопротивление, были привязаны к торчащим из стен кольцам — кто за пояс, кто за шею веревочной петлей, при этом у некоторых невольников имелись железные, чаще кожаные ошейники. "Это наверное те, кто уже побывал в рабстве и перепродается хозяевами" — подумал Ольгерд.

— Начинаются главные торги! — произнес Измаил. — Ну что же, пока будьте здесь, притворяйтесь приезжими, которые ищут взятого в плен родича, гуляйте по рынку и наблюдайте за мной. И пожелайте мне удачи.

— С Богом! — тихо произнес в ответ Ольгерд, кивнув компаньону.

Измаил зашагал в дальний конец площади, где на самый большой из помостов, расположенный у самой крепостной стены, ногайцы в бараньих полушубках без рукавов, плетьми загоняли несколько десятков догола раздетых и взятых в колодки мужчин.

— Знатный ясырь! — произнес кто-то рядом по-гречески. Этот язык Ольгерд понимал, учил его в монастырской школе. — Воины и крестьяне. После красавиц и богатых заложников самый ходовой и, главное, дорогой товар. Ведь галерные рабы нужны всем, не только флоту светлейшего султана, но и венецианцам и даже богобоязненным франкам, будь благословен их новый интендант Кольбер, приказавший построить триста кораблей!

— А вот и главные покупатели! — прервал грека его собеседник.

После того, как все невольники были заведены наверх и рассажены на грязных досках, в нависающий над помостом крытый матерчатым навесом павильон, устеленный коврами и заваленный подушками, из калитки, проделанной прямо в стене, зашли четверо — ногайский мурза и трое сановных турок в ярких шелках, чьи пальцы были унизаны сверкающими на солнце перстнями, так что скромно одетый Темир-бей смотрелся рядом с ними вороном, посаженным в клетку с пестрыми заморскими птицами-попугаями.

Измаил протолкался к помосту, добрался до ближайшего стражника и что-то прошептал ему на ухо. Тот кивнул, скрылся за деревянным выступом но вскоре вернулся в сопровождении длинного и тощего, словно жердь, турка — по всей вероятности того самого чиновника, на чью алчность сетовал компаньон. Турок и египтянин стали спорить о чем-то, по очереди размахивая руками, наконец договорились и исчезли в ведущем к стене проходе.

Ожидая, чем закончится дело, чтобы отвлечь себя от грызущих душу сомнений в успехе затеянного предприятия, Ольгерд с интересом оглядывался по сторонам. Оказалось что Измаил оставил их у той части рынка, где торговали рабами для плотских утех. Девушки, зрелые

женщины и миловидные юноши располагались под навесами, защищающими их от злого крымского солнца и вид имели, по сравнению с своими товарищами по несчастью, вполне ухоженный.

Бродя рассеянным взором по непривычно открытым женским лицам, — все, кого он встречал на улицах, отгораживались от посторонних плотными масками из конского волоса, — он вдруг поймал себя на том, что внимательно рассматривает стоящую в одиночестве под одним из навесов рабыню.

Вначале и не понял, что в ней не так, потом сообразил: татарка! Лет двадцати пяти, лицом не страшна, но и не красавица писаная — черты угловатые, скулы резкие, киргизские. Да и по здешним меркам тоже, поди, не гурия. Стан такой, что восточным людям не по нраву — талия не осиная, бедра скорее мальчишеские чем девичьи, грудь едва оттопыривает давно нестираную черную рубаху. Волосы короткие, явно обрезаны, чтобы не пугать покупателей нечесаными колтунами.

В общем, смотреть-то особо и не на что, если бы не глаза. Девушка стояла полуприкрыв веки, изредка постреливая по сторонам густой пронзительной зеленью, в которой не было и тени страха и надлома. Присмотревшись внимательнее Ольгерд увидел, что даже под полуприкрытыми веками таилась какая-то странная, лениво-отчаянная злость, словно выставленная на продажу рабыня в тайне веселилась, наблюдая за всем происходящим вокруг. Его внимание не осталось незамеченным — взгляд девушки выстрелил вдруг прямо в Ольгерда. Мигом вспомнив, зачем пришел, он отвернулся к ногайскому помосту.

Торги были в разгаре. Важные турки, развалившись на подушках и потягивая какой-то напиток из маленьких, чуть не с наперсток, фарфоровых чашечек, наблюдали за тем, как слуги осматривают невольников, словно скот, бесцеремонно заглядывая им в зубы, раздвигая ягодицы щупая мышцы на руках и ногах и отгоняя в сторону тех, кто им понравился. Отобрав примерно треть выведенных в загон мужчин, турецкие слуги завершили осмотр. Старший пересчитал отобранных по головам и помчался наверх с докладом. Турецкие сановники сразу же заспорили с Темир-беем — начался торг.

— Право первого выбора имеет сам кафский паша, — пояснил своему приятелю стоящий рядом грек. — Сейчас они сговорятся с этим дикарем и будущих гребцов поведут на оскопление.

— А что, разве оскопляют не только евнухов?

— В Румском султанате в старые времена оскопляли всех до единого невольников. В наше время мужского достоинства, к счастью, лишают не всех подряд. Мастеров, знатных пленников, за которых можно получить выкуп, мальчиков, из которых воспитывают воинов, оставляют нетронутыми. Но домашних слуг, работников и гребцов кастрируют непременно — такие рабы намного спокойнее, они не интересуются женщинами, да и друг другом и не дают потомства… Впрочем, Коста, я вынужден тебя оставить, сейчас на торги допустят и прочих покупателей, а я хотел бы прикупить… — С этими словами грек, оставив собеседника, рванул в сторону помоста.

Измаил все еще не объявлялся, наверное ждал когда Темир закончит торги. Чтобы отвлечься от только что услышанного, — не приведи Господи, на галеры попасть, — Ольгерд снова повернулся к навесам с рабынями и немедленно встретился взглядом с давешней татаркой.

Отследив его интерес, из глубины расположенного за навесом строения выскочил хозяин — стриженый ежиком армянин в длинной льняной рубахе и надетой поверх нее вышитой безрукавке. Хозяин спросил о чем-то Ольгерда и, не дождавшись ответа, сам себе засмеялся. Потом протянул руку к поддерживающему навес столбу и потянул за незамеченный раньше

длинный кожаный поводок. Девушка дернулась и содрогнулась всем телом. Ее лицо, мигом потерявшее всю былую насмешливость исказила гримаса такой безысходной ненависти, что Ольгерду стало не по себе. Отрицательно мотнув головой хозяину он вновь отвернулся к помосту.

Оказалось что сделал это вовремя. Присутствующие на торгах сановники уже поднялись на ноги, собираясь покинуть павильон, и на ковер в сопровождении долговязого турка, вступил, наконец, Измаил. Несколько раз поклонившись по очереди всем присутствующим он что-то произнес, обращаясь к Темиру. Тот недовольно кивнул. Измаил начал говорить.

Ольгерд стоял далеко и не мог разобрать слов, однако по всему выходило что его всезнающий компаньон повел разговор в неправильном русле — бей с каждой секундой терял интерес к беседе: вначале нахмурился, затем прищурил глаза, а после того, как египтянин лихорадочно зашевелил губами, пытаясь поскорее добраться до конца своего рассказа, Темир махнул в его сторону рукой и отвернулся. Подчиняясь жесту ногайского бея, к Измаилу рванулись сразу трое охраняющих павильон янычар, однако, дело, похоже, обошлось без кровопролития. Вытолкав посетителя в дверь, охранники спокойно вернулись на прежние места.

— Ничего не вышло, — тяжко вздохнул за спиной наблюдавший за разговором Сарабун. — Стало быть, прав ты был, господин. Зря мы в это логово неверных сунулись.

— Уж лучше бы я ошибся, — процедил сквозь зубы Ольгерд.

Все что он делал дальше происходило так, будто его кто-то большой и невидимый двигал и заставлял говорить, будто куклу на веревочке. Повинуясь непреодолимому порыву он развернулся к навесу и поманил к себе пальцем все еще ждущего армянина и показал пальцем на странную татарку:

— Эй хозяин, сколько?

Тот три раза выбросил перед лицом Ольгерда десять коротких волосатых пальцев.

— Триста? В талерах подойдет? — Ольгерд вытянул из наплечной сумы кошель, вытряхнул на ладонь десятиталеровую монету, протянул продавцу. Тот ее внимательно оглядел, и что-то прокричал в сторону своей будки. Оттуда мигом выскочил шустрый мальчишка, который, как выяснилось, неплохо справлялся с обязанностями толмача.

— Мой хозяин, Гайк, говорит что нужно еще половину от десяти. Столько возьмет меняла за монеты неверных. В эту цену входит также верхняя одежда и башмаки.

Ольгерд, соглашаясь, кивнул.

— Хозяин сейчас ее оденет и выведет. А ты пока готовь деньги! — армянин, мальчишка и девушка скрылись в будке.

Ольгерд так увлекся, что не заметил как к нему и потерявшему дар речи от изумления Сарабуну присоединился расклеившийся от неудачи от Измаил

— Вы видели друзья, — мрачно выговорил он, ни на кого не глядя. — Ничего не вышло, он даже не дослушал до конца. А когда понял что мы те самые путники, что пытались попасть к нему вчера, и вовсе велел прогнать, так что… — Речь египтянина оборвалась на полуслове, когда из будки вышел торговец, ведя, словно лошадь на поводу девушку, фигуру которой теперь скрывал с макушки до пят серый хиджаб из грубой холстины и, если бы не протянутый в разрез ремешок, который хозяин, приняв и пересчитав деньги, передал в руки Ольгерда, она ничем бы не отличалась от свободных мусульманских женщин, которых они во множестве встречали на улицах Кафы.

— Она твоя, — перевел слова армянина подоспевший толмач-мальчишка. — Только будь осторожен, она очень строптива. Дерется и никого не подпускает к своему телу, даже хозяину не удалось узнать, девственница она или нет. Тебе повезло, иностранец! Если бы эта фурия

была сговорчивее, то хозяин оставил бы ее себе или же продал мурзе не меньше чем за пятьсот монет.

— Что здесь происходит? — Выйдя из ступора, поинтересовался Измаил.

— Ничего особенного, — нарочито-небрежно ответил Ольгерд. — Просто пользуясь случаем, хочу разрешить наш спор по поводу рабства.

— И каким же образом, друг? Ты решил обзавестись в походе наложницей?

При этих словах Измаила лицо Сарабуна перекосилось, словно ему прищемили причинное место. Он бросил испепеляющий взгляд на купленную рабыню, затем глянул на Ольгерда с откровенным осуждением:

— Господин, скажи мне, зачем ты это делаешь? Ты что, решил отказаться от госпожи Ольги?

При чем тут Ольга? — искренне удивился бывший лоевский компанеец. — Да уж, приятели, такого вы значит обо мне мнения, чуть что готовы обвинить во всех смертных грехах. Для начала дождитесь конца представления, потом уж судить будете. — Ольгерд с ненавистью поглядел на сжатый в кулаке поводок и, наклонившись, стал шарить рукой за голенищем.

Не дав ему завершить задуманное из базарного проулка вдруг вынырнул хорошо одетый человек в сопровождении двух здоровенных амбалов. Судя по тому как он с места в карьер начал ругаться с Гайком, пришедший тоже был представителем вездесущего армянского племени.

Два армянина долго препирались, при этом работорговец несколько раз указывал пришедшему на солнце и тряс у него перед носом кошель с полученными от Ольгерда деньгами.

— О чем они говорят? — поинтересовался Ольгерд.

— Рабыню, которую ты купил, хозяин пообещал этому человеку, — перевел мальчишка. — Он ушел за деньгами вчера, но вернулся только сегодня. Хозяин говорит, что он сожалеет, но торговля есть торговля.

— И что говорит этот?

— Он говорит, что вчера пришла из Трапезунда его галера и он принимал товар, потому не мог подойти. Это очень богатый человек, его боится вся Кафа, потому что он отличается особыми пристрастиями. Выбирает на рынке самых строптивых рабов и находит себе развлечение в том, чтобы их укрощать, до такой меры, что потом они готовы выполнить любой его каприз. Правда, говорят, что многие при этом умирают в страшных муках…

Не добившись ничего от Гайка и обложив его по-армянски на чем свет стоит, истязатель-судовладелец обернулся к Ольгерду. Оглядел его с головы до ног, как рассматривают худосочный скот, процедил что-то сквозь зубы.

— Он предлагает тебе триста пятьдесят серебряных венецианских дукатов за эту рабыню, если ты уступишь ее ему, — прошептал толмач.

— Скажи ему что это невозможно, — спокойно ответил Ольгерд.

— Триста семьдесят, — перевел мальчишка ответ, чуть не плача. Видно ему было очень жаль обреченную девушку, но он был уверен, как и судовладелец, что перед такой огромной суммой неверный не устоит.

Ничего не отвечая, Ольгерд вытащил, наконец, из сапога свой кинжал, подошел к девушке и раздвинул у нее на шее хиджаб, обнаружив перетягивающий девичью шею кожаный ошейник. Гайк с мальчишкой тихо охнули хором. Ольгерд

взялся рукой за ошейник, потянул на себя, поднял нож. При этом, в отличие от окружающих, в глазах у рабыни не мелькнуло и тени страха. Он всунул нож меж тонкой шеей с пульсирующей жилкой и грубой кожей ошейника и рванул его к себе. Освободив татарку от рабского поводка, удостоил армянина ответом:

— Скажи ему еще раз, томач. Купить эту девушку невозможно, потому что я только что даровал ей свободу.

Из армянина, после того как он услышал перевод и понял в чем дело, словно из пробитого золотарского бурдюка, полился поток площадной брани, Гайк вытаращил глаза, мальчишка заметно повеселел, Сарабун вздохнул с облегчением. Один лишь Измаил обреченно покачал головой и осторожно проверил на крепость свой неизменный посох.

— Ты совершил благородный поступок, — сказал египтянин. — . Только смысла в нем ни на грош. Еще до того как мы покинем этот город ее схватят и снова посадят на привязь

— Я приготовлю ей вольную. Как это сделать по местным законам?

— Нужно составить грамоту и заверить ее у местного кадия, — .смирившись с прихотью компаньона объяснил Измаил. — После этого ей ничего не грозит.

— Тогда пошли искать кадия.

Швырнув в сторону будки ошейник и поводок, Ольгерд поманил девушку за собой. Оставив ругающихся на чем свет стоит армян выяснять отношения они отправились искать базарных писцов.

Кадия они отыскали в квартале примыкающем к базарной мечети. Поняв, что от него нужно, раскормленный важный старик недовольно затряс необъятным животом:

— Пророк не одобрял освобождения рабов! Жена Магомета, Маймуна Аль-Хариз в день, когда наступила ее очередь быть с Пророком, сказала: "О Апостол Аллаха, я освободила девочку-рабыню!", он сказал: "Вы были бы вознаграждены больше, если бы подарили рабыню одному из братьев вашей матери!" — я не могу ее освободить!

— Это высказывание пророка не подходит к данному случаю, — возразил Измаил. — Хозяин рабыни не мусульманин, рабыня же, напротив, правоверная. К тому же, понимая сложность этого дела с точки зрения Шариата, хозяин готов уплатить достойную пошлину.

Выслушав египтянина, кадий заметно оживился и, закатив глаза к небу, изрек:

— Какой бы мусульманин ни освободил мусульманина, будет он ему освобождением от огня, ни освободил двух мусульманок, будут они ему освобождением от огня… Скажи своему гяуру, что если он надумает обратиться в истинную веру, то этот поступок спасет его от половины адских мук…

Текст вольной грамоты, не обращая ни малейшего внимания на громкие возражения писца, диктовал Измаил.

— Как тебя зовут и откуда ты родом.? — спросил он освобожденную рабыню.

Девушка впервые раскрыла рот и чуть с хрипотцой произнесла:

— Фатима. Из Буджака.

Получив несколько монет, кадий оставил на подготовленной грамоте росчерк и приложил к ней, накапав воск, большой перстень с арабской вязью

— Держи! — Сказал Ольгерд протягивая Фатиме вольную грамоту. Та склонилась в безмолвном поклоне. На секунду из разреза выглянула ее рука и грамота исчезла под хиджабом.

— И что будем делать теперь? — спросил Измаил.

— Дадим денег, которых ей хватит, чтобы добраться до дому, и пусть идет с миром. Есть же у нее какие-то родственники, знакомые. Вот пусть и возвращается туда, где ее примут. Иди, иди, милая… — Ольгерд махнул рукой, указывая в сторону дальних крепостных башен.

Измаил повторил его слова по-татарски, вынул кошель и вручил особожденной рабыне несколько серебряных монет. Девушка приняла дар, но, словно не расслышав сказанного, недвижно стояла на месте.

— Ладно, — сказал Ольгерд. — Дело у нас не выгорело, стало быть теперь по уговору я командир. Так что слушай приказ. Возвращаемся на постоялый двор, сегодня отдыхаем и

готовим лошадей, а завтра в путь, через Ор в Киев и дальше в Литву…

Трое компаньонов переговариваясь двинули в сторону городских ворот. Девушка несколько секунд постояла, словно решая что делать дальше, и тенью скользнула за ними вслед.

*** * ***

Шли по улице молча. Обсуждать было нечего ровным счетом — все их планы рухнули в одночасье, а поездка в Крым оказалась пустой тратой времени. Ольгерда не радовала победа в споре с Измаилом, как и то, что он теперь стал по уговору командиром их маленького отряда. Ведь в глубине души он до последнего верил, что хитромудрому египтянину все же удастся завоевать доверие непробиваемого ногайца. Однако сердце старого бея, похоже, было вытесано из камня.

У крепостных ворот их ожидал неприятный сюрприз — решетка в арке надвратной башни была опущена, а несущие службу стражники отгоняли желающих покинуть город, оставляя проезд свободным.

— Вот напасть, — ругнулся Ольгерд. — Что там еще такое?

— Сейчас разузнаем. — Измаил, оставив компаньонов скользнул вперед, высмотрел начальника стражи с которым договаривался поутру, и вступил с ним в короткий разговор.

— Смотри, господин Ольгерд, — удивленно произнес Сарабун, — этот басурманин даже мзду брать не хочет. Видано ли это, чтобы в торговом городе посреди дня проезд перекрывали?

— Вот и мне все это не очень нравится, — кивнул Ольгерд. — Так что ты, лекарь, держи ухо востро…

— Ворота закрыты по приказу капитана башни, — объяснил, вернувшись, египтянин. — Стража и сама ничего толком не знает, то ли ждут какую-то важную персону, то ли ловят кого — то в городе.

— И когда они откроют проход?

— Кто же скажет, мой друг? Мы на Востоке, так что может через минуту, а может быть только завтра утром. А может и никогда, — подумав, философски добавил Измаил.

— Типун тебе на язык, — сплюнул Ольгерд. — Нет у меня ни малейшего желания здесь торчать.

— И что ты предлагаешь делать?

— Поехали к другим воротам. Не могут же они весь город перекрыть. Вон, гляди, местные находят себе пути. — Он указал на старого татарина, который вел на поводу ишака. После того как ему преградил дорогу стражник, почтенный горожанин, не говоря ни слова и не проявляя ни малейших признаков возмущения, потянул за уздцы своего строптивого спутника и исчез в ближайшем переулке.

— Они наверное калитку какую-то знают, — произнес, провожая старика взглядом, Сарабун. — Или к другим воротам напрямик пробираются.

— Так и есть, — кивнул Измаил, — ведь чтобы попасть к соседним воротам, двигаясь по улице, нам нужно вернуться обратно к цитадели, куда сходятся все городские пути. Впрочем ты теперь командуешь, Ольгерд, ты и решай.

Ольгерд не размышлял и не колебался:

— Если давать крюк по улице, то придется проезжать мимо невольничьего рынка, а делать нам там нечего. Неровен час опять этот армянин-истязатель встретится и цепляться начнет. Так что идем вдоль стены, по переулкам. Авось не заблудимся. — Компаньоны двинули в сторону переулка, в котором скрылся старик с ишаком.

Половину жизни Ольгерд провел в больших городах и по своему опыту знал, что все городские задворки чем-то неуловимо похожи друг на друга. И пусть здесь их окружали не деревянные срубы, как в Киеве или Смоленске, и не кирпичные дома, как в Вильно, а разнотычные мазанки, выглядывающие из-за глухих глинобитных заборов-дувалов, вокруг была такая же сонная тревожная пустота, скрывающая невольное ощущение незримой опасности, словно из-за безмолвных окон и дверей за ними наблюдают сотни далеко не дружеских взглядов.

— Тебе что-то не нравится? — Заметив тревогу Ольгерда, спросил Сарабун.

— А что мне может понравится, если мы уже четверть часа идем, а вокруг одни лишь дувалы и навстречу — ни души?

— В восточных городах так всегда, — пожал плечами египтянин. — Здесь люди живут не напоказ, отгораживать от улицы то, что происходит в доме — обычное дело…

— А громилы среди дороги тоже дело обычное? — прервал его Ольгерд, завернув за который по счету угол.

Перед ними, целиком перегораживая узкий проход, стояло четверо здоровенных татар, чьи намерения были понятны, как "Отче наш…" — трое держали обитые железом дубинки, а четвертый, самый дюжий на вид, поигрывал аршинной цепью, на конце которой было закреплено небольшое чугунное ядро.

— Не пугайтесь, справимся, — засмеялся Ольгерд, вытягивая из ножен саблю. — Пистолей и ружей у них нет, а со своими разбойничьими инструментами им против нас не тягаться. В крайнем случае-убежим.

— Боюсь, что все не так просто, — спокойно произнес, прижимаясь спиной к спине Ольгерда Измаил. — Сбежать, во всяком случае, не удастся. Сзади подходят еще трое, причем двоих я уже видел сегодня. Это охранники того армянина, который хотел купить твою девушку.

Ольгерд коротко обернулся назад и присвистнул — враги сзади были намного опаснее: двое держали, выставив перед собой длинные ножи.

— Засада!!! — тонким дрожащим голосом завопил вдруг Сарабун. На рот ему мигом легла ладонь египтянина. Лекарь еще что-то коротко промычал и затих.

— Их семеро, нас двое, — скороговоркой произнес Ольгерд. — Лекарь не в счет. Измаил, ты хоть что то колющее или режущее с собой в город пронес?

— Кинжал и два метательных ножа, — спокойно ответит тот.

— Возьми вот еще мой, я в этих забавах не мастер, — Ольгерд резким движением выдернул из голенища и передал боевому товарищу нож. — А ты, Сарабун, — прошептал он дрожащему лекарю, наблюдая как враги начинают сходиться, опасливо глядя на его саблю, — нам сейчас только обуза. Времени не теряй, сигай через ближайший забор. Выбирайся отсюда как хош, зови местную городскую стражу. Если прорвемся, то встречаемся на постоялом дворе.

Сарабун стоял без движения, глядя на Ольгерда круглыми как плошки глазами.

— Давай!!! — рявкнул что было сил Ольгерд, выводя компаньона из ступора.

Лекарь кивнул, рванул с места, словно ему выстрелили в зад солью и с проворством садового воришки скрылся за высоким, чуть не в два его роста, забором.

Ольгерд принял боевую стойку, выставив перед собой саблю и поигрывая острием на уровне глаз:

— Измаил, попробуй кинжалом достать того, что с кистенем. Он самый опасный. Потом, когда справишься, бей тех что с дубинками. А я пока поиграюсь в ножички… — Не успел он закончить фразу как из за плеча, крутясь в воздухе сверкнуло начищенное лезвие метательного ножа. Громила с кистенем, начавший уже раскручивать цепь над головой, охнул, переломился пополам, упал и засучил по земле ногами.

Второй и третий бросок египтянина были не столь удачным — один из нападавших со страху отскочил назад и нож ударился в него боком. Кинжал Ольгерда не был приспособлен для бросков, но все же нашел свою цель — второй громила выронил дубинку и завизжал голосом рождественского поросенка, хватаясь за торчащую из плеча рукоять.

"Осталось пятеро" — подумал Ольгерд и двинулся навстречу вооруженным ножами. Фехтовальщики из грозных с виду подручных злокозненного армянина, оказались что из крестьян канониры. Ольгерд сдвинулся влево, сделал ложный выпад и, дождавшись когда один из противников, неуклюже пытаясь защититься, взмахнул ножом, рубанул ему по предплечью. Подарок смоленского воеводы с честью выдержал боевое крещение — дамасская сталь без видимых усилий перерубила бугрящиеся мышцы до самой кости. Громила завыл, как пес на луну, метнулся в сторону, ударился в забор и упал.

Ольгерд почуял как в жилах, до мурашек в кончиках пальцев, быстро побежала с ходу разогнавшаяся в боевом азарте кровь. Третий налетчик прочитал у него в глазах свой приговор, закусил до крови губу и попятился.

"Ну уж проверять клинок, так по-полной" — подумал Ольгерд и, сделав широкий мощный замах, всем телом ударил врага наискось в основание ключицы. Прекрасно сбалансированая сабля попала именно туда, куда он целил. Клинок, вобрав в себя скорость замаха и немалый вес своего хозяина, вошел как в масло в плечо и, развалив грудину, почти отделил голову от тела. Не обращая внимания на брызнувшую фонтанами кровь, Ольгерд с силой втянул воздух ноздрями, наскоро оценил обстановку и, убедившись, что с его противниками покончено, обернулся к оставленному на короткое время схватки компаньону.

Нападавшие, надо отдать им должное, дубинками владели отлично. На рожон не лезли, двигались грамотно, умело используя свое численное превосходство. Пока Ольгерд сражался со своими противниками, они отжали египтянина к стене, окружили его с трех сторон и медленно сжимали кольцо, ожидая, с какой стороны откроется противник, чтобы нанести ему сокрушительный удар. Расстояние между Измаилом и налетчиками неуклонно сокращалось.

Ольгерд громко крикнул, отвлекая внимание на себя, но было уже поздно. Стоящий слева бандит, верно выбрав момент, взмахнул дубинкой, направив ее прямо в голову Измаилу.

— Нет!!! — закричал Ольгерд, представляя, как железное навершие крушит бритый череп и в стороны разлетаются окровавленные осколки… Он ринулся вперед что есть мочи, осознавая что ничего уже не сможет успеть, но вдруг наперерез ему метнулась серая безмолвная тень. Сбрасывая на ходу хиджаб, в громилу с разгону врезалась оставленная выкупленная из рабства девушка. Кажется, она назвала себя Фатимой из Буджака, припомнил Ольгерд, наблюдая за тем, как гибкая фигурка в легчайших шароварах из ярко-синего шелка и желтой короткой тунике, открывающей полоску смуглой кожи на животе, словно фурия подлетела к противнику и нанесла ему хорошо поставленный удар, который, без сомнения, сделал бы честь любому кулачному бойцу. Громила крякнул, громко выпустил газы и, нелепо взмахнув руками, грянулся оземь.

Благодаря неожиданной помощи удар, предназначенный египтянину, прошел мимо, дубинка лишь чиркнула по выбритой голове, однако и этого хватило с лихвой. Измаила отбросило к стене, он опустился на землю и затих, не проявляя признаков жизни. Дав нападавшему подняться на четвереньки, Ольгерд, подскочив, с размаху рубанул его по затылку.

Неожиданная подмога переломила ход схватки. Увидев, какая участь постигла их товарищей, оставшиеся налетчики, уже не помышляя о нападении, ринулись в разные стороны. Ольгерд заступил дорогу тому, что пытался проскочить мимо и безо всяких вывертов сунул острием сабли ему под бок. Дамасский клинок не подвел и тут, без помех вошел в тело, насколько хватило вытянутой руки. Громила испустил дух еще до того как его тело коснулось

земли. Единственный уцелевший скрылся за углом.

Ольгерд пошарил глазами по сторонам, ища, чем бы вытереть покрасневшую липкую саблю. Короткий переулок теперь напоминал бойню в разгаре дня — кровью было забрызгано все вокруг: лежащие вразброс порубленные тела, битая пылью усыпанная камушками земля и даже стены соседних дувалов.

Бывшая рабыня склонилась над Измаилом, тронула его голову, приложила пальцы к жилке на шее и, убедившись что египтянин жив, обрадованно кивнула Ольгерду.

Со стороны ворот донесся нарастающий топот множества сапог, часто перемежаемый звоном приготовленного к бою оружия и через несколько секунд из-за угла вывалило не меньше трех десятков вооруженных до зубов турок. Девушка вскочила, накинула сброшенный хиджаб, мигом превратившись из неукротимой фурии в обычную забитую женщину-мусульманку и в деланном испуге всем телом прижалась к стволу соседнего кипариса. Не обратив на нее ни малейшего внимания, блюстители городского порядка завопили все разом и ринулись на Ольгерда. Не дожидаясь когда его порубят на татарское азу, Ольгерд бросил на землю саблю и выставил вперед руки. Он дал себя связать и в окружении плотного кольца стражников был доставлен в генуэзскую цитадель.

Свидетелей того, что они защищались от подосланных убийц было достаточно, и местного суда он особо не опасался, выжил бы Измаил. Однако по прибытию сразу же выяснилось, что турецкая Фемида не отличается расторопностью. Никакого дознания не было и в помине: его завели в глухой угол крепостного двора, где в каменном полу чернела небольшая, в ширину плеч, дыра, укрытая железной решеткой. Сняв с пленника путы, стражники подняли решетку и, держа Ольгерда за руки, опустили его в черный провал.

Капитан Хашар

Караульный у крепостной калитки повозился с тяжелым навесным замком, вытянул ржавую дужку из массивной проушины, распахнул настежь створку и произнеся что-то одобряющее, толкнул Ольгерда в сторону выхода. За короткое время прошедшее после того, как его вытянули веревки из зиндана и выставили из крепости, Ольгерд едва успел привыкнуть к солнечному свету и теперь, борясь резью в глазах, пытался рассмотреть приближающихся к нему людей.

Первый из выросших прямо пред ним силуэтов заговорил голосом Измаила:

— Цел, литвин?

— Подождите, дайте мне его осмотреть, — перебивая египтянина из-под его локтя вывернулся маленький лекарь. — Все же четыре дня в тюрьме — не шутка. Вы не ранены, господин? Вас там не истязали, не морили голодом?

Ольгерд, наконец, привык к свету и наконец разглядел, что находится под стеной цитадели, вероятно противоположной той, которая примыкает к невольничьему рынку — рядом возвышались одни лишь дувалы. Кроме продолжавшего сыпать вопросами Сарабуна Измаила, бритую макушку которого украшал большой желто-синий кровоподтек, в переулке не было никого, за исключением двух ногайцев, держащих под уздцы лошадей.

— Не ранен, — скупо ответит Ольгерд- Голоден, раз в день бросали лепешку и спускали кувшин с водой, так что добрый шмат сала с горилкой сейчас бы с удовольствием сгрыз, но в голове от голода не темнеет. — Отмахиваясь от хлопочущего вокруг лекаря, как от надоедливой мухи, спросил. — И кто же это на нас напал?

— Армянин, торговавший девушку, был так разъярен, что послал гонца к капитану надвратной башни, чтобы тот перекрыл ворота. Это его двоюродный брат. За нами он отправил своих слуг и наскоро нанятых на базаре разбойников.

— Ясно, — усмехнулся Ольгерд. — Как твое здоровье? И ты, Сарабун, рассказывай, как сбежал.

— Со мной все в порядке, — ответил Измаил, потирая отметину, оставленную разбойничьей дубинкой. — Немного тошнило первый день, и голова кружилась. Но Сарабун нашел в здешних предгорьях какие-то корешки, быстро сделал настой и заставил пить. После этого стало намного легче.

— Если бы ваш друг позволил наложить повязку на голову, то он бы выздоровел гораздо быстрее, — пробурчал маленький лекарь. — Может быть вы ему объясните, госопдин, что ложное радение о мужеской красоте и забота о собственном здоровье — вещи не сравнимые. А со мной ничего страшного, проскочил несколько заборов так, что опомниться никто не успел, поплутал еще по кварталам, выбрался из города и пришел на постоялый двор, где уже были господин Измаил и… доктор смешался, покраснел и указал на нескладного татарчонка, который смутно напомнил Ольгерду кого-то очень знакомого.

— Так это же…

— Это Фатин, наш новый слуга, — скосившись на второго татарина, в котором Ольгерд с удивлением признал ногайца из охраны Темир-бея, перебил Ольгерда Измаил.

— Что еще за маскарад? — спросил Ольгерд.

— После того как тебя увели стражники она дождалась, пока я приду в себя и наотрез отказалась уйти. Если бы не она мы бы валялись на улице с проломленными черепами, уж я так точно, пришлось согласиться. Но не таскать же везде за собой девицу в мусульманском городе, вот Сарабун и предложил ее переодеть. Кстати, как тебе турецкий зиндан?

— Я думал, что "каменный мешок" — это просто слово из книжек, — скривился Ольгерд. — Ну да ладно, об этом как нибудь потом. Теперь ты мне расскажи, Как вам удалось меня освободить? Большую мзду с тебя взяли?

— Не поверишь, — развел руками египтянин, — но твое освобождение отнюдь не моя заслуга. Вернувшись на постоялый двор и уладив дела с Фатим… Фатином, мы стали думать, как тебя выручать. Фатин рвалась… рвался чуть не брать штурмом цитадель, Сарабун предлагал вечером подпоить стражу снотворным отваром, я же прикидывал кому и сколько платить. За этим занятием нас и застал этот уважаемый нукер, — он указал на ожидающего ногайца, — посланный Темир-беем. Как выяснилось, Темир, узнав о том, что в кровавой стычке, случившейся в городе, принимали участие те самые неверные, что дважды пытались с ним говорить, он приказал выяснить все подробности. Я поспешил к Темиру, после нашей беседы он отправился к местному паше, а нам велел ждать на постоялом дворе. На третий день к нам прибыл снова его посланник и сказал, что сопроводит к тому месту, где тебя выпустят из тюрьмы. И вот мы здесь, ты на свободе, а Темир-бей ожидает тебя в своей юрте.

— Что, прямо сейчас!? — Ольгерд с ужасом оглядел свой, пришедший в полную негодность за время сидения в зиндена наряд, ко всему еще и перепачканный разбойничьей кровью.

— Нет! — улыбнулся египтянин. — Нукер сказал, что бей ждет тебя на закате, так что время у тебя еще есть. Мы оплатили турецкую баню и приготовили новую одежду, скорее на коня и поехали отдыхать. Я чувствую, что тебе предстоит непростой разговор.

— А Фатин, что тоже с нами в баню поедет? — с тревогой спросил Ольгерд, наблюдая за тем как мнимый татарчонок вслед за ногайцем легко взмывает в седло.

— Нет, — рассмеялся египтянин. — Он подождет нас на постоялом дворе. А вот нукер, тот будет все время с нами. Мстительный армянин все еще на свободе, и бей приказал тебя охранять.

*** * ***

Свежая шелковая рубаха приятно щекотала чистую размякшую кожу. Турецкая баня, куда привез его Измаил была, конечно, не ровня лоевскому срубу с ядреной каменкой, где несложившийся его тесть, сотник Тарас Кочур, мог веником душу в пятки загнать, но после грязного узилища и она, со своим сырым, почти не горячим паром, пробивающимся сквозь дырки в каменных полках, показалась Ольгерду настоящим земным раем.

На сей раз в шатер ногайского бея он попал без проволочек — сопровождавший его ногаец что-то коротко сказал охранникам, несущим службу на входе и, приподнял тяжелый войлочный полог, приглашая войти. Внутреннее пространство, большое и полутемное, освещалось отверстием в центре купола. Оно же одновременно служило и дымоходом: под ним чернел обложенный камнем круглый очаг, вокруг которого по известному восточному обычаю были разложены ковры и щедро набросаны небольшие квадратные подушки. У очага на ложе из подушек полулежал ногайский бей. Темир кивнул Ольгерду и скупым жестом предложил устраиваться рядом с ним. Ольгерд опустился на ковер, подоткнул под себя подушки, которые на ощупь оказались плотными и упругими — были набиты не привычным пухом, а овечьей шерстью и осторожно, чтобы не оскорбить хозяина бесцеремонностью, огляделся вокруг…

Помня о прошлом посещении и девичьем смехе, доносившемся тогда из темноты, Ольгерд рассчитывал обнаружить в шатре одалисок, но внутри были только он и бей. А это означало, что разговор предстоит серьезный. Вблизи лицо грозного ногайца, чью орду проклинали все

польные украйны от Буга до Волги, казалось еще старше, но считать бея стариком не давали глаза, которые даже в полутьме шатра сверкали, словно у молодого барса.

Выдержав приличествующую паузу, Темир протянул Ольгерду глиняную плошку, до половины наполненную белой жидкостью:

— Пей! Кумыс. Хорошо с дороги, — Ногаец говорил по-русски правильно, но с заметным акцентом, от какого не могут избавиться даже те татары, что большую часть жизни проводят в московских и украинских землях.

О хмельном напитке из сброженного кобыльего молока Ольгерд слышал, но пробовать его до сих пор ему не приходилось. Кумыс оказался тягучим, резким и кисло-сладким. Он сделал глоток — в нос ударило, словно от ядреного кваса. Кумыс ему понравился и он с благодарностью кивнул. Темир-бей улыбнулся кончиками губ.

— Прими мою благодарность за спасение, — произнес Ольгерд, допив до дна и отставив плошку. — Я твой должник, Темир-бей. Но позволь все же узнать, зачем ты это сделал? Ведь днем раньше ты отказался нас выслушать.

Темир прищурил глаза:

— Чтобы суд над тобой был справедливым и беспристрастным, я преподнес в дар паше десять лучших галерных рабов своего ясыря. Причин этому несколько. После того как твой друг пытался ко мне пробиться, я наблюдал за тобой. Ты купил девушку, не славянку, а татарку, но не сделал ее наложницей, а освободил. Этот поступок поразил меня до глубины души, и я понял что таким образом Аллах, желая нашей встречи подает мне знак. Я послал вслед за вами своего слугу, чтобы он привел тебя и твоих друзей в мой шатер, но опоздал — меня опередил этот гнусный армянин, которого давно поря протащить по степи на аркане или просто посадить на кол. Остальное тебе известно.

— Какова же вторая причина, Темир?

— Я не пожалел времени и съездил на место стычки, пока еще не убрали трупы. И снова убедился, что тебя мне послал Аллах. Мне нужна твоя сабля, литвин.

— Сабля? — не понял Ольгерд. — Но мне не вернули ее после освобождения, да и не думаю, что она стоит больше десятерых невольников…

— Не старайся казаться глупее, чем есть. Твой клинок обошелся мне в двадцать золотых дукатов, я выкупил его у стражников, которые тебя доставляли в зиндан.

— Ничего не понимаю, Темир. Так чего же ты хочешь от меня в благодарность?

— Я думал, что ты уже понял меня, христианин. Я хочу взять тебя на службу.

Ольгерд нахмурился:

— И какова же служба у ногайского бея, который живет набегами на моих единоверцев? Разве у тебя в орде мало воинов-мусульман? Если ты этого от меня хочешь, то лучше сразу же возвращай обратно в зиндан. Ни веру свою, ни землю свою я не предам даже ценою жизни!

— Такого ответа я и ждал, — улыбнулся старик. — Не бойся, то что я тебе предложу не потребует от тебя предавать свою веру. Даже, отчасти, наоборот, ты сможешь спасти от казни несколько десятков христиан…

— Все еще ничего не понимая, Ольгерд пожал плечами.

— Ты вправе требовать благодарности. Но при всем при этом я не смогу стать твоим вассалом на всю жизнь. Потому что я должен исполнить то, ради чего искал с тобой встречи.

— Теперь настало время поговорить и об этом, — долив себе в плошку кумыс из большого кувшина, сказал Темир-бей. — Расскажи, зачем е я понадобился тебе и твоим друзьям?

— Ольгерд тоже долил себе кумыса, сделал три больших глотка. Спокойно, глядя бею в глаза, произнес:

— Филимон, слепой кобзарь, перед смертью рассказал нам о твоем племяннике, Дмитрии.

Я его ищу. Хочу знать то, что знаешь о нем ты.

Старый бей нахмурился, замолчал и долго сидел, устремив на Ольгерда тяжелый давящий взгляд.

— Что именно рассказал тебе слепец?

— Все, что он знал.

— Ты уверен в этом?

— Ему не было смысла что-то скрывать, потому что он был при смерти.

— Ты точно знаешь что он умер?

— Я сам опускал его тело в могилу.

— Он умер от болезни?

— Нет. От раны, которую нанес ему посланный Дмитрием убийца.

— Ты знаешь Дмитрия?

— Я встречался с ним трижды. Первый раз когда он убил моих родителей, второй — когда он взял меня в плен и бросил раненого в лесу, а третий — этой осенью в Киеве. Так все же ответь мне, бей, какую службу ты хочешь мне поручить?

Темир кивнул.

— Ты говоришь правду. Но я расскажу тебе все что знаю, только если ты дашь мне клятву верности. Служба тебе предстоит не подлая. Полсотни христианских солдат из разных стран, которые содержаться в Кафе под стражей, выразили желание купить свободу, совершив поход на Буг вместе с моей ордой.

— И с кем идете вы воевать?

— Одна из польских крепостей осаждена московитами. На помощь им идут запорожцы. Порта сейчас в союзе с польским королем, а ногайцы — вассалы Порты. Великий визирь Кепрюле, который правит от имени четырнадцатилетнего Мехмета, приказал нам прийти к стенам союзного города и снять с него осаду. Так что если тебе и придется скрестить сабли с христианами, это будет не набег, а честная война. Ну что, клянешься?

Ольгерд, соглашаясь, кивнул.

— Я твой должник. И я буду тебе служить. Где моя сабля?

Темир улыбнулся, вытянул откуда-то из подушек блеснувшие каменьями ножны, протянул по-солдатски, вперед эфесом. Ольгерд вытянул клинок на ладонь, поцеловал шершавую сталь:

— Клянусь, бей!

Удовлетворенно кивнув, старик-ногаец крикнул что-то в сторону закрывающего вход полога. Словно ожидая окрика, в шатер потянулись слуги и служанки с блюдами и кувшинами и начали накрывать дастархан. Уставив ковры ароматными яствами, слуги исчезли так же быстро как появились. Дождавшись, когда они снова останутся одни, Темир-бей хлебосольным жестом предложил гостю начинать ужин, сам же отправив в рот пару щепоток плова (данью вежливости тому с кем он разделил стол), начал рассказ.

*** * ***

— Наш род принадлежит к одной из ветвей прямых потомков великого Чингисхана. Сотни весен мои предки несут на копье бунчук беев ногайской орды. Но кровь Чингизидов с каждым поколением набирает все больший вес, потому мой отец возносил молитвы Аллаху, страстно желая, чтобы его сыновья смогли стать ханами одного из татарских царств. Но у отца не было сыновей. У него было много наложниц и только одна жена. В первые годы их жизни в одной юрте у нее рождались только девочки, из которых выжила лишь одна Агли. Я появился на свет,

когда старшей сестре исполнилось десять лет, а через три года мать, истощенная родами и болезнями покинула нас. Два года жизни Агли заменяла мне мать.

На пятый год моей жизни лагерь отца, выехавшего с небольшой охраной в степь на первую весеннюю охоту (он был страстный соколятник, да упокоит его душу Аллах), напала шайка пограничных бандитов. Бандиты: татары, русские, поляки — всякий сброд, что обитает в густых камышах ниже днепровских порогов, напали на лагерь ночью, перебили всех и увезли Агли с собой.

Отец, к счастью, был не убит, а только ранен. Чудом вырвавшись из лап смерти, он вырвал половину своей бороды, проклиная тот день и час, когда его любимая дочь уговорила взять ее на охоту. Мы ожидали, что вскоре в один из ногайских юртов прибудут гонцы неверных с предложением о выкупе — нужно быть очень безрассудным человеком чтобы держать у себя и тем более обесчестить дочь ногайского бея! — Но никто так и не появился. Теряясь в догадках, отец стал высылать лазутчиков в селения неверных, чтобы разузнать о том, кто из бандитов совершил это дерзкое нападение и почему он не дает о себе знать.

Миновало лето, пришла осень а потом наступила зима, но выяснить, кто на него напал и как сложилась судьба Агли, так и не удалось. Так и не оправившись от ран, да и от горя, отец, не дождавшись новой травы, отправился в Последнюю Степь а я, по приказу могущественного султана Порты, был отправлен в Истанбул, где обучался вместе с другими детьми знатных вассалов.

В тринадцать лет, получив образование в медресе и обучившись ратному делу у янычар, я вернулся в степь, чтобы принять на себя бремя власти над ногайским народом. Имея при себе ярлык светлейшего султана и три сотни лучших турецких воинов, я собрал наших мурз на курултай и потребовал чтобы мне возвратили отцовский бунчук.

Едва утвердившись в юрте ногайского бея, я, помня обещание, которое дал отцу лежащему на смертной кошме, продолжил поиски Агли. Мы совершали набеги на пограничные селения и жестоко пытали пленных. Вскоре один из них признался, что набег на отца совершил отряд известного своей жестокостью казака Герасима, зимнее стойбище которого пряталось в глубине речных зарослей. Раздобыв проводника, я посадил в седло отборных нукеров, и напал на это селение.

Если ты разговаривал с старым Филимоном, которого я приказал ослепить, то остальное тебе известно. Поиски мои завершились, но вместо сестры я обрел племянника, который был всего лишь на пять лет меня моложе. Я возвратился в Ор-Кепе, где проводил зимние месяцы, и дал сыну Агли все, что мог — учителей, наставников в воинском искусстве, ласковых наложниц. Но не прошло и года, как я пожалел, что взял его с собой и привел в свой дом. Жестокости Дмитрия не было пределов — он радовался когда ему удавалось причинить боль кому бы то ни было — слугам, рабам, домашним животным. Дружбы, как я надеялся, у нас тоже не получилось — мальчишка был настоящим волчонком, ни перед кем не раскрывал свою душу.

От Филимона, которого Дмитрий потребовал взять с собой, я узнал, кто был отцом моего племянника. Тут же в моей, еще горячей тогда, голове возникли далеко идущие планы. По матери Дмитрий был Чингизид, по отцу — наследник правителя Московского царства. И неважно было, что его отца низложили и объявили обманщиком — он был коронован, а это означало, что его потомки, кем бы он ни был на самом деле, отныне и навек получили право претендовать на трон. Великий Салах ад-Дин, сокрушивший крестоносцев, был внуком простого курдского воина. Сиятельный Бейбарс, привезенный в Каир в колодках из куманских степей, стал султаном-мамлюком и возвеличил свой род Берш на сотни лет. Памятуя об этом, я, уже представляя себя могущественным визирем при султане, который объединит под своей рукой Московское, Крымское, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, я ждал, когда в

пограничных землях вспыхнет очередной бунт, чтобы повести на Москву под знаменем внука Ивана Гордого большое войско татар и казаков.

"Что же, мысль, если с татарского боку, не такая уж и плохая, — вынужден был признать про себя Ольгерд. — Внук царя Иоанна, как ни крути, стал бы отличным предводителем для бунтарей, разбойники во все времена любят прикрываться самозванцами. К такому вот восстанию вполне могли бы примкнуть и многие бояре, недовольные твердой рукой Романовых…"

Несколько лет я вел тайные переговоры с казаками: запорожцами и донцами, — продолжал между тем старый бей. Я приглашал их к себе, дарил подарки и рассказывал о том, что далеко, в Порте, под рукою султана, живет законный московский царь. Самого же Дмитрия, боясь подосланных убийц, сообщникам показывать не спешил.

Одну из таких тайных встреч и подслушал, спрятавшись за ковром, мой племянник. Мне тогда исполнилось двадцать лет, ему же было только пятнадцать мы уже давно шли разными путями и лишь терпели друг друга. Через несколько дней после подслушанного разговора Дмитрий, молча свел у меня лучших коней, и ушел в степь, прихватив самых отчаянных джигитов.

— Ты слышал о нем потом? — спросил Ольгерд.

Темир-бей отпил кумыса из чаши и хмуро кивнул:

— Да, мне сообщали о его делах. Вначале я думал, что он решил пойти по стопам своего отца и, заручившись поддержкой одного из воюющих с Москвой королевств, получить воцариться в Москве. Но вскоре выяснилось, что над ним возобладали самые гнусные черты характера и мой неблагодарный племянник, не помышляя о троне, собрав шайку отчаянных головорезов, промышляет в лесах простым разбоем. Потом и эти слухи иссякли, словно пересохший источник. До сегодняшнего дня я думал, что он погиб.

— А знаешь ли ты о Черном Гетмане?

Темир бей пожал плечами:

— Это какой — то языческий фетиш, которому поклоняются казаки из старых родов, но точно я ничего о нем и не знаю. Многие верят, что его обладатель будет непобедим в бою. А почему ты меня об этом спросил? — вскинулся бей. — Ведь именно в тот раз, когда нас подслушивал Дмитрий, старый казацкий бей рассказывал мне эту легенду…

— Ты ошибся, Темир, — ответил Ольгерд. — Дмитрий не отказался от своих планов. Черный Гетман действительно существует, и твой племянник ищет его, проливая при этом реки крови. Он уничтожает всех, кто его знал в детстве. Он приказал убить Филимона, значит может подослать убийц и к тебе.

— Смерти я не боюсь, — покачал головой старый бей. — Солнце уже село, Аллах нас не видит, а значит самое время отложить все серьезные разговоры, хорошо поесть и позволить себе небольшие слабости, которые раскрашивают в яркие цвета тяжелую походную жизнь. Я долго жил и воевал вместе с казаками и научился ценить их любимую еду и питье. Мои кухарки умеют готовить многие ваши блюда.

Темир-бей отставил в сторону кумыс, взял в руки большой узкогорлый кувшин и стал лить прозрачную жидкость в маленькую глиняную чашку. В нос Ольгерду, дразня, ударил запах горилки. Он взял в руки протянутую чашку и уже совсем не удивился, когда на большом стоящим меж ними блюде под холстиной, откинутой хозяйской рукой, обнаружилось снежно-белое, с розовыми прожилками, сало…

*** * ***

Отужинав с Темиром, Ольгерд возвратился на постоялый двор. На вопросы компаньонов отмахнулся рукой: устал после темницы и тяжкого разговора безмерно. Рухнул в постель как убитый, спал так крепко, что его едва добудился утром посланный старым беем нукер. Ольгерд приказал слуге вылить на голову ведро ледяной воды, оделся, нацепив, невзирая на жару единственный свой парадный камзол, обвешался оружием для пущего виду и двинул в опостылевшую Кафу, принимать командование.

Загадочный отряд, о котором Ольгерду так ничего толком выяснить не удалось, располагался неподалеку от невольничьего рынка в большом подворье, окруженном со всех сторон глухой двухсаженной стеной с запертыми на засов воротами, которые охраняли вооруженные до зубов янычары. Ворота по приказу нукера открылись, и Ольгерд въехал в просторный двор, окруженный вдоль стен большими соломенными навесами. Под навесами, прячась от солнечных лучей, сидели, стояли и разгуливали шесть — семь десятков мужчин, наряженных в самые невообразимые лохмотья, словно какой-то могущественный шутник распорядился собрать оборванцев всех стран и народов Европы, от соседней Валахии до далекой Португалии. При их появлении все присутствующие, занятые по большей частью играми, кто в нарды, кто в кости, кто в шахматы, разом оторвались от своих занятий и вперили взгляды во вновь прибывших. Нукер что — то резко прокричал, указывая плетью на Ольгерда. Завернутый в обрывок когда-то белого плаща человек, переставил на шахматной доске фигуру, тихо сказал партнеру: "Шах!", поднялся на ноги и громко произнес по-французски:

— Мусульманин говорит, что этот вот казак (он произнес в нос "кассак", вложив в голос как можно больше презрительности) будет нашим капитаном!

Ответом на слова добровольного толмача был громкий нестройный гогот.

"Понятно, — подумал Ольгерд. — Мне поручено командовать плененным сбродом. Ну и службу сыскал мне Темир!". Он осмотрел толпу уже внимательным, оценивающим взглядом и изменил первоначальное мнение. Это были мужчины в полном расцвете сил, определенно не обозные возницы, а воины. Мало того, среди узников не было ни одного увечного и больного. Определенно здесь были собраны те, кто не смог себя выкупить и, ради свободы или денег, согласился воевать на стороне турецкого султана.

Ольгерд усмехнулся. Он, пришлый наемник без роду-племени, которому удалось держать в железном кулаке десяток ополченцев буйной литовской шляхты, не боялся за то, что ему не удастся их подчинить своей власти. Опасался за другое:

— Не разбегутся они в походе? — спросил он негромко у нукера.

— Куда? — искренне удивился тот. — Мы пойдем по степи, днем и ночью вокруг конные караулы. У наших джигитов быстрые кони. К тому же им всем за поход обещана свобода и жалование. Тот кто ищет добра от добра, оскорбляет Аллаха.

— Ну, коли так, езжай к бею, и доложи, что я приеду к нему через несколько дней.

Дождавшись, когда за нукером закроется створка ворот, Ольгерд тронул шпорой коня шпорой, так что тот недовольно всхрапнул и, красноречиво положив правую руку на рукоятку пистоля рявкнул, как умел, на французском наречии, которому чуть обучился еще в наемниках:

— А ну, весельчаки, марш на плац! Командир знакомиться с вами будет.

При этих его словах, толмач-мальтиец густо покраснел. Перехватив его взгляд, Ольгерд ухмыльнулся: "Вот сейчас и посмотрим, кто здесь "кассак"…"

Пленные воины, люди опытные, уловив в голосе новоприбывшего начальства командирскую сталь, не мешкая поднялись со своих мест и, высыпав, на палящее солнце, начали, толкаясь, изображать подобие строя.

Ольгерд со всей возможной лихостью соскочил с коня. Высмотрел в первой шеренге хмурого мужичонку, чьи кривые ноги выдавали привычку к верховой езде, кинул ему свой

повод:

— Отвести к воде, напоить, потом привязать в тени и возвратиться в строй!

Тот, безропотно кивнув, отправился выполнять приказание. Следующий, к кому обратился, был шуткарь-толмач.

— Кто таков? — спросил, подойдя вплотную.

Высокий черноволосый мужчина с правильными чертами лица, явно ожидал наказания за свою вольность, но четко, ответил:

— Анри Калье из Памплоны, лейтенант… бывший лейтенант корсо Суверенного рыцарского странноприимного ордена Святого Иоанна Иерусалимского на Родосе и Мальте. Командовал абордажным экипажем галеры "Канюк", попал в плен после боя с османским флотом…

— Мальтиец? — усмехнулся Ольгерд. — Наслышан. Сказывали, что мальтийцы отличные воины и моряки. Ну что же, раз ты сам себя в толмачи назначил, поможешь знакомиться с остальными.

Представление затянулось почти до вечера. Подчиненных у Ольгерда оказалось ровным счетом шестьдесят семь человек. Это был редкий сброд искателей удачи, которыми во все времена были богаты земли и воды, расположенные на границе двух вечно воюющих миров — христианства и ислама. Собранный отряд состоял из пленных, по большей части венецианцев (Порта вела с Венецией многолетнюю войну), наемников: германцев французов и испанцев, а также троих мальтийских корсар. Вторую половину "войска" составляли христиане-"добровольцы" с покоренных турками болгарских, греческих и валашских земель, в основном преступники, которым был предложен выбор между плахой и воинской службой.

Разделив отряд на пять десятков, в каждый из которых вошло от двенадцати до пятнадцати человек, он назначил временных командиров из тех наемников, чьи лица внушили ему мало-мальское доверие. Распределил разноязычных людей так, чтобы они худо-бедно понимали своих начальников и друг друга, своим заместителем он поставил мальтийца Анри, который оказался и самым старшим по званию и знал много наречий, разговаривать мог со всеми, кроме болгар и валахов.

О себе Ольгерд для пущей загадочности рассказывать ничего не стал. Предупредил, что по утру будет проверять воинскую выучку, гаркнул янычарам, чтоб открывали ворота и, поинтересовавшись напоследок, хорошо ли их кормят, убыл на постоялый двор, где, сгорая от любопытства, его ожидали компаньоны.

В подробностях пересказал весь разговор с ногайским беем, упустив разве что странное его отношение к запретам на вино и свинину. Скрепя сердце предложил Измаилу ехать в Вильно самому, однако тот наотрез отказался. Сарабуна Ольгерд гнать и не собирался: во-первых, куда он денется, во-вторых, толковый лекарь в тяжелом кровопролитном походе на вес золота. А в том, что рейд к стоящей по-над Бугом старинной и мощной крепости под названием Клеменец будет не увеселительной прогулкой, Ольгерд не имел и тени сомнений.

На следующее утро, собираясь на службу, открыв дверь комнаты, он обнаружил "татарчонка", про которого, положа руку на сердце, успел уже позабыть. Фатима, дремала, обхватив колени руками и прислонившись к косяку, н при его появлении во мгновение ока вскочила и вытянулась в струнку.

— Что ты здесь делаешь? — Мы дали тебе мало денег, чтобы добраться до дома? Я дам еще. Одевай обратно женское платье, накинь на голову, что тут у вас положено, и езжай!

— Ты дал мне свободу. Значит я сама могу решать что мне делать и куда отправляться. — своим низким, чуть с хрипотцой, голосом ответила девушка.

— Ты, конечно, права, — не мог не согласиться Ольгерд. — но позволь узнать, что же

именно ты решила?

— Стать твоим телохранителем.

Некоторое время Ольгерд молчал, тщетно пытаясь сообразить, как бы повежливее ответить этой сумасшедшей. В том, что у девушки от перенесенных испытаний помутился разум, он понял уже тогда, когда она ринулась в бой с подосланными громилами. Стараясь не обидеть спасительницу и побаиваясь, что ее помешательство может в любой миг перейти в буйство, Ольгерд осторожно ответил:

— Годится ли женщине воевать? Меч — не игла, а пищаль — не поварешка…

— В глазах у девушки сверкнул недобрый огонек.

— Султан Ибрагим и главный евнух его гарема так не считали.

— Ты хочешь сказать что была охранницей в султанском гареме? — Ольгерд, собравшийся было уходить, остановился и глянул на Фатиму совсем иными глазами. Или ее помешательство зашло так далеко или… — Ты можешь чем-нибудь подтвердить свои слова? И если ты жила в Стамбуле, то как оказалась на здешнем невольничьем рынке?

— Это долгая история, но если ты найдешь свободное время, я тебе расскажу обо всем. Что касается подтверждения моих слов…

В руке у девушки сверкнула сталь. Ольгерд отшатнулся и схватился за саблю, но Фатима, выставила открытую ладонь, мол, не нужно опасаться, развернулась и сделала едва заметное глазу метательное движение. Прятавшийся в рукаве нож несколько раз перевернулся в воздухе и со звонким "бзинь" вонзился точно в середину железного кольца, служившего ручкой входной двери.

— Ну и что с того? — стараясь внешне не выдать своего изумления, произнес Ольгерд. — Мало ли где ты научилась ножики бросать. Да и попасть могла случайно.

Второй нож врезался в дерево точно рядом с первым.

— И это тоже случайность? — Холодно осведомилась девушка.

Дверь в соседнюю комнату отворилась. На пороге стоял Измаил. Египтянин внимательно посмотрел на девушку, застывшую в боевой стойке, затем на торчащие из двери рукоятки ножей, одобрительно кивнул и лишь после этого обратился к Ольгерду.

— Прошу меня простить, но я слышал часть вашего разговора. Думаю, что наш Фатин говорит правду.

— Даже если так, чем я-то могу помочь? — буркнул Ольгерд.

— Мы идем в тяжелый поход. Твои солдаты, как ты их описал, мне не внушают доверия. Так что преданный человек, нам очень даже пригодится. А в хм… его преданности я не сомневаюсь. Решай, командир.

— Дашь лошадь, пусть едет с нами, — не скрывая недовольства объявил Ольгерд. — сегодня будем наших воинов на выучку проверять, вот и поглядим на что она способна.

*** * ***

Время смотра было определено еще с вечера, и когда Ольгерд в сопровождении компаньонов въехал на подворье, солдаты уже ожидали своего нового командира, толпясь под навесом.

— Хашар, — презрительно прошептал из-за спины Измаил.

— Это еще что? — не понял Ольгерд.

— В армии Чингисхана было принято набирать толпу пленников из местных жителей и пускать их на штурм крепостей впереди основного войска, — так же шепотом пояснил

египтянин. — Эта толпа и называлась хашар. — Ты только погляди на них, вор на воре. Если это войско выпустить разом в город, то через час-другой у жителей не останется ни одного кошеля. Не срежут, так отберут…

— Разные есть, — не согласился Ольгерд. — Конечно, и преступников хватает. Но их сюда, поди, отправили не за то, что у соседей кур воровали. Что-что, а нож-то держать все должны уметь. Впрочем, сейчас и проверим, кто на что горазд. Заодно испытаем нашего татарчонка… Эй, Фатин! На чем желаешь биться?

— Для начала, попробуем на шестах, — выехав вперед и внимательно оглядев пестрое сборище, которому египтянин прилепил хлесткое и обидное название, произнесла девушка.

Палки и шесты, предназначенные для использования в учебных боях вместо сабель, ножей и копий, были, по распоряжению Ольгерда, припасены заранее.

— Есть охотники для проверочки с моим казачком побиться? — спросил Ольгерд, — кто победит, получит талер наградных.

Мальтиец Анри перевел. В строю загоготали и в сторону тонкой фигурки "казачка" стали показывать пальцем. Вскоре из толпы, раздвигая плечами соседей, вышел жилистый, загорелый как мавр человек.

— Это генуэзский копейщик, его зовут Франческо, — пояснил Анри. — Драться с ним бесполезно, пикой и шестом владеет в совершенстве. Он и в плен-попал из-за пулевого ранения.

Ольгерд вопросительно глянул на девушку, мол не поздно еще отказаться.

— Пусть будет генуэзец, — бесцветным голосом произнес "казачок" и соскочил с коня.

Франческо скинул плащ и башмаки, подхватил шест, вдруг весь сгорбился и мягко, по-кошачьи, стал обходить противницу полукругом. Девушка повела глазами по земле, рыскнула вниз, схватила валяющуюся палку. Противники начали, глядя друг другу в глаза, сходиться кругами. Генуэзец держал шест прямо перед собой двумя руками, Фатима сжимала оружие в левой руке, перехватив посредине. Противники с треском сошлись и завертелись, кружа друг против друга, словно бойцовые петухи. Шест генуэзца свистнул, разрезая воздух но попал в пустоту — девушка стремительно сместилась на шаг, и ткнула концом своего шеста в открывшийся бок противника. Генуэзец крутанулся на месте и чудом ушел от прямого тычка в грудь. У распахнутых ворот подворья начали собираться зеваки. Схватка завершилась после того как конец палки уперся в жилистую шею чванливого копейщика.

— Ты хороший боец, — сказала девушка, потрепав по плечу чуть не плачущего от обиды противника. — Но твой учитель знал слишком мало. Если ты будешь честно нести службу и слушаться капитана, я преподам тебе несколько своих уроков…

Генуэзец обрадованно закивал и поспешил нырнуть под навес. Сразу же на утоптанную площадку выскользнул молодой худосочный парень с длинной щепкой, которую он держал словно разбойничий нож — острием к себе.

Новый противник был явно из городских преступников: передвигался рывками, совершая при этом пугающие, резкие и непредсказуемые движения. Не было сомнений, что заостренный обломок дерева в его руках — смертельное оружие. Однако девушку он смутил не больше чем побежденный предшественник. Фатима, не отводя взгляда от дерганого человека, бросила на землю шест протянула в сторону руку и, дождавшись пока кто-то из добровольных помощников вложил в нее учебный деревянный кинжал, без лишних движений ринулась вперед.

Подробности этой схватки зрители не смогли оценить — движения двух тел были столь проворны, что разобраться в происходящем со стороны было просто невозможно. Но в том, кто вышел из нее победителем, не было ни малейших сомнений. Примерно через минуту стремительного, как ветер, танца теней, до затаивших дыхание зевак донесся сухой треск и громкий вопль — одна из теней отпрыгнула в сторону и оказалась Фатимой. Ее противник

(Ольгерд, наконец, вспомнил, что это валах, пойманный за разбой в самом Стамбуле) стоял, бросив в пыль свой "нож" и тряс ушибленной рукой, не в силах сжать скрюченные от точного удара пальцы. Зрители взревели.

— Продолжим? — осведомилась девушка.

— Хватит!. - отрезал Ольгерд. — не время для скоморошьих плясок, мне нужно из этого, как Измаил сказал, хашара, воинский отряд сделать в считанные дни. Так что мы сейчас займемся вещами попроще, будем учиться в строю сражаться, а ты пока что езжай обратно, а то на тебя уже ставки делают. — В подтверждение своих слов Ольгерд махнул рукой в сторону зевак. Вечером, как вернусь, будем думать, что делать с тобой.

— Так не пойдет, капитан, — нахмурив лоб ответила девушка. — Я тебе не наложница, которая будет сидеть в четырех стенах и безропотно ждать своего хозяина. Ты должен все решить здесь и сейчас. Давай проведем третий поединок, для азарту с большой денежной ставкой. Твоей милостью у меня есть талеры, я поставлю их на себя. Если побеждаю — берешь меня с собой, если проигрываю — ты меня больше никогда не увидишь.

— Соглашайся, компаньон, — усмехнулся Измаил. — Иначе она, чтобы доказать свое мастерство, перекалечит все твое воинство.

Ольгерд нехотя кивнул. Анри объявил о том, что оруженосец капитана вызывает на несмертельный бой любого, кто пожелает и ставит на себя пять талеров. Зрители оживились, в руках у многих при этом засверкало золото и серебро. Пока желающие делали ставки, наемники, посовещавшись в кругу, вытолкнули в круг своего бойца.

На сей раз противником девушки оказался здоровый как бык грек, головы на две выше татарки и раза в три шире ее в плечах. Бой был объявлен на кулаках. По праву старшего Ольгерд дал сигнал к началу и грек, под ободряющее улюлюканье толпы, сразу пошел вперед, выставив на уровне плеч пудовые кулаки, перемотанные полосами кожи.

— Это мне напоминает библейскую историю про Давида и Голиафа, — счел нужным высказаться египтянин. — Будем надеяться на ее ловкость и быстроту — если он ее хоть заденет — девушке не жить.

Голиаф ударил. Фатима, отстранившись ровно настолько, чтобы не попасть под огромный кулак, нырнула вниз под противника, ткнула ему под дых рукой и шустро отскочила в сторону. Голиаф мотнул головой, попытался ударить снова, но вдруг нелепо качнулся и, закатив глаза, хряпнулся всей своей тушей в поднятую над землей пыль.

Над двором повисло растерянное молчание.

— Господи Иисусе! — обозвался молчавший до сих пор Сарабун. — Такого я не видел даже у лучших лекарей. Эта… этот воин смог на глаз определить, где у него находятся почки, что редко удается сделать на ощупь даже опытнейшим целителям, и нанес удар точно в их основание. Немудрено, что противник потерял сознание, от такой боли у любого сразу же темнеет в глазах…

Поставившие на Фатиму зеваки восторженно завопили. Ольгердов "хашар", откровенно опасаясь продолжения поединков, угрюмо молчал.

Пока Ольгерд принимал окончательное решение, к девушке подошел богато одетый человек и начал что-нашептывать ей на ухо. Выслушав его, Фатима отрицательно мотнула головой, в ответ на дальнейшие уговоры вскинула руку и что-то угрожающе пробормотала. Того как ветром сдуло.

— Кто это был? — спросил Ольгерд

— Этот сын лисы и шакала держит на базаре шатер, где показывают кулачные бои, — ответила девушка. — Предлагал большие деньги за то, чтобы я у него выступала. То есть выступал.

— И что?

— Ответила, чтобы он шел к большому фонтану и любил сам себя в кулак, пока я не лишила, то есть лишил его мужского достоинства. Мое воинское искусство не продается для шутовства.

Ольгерд покачал головой, занял отдельный командирский навес и, не говоря ни слова, указал "казачку" на место слева от себя. Фатима, не скрывая радости, кивнула, села, скрестив под собой ноги, и замерла китайской фарфоровой статуэткой.

Поединки, как это и бывает среди отчаянных голов, для которых авторитетом служит лишь воинская доблесть да полководческая удача, окончательно растопили лед между Ольгердом с его компаньонами и и христолюбивым воинством, согласившимся стать под зеленое знамя ислама. Вновь назначенные десятники, которых ради для пущей важности Ольгерд приказал величать по-мальтийски, лейтенантами, взялись муштровать своих подчиненных не за страх а за совесть, так что уже к концу первого дня даже далекому от воинских дел Сарабуну стало ясно, что под рукой литвина оказалось пусть небольшое, но вполне боеспособное войско.

Ближе к закату на подворье как бы проездом заглянул Темир-бей. Поглядел, как под руководством генуэзца отряд отрабатывает перестроение в пешем копейном строю из двух в четыре шеренги, поцокал языком. На требование Ольгерда выделить отряду походных лошадей — по одному коню под седлом на человека и еще десяток вьючных для обоза, согласно кивнул.

К концу следующего дня, когда Ольгерд стал по одному десятку выводить своих солдат за стены крепости, чтобы проверить конную выездку, за ним среди наемников, а вслед за ними у крымчаков, ногайцев, разноплеменных горожан и турецких хозяев Кафы, окончательно закрепилось странное прозвище "Капитан Хашар".

Мальтиец Анри, быстро ставший правой рукой Ольгерда, невзирая на свое корсарское прошлое, оказался человеком не только сведущим в военном деле, но и отлично разбирающимся в тонкостях европейской политики. Он и открыл глаза на подоплеку происходящих событий, о чем умолчал Темир-бей.

С того времени, когда ольгерд защищал от московитов Смоленск, много изменилось. Шведы вторглись в коронные земли Польши и заняли почти все города, включая древнюю столицу, Краков и новую, Варшаву. Дни Речи Посполитой по всеобщему мнению, были сочтены — московский царь принял под свою руку казаков и завоевал Литву, от Смоленска до Вильно, а сейчас его генералы, усиленные полками новых хозяев Украины и Полесья, запорожцев, сражаются с коронными войсками в Подолии. Великий визирь Порты, правящий от имени малолетнего султана, рвет волосы у себя под мышками, проклиная недальновидных советников, порекомендовавших разорвать военный альянс с Хмельницким и выступить на стороне Польши — Османская империя не сможет поучаствовать вместе с Московией и Швецией в разделе этого жирного пирога.

Польский король, чья армия тает с каждым днем, умоляет Стамбул о военной помощи, но визирь ведет себя мудро. Для начала он решил отправить в Подолию ногайцев, известных своей необузданностью. При этом союзники не смогут сетовать на то, что Порта не выполняет условий договора, а Темир-бей, оказавшись в центре боевых действий, сможет поступить так, как сочтет нужным. К примеру спровоцировать стычку с коронными войсками и развязать руки Стамбулу.

— Наш отряд, — объяснял Анри, — это ответ визиря на просьбу ногайского бея, который, понимая что ему придется воевать с хорошо подготовленным войском в холмистой, труднопроходимой для конницы местности, попросил усилить легкую конную орду турецкой тяжелой пехотой. Янычар визирь, конечно, не дал, но направил в Кафу этот вот наш хашар, который, впрочем, в бою немногим уступит знаменитым турецким воинам. Обычно пленных в

таком случае принуждают принять ислам, но в нашем случае то, что в составе корпуса есть христианский отряд, и визирю и Темиру только на руку…

*** * ***

Вечером того же дня за ужином Фатима рассказала наконец Ольгерду, Измаилу и Сарабуну свою историю.

— Я родилась в Буджаке. Точнее — в предместье крепости Измаил, где мой отец, бывший личный охранник великого визиря, уйдя со службы, получил большое поместье. К тому времени когда отец смог обзавестись домом и семьей, он уже был в преклонных годах. Он повидал мир, знал сильных мира сего, участвовал в дворцовых делах и был человеком богатым, потому единственной мечтой его было вырастить сыновей, которые могли бы продолжить его дело и нести службу при визирях и султанах. Потому шесть девочек, рожденных от четырех жен, он расценил как наказание Аллаха. Отец был человеком упорным. Отчаявшись обзавестись сыновьями, он решил готовить в телохранители дочерей.

— Кому же нужны телохранительницы? — усомнился Ольгерд. — Мужчина-мусульманин вряд ли позволит, чтобы его охраняла женщина, а в гаремах, насколько я слышал, охрану несут евнухи.

— Фатима права, — ответил за девушку Измаил. — Еще Великие Моголы, правители Индии, брали для охраны своих гаремов специально подготовленных женщин. С тех пор в мире ислама женщины-телохранители пользуются большим спросом.

— Так и вышло, — кивнула девушка. — В любом серале есть такие места, куда мужчине, даже оскопленному, вход закрыт. После нескольких лет учебы, отец, передав мне все секреты и тонкости своего непростого ремесла, через давних друзей устроил назначение в личную свиту любимой жены султана Ибрагима.

— Ибрагим Первый? — уточнил Измаил. — Не тот ли, которого задушили его же охранники-янычары?

— Именно так. Но в ту ночь я вместе с госпожой находилась в дальних покоях, к тому же защита султана и не входила в круг моих обязанностей…

— Я слышал об этом Ибрагиме, — кивнул Измаил. — Жестокий сластолюбец и тиран, по глупости притеснявший янычар и обложивший данью духовенство. Его ненавидели все, от крестьян до его собственных жен.

— И что же с тобой произошло после дворцового переворота? — Ольгерду не терпелось услышать конец истории. — Как ты оказалась на невольничьем рынке?

— Преемником Ибрагима стал шестилетний Мехмет — он был сыном не от законной жены, а от наложницы, потому законные жены убитого Ибрагима для воцарившихся в гареме матери и бабушки малолетнего султана представляли серьезную угрозу. По обычаю моя госпожа, вместе с другими женами убитого султана, были переселены в дальний сераль, где должны были оплакивать почившего господина до конца своих дней. Жизнь в четырех стенах невыносимо скучна, а жены Ибрагима были юными горячими женщинами. Можно ли их винить в том, что они попытались скрасить свои дни, развлекаясь с юношами, которых тайно проводила в сераль преданная охрана, — Фатима потупила глаза.

— Все ясно, — усмехнулся Измаил. — Со временем твоя госпожа потеряла осторожность, и о ваших проделках донесли "вдовствующей султанше", которая не преминула воспользоваться этим, чтобы устранить возможных конкуренток, ведь у некоторых законных жен Ибрагима были дети.

— Именно так, — кивнула девушка. — Янычары долго следили за пробирающимися в сераль гостями, наконец устроили на них настоящую облаву и застали нескольких бывших жен, в том числе и мою госпожу, в разгар любовных утех. Пойманных мужчин посадили на кол, в назидание остальным, прямо во внутреннем дворе. Обвиненных в прелюбодеянии женщин задавили шелковыми шнурками и тела их, завернутые в мешковину и с пушечными ядрами в ногах, бросили со стены в воды Золотого Рога. Охранникам, которые проводили мужчин в сераль, просто отрубили головы. Прочих, дабы они не смогли рассказать о случившемся, лишили языков и отправили на невольничьи рынки по всей Порте — от Каира до Кафы. Меня же спасло то, что мой отец в молодости служил под началом нынешнего великого визиря и в свое время спас ему жизнь. Но положение самого визиря было шатким и все, что он мог сделать в память о недавно умершем отце — это сохранить мне язык и продать в Кафу…

— Удивительная история, — покачал головой Сарабун. — Попади она в уши какому-нибудь любителю книгописания, получилась бы занимательнейшая повесть.

— Жизнь изобилует самыми поразительными историями, которые и не снились господам сочинителям, — улыбнулся в ответ Измаил. — и наша новая спутница — не исключение.

*** * ***

Бесконечная черная колонна стремительно шла на северо-запад. Татары двигались строем по шесть подпруг в ряд, скорой походной рысью, останавливаясь ненадолго, не разжигая костров и не разбивая палаток лишь для того, чтобы дать отдых лошадям — накормив, вычистив и дав облегчиться животным, от которых целиком зависела судьба стремительного рейда, ногайцы наскоро утоляли голод сушеным суджуком из копченой конины, заев его нанизанными на нитку орехами в высушенной виноградной патоке и запив водой из кожаных бурдюков и продолжали движение. Таким же походным рационом обеспечивались на общих основаниях и христиане, но Измаил, добровольно возложивший на себя обязанности отрядного интенданта, для наемников, которые, в отличие от татар, тяжело выносили отсутствие хлеба, еще в Кафе озаботился прихватить во вьючный обоз несколько мешков лучшей муки и пользовался любой возможностью, чтобы обеспечить "хашар" лепешками которые положа руку на сердце, больше напоминали пресные церковные просфоры.

Для непривычных к длительным конным переходам европейских пехотинцев поход оказался настоящим испытанием, едва ли не хуже турецкой тюрьмы. Ольгерд голос сорвал уже в первый день, заставляя своих людей держать хоть подобие строя. Непривычные к многочасовой тряске многие наемники уже на второй день пути, натерев до крови промежность, едва держались в седле. И здесь оказался на высоте Сарабун. Лекарь, сам чуть живой, не давая себе отдыха на привалах, рыскал по желтой осенней степи, выискивая одному ему известные корешки которые перетирал в мелкую кашицу и смешивал с разными снадобьями, изготавливая мазь, которая успокаивала боль и быстро заживляла потертости.

На третий день пути ногайская орда вышла к Днепру, который в своем нижнем течении, прежде чем разлиться в безбрежный лиман, делился на два рукава: основное русло и приток Иль-Кысу, Конские Воды, которые оказались неожиданно узкими, саженей в триста если не двести шириной. Лучшего места для переправы большим войском было не найти. Татары переправлялись через водную преграду вместе с лошадьми сразу целыми отрядами. Каждый из всадников наполнял воздухом бурдюки, связывал, клал поверх них седло, сагайдак и вьюк и, держась за лошадиную гриву одной рукой, а другой придерживая привязанный на веревке надувной плот, плыл к правому берегу.

Переправа заняла полных два дня, так что у Ольгерда и его отряда, который переправился через реку в первых рядах, появилось время для отдыха. Осень в нижнем течении Днепра была довольно холодной, и чтобы не потерять бойцов от болезней Ольгерд, испросив разрешения у Темир-бея, приказал разбить палатки и готовить на огне горячую уху, благо, речные заводи были полны разнообразной рыбы, а посланным в степь охотникам удалось подстрелить дикого коня-тарпана.

Пир продолжался и после заката. Осоловевшие от обильной еды генуэзцы, рассматривая, как все татары во главе с Темир-беем, опустившись на коврики, сотворяют намаз, лениво жаловались на отсутствие вина и сетовали на то, что их в походе не сопровождают, как принято, маркитантки… Тут же разговор, как в любой армейской компании, перешел на женщин. Ольгерд шел от костра в сторону приготовленной для него командирской палатки. В спину ему несся хриплый гогот, которым сопровождалась история очередного рассказчика, но он не вслушивался в слова. Воспоминания об Ольге вдруг нахлынули на него, смывая суету последних месяцев. "Разузнал ли Тарас про прежнего владельца поместья?" — думал он, откидывая полог — "нужно будет, если жив останусь, письмецо в Лоев послать…"

Разглядев в колеблющемся свете масляной лампы приготовленную постель — овчину, подстеленную сеном и валик вместо подушки он вдруг понял, насколько устал за последние дни. Скинув верхнюю одежду и едва положив голову на колючий твердый войлок он, словно в яму, упал в глубокий нечуткий сон, столь крепкий, что не заметил, как, чуть приподняв краешек полога, в палатку вползает гибкая неслышная тень.

Очнулся он от легкого, почти неощутимого прикосновения. Раскрыв глаза, протянул руку к краю походной постели, туда, где лежал заряженный пистоль, увидел как чья-то рука тянется к лампе, прикручивая фитиль. Палатка погрузилась во мрак. Он нащупал пистоль и ощутил уже металлический холод курка, когда на руку ему, не давая поднять ствол, легла узкая горячая ладонь.

— Молчи, — раздался у самого уха жаркий девичий шепот.

Рука отпустила пистолет, на фоне просвечивающих сквозь ткань палатки отблесков костра поднялась стройная фигурка и до ушей ольгерда донеслось шуршание ткани. Фатима, а это была она, скинула через верх рубаху, раздернула завязки шелковых шаровар опавших с ее бедер, словно змеиная шкура. Переступив через раскиданные по полу вещи, девушка на цыпочках подошла к лежанке и опустилась перед Ольгердом на колени. По рубахе забегали нетерпеливые пальцы.

— Не нужно этого, Фатима! — прохрипел Ольгерд пересохшим вдруг горлом. — Не должен я этого. Есть у меня…

— Сейчас у тебя есть я, — отвечала девушка, бесцеремонно седлая лежащего на спине Ольгерда. — Ты сам назначил меня своей телохранительницей, и мне решать, как хранить твое тело. А оно сейчас нуждается в женской ласке. И, видит Аллах, будь ты хоть четырежды женат и верен всем своим женам, сегодня ты получишь ее сполна.

Амазонка чуть взрыкнула, словно диковинный зверь-леопард, виденный в одном из польских замков, и заиграла бедрами, сползая все ниже и ниже, пока у Ольгерда не потемнело в глазах. Поначалу он, хоть и слабо, но пытался противостоять сладкому девичьему напору, но вскоре разум, тщетно силившийся напомнить об Ольге, позорно отступил перед напором изголодавшейся плоти. Ольгерд утробно застонал, сжал девушку в железных объятиях и, перевернувшись, подмял ее под себя. Два тела слились в одно.

Фатима знала толк в любовных утехах — отдавалась ему щедро, но вместе с тем и умело, всемерно ублажая своего капитана, но не забывая при этом и о себе. Ее тело оказалось не таким уж угловатым и костлявым, каким смотрелось мужской одежде, а грудь, раньше скрытая под

рубахой и кожаным татарским доспехом, большой и округлой.

Получив статус "казачка-ординарца при особе капитана Ольгерда" Фатима, закрепляя отвоеванные позиции категорически заявила что охранение бесценного командирского тела с этого момента ее и только ее обязанность, а что на сей счет думают остальные, ее совершенно не волнует. Она потребовала, чтобы Ольгерда переселили в комнату с небольшим предбанником на входе и расположилась в нем, укладываясь по ночам под порогом, так что в командирские покои никто не мог проникнуть незамеченным.

Перед рассветом они оба настолько обессилели, что чуть было не заснули. Фатима пристроилась рядом с Ольгердом, свернувшись калачиком и положив ему голову на плечо. Сомкнула веки, ровно задышала, потом вдруг развернулась как скрученная пружинка, забормотала какие-то турецкие ругательства, во мгновение ока вползла обратно в разброшенную одежду, выскользнула из палатки и заняла привычное место поперек входа, будто бы ничего меж ними и не было.

Из-за тонкой ткани донеслись гортанные голоса — татары начали сворачивать лагерь. Нужно было готовиться к выступлению. Ольгерд натянул сброшенную ночью рубаху, проверил оружие и потянулся к переметным сумкам. Когда рылся в вещах, на пол выпал купленный в Киеве перстень. Он поднял его, положил на открытую ладонь, задумался. Венецианский лев недобро сверкал рубиновыми глазками, топорщил гриву, словно не одобряя произошедшего ночью. " Не дело это, — подумал, соглашаясь со львом, Ольгерд. — Ольга мне, конечно, не жена и, по большому счету даже не невеста. Но ведь слово я ей дал". Припомнился вдруг ему сон, что видел после того, как они с Ольгой в любецком лесу пережидали грозу. Что ворон тогда прокаркал? "Любви и счастья захотел, беспритульный? И не надейся! Род твой проклят до тех пор, пока не встретится на твоем пути Черный гетман!!!" Похоже что сон тот был не простым. Вещим. А раз так, то остается ему одно: идти вперед и исполнять завет, чтобы снять, наконец, с себя и со всего дома Ольговичей тяжкое родовое проклятие.

Рассматривающим выложенное на ладонь кольцо его застала впорхнувшая внутрь Фатима. Подкралась неслышно, схватила украшение, мигом пристроила себе на палец, поиграла им на свету:

— Дорогая вещь, господин. Такие перстни, взятые в бою на венецианских галерах, султан дарил женам и наложницам за ночь любви. Отдай мне его! Или не хороша я была?

— Куда как хороша, — кивнул Ольгерд. — Перстень забери, заслужила. Но знай, что бы ни было, сердце мое принадлежит другой.

Фатима рассмеялась:

— Сердце твое можешь дарить кому пожелаешь, мне же нужно совсем другое. Да и тебе тоже.

Бесцеремонность бывшей гаремной охранницы смутила Ольгерда, и без того раздерганного последними событиями настолько, что он замолчал, не находя слов.

— Не показывай никому, — только и смог он, что попросить. — Друзья мои видели, как покупал. Прознают, горя не оберешься.

Девушка понимающе кивнула, стянула вытребованный подарок с пальца и ловко пристроила на шею, вдев петлей в тонкий кожаный шнурок.

Ольгерд вышел наружу и рысцой побежал к Днепру — Темир-бей спешил продолжить поход, лагерь уже начинал сворачиваться, и на то, чтобы привести себя в порядок оставалось совсем мало времени.

На обратном пути ему встретился возвращающийся с ночной охоты Сарабун. Хлопотливый лекарь пользовался любым случаем, чтобы пополнить свою походную аптеку и вот теперь радостно сжимал обеими руками большую стеклянную посудину, в которой, извиваясь, плавали

свежепойманные пиявки.

Случившиеся рядом два генуэзца с седлами в руках уставились на лекаря выпученными от удивления глазами.

— Ля минетта? — тыкая пальцем в банку спросил один у второго. Его спутник, соглашаясь, кивнул и добавил что-то, явно скабрезное. Оба похабно расхохотались.

— Чего это они? — Удивился Ольгерд.

— Ля-минетта это по-италийски и есть пиявка, — шепнула незаметно зашедшая за спину Фатима. — Только они у себя так называют не только водяных кровососов, но и одну женскую проделку…

— Что еще за проделка? — без задней мысли спросил Ольгерд

Фатима хихикнула:

— Ты храбрый воин и отличный командир, но совсем неопытен в любви. В гареме у светлейшего султана была наложница-флорентинка, она и обучила этой забаве всех остальных. На следующем привале я тебе покажу…

— Не отвлекай от дел! — рявкнул Ольгерд в ответ. — Не в гареме теперь, поди, служишь…

Мигом позабыв про игривость, девушка кивнула и обратившись в привычного казачка-татарчонка, тут же исчезла с глаз.

Лагерь снимался на глазах, времени оставалось совсем мало, а нужно было еще проверить самолично всех лошадей, оружие и доспехи. Откинув все мысли, не касающиеся командирских обязанностей, Ольгерд с головой погрузился в привычные дела. Не прошло и двух часов, как отдохнувшие кони понесли татарское войско вперед. Гази, отборные воины Крыма, шли к Буджаку, чтобы соединиться с ногайской ордой. Оттуда сборный татарский корпус, волею светлейшего султана Порты подчиненный Темир-бею, должен был отправиться в Подольское воеводство, где стрельцы князя Урусова уже третий месяц осаждали польскую крепость Клеменец.

*** * ***

К невыразимому облегчению разрывающегося на части Ольгерда и нескрываемому неудовольствию Фатимы, Темир-бей не устраивал больше ночных стоянок. Татарские разъезды, двигающиеся впереди основных сил, безжалостно вырезали всех, кто встречался им на пути, так что о том, куда движется ногайская орда, жители украинских и подольских земель не знали. Стража нечастых пограничных засек при виде татар поджигала просмоленные соломенные снопы, передавая вглубь страны сигнал о нашествии, но это было неважно. Следуя вдоль уводящего на запад каменистого русла реки Буг, ногайцы скользили вдоль границ Речи Посполитой, не останавливаясь на грабежи.

К намеченной цели вышли на шестнадцатый день пути, на самом рассвете. Клеменец, о котором Ольгерд был наслышан еще по воспоминаниям стариков о походах гетмана Конашевича, ломая линию горизонта, вздымался над скалистым берегом огибающей его с трех сторон реки, узкое, покрытое бурунами русло которой образовывало нерукотворный ров. Посуху к крепостным стенам можно было добраться только с западной стороны, преодолев затяжной и довольно крутой подъем, растянувшийся едва не на полверсты и полностью расчищенный от деревьев, где любой приближающийся к воротам для посаженных на стене стрелков был мишенью не многим труднее выпущенного на скошенный луг фазана.

Однако преимущество положения города было также и его недостатком. Для тех, кто желал держать Клеменец в осаде, достаточно было запереть его только с одной стороны, что,

собственно, и произошло — в безопасном удалении от стен стоял укрепленный земляными валами лагерь, а в перелесках вокруг скалы, на которой стояла крепость мелькали стрелецкие кафтаны.

— Что скажешь, литвин? — спросил Темир-бей. После того как разведчики доложили о приближении к городу, он немедля послал за Ольгердом и не отпускал его от себя.

— Под стенами стоит московитская пехота, — присмотревшись повнимательнее, ответил Ольгерд. — пушек у них нет, иначе бы башни и ворота были разрушены. Вот когда артиллерию подвезут, осажденные сами флаги опустят.

— Что-то еще?

— Это не полки иноземного строя, а стрельцы. На гористой местности твоим легким конникам в прямом бою с ними не совладать: поставят строй, тех кого из ружей не снимут, насадят на пики.

Бей кивнул, соглашаясь.

— Возвращайся к своим. Мы распылим силы московитов а вы, по моей команде пойдете в пешую атаку и захватите их лагерь. Если у тех поляков, что сидят в замке, есть рейтары, способные сделать вылазку, то мы возьмем их в капкан.

Вернувшись к своему "хашару" Ольгерд первым делом собрал вокруг себя ближний круг — Сарабуна, Измаила и Фатиму.

— Все трое без разговоров в обоз, — решительно заявил он. — Полевое сражение не кабацкая драка, там ваши умения без надобности, только хлопот добавите. В поле побеждает не тот, кто в поединке ловок, а тот, кто строй крепче держит, да ружье скорее заряжать обучен…

Фатима под нос заворчала, Измаил с Сарабуном подчинились беспрекословно — в бою приказ командира свят.

Татары пошли в бой прямо с ходу — походная колонна разделилась на три части, каждая из которых, окружая позиции осаждавших, рассыпалась в редкий строй. Ногайцы поступили мудро: не подходя на расстояние прицельного фузейного боя носились взад-вперед, осыпая противника стрелами.

Пока ногайские конники раздергивали московитов, Ольгерд собрал своих лейтенантов, объяснил им поставленную беем задачу. Особую надежду он возлагал на собственных "егерей" — у татар, не жаловавших огнестрельное оружие, он получил всего двенадцать старых фузей, которые выдал лучшим стрелкам поставив их под начало неразговорчивого валашского браконьера, который легко попадал с двадцати шагов в подкинутый серебряный талер. Теперь его "егерям" предстояло подобраться в общей суматохе поближе к лагерю и перестрелять охрану, расчистив путь пикинерам. Убедившись, что отряд готов к штурму, Ольгерд вместе с мальтийцем Анри занял удобную позицию в рощице у подножия холма, на котором стояла крепость, и наблюдал за ходом сражения.

Кем бы ни был командир московитов, столбовым боярином или каким-нибудь шотландским дворянчиком, каких много появилось в русских землях после казни британского короля Карла, дело свое он знал туго — разгадав татарскую тактику, людей на открытое место не выводил, силы не распылял. К тому же, как вскоре выяснилось, имел отличный резерв и с блеском сумел им воспользоваться. Когда татары, истратив большую часть стрел, снизили плотность обстрела, из лагеря московитов, разворачивая плотный шереножный строй, сверкая в первых лучах утреннего солнца начищенными шлемами и лоснящимися боками крепких боевых коней, вынеслись тяжелые рейтары.

— Нам повезло, — довольно хмыкнул Анри. — Пойди мы на штурм лагеря, когда там прятались эти рыцари — передавили бы нас, как жуков.

Если Ольгерду и его отряду уход рейтаров из лагеря был лишь на руку, то для атакующих

ногайцев их появление оказалось полной неожиданностью. Конные латники врезались в неплотный татарский строй, как нож в мягкое масло. Однако ногайцы, по обычаю степняков, не приняли бой с превосходящим по силе противником и, пользуясь преимуществом в скорости, брызнули в сторону перелеска. Рейтарский командир с украшающим шлем высоким конским султаном поднял руку, останавливая бессмысленную погоню. Ольгерд, понимая, что сейчас произойдет, покачал головой, отдавая должное выучке противника. Рейтары, повинуясь команде выстроились в шеренгу, подняли карабины и дали по убегающим татарам прицельный сокрушительный залп. Несколько десятков лошадей сбрасывая всадников и сбивая соседок, кувыркнулись, будто налетев на невидимый канат. До наблюдателей донесся вой, исторгаемый сотнями глоток.

— Похоже, отбились московиты, — сказал Ольгерд. — Темир на рейтар в контратаку своих не пошлет. Чую, сидеть нам тут двойным кольцом осады до морковкиного заговенья. Однако самое время и осажденным присоединиться к потехе.

Словно отвечая на сказанные слова, ворота молчавшей до сей поры крепости отворились и из них, разворачиваясь в две нешироких волны, вырвалась конная полусотня. Кавалерия осажденных была панцирной, и мало чем отличалась от московитских рейтар, если бы не странная, но очень броская деталь — за спиной у каждого из всадников на задней седельной луке были закреплены две изогнутые кверху планки, обтянутые яркой тканью с несколькими рядами больших птичьих перьев, так что вся конструкция походила на сложенные за спиной крылья.

— Это что еще за buffoni? — перейдя от изумления на родной язык, спросил Анри.

— Какие скоморохи, — хмыкнул Ольгерд. Сам он был удивлен не меньше мальтийского корсара, правда по иной причине- Да будет тебе известно, что перед нами лучшие воины Речи Посполитой — крылатые гусары!

— Крылатые гусары? — переспросил Анри. — Это еще кто?

— Королевская придворная рота, личная гвардия польского короля. Крылья, их парадный наряд, но если они в таком виде пошли в бой, то это означает…

— … что в крепости скорее всего находится собственной персоной его величество Иоганн-Казимеж, — закончил фразу мальтиец, — и раз в бой послана его личная охрана, то стало быть дела у осажденных хуже некуда.

— Хитер Темир-бей, — задумчиво проговорил Ольгерд. — Так вот, значит, какова была истинная цель этого похода. Голову даю на отсечение — султан, или кто там сейчас командует в Стамбуле, отправил в Клеменец ногайскую орду на спасение короля в ответ на просьбу о помощи, и сделал это так, чтобы не привлечь к крепости лишнего внимания. Иначе бы здесь сейчас стояли все полки Шереметьева и Урусова. Коронованный пленник, доставленный в Москву — ценнейший военный приз…

— Что же, поздравляю, капитан, — ответил с усмешкой Анри. — Если эти ряженые так же хороши в бою, как на параде, то мы легко справимся с осаждающими. Пока рейтары будут выяснять у гусар, чьи пики длиннее, мы без помех захватим их лагерь. Московитами командует разумный человек: оказавшись меж двух огней и лишившись обоза он определенно предпочтет сохранить силы и отступить. Сир, приготовьтесь к тому, что в крепости командира христианского отряда будут встречать как триумфатора, и числе ваших должников вскоре окажется один из монархов Европы. Уж что-что, а дворянство король пожалует вам непременно.

— Не загадывай, Анри! — недовольно ответил Ольгерд. — Впереди бой и неведомо что нас ждет в лагере. Сам же сказал, что командир у них опытный. Вполне возможно что за частоколом нас ждут не конюхи и поварихи, а изготовившаяся к стрельбе рота мушкетеров. Кстати, вот и гонец от бея.

К ним приближался мчась во весь опор один из нукеров из личной охраны Темира.

— Приказ выступать? — крикнул Ольгерд не дожидаясь, пока посыльный приблизится.

— Нет, казак! — осаживая коня отвечал нукер. — Из-за реки вернулись разведчики. К замку подходит большой отряд с обозом и пушками. Бей приказал выступать им навстречу и не дать соединиться с основными силами врага!

— Разведчики где? — спросил Ольгерд.

— Ждут у спуска к воде, — ногаец махнул плетью в сторону змеящегося меж скалами Буга. — они следят за подкреплением и все вам покажут.

Ольгерд кивнул и повернулся к мальтийцу.

— Скачи к лейтенантам и передай мой приказ. Всех поставить в походный строй, взять с собой полный боеприпас для фузей и идти к реке. Я к разведчикам, выбирать позицию. Сколько их там, не говорили? — спросил он, обращаясь к нукеру.

— Сотни три, может и больше.

— Нас меньше ста человек, — спокойно, будто речь шла о чем — то обыденном, вроде построения на обед, произнес мальтиец. — Из них всего десяток стрелков. Похоже, сир, если мы и будем вознаграждены за сей подвиг, то скорее всего посмертно.

— Говорил же, не загадывай наперед, дурная примета! — рявкнул Ольгерд и, пришпорив коня, понесся вслед за нукером.

*** * ***

Русло реки укрывал молочный туман. Отсюда до места, где сейчас шло сражение, было чуть больше версты, но из-за гряды поросших густым лесом холмов, отделяющих пойму Буга от долины, простирающейся до крепостных стен крепости, не доносилось ни звука.

От татарских разведчиков Ольгерд знал уже, что приближающееся подкрепление московитов движется с запада к единственному на левом берегу пологому спуску, намереваясь пройти под узкой тропе меж скалами и водной кромкой, чтобы вынырнуть именно здесь.

Место для засады было удачным. Растянутая колонна, не имея места для развертывания, вынуждена будет под огнем стрелков перебираться через реку, затем карабкаться по заросшему высокой густой травой каменистому склону до первой террасы, где нападавших встретят спрятанные в засаде копейщики.

В ложбине меж двумя холмами появилась, ежась копьями, нестройная колонна — подтягивался поднятый по тревоге отряд. Во главе колонны мелькали три знакомые фигуры.

— Я кому сказал, в лагере сидеть! — дождавшись, когда отряд подойдет поближе, рявкнул Ольгерд.

Измаил, Фатима и Сарабун угрюмо молчали.

— Значит так, собрались немедленно, и бегом обратно…

— Анри сказал, — ответил за всех Измаил, — что первый бой нашего отряда скорее всего, окажется и последним. Мог ли я, зная это, укрываться от битвы?

— Дело пахнет рукопашной, — добавила Фатима, — Там я уж как — нибудь пригожусь…

— К тому же, если лейтенант Анри прав, то у вас будет много раненых, — поставил точку Сарабун.

Времени для препирательств больше не оставалось, враги могли появиться в поле зрения с минуты на минуту. Ольгерд махнул рукой, и начал выставлять бойцов на позиции.

Успели едва-едва. Только последние копейщики схоронились меж камнями, как со стороны ущелья послышались искаженные туманом и скалами голоса. Через некоторое время меж

камнями замелькали синие кунтуши. Выйдя на открытое пространство разведчики внимательно огляделись, не обнаружив замершей засады махнули своим рукой. Из тумана стали плотным потоком вываливать пешие воины, все как один добротном доспехе и с огнестрельным оружием.

Не обманули татарские лазутчики — вновь прибывшие тянули за собой, впрягшись по трое — четверо, полевые пушки. Стволы не бог весть какие, старые, еще поди со Смутных времен, чиненые, перехваченные во многих местах обручами, но заряди в такую вот старушку картечь, да приставь к ней толкового бомбардира… Однако дело было сейчас не в пушках.

Ольгерд скрежетнул зубами:

— Этого я и боялся.

— Чего именно? — спросил залегший рядом Измаил. — Боялся, что московиты пушки с собой потянут?

— Это не московиты, а казаки, — ответил Ольгерд. — Они же теперь в союзе с царем против поляков и татар воюют. Не ровен час встретимся с теми, с кем в Лоеве, Любече да Куреневской слободе за одним столом сиживали…

— Война! — пожал плечами египтянин.

— Анри, иди наверх, к стрелкам, — приказал Ольгерд мальтийцу. — Пусть первым делом пушкарей выцеливают, потом тех, кто мушкеты начнет брать на изготовку. И чтобы, до того, как они на прорыв пойдут, не меньше трех выстрелов каждый сделал. Сам же подумал: "Три раза по десять выстрелов, да попадет в лучшем случае половина. Пятнадцать человек стрелки снимут. С остальными придется врукопашную разбираться".

Тем временем казаки продолжали вытягиваться на открытое пространство. Ольгерд насчитал их около сотни, и это была лишь голова приближающейся колонны. Арифметика получалась такая, что думать о том, уцелеет ли он со своим хашаром, не было ни малейшего смысла. Рассуждать стоило лишь о том, сколько времени они смогут продержаться, скольких противников положат на склоне, да дождутся ли татарской подмоги которую, по большому счету, Темир-бей ему и не обещал.

Над головой словно разорвали огромный бумажный лист — грянул первы ружейный залп. Досужие мысли тут же отошли в сторону. бой начался. Стрелки-браконьеры не зря ели свой хлеб. Пули, все до единой вошли в сбившуюся человеческую массу, от реки понеслись крики и стоны. Не ожидавшие засады казаки сперва смешались, бросились кто куда в поисках укрытия. Однако не зря запорожцы считались отличными пехотинцами: быстро опомнились, залегли, выставив вперед ружейный стволы. То здесь, то там замелькали вспышки выстрелов, по камням, выбивая осколки, часто застучали пули. Внизу, там где ждала своего часа главная засада, кто-то тихо ойкнул и заругался по-италийски.

Командовал казацким авангардом приземистый усач в татарской лисьей шапке. Его-то Ольгерд, тяжко вздохнув, взял на мушку. Однако казацкий начальник словно почуял нависшую над ним смерть, — шустро скрылся за выступом скалы.

— Пушки готовят, — сказал Измаил.

— Вижу, — ответил Ольгерд. — Анри, отведи стрелков за холм, иначе картечью их посекут. Да пару человек пусть оставят, орудийную прислугу пощекотать.

Казаки, оценив меткость противника, поступили хитро. Зарядили орудия под защитой скалы, потом споро выкатили по очереди на линию огня и три раза сыпанули по вершине холма картечью.

Ольгерд хотел справиться о потерях, но было не до того. Сотни полторы казаков ринулись в воду, преодолели неглубокий здесь Буг — кому по грудь, кому по пояс и, выставив вперед кто сабли, кто пики, сомкнутым строем начали преодолевать подъем. Их прикрывали, не давая поднять головы ольгердовым стрелкам, попрятавшиеся в камнях мушкетеры.

Ольгерд разрядил в толпу карабин и, вытягивая из ножен саблю пригибаясь, короткими рывками от укрытия к укрытию, рванул вниз к террасе, где ждали своего часа притаившиеся в засаде копейщики. Боясь задеть своих, мушкетеры прекратили огонь. Атакующие казаки, подбадривая себя криками достигли террасы как вдруг, преграждая им дорогу, впереди, над самым крутым участком склона вырос копейный лес. Составлявшие костяк отряда венецианцы и генуэзцы, ведомые лейтенантами, правильно оценив ситуацию, не стали ждать, пока казаки опомнятся от неожиданности, наставили копья и сомкнутым строем ринулись вперед.

Удар по выдохшимся на подъеме казакам был страшен — едва не четверть из них сразу же погибли под копьями и, сбивая с ног вторую линию нападавших, покатились вниз по склону. По команде Ольгерда, из-за спин копейщиков вынырнули валахи, греки и болгары, вооруженные саблями и палашами. Особого мастерства бывшие лесные разбойники и уличные грабители проявить не могли, но этого от них и не требовалось — уцелевшие запорожцы, ошалев от неожиданного отпора, пустились в бегство.

Ольгерд в первых рядах врезался в отступающую толпу. Рубил направо и налево, подбадривая криками своих бойцов. Однако увлечься в контратаке не дал. Убедившись, что первый казацкий штурм отбит, крикнул так, чтобы услышали все:

— Назад, под камни! Перестреляют как куропаток!

— Команда оказалось более чем своевременной — не успели его бойцы залечь, попрятавшись в своих укрытиях, как от реки грянул оглушительный залп. На сей раз казаки стреляли из всего, что было у них под рукой — от тяжелых осадных пищалей до ручных пистолей, плотность огня была такой, что если бы не ольгердова предусмотрительность, он потерял бы не меньше, чем половину своего, и без того невеликого войска.

Воспользовавшись паузой, в которую казаки перезаряжали оружие, стрелки-браконьеры вернулись на позиции перебежками и вступили в ружейную дуэль. С верхушки холма позиции противника просматривались как на ладони, так что десяток бывших преступников, которыми командовал старый валах, смог нанести противнику ощутимый ущерб.

Казаки снова пустили в ход пушки и сделали несколько выстрелов по холму, согнав с позиций стрелков. Требовалось на ходу сменить тактику и Ольгерд дал команду копейщикам скрытно переместиться саженей на двадцать левее, сам же вернулся на наблюдательный пункт

— Что теперь? — спросил Измаил.

— Теперь хуже, ответил Ольгерд. — Они уже поняли, что нас совсем мало. Скоро сообразят, что у них нет иного выхода, кроме как штурмовать холм всеми силами, пока к нам не пришла подмога. Постреляют еще немного наобум, потом пойдут вперед. Тогда и начнется настоящая потеха.

Измаил, соглашаясь, кивнул:

— Стало быть, наше место в общем строю. Что же, у Сарабуна сегодня будет много работы…

— Не думаю, — мрачно ответил Ольгерд. — Казаки воюют жестоко, пленных редко берут. Так что работа будет скорее не у лекарей, а у мародеров, собак да могильщиков.

— Все там будем, — пожал плечами египтянин, проверяя баланс своего палаша. — Как по мне, умирать дряхлым беззубым стариком, мочась под себя в постель и страдая слабоумием, намного страшнее.

Разговор был прерван многоголосым ревом, который вырвался из ущелья — казаки пошли в атаку. На сей раз в воды Буга вошло не меньше четырех сотен человек.

Пока атакующие форсировали реку, казацкие пушки успели ударить картечью поверх голов. Ольгердовы стрелки, воротившиеся на старые позиции, этого не ожидали и, судя по всему, попали под залп, но думать об этом было уже некогда да и незачем: дальше все решалось

в рукопашном бою.

Казаки, выставив вперед пикинеров, не ломая строй поднимались наверх. Ольгерд всматривался в приближающиеся лица с ужасом ожидая увидеть кого-то из знакомых по Киеву либо Черниговскому полку, но к счастью знакомых, по крайней мере в первых рядах, не наблюдалось. Дождавшись, когда строй атакующих выйден на воображаемую линию атаки, Ольгерд подал сигнал и засадный отряд ударил казакам в незащищенный фланг. Италийские наемники охватили нападающих полукругом, с фронта, воспользовавшись замешательством пикинеров, на казаков выплеснулась толпа валахов. Но численное преимущество противника не позволило преломить ход боя. Казаки смогли выстоять при первом ударе, перегруппировались и сами начали охватывать отряд с трех сторон.

Италийцы, чтобы избежать окружения, начали отступать наверх, держа строй и отбиваясь копьями, но это давало лишь небольшой выигрыш во времени. Поддерживаемые сверху редким огнем уцелевших стрелков, прикрываясь от флангового обхода мечниками, он шаг за шагом к вершине.

Теперь все его командирские обязанности по большому счету свелись к тому, чтобы показывать нестойкому хашару пример и не дать себя убить раньше времени, и Ольгерд, возглавил оборону на правом фланге. В него словно бес вселился, он наносил удары один за другим, не глядя на мелькающие перед ним лица, перемещаясь то вправо то влево, чтобы поддерживать сражавшихся рядом. Подаренная Обуховичем сабля в этот день напилась крови на год вперед.

Через некоторое время крутой подъем был густо усеян недвижными телами, но схватка, медленно перемещаясь вверх по склону, кипела с неутихающей силой. Ольгердовы бойцы бились храбро и умело, но численное преимущество врагов не могло не сказаться на ходе боя. И без того неширокая линия защитников становилась все короче.

Прорубив переносицу очередному противнику, Ольгерд огляделся по сторонам. По левую руку от него отчаянно рубились плечом к плечу два генуэзца, те самые что еще несколько дней назад потешались над сарабуновыми пиявками. Рядом отбивался сразу от двух казаков вооруженный морским палашом мальтиец Анри, спину ему прикрывали валашский разбойник и тот самый грек, за которым после боя с Фатимой закрепилось прозвище Голиаф. Сама же девушка, сверкая глазами, ловко орудовала явно отобранной у казаков длинной пикой с четырехгранным стальным навершием. И удар этой пики каждым своим клевком неизменно находил новую жертву…

Но и казаки, наторевшие в постоянных походах и войнах, не были куклами для битья, — рубились умело и слаженно, медленно но верно выбивая теряющих силы наемников. Ряды ольгердова хашара неуклонно таяли.

Наконец, завидев, что против них осталось не больше десятка человек, казацкий командир скомандовал к отходу. Повинуясь его голосу казаки, откатились назад к реке, но не для того, чтобы оставить поле боя, а давая работу стрелкам.

Прятаться было некуда, да и незачем, но спутники Ольгерда не дрогнули перед лицом верной смерти. Мальтиец Анри воткнул меч в щель между скалами, опустился на колени и, сложив перед собой руки, начал молиться, Измаил присел на ближайший камень и шевеля губами, что-то рисовал палочкой на земле, Сарабун, как ни в чем не бывало перевязывал раненого валаха а Фатима, оскалившись, словно рысь, защищающая своих детенышей, попыталась прикрыть Ольгерда от пуль своим телом. За спиной ругались на чем свет стоит генуэзцы и ольгерд подивился, насколько их напевное лигурийское наречие может быть пригодным для отборной площадной брани.

До казаков оставалось саженей тридцать, когда их командир несколько раз тряхнул лисьей

шапкой и поднял руку, останавливая движение. Расстрельная команда выстроилась в линию и начала медленно поднимать ружья. Дыхание смерти теперь ощущалось в каждом порыве лижущего щеки сырого холодного ветра. Над склоном нависла тяжелая гробовая тишина.

Завороженно наблюдая за тем, как направленные на них стволы рыскают, выбирая цели, Ольгерд вытер клинок о полу рубахи, вдел его в ножны и завел руку за спину. Там, за поясом, по старой привычке, был заткнут последний заряженный пистоль, и пуля его была предназначена казацкому командиру. Однако выстрелить он не успел, как, впрочем, не успел дать команду "Пли!" и его противник. Разбивая предсмертную тишину сверху, с кромки холма, донесся нарастающий рокот многих тысяч копыт и вскоре по склону хлынула на казаков нежданная уже подмога.

При виде летящих на них татар казаки не стали проявлять глупого и бессмысленного в изменившейся ситуации героизма и, не дожидаясь команды, дружно пустились в бегство — единственным их спасением была река и укутанное туманом ущелье. Однако до водяной кромки добежать смогли лишь немногие: стрелы, выпущенные искушенными в конной стрельбе степняками, понеслись вниз плотным дождем, впиваясь в головы, шеи, спины и ноги бегущих людей, так что многие падали вниз лицом, утыканные оперенными древками, напоминая диковинного зверя-дикобраза. Добив саблями тех, кто спасся от стрел, но не успел добежать до воды, татары начали беспорядочно носиться вдоль берега, выбивая засевших там казаков. Уцелевшие казаки пробовали отстреливаться, но без особого успеха: пока стрелок перезаряжал фузею или пищаль, татарский наездник успевал выпустить в него едва не десяток стрел.

Не менее полутысячи всадников понукаемые окриками своих командиров, начали заходить в воду и перебирались на другой берег попутно рубя саблями спасающихся казаков. Покончив с теми, кто еще уцелел, конники, сомкнув строй ринулись в глубину ущелья.

Бой пропал в густеющем на глазах тумане и Ольгерд, переведя дух, начал оглядывать свои позиции. Из всего отряда уцелело не больше десятка человек, и то, что в их числе оказались все его компаньоны было невообразимой, невероятной удачей! Сарабун хлопотал вокруг раненых, Измаил все также сидел на камне, а Фатима, то и дело бросая на Ольгерда быстрые будоражащие взгляды, протирала куском толстой замши наконечник копья. Из остальных наемников уцелели грек Голиаф, валашский браконьер и генуэзцы. Мальтиец Анри лежал, уткнувшись лицом в землю с развороченным пулей затылком — молитва не смогла отвести от него шальную пулю, выпущенную в суматохе кем-то из казаков и скорее всего случайно. Ольгерд, шепча на ходу имена тех наемников, которых успел запомнить за время недолгой службы, начал подниматься к вершине. Каждый шаг давался ему с трудом, и дело здесь было совсем не в усталости…

Наверху его ждал Темир-бей. Ногаец сменил арабского жеребца, который нес его в походе на ширококостную кобылу местной породы, и Ольгерд ги с тго ни с сего припомнил рассказ пленного мурзы о том, что в бою кочевники с незапамятных времен жеребцам предпочитают более послушных и выносливых кобыл.

— Как ты, литвин? — подъехав поближе, спросил его бей.

— Я потерял весь свой отряд, — ответил Ольгерд.

— Это неважно. Потому что ты выполнил приказ. Казаки не пробились к московитам. Московиты не дождались помощи и сейчас уходят от крепости, а уцелевшие запорожцы заперты с двух сторон и сдаются в плен.

— Думаю, что Ян-Казимир будет рад своему освобождению, — клядя прямо в глаза старику, произнес Ольгерд.

Глаза ногайца сверкнули:

— Когда узнал? Кто тебе рассказал об этом?!

— Узнал сегодня, перед самым боем. Никто не рассказывал, просто я увидел крылатых гусар.

— Что я могу сказать? — бей кивнул и провел рукой от подбородка до укрытой в панцирь груди, словно оглаживая бороду. — Мы сделали то, зачем пришли. Ты сдержал данное слово и получишь щедрую награду. Теперь же отправляйся в лагерь и отдыхай. Завтра днем мы торжественно въедем в крепость.

— Отдыхать? — усмешка Ольгерда была горькой, а голос злым. — А кто же предаст земле моих солдат?

— За это не беспокойся, — усмехнулся в ответ Темир. — Я уже дал приказ, чтобы всем мертвым, правоверным и неверным, отдали должное по их вере.

Старый бей ударил пятками лошадь, дернул поводья и, объезжая многочисленные тела, поскакал вниз по склону. Ольгерд, кликнув к себе остаток отряда, побрел через холмы к долине, где московиты свернув свой лагерь и медленной длинной змеей вытягивались вдоль дороги. За их движением наблюдала ногайская тысяча, готовая по первому приказу ринуться в атаку,

Как он добрался до лагеря, Ольгерд почти не помнил. Усталость и отчаянье застилали глаза. Кто и как ставил шатер, снимал с него шлем, сапоги, нагрудник и окровавленную одежду, он не видел. Последнее, что мелькало перед глазами перед тем, как он обрушиться в сон, было серое зимнее небо с клубящимися тучами слетевшегося на пир воронья.

Город верхнего мира

По въевшейся в плоть привычке Ольгерд вскочил было с первыми солнечными лучами — проверять караулы, но едва разлепив глаза вспомнил о вчерашнем побоище и бессильно рухнул на жесткий ногайский войлок. Так и провалялся аж до дневной смены постов. С вечера все вокруг решительно изменилось. Теперь вокруг его наскоро поставленной палатки раскинулся обширный ногайский лагерь — степняки, выиграв битву, стали на отдых.

У коновязи хлопотал Сарабун, к нему в очередь на перевязку стояли раненые татары. Фатима, воткнув в землю сколоченный из дерева щит, упражнялась в метании ножей. У входа в палатку на деревянной колоде сидел Измаил.

Не давая забыть о вчерашнем, из-за холма, от реки взметнулась в воздух воронья стая. Черное галдящее облако, мельтеша словно пчелиный рой, поползло мимо лагеря в сторону царящего над долиной замка. Сражение вернулось в мельчайших подробностях. У Ольгерда нехорошо защемило в груди.

— Хоронить погибших кто будет? — спросил он у Измаила.

— О павших можешь не беспокоиться, ответил египтянин. — Еще затемно из крепости пригнали чуть не две сотни крестьян и горожан с заступами и лопатами.

На кончике языка у Ольгерда вертелась куча вопросов, но беседу прервал посыльный-нукер. По ногайской привычке передвигаться в седле, даже если нужно преодолеть расстояние в несколько десятков шагов он, не слезая с коня и уважительно глядя на Ольгерда произнес:

— Тебя зовет к себе бей, капитан-ага. Поторопись, он ждет тебя к обеду.

Шатер Темир-бея, по походному обычаю, располагался в центре лагеря на небольшом возвышении. Старый ногаец ждал Ольгерда снаружи. Он лежал у костра на ковре с россыпью атласных подушек. Рядом, на открытом огне, издавая аппетитнейший запах, шипели нанизанные на стрелы вымоченные в сброженном молоке куски баранины. При виде Ольгерда, сопровождаемого посыльным, который провел его черед двойное кольцо охраны, Темир приподнялся на локте, кивнул и жестом пригласил гостя занять место рядом с собой на ложе.

Отдав должное мигом поднесенному слугами мясному блюду, которое так и называлось сис-лик, по-татарски "на вертеле", Ольгерд отставил в сторону пиалу с чаем и поглядел на хозяина, дав понять, что готов к разговору, ради которого был, собственно, приглашен.

— Я благодарен тебе за службу, — завершив обед, произнес с расстановкой старый бей. — Ты и твои люди спасли моих людей. Если бы казаки прорвались к лагерю московитов, многих бы положили картечью и неизвестно чем бы закончился бой.

— Мои люди погибли, — глухо ответил Ольгерд. — Почти все до единого. В первом же бою. — Я не достоин благодарности.

Бей сощурил глаза, кончики губ его, чуть дрогнув, опустились вниз.

— Понимаю тебя. Хороший командир не может не скорбеть о потерях. Но казаков было около пяти сотен, и все они были с ружьями. К тому же у них были пушки. Но вы не обратились в бегство, а приняли бой. Когда мы, сломав хребет московитам, пришли к вам на помощь, ты и твои люди уложили две сотни человек, да будет милостив Аллах к душам неверных! Вот здесь, — Темир отбросил одну из подушек, под которой обнаружилась горка крутобоких кожаных кошелей, — жалование всем твоим людям за полный месяц. Всем до единого. Думаю, что так будет справедливо. Пусть золото не воскресит погибших, но оно сможет послужить живым. Распорядись им, как сочтешь нужным. Тебе же, — бей откинул соседнюю подушку, — особая награда.

Знал старый ногаец, чем можно тронуть душу воина. Ольгерд наслышан был о

двуствольных пистолях, но такого… На ковре, матово отблескивая боками с затейливой чеканкой, лежало оружие, лучше которого он в жизни не видел.

Горизонтально расположенные стволы, необычно длинные для пистоля, едва не в восемь вершков, с гладкими ребристыми выступами были покрыты тонкой поперечной насечкой. Ощущая прохладную шероховатость, Ольгерд провел рукой от вороненой мушки, расположенной меж стволами до бронзового сдвоенного замка с курками, стилизованными под головы грифонов, скользнул указательным пальцем по овальной спусковой скобе, тронул расположенные один за другим удобные, с загибом на конце, спусковые крючки. Трудно сказать кем был больше изготовивший это чудо мастер — оружейником или ювелиром. Доходящее до середины стволов ложе было выточено из из черного дерева, а щеки рукоятки и боковые накладки сделаны из тончайших пластин слоновой кости. Изогнутая рукоятка с золотым затыльником была украшена чеканным маскароном, изображающим львиную голову. Все накладные детали были сплошь золото с серебром, украшенные тончайшим, еле глазу различить, орнаментом — сложным узором из листьев и трав. И все же, несмотря на столь дорогую отделку, это было настоящее боевое оружие.

Пистоль словно прирос к руке и, чтобы отложить его в сторону, Ольгерду пришлось сделать над собой изрядное усилие.

— Благодарю тебя, бей. Но ты прав, люди дороже золота. Я бы хотел похоронить по-христиански своих воинов и павших казаков. Если это за это нужно кому-то заплатить… — Он кивнул в сторону кошелей.

Не беспокойся, — перебил его ногаец. Я знаю что такое воинская честь. Из замка прислали рабочих и могилы копали, отдельно для всех, — для правоверных, для твоих людей и для казаков. А московиты своих погибших забрали. Так что бери то, что принадлежит тебе и ступай готовиться к приему у польского короля. Ему доложили о том, что город спас от казаков некий доблестный литвин и он в свою очередь желает тебя отблагодарить. Мой торжественный въезд в крепость назначен на завтра, а орде, по договору меж королем и султаном, в город вход запрещен. Да и не нужно это моим воинам. После того как мы обменяемся с королем подарками, орда снимется и пойдет обратно, собирая по дороге ясырь. Такова плата Яна Казимира за его спасение.

Спотыкаясь на растяжках палаток, Ольгерд шел к себе через бурлящий лагерь. За ним пыхтел слуга Темира, нагруженный пожалованным серебром. Добравшись до расположения, вкратце рассказал обо всем компаньонам.

— Что же, — сказал, подумав, Измаил. — Принять от короля благодарность — дело нужное. Тем паче, что ты ее заслужил. Надеюсь, что Темир-бей счел твою службу законченной и мы сможем продолжить поиск Дмитрия Душегубца?

— Об этом я с беем еще не говорил, — ответил, нахмурившись, Ольгерд. — Вот завтра, после торжественного въезда, когда ногайцы в обратный путь соберутся, мы с ним и потолкуем.

Фатима, высмотрев за поясом господина новое оружие, попросила поглядеть и, как надлежит настоящему оруженосцу, долго благоговейно изучала пистоль, держа его в обеих руках. Сарабун так устал от бесконечных перевязок, что испросив разрешения, отправился спать в палатку.

Все свободное время Ольгерд, не без помощи Фатимы, приводил себя в порядок, чтоб не стыдно было предстать при королевском дворе. Как выяснилось, девушка оказалась ловкой не только в сражениях и на любовном ложе, но и в делах торговых. Тут же в лагере отыскала торговца, купила Ольгерду богатую шелковую рубаху, мягчайшие сафьяновые сапоги, новый с иголочки зеленый кунтуш и шапку с изумрудом и ястребиными перьями. Отыскала портных, заставила подогнать обновки по фигуре, сама же, одолжив у них ножницы, привела в порядок

отросшие за поход волосы.

Солнце не доползло до полудня как из крепости за Ольгердом и его друзьями прибыл шляхтич. Вид у него был не важнецкий — щеки впалые, наряд потертый — сказывались долгие недели осады. Оглядев Ольгерда, кивнул довольно:

— Выглядишь настоящим героем, его величество будет доволен. Собирайся со всей своей свитой, магистратура тебе для постоя предоставила отдельный дом с прислугой, там немного передохнешь, а вечером, после закрытия ворот будет ужин в малом кругу. Король желает не только отблагодарить за подвиг, но и приглядеться к тебе. У его величества, скажу тебе по секрету, верных военачальников почти не осталось. Так что, если придешься ко двору, сможешь сделать такой карьер, что и не снилось.

Ничего не сказал Ольгерд. Взялся за седельную луку, взмыл в седло. Не оглядываясь назад пришпорил коня и поскакал прочь из лагеря. Заметил лишь краем глаза, что за ним, стоя у входа в шатер, внимательно смотрит Темир-бей.

До крепостных ворот от ногайского лагеря было версты три — меньше получаса езды легкой рысью. Миновав дубовую рощу, всадники обогнули холм и вышли к долгому подъему, ведущему к стенам замка. Ольгерд посмотрел на открывшуюся перед глазами картину и волосы у него встали дыбом.

— Что это!? — дернув повод, чтобы приостановить коня, спросил Ольгерд. — Кто устроил эту жуть? Неужели Темир-бей?

Сопровождавший их шляхтич удивленно хмыкнул:

— А что здесь такого? Татары в знак своей дружбы передали его величеству пленных бунтовщиков-казаков, и король приказал казнить их так, чтобы другим неповадно было.

Перед ними будто развернулась и ожила гравюра из огромной старинной книги, которую Ольгерд когда-то листал в одном из литовских замков. Там на весь разворот была изображена казнь христиан в языческом Риме: повешение вдоль дороги на столбах. Только увиденное сейчас оказалось намного страшнее. Прямая мощеная дорога, идущая к вершине холма, была истыкана по краям двухсаженными колами, на которых извивались люди в пестрых кунтушах. Облепив ближние деревья ждали своего часа перелетевшие от реки вороны, а вдоль дороги, отгоняя зевак, гарцевало с десяток всадников. Любому проезжему, чтобы добраться до Клеменецкой крепости нужно было пройти сквозь этот ужасный строй.

Вороний гвалт ненадолго затих, стало слышно как молится Сарабун.

— Человек сорок на первый взгляд, — тихо произнес из-за спины Измаил. — Все казаки, которых ногайцы не добили там, в ущелье. О чем ты думаешь, капитан?

— Думаю развернуть коня и уехать отсюда, — ответил со злостью Ольгерд. — Хорош Темир-бей! Неужто не знал, кому пленных передает?

— Скорее всего не знал, — отвечал египтянин. — Хотел бы я поглядеть на того, кто эдакое придумал. Может, ради этого и стоит проехать в крепость…

Ольгерд сжал волю в кулак, пустил шагом коня и, стараясь не оглядываться по сторонам, двинулся в сторону ворот. Больше всего он опасался встретить здесь кого-нибудь из своих знакомых, а пуще всего страшился обнаружить лоевских людей. Думал об этом все время, от боязни содрогаясь внутри. Потому, когда увидел Тараса Кочура с выходящим из спины блестящим от масла дреком, был к этому отчасти готов.

— Пан сотник! — простонал Сарабун.

Даже на колу лоевский сотник выделялся в общем ряду немалым ростом и грозным взглядом. Пробивший тело отесанный ствол доставлял ему невыносимые страдания, но в широко раскрытых глазах старого казака читалось одно лишь бешенство. Кочур, с натугой воротя шею, обернулся на голос. Взгляд его остановился на Ольгерде и в нем проявилось

некоторое умиротворение.

— Нашелся все-таки! — прохрипел он, пуская кровавые пузыри.

— Как же так, отец? — подъезжая поближе, спросил Ольгерд. Руки его мелко дрожали, кровь прилила к голове и в глазах потемнело.

— В бок. Ранили. Стрелой, — собирая силы для каждого слова отвечал Тарас. — Взяли. Едва. Живым… И. На кол. Словно. Татя.

— Снимем сейчас! Сарабун здесь, со мной, он мигом вылечит. Эй, кто есть тут!!!

Клчур, морщась от боли, отрицательно мотнул головой.

— Погоди. Не нужно. Это расплата за грехи мои тяжкие. Приму смерть. Но к мукам не готов. Ты воин. Знаешь что делать.

Воля Тараса была высказана ясно. Ольгерд сделал глубокий вдох. Подчиняясь, кивнул.

— Как Ольга? Что с ней? Нашелся ли жених, отцом ей завещанный?

Усмехнулся Тарас, словно пойманная в капкан росомаха.

— Долго говорить. В сумке бумаги. Из них все поймешь. Пожалей же, сынку. Избавь от мучений. Отправь на высший суд…

Ольгерд оглядел казака от чубатой макушки до запыленных сапог. Казнь совершали наспех, не ограбив пленных, сажали их на кол в чем есть и с плеча сотника, перехваченная поясным ремнем для боя, свисала кожаная плоская сумка. Ольгерд вынул нож, отрезал ремешки, забрал планшет к себе в переметную суму. Постоял собираясь с духом, потом решительно достал из-за пояса подаренный Темиром пистоль, быстро вытянул досыпал порох на полку, приставил дуло к тарасовой груди слева, где сердце и, глядя прямо в глаза старому казаку, резко нажал на спуск.

В небо, оглашая долину криками, взмелись всполошенные выстрелом вороны. Вздрогнул старый казак всем телом, смежил похмурые свои веки, словно заснул.

Сопровождавший их шляхтич изменился лицом. Схватился за саблю, но не успел двинуться с места дорогу ему перегородила конем Фатима.

— Не дергайся, лях. Если капитан стреляет, значит так нужно.

— Ты что, господин!!! — не удержавшись, завопил Сарабун. — Ведь это же Ольгин отец, пан Тарас, считай что тесть твой. А ты его собственною рукой…

Шляхтич, услышав эти слова, отпустил саблю и ослабил повод.

— Нет мне прощения, прав ты, лекарь, — сквозь зубы процедил Ольгерд. — Мой грех, мне с ним и жить. Да будет к сотнику милостив наш Господь и примет его таким как есть, не обрекая на адовы муки.

— Ты неправ, Сарабун, — вмешался в разговор египтянин. — Капитан поступил, как настоящий солдат. Прервать мучения обреченного на смерть товарища — угодное дело.

Сарабун, не соглашаясь, мотнул головой.

— Господь осуждает такое. Любой лекарь бьется за жизнь пациента до последнего, даже зная что тот обречен.

— Больной на смертном одре, и воин, взятый в полон — совсем не одно и то же, мой друг, — голос Измаила звучал негромко, но в нем слышалась настоящая сталь. — И то, что правильно и хорошо в мирное время, никуда не годится на войне.

— Нужно позаботиться о том, чтобы старика похоронили по-христиански, прервал их Ольгерд.

Шляхтич, разобравшись в чем дело, шум поднимать не стал. Кликнул рейтар из оцепления, приказал позвать простолюдинов, чтобы снять тело и отдать для похорон.

Уже страшась смотреть на искалеченное мертвое тело, Ольгерд развернул коня в сторону татарского лагеря.

— Поехали, — окликнул он свою свиту. — А ты, Сарабун, выполни свой лекарский долг,

останься, проследи за всем до конца.

— Куда теперь? — Без малейшего удивления осведомилась Фатима.

— Обратно в лагерь.

Легкий порыв ветра до ушей слабый молящий голос:

— И меня дострели, лыцарь…

Ольгерд обернулся. Голос принадлежал казаку, посаженному на кол в в нескольких саженях от Тараса. Он снова взялся за пистоль, и двинул коня вперед.

— Езус Мария! Святым Станиславом заклинаю, не нужно делать этого, пан! — вскричал шляхтич, и в голосе его звучал неподдельный испуг. — На всех казненных пуль у тебя не хватит. Погляди на дорогу, к нам едет сам воевода со свитой, которого король для встречи твоей отрядил и все те, кому король приказал встречать тебя на въезде в крепость. Если применишь сейчас оружие — охрана разбираться не станет, тоже откроет огонь. Начнется, пся крев, такая потеха, что из нее живыми не выбраться.

Ольгерд обернулся в ту сторону, куда указывал провожатый. По дороге со стороны ворот двигалась плотная группа десятка в полтора нарядно одетых всадников. Приближающиеся определенно были теми, кого король для пущей важности отправил к воротам для торжественной встречи. Судя по всему они, разглядев что на дороге, ведущей к крепости происходит что-то выходящее из ряда вон, решили спуститься вниз и самолично выяснить в чем там дело.

До всадников оставалось не более десяти саженей, когда Ольгерд, в который раз за сегодня поразившись крутым поворотам своей судьбы, разглядел среди них знакомые лица. Едущий на полкорпуса впереди остальных старый шляхтич в позолоченном нагруднике, бархатном плаще, укрывающем конский круп и высокой енотовой шапке оказался бывшим смоленским воеводой, Федором Обуховичем. Однако не он привлек внимание Ольгерда, а держащийся чуть в стороне от прочих прямо держащийся всадник на вороном коне.

Боясь ошибиться, Ольгерд не верил своим глазам, однако с каждым ударом копыт приближающихся коней о плотную, щедро политую казацкою кровью землю, все сомнения уходили в сторону. Черный наряд, простоволосая голова с проседью, оружие, отсвечивающее серебром и, главное, волчий, насмешливый и безжалостный взгляд мог принадлежать только одному человеку. И не было никакого резона рядить о том, как и почему он вдруг очутился в числе приближенных польского короля…

Вспомнив, что второй ствол пистоля еще заряжен, Ольгерд начал медленно поднимать руку, перемещая палец на задний спусковой крючок. Но не дав даже прицелиться, на ствол легла тонкая смуглая кисть.

— И не вздумай, — прошептал Измаил. — Во-первых, нас всех тут положат, не разбираясь. Сам посуди, кому это нужно? Во-вторых, он нам нужен живым. В- третьих, из крепости он никуда не денется, и если даже он находится под защитой короля и нам не удастся взять его под арест, в любом случае разберемся, какого Иблиса его сюда занесло.

Ольгерд придержав пружину, медленно отпустил курок и убрал палец со спуска. Всадники поравнялись с компаньонами и охватили их полукругом.

*** * ***

— Что здесь творится? — грозно спросил Обухович. — Кто посмел? — Он указал в сторону людей, суетящихся вокруг кола, на котором висел лоевский сотник.

Сопровождающий шляхтич подъехал к воеводе и, наклонившись почти под самое его ухо,

начал сбивчиво что-то объяснять. Судя по суровым, но одобрительным взглядам воеводы, брошенным по ходу рассказа на Ольгерда и на опущенный уже на землю кол, шляхтич смог убедить собеседника в том, что его, шляхтича, подопечный действовал в своем праве.

Ожидая конца разговора, Ольгерд разглядывал воеводу. С того времени когда они расстались в лесу под Смоленском, грозный отпрыск древнего литовского рода изрядно сдал — он был седым как лунь, а лицо его бороздили глубокие жесткие морщины. По всему, сдача города царской армии легла тяжким бременем на его последующую жизнь.

Дослушав шляхтича, Обухович нахмурился, кивнул в сторону охранявших место казни рейтар:

— Путь забирают тело.

Затем обернулся в сторону своего сопровождения и сказал, будто не обращаясь ни к кому особо.

— Говорил же я, что не нужно этого делать. Не простят нам этого казаки…

Судя по тому, как заелозили в седлах присланные на встречу героя королевские приближенные, Ольгерд понял, что слова воеводы предназначались в первую очередь их верховному сюзерену.

— Позволь представить тебе, пан Обухович… — шляхтич, желая разрядить обстановку, указал на Ольгерда.

— Так значит ты и есть тот самый герой, наш спаситель? — спросил Обухович, развернув коня в сторону компаньонов. Воевода присмотрелся повнимательнее, нахмурился, потом бросил короткий взгляд на рукоятку выглядывающей из-под кунтуша сабли и прояснился лицом. — Ну здравствуй, литвин. Честно скажу, не надеялся тебя встретить. И уж чего точно не ожидал, так увидеть в наемниках у татар.

"Больше никто на службу не брал" — хотел было ответить резкостью Ольгерд, но вовремя прикусил язык. Во-первых, это было не так, очень даже брали его на службу все, от московитов до литовских магнатов. Во-вторых, тогда, под Смоленском, отказавшись принять его на службу, Обухович поступил вполне честно. Ну и в-третьих, ведь не в погоне за солдатской удачей да жалованьем наемника присягнул он ногайскому бею. И присягнул, выходит, не зря. Вот он Душегубец, собственной персоной. Ольгерда явно узнал, но виду не подает, держится позади остальных. Хороших же себе польский король придворных собирает… Вслух же, не пускаясь в пространные объяснения, коротко ответил:

— Так получилось. Да и служба моя у татар, думаю, что уже закончена.

Кивнул воевода, удовлетворившись сказанным. Понял, что разговоры эти не для сторонних ушей. Проводил долгим тяжелеющим взглядом семейство покидающих город крестьян, которые протискивались по дороге меж колами и толпой конных шляхтичей, в ужасе глядя на муки казненных. Тронул поводья и, двинувшись, громко приказал:

— Ладно, нечего здесь стоять, поехали, гости дорогие!

Кавалькада, вытянувшись по дороге, поскакала в сторону городских ворот. Всю дорогу Ольгерд, чей разум после всего произошедшего пленил злой, зудящий кураж, пытался подъехать поближе к Дмитрию. Однако тот, мастерски управляя своим вороным, вроде бы ненарочито избегал сближения. Пару раз он бросил свой волчий взгляд на Ольгерда, однако в этом взгляде не было охотничьего азарта, словно Душегубец глядел на досадную неожиданную помеху, которая может отвлечь его от других, более важных дел.

Наконец добрались до города. Гулко отстучав копытами в длинном тоннеле под надвратной башней выехали на небольшую площадку, от которой по сторонам и, к лабиринту узких изломанных улиц. Над скоплением домов, цепляя шпилями острых высоких крыш низкое облачное небо, высился крепостной замок.

В отличие от деревянных городов Руси, Смоленска и Киева, польский город Клеменец внутри был сплошь из светло-серого камня. Из него были сделаны крепостные стены, дома, брусчатка на улицах и даже вздымающиеся то здесь то там церковные колокольни. Крыши у домов были из темной, коричнево-красной черепицей, так что Ольгерду сперва показалось, что он выехал на поляну, сплошь усеянную грибами-подберезовиками, которые учила его искать в ольговском лесу мать…

Дождавшись, когда последний всадник из свиты выйдет из арки ворот, воевода скомандовал:

— Королевский приказ исполнен. Герой встречен и с почестями препровожден в город. Теперь вы все отправляйтесь по своим делам. За размещением я пригляжу самолично.

Свита, не дожидаясь повторной команды, брызнула по переулкам так шустро, будто на площадь падала одна из башен. Не прошло и нескольких секунд и у ворот остались только Ольгерд с компаньонами и сам Федор Обухович.

— Саблю мою сохранил, — с удовлетворением в голосе произнес воевода.

— Моей заслуги тут мало, — ответил Ольгерд, непроизвольно тронув эфес. — Два раза уходила, первый в лесу, когда в плен к ворам попал, второй в Кафе, пока в турецком зиндане сидел. И оба раза возвращалась.

— Значит от души был мой дар, — улыбнулся воевода. — Ну да ладно, поехали, покажу, какие хоромы тебе здешний магистрат из благодарности за спасение для квартиры определил. Обухович направил коня в одну из улиц. Ольгерд с компаньонами последовали за ним.

— Так каким ветром тебя к ногайцам занесло? — едва кони нырнули в лабиринт улиц, спросил Обухович.

— Сперва к разбойникам в плен попал. Они меня раненого в лесу бросили, а выходил лоевский сотник. Тот, которого я от мучений избавил и с кола велел снять. Я у него компанейцем служил, оттуда в Киев подался. Из Киева подрядился охранять речной конвой, что вез припас в Запорожскую Сечь. Оттуда отправился в Кафу, выкупать пленников. Там к Темир-бею на службу и попал.

— Ясно, — кивнул Обухович. — Моя судьба после Смоленска непросто сложилась. Люто на меня обозлился литовский гетман Януш Радзивилл за то, что я город сдал. Я, представитель древнего мозырьского рода, был маршалом сейма и лично оглашал универсал про избрание королем Яна Второго, Казимира Вазы, потом посланником в Москву и Стокгольм ездил, после чего был удостоен поста писаря Великого княжества Литовского! А меня эти трусы и паникеры лишили сенаторского звания! Мало того, какой-то нищий шляхтич, Кыприан Камуняка, памфлет на меня накропал, списки с которого по всей Речи Посполитой разошлись. "сБЮКЪБЯЪ ЕЯЭ Б БЕКХЙСЧ ЯКЮБС, ЪЙ ЯБХМЪ С ЦПЮЯЭ, ЦНПЬ РН ЯЪ ЯРЮКН, ЙНКХ УРН СОЮДГЕ С МНБНЛ ЙНФСЯЕ С ЦСЯРНЕ АНКНРН, С ГКНЛ ПЮГСЛЕМЧ, С НАЛНБЮУ КЧДГЙХУ Х С ЯПЮЛНРХ ЯЕДГХЖЭ, ЪЙ ДГЪЖЕК С ДСОКХ" — прочитал он на память обидные строчки. — Этот Камуняка вроде как дальний родственник твоего бывшего хорунжего, Соколинского, что подбил в Смоленске шляхту к московитам переметнуться. Отписал он грязное, чтобы от родича гнев гетманский отвести, и добился цели своей, пся крев! Родные от меня отвернулись, прошлые друзья руки не давали, хоть бери да в петлю лезь. Но не сдался я, подал аппеляцию на оправдание, да дело до сих пор не рассмотрено. Благо, король оказался на моей стороне. От наветчиков отмахнулся, памфлет, ему принесенный, прилюдно порвал. Меня же вызвал к себе и поручил новый рейтарский полк собирать. Когда же нас здесь, в Клеменце, московиты обложили, Ян Казимир приказал мне возглавить оборону города. Я попробовал отказаться, а он в ответ: "У тебя есть шанс оправдать сдачу Смоленска не словом, но делом. Если справишься и отстоишь сей город, то поставлю тебя коронным гетманом, пусть тогда

сенат попляшет". Так что ты, литвин, выходит, что честь мою спас…

Воевода погрузился в свои мысли. Ольгерд, не желая бередить едва зажившие душевные раны расспросами, чуть отстал от него и поравнялся с Измаилом, который, пытаясь привлечь внимание, давно уже подавал ему знаки.

— Ты видел, куда Душегубец поехал? — тихо спросил египтянин.

— Не углядел, — так же тихо ответил Ольгерд. — Быстро все произошло, раз и нет никого…

— Ладно, — кивнул компаньон, — город не так уж велик, отыщем. Как думаешь, узнал о тебя?

— Еще бы. Ты же видел, как хоронился.

— Что он здесь делает, хотелось бы знать…

— А вот сейчас и попробуем выяснить.

Ольгерд догнал Обуховича и, едва не задевая конским боком стены домов, снова поехал рядом.

— Скажи, пан воевода, а кто этот шляхтич, весь в черном, что в свите твоей мелькал?

— Знакомый твой что ли? — вскинув бровь, спросил воевода.

— Не то что бы… Так, лицо вроде знакомое.

— Новый фаворит и советник короля, — пробурчал Обухович. — Сам вроде бы с Брынщины, по происхождению то ли московит, то ли поляк. По тому, что я слышал в замке, вначале вроде бы служил он у царя Михаила, но не дворянином, а безродным наемником, как московиты говорят, по прибору. Потом, как Михаил помер, он с новым царем, Алексеем, что-то не поделил и подался в леса стрельцов да купцов резать. По сути обычный разбойник. Однако в глазах короля — повстанец, геройский борец с ненавистным царским ярмом. Сюда, в крепость он приехал с вестью о том, что московиты на нас идут, так что мы успели оборону наладить. После чего наш король, Ян Казимир, осыпал его милостями и приблизил к себе.

"Если Душегубец открылся королю, что он сын Дмитрия Самозванца, как сделал полвека назад его отец, приехав к Адаму Вишневецкому — то и не мудрено, — подумал Ольгерд. — Ян Казимир, поди, на седьмом небе от счастья, что при нем есть претендент на шапку Мономаха. Только не выйдет у него ничего: Смута в Московском царстве уже в далеком прошлом, казаки теперь воюют на стороне Алексея, Смоленск пал, Радзивилл оставил Вильно, а Краков и Варшава захвачены шведами… Яну Казимиру теперь бы свою корону на голове удержать, и то добро."

— Ну вот и приехали, — прервал его рассуждения воевода.

Кони остановились перед большим двухэтажным особняком, выходящим фасадом на главную городскую площадь. Дом отделяла от площади палисада из кованых металлических прутьев, решетки на окнах тоже были из кованого железа, дутые снизу, на французский манер. При виде подъезжающей группы всадников стоящий за калиткой лакей широко распахнул дверь и склонился в глубоком поклоне. Тут же откуда-то с боку выскочили слуги, готовые принять коней.

— Чьи хоромы? — поинтересовался Ольгерд.

— Ничьи, — ответил воевода. — Это отель для почетных гостей. Хозяин — городской голова. Там восемь комнат, во дворе конюшня и кухня. Слуги имеются. Предоставлен тебе по просьбе короля благодарным магистратом. Так что обживайся, а как солнце сядет провожатого за тобой пришлю.

Воевода вскинул руку к шапке, отдавая салют и двинул коня в сторону замковых шпилей.

Ольгерд соскочил с коня, прихватив с собой небогатую свою поклажу и, не обращая внимания на лакея, взбежал по ступенькам вверх. Впервые со времен службы в Смоленске ему

предстояло ночевать в настоящем городском доме. Но времени, чтобы наслаждаться барским уютом, у него пока не было. Мазнув краем глаза по добротному паркету, стенам, сплошь увешанным гобеленами с пастушками и охотниками и добротной резной мебели, он поднялся на второй этаж, вошел в первую попавшуюся спальню и, скинув запыленный кунтуш, вытащил взятый у Тараса Кочура планшет.

Перед тем, как ознакомиться с бумагами, что завещал ему лоевский сотник, вышел на лестницу, предупредить чтоб не трогали, пока сам не выйдет и застал спускающегося вниз Измаила, который, сменив свой походный наряд на одеяние богомольца, явно собирался покинуть дом через черный ход.

— Куда? — поинтересовался Ольгерд.

— Пойду в город, приятеля нашего поищу.

— Так ты же слышал, что воевода рассказывал. Душегубец фаворит короля, стало быть на вечерней аудиенции будет непременно. Там и и побеседуем по душам.

— Там не выйдет. Если он фаворит, то в замке с его головы и волосу не дадут упасть. К тому же не уверен, что он вообще там появится. Сам же видел, как он тебя сторонился.

— Если так, то пожалуй что ты и прав. Где искать его думаешь?

— Поброжу по улицам, с людьми потолкую. Вид у него приметный, а город здесь не такой уж и большой. Непременно кто-то что-то и заметил. В самом деле, не для того же он сюда прискакал, чтобы польского короля спасти. Стало быть есть у него где-то здесь важное дело. Которое, чую, связано с Черным Гетманом…

— Как знаешь, — пожал плечами Ольгерд. — Резон в твоих рассуждениях есть. Ежели что обнаружишь — жди вечером у ворот цитадели.

Проводив Измаила, Ольгерд кликнул Фатиму, приказав отдать слугам на чистку запылившийся кунтуш и сапоги, распорядился не беспокоить его до вечера, вернулся в спальню и задвинул крепкий резной засов.

*** * ***

Перебрав пачку реестровых грамот, ведомостей на жалованье и реквизиторских квитанций — обычного набора походной канцелярии любого среднего командира — Ольгерд отложил в сторону три письма, о которых, похоже и говорил ему лоевский сотник. Два из них, судя по пометкам, сделанным разной рукой на пакетах, были получены сотником оказией в Корсуне. Третье, неотправленное было написано размашисто-угловатым почерком самого Тараса и изобиловало ошибками. Предназначалось оно старому другу Кочура, куреневскому кошевому Богдану Моляве, который, как выяснилось, входил в самую верхушку заговорщиков, намеревавшихся лишить власти новых фаворитов дряхлеющего гетмана Хмеля, корсунских Золотаренков.

"… главное же, братче мой, Богдане, тебе первому сообщить желаю. Вышел я с лоевской своей полусотней в поход на Подолию, как и уговаривались — чтобы оказаться в Корсуне, когда туда тело умершего от раны Ивана Золотаренку подвезут. Десятник мой, Олекса Попович (ты его видел, тот, что в Быхов серебряную пулю да талеры отвозил) и здесь согласился нашему делу помочь, за что ему обещано было землицы дать под Любечем. Велел я, на свою голову, дело наше тайное с Иваном-упырем до конца довести, так чтобы от их роду-племени все добрые хрестьяне шарахались и приказал Олексе во время отпевания рядом с церквушкой стожок поджечь.

Думали мы, только и всего, попугать мещан, чтобы слухи нехорошие пошли, да Господь

покарал нас за гордыню и подступность. Хотели злого, а вышло страшное. Ветер вдруг поменялся, огонь со стожка на церковь перекинулся, тут она вся разом и занялась. В жизни я такого пламени не видал, словно смоляной факел запылал. Кинулись тушить — куда там… К ночи на месте церкви была одна лишь зола. Больше сотни человек сгинуло, кто сгорел, кто в дыму задохнулся, Олекса, кинувшийся первым содеянное исправлять, до смерти обгорел. И попов, службу ведущих, в той проклятой церкви аж трое преставилось. Многих, кто там был не, то что не признали — разыскать не смогли. От Золотаренка, чей гроб перед алтарем стоял, вовсе нечего хоронить оказалось. Корсунский архиерей, напуганный слухами, камень над пустой могилой освящать запретил, так и остался гетман Иван неупокоенным, словно и вправду Богом он проклят.

Добились мы своего, братче. Но больно уж жуткой ценой, платить которую я, старый грешный казак, был никак не готов. Однако как бы то ни было, дело сделано. Пополз по землям украинским слух, будто и впрямь нелюдью был Иван Золотаренко. Эх, Богдане, спасли мы вольности запорожские от власти корсунских выкрестов, но загубили навеки свои христианские души. И ведь грех наш такой, что ни сознаться в нем, ни исповедаться. Стало быть, и отпущения нам с тобою не получить. Душа моя, навеки загубленная, на спасение даже не уповает. Сразу же после пожара, глядя на угли тлеющие, что христианами были, хотел я руки на себя наложить, но убоялся нового смертного греха, ибо жизнь у человека может отнять лишь тот кто ее даровал. Потом удумал в монахи податься. да какой из меня монах, я и "Отче наш" без подсказки до конца прочесть не могу. Потому решил кровью грехи смывать идти на войну с татарвой поганой, да живота своего в бою не жалеть. Будет Бог милостив — оставит жить. Захочет наказать — даст честную воинскую смерть. Об одном лишь теперь радею, чтобы племянница моя Ольга поскорее про наследника имения своего прознала, да глупостей, которых потом не воротить, не наделала… "

"Вот, значит, о чем Тарас перед смертью своей говорил, — думал Ольгерд, сжимая в руках письмо. — да уж, расплатился старый за грехи так, что врагу не пожелаешь. Лютую смерть ему Бог послал — от раны мучиться, в плен к неверным попасть, потом по приказу христианского короля на колу висеть, а в конце от близкого человека пулю принять… Однако здесь написано о том, что Тарас разузнал о наследнике Ольгиного имения…" Ольгерд взял в руки письмо которое, судя по заголовку, было написано деревенским писцом со слов человека, посланного сотником на розыски сына старых хозяев.

"… главное, пан сотник, что удалось узнать у селян, так это то, что раньше сими землями по старинному вотчему праву владел некий литвинский шляхтич, которому земли эти достались по наследству по принадлежности к древнему княжескому роду Рюриковичей. Род тот был захудал, московскому царству, которое окружило их земли, словно река в половодье отрезает от суши малый островок, присяги не давал, оттого в местах меж пограничным Рыльском и казенным городком Курском был он для государей московитских сущим бельмом на глазу. Дело тем кончилось, что старого помещика со всей семьей извела одна из разбойничьих шаек, коих до постройки засечной черты было не счесть в лесах у диких полей, и земли эти брату твоему единоутробому, Ивану-стрельцу, государевой милостью достались. Судьба же сына старого хозяина, о котором ты разузнать велел, тамошним жителям не ведома. Одно молва передает, что величали его, как и отца, древним литвинским языческим именем — Ольгерд, от какого имени и селение их исстари звалось Ольгов…"

Дочитав до этого места, Ольгерд вначале оцепенел, после хлопнул в сердцах по столу ни в

чем не повинным письмом. Начал вспоминать о всех разговорах с Ольгой и Тарасом и чуть не стал от досады волосы на голове рвать. Словно пелена спала вдруг с глаз. Стукнул он в сердцах о добротный деревянный стол кулаком, так что тот прогнулся и захрустел. Обронил бы хоть кто-то слово "Ольгов" в разговоре, и не нужно было бы покидать старого сотника и тихий полесский Лоев. Для него, потомка литвинского рода, привычно было говорить о родных местах по-старому, как о Брынщине. Казакам же и стрельцам, которые местность определяли по новым московитским городам, Ольгов, расположенный на берегу Сейма, меж Курском и пограничным Рыльском, был "городком, что на Курщине". Выходит, что по-разному об одном говорили, а он, Ольгерд, и есть тот самый наследник, что девушке отцом Иваном в мужья завещан!.

Дрожащей рукой развернул он третье письмо, написанное тонким девичьим почерком.

"… а случилось, дядюшка, со мной такое, что теперь, даже если бы и нашли мы с тобой ольговского наследника, то клятву, данную батюшке, исполнить и выйти за него замуж я никак бы уже не могла. Чтобы слухов постыдных избежать, придется мне с небольшой охраной вернуться в Ольгов, дождаться там урочного часа, а после идти на постриг, чтоб черницей влачить назначенные мне Господом дни. Встретишь Ольгерда, передай от него мой земной поклон да скажи, что я люблю одного его и более ничьей не буду…"

Ольгерд долго сидел, глядя в противоположную стену, украшенную гобеленом, изображающим, словно ему назло, охоту на зубров.

В комнату осторожно постучали. Не дождавшись ответа, несколько раз дернули дверь. В конце-концов сквозь плотно пригнанные буковые доски двери разался встревоженный голос Фатимы:

— Все ли с тобой в порядке, господин? Солнце уже садится и в дом пришел тот нукер, который нас провожал. Он говорит, что тебя ждут во дворце.

Скрипнул Ольгерд зубами, крикнул, что скоро будет и начал нехотя собираться. По хорошему нужно было бы сейчас все бросать, да мчаться, коней не жалея, в Ольгов. Но оставить нынешние свои дела он не мог. Бог с ней, королевской милостью, от нее у подданных больше забот чем прибытку, но нужно было непременно освободиться от клятвы, данной Темиру и, исполняя обещанное Измаилу, покончить сегодня же с так кстати подвернувшимся Душегубцем. Тогда и Ольге в ноги упасть не грех…

Ольгерд привычно поискал в комнате красный угол, но в католическом доме икон не держали, и ему пришлось креститься, глядя в окно, где в чернеющем небе проглядывался увенчанный крестом острый костельный шпиль. Впервые в жизни он перекрестился истово, не по въевшейся с детства в кровь бездумной привычке, и сразу же ощутил облегчение, словно кто-то далекий, но всесильный, наблюдая за ним, одобрил его дела…

Очень скоро все сторонние, не относящиеся к делу мысли от него отстали. Давно, в прошлой жизни, в доме одной вдовой шляхтянки, он, отлеживаясь после очередного ранения, читал от скуки переведенную на польский язык книгу какого-то римского патриция, в которой были слова: "Делай что должно, а будет что суждено"…

*** * ***

Цитадель — старый крепостной замок, построенный за много лет до того, как разросшийся под ее защитой город был опоясан внешней стеной, высилась на длинной узкой скале с нависающим над рекой острым мысом и всем своим внешним видом напоминала корабль.

Въезд в корабль размещался в корме, отделенной от горы узкой и глубокой расселиной. Разглядывая угрюмые, почерневшие от времени башни, Ольгерд сделал однозначный вывод, что даже если бы московиты и взяли город, то из цитадели короля вряд ли выцарапали даже с казацкими пушками и сидели бы в Клеменце до морковкиного заговения, поплевывая с обрыва в пропасть, разглядывая затейливые узоры на створках наглухо закрытых ворот и ожидая, когда король и защитники крепости начнут голодать. Но стрельцы князя Бутурлина были уже далеко, где-то на подходе ко Львову, под стенами которого, если верить разрозненным и противоречивым рассказам беженцев, стояла московитско-запорожская армия, потому крепостной мост был опущен, ворота раскрыты, а запирающая арку решетка, напротив, поднята.

Вооруженные пиками стражники, несущие службу в воротах, отдали Ольгерду приветственный салют. Во дворе, тесном и сумрачном, словно дно высохшего колодца, несли службу королевские гвардейцы, те самые крылатые гусары, что решились вчера пойти на отчаянную вылазку в полном своем парадном облачении. Правда сейчас они все были в повседневном доспехе и выглядели как любые другие тяжеловооруженные рейтары.

Вновь прибывших препроводили в приемный зал с длинным, накрытым столом где, в ожидании начала праздничного ужина, расхаживали приглашенные, среди которых Ольгерд сразу высмотрел Обуховича. Воевода шагнул ему навстречу и показал глазами на дальнее стрельчатое окно. Нужно, мол, поговорить без лишних ушей.

— Король тебе службу предлагать будет, — с места в карьер начал разговор воевода. — Но есть у меня и свое предложение. Германские князья, которых страшит усиление Швеции, собрали деньги чтобы поляки смогли нанять новую армию и Ян Казимир объявил Посполитое рушение. Будем отбивать у Шведов коронные земли. Мне доверено войско, которое пойдет на Краков и Варшаву. Это но ополчение, что было у меня в Смоленске, а регулярные войска. Теперь у меня под рукой два рейтарских полка, гусары, артиллерия, пикинеры. Завтра я выезжаю на место сбора. Тебе же могу дать лучшую роту рейтар. Если согласишься, то сегодня же будешь пожалован в шляхту, а я дам тебе свой герб "Раздвоенный ключ". Закончится война — землей разживешься: много будет свободных поместий, конфискованных у предателей, а король верных слуг не забывает своей милостью, в этом я убедился неоднократно. Магнатом, конечно не станешь, но богатым владетелем и хозяином собственного замка будешь точно. Если, конечно, останешься жив…

Ольгерд молчал. То, что предложил ему Обухович, было сказочной, немыслимой удачей, за которую любой наемник перекати-поле ухватился бы не то что руками и ногами, зубами бы вцепился. Но перед глазами у бывшего десятника бывшей соколинской хоругви стоял не патент ротмистра, не шляхетский универсал и даже не обещанный замок. Он видел сейчас бегущую вверх дорогу, а по краям ее посаженных на кол казаков. Не отвечая на предложенное, спросил навстречу:

— Что то не вижу я тут этого Дмитрия. Не скажешь, куда королевский фаворит подевался?

Воевода удивился, не таких слов ждал от Ольгерда. Но разговор поддержал.

— Сам не ведаю. С тех пор как расстались с ним у ворот, он в замке не появлялся. Да что за дело тебе до него? И верно ли говоришь, что он твой случайный знакомый? Припомнил я, что смотрел этот брянский волк на тебя по пути так, словно вас что-то связывает. Говори как есть, литвин. На твоей я стороне, это ведь он, Дмитрий, короля подбил казаков на колы пересажать.

— Долг есть за ним, — ответил коротко Ольгерд. — И не только за казаков. Он, ведь, еще когда по польной украйне во главе разбойников гулял, отца и мать моих умучил. Для меня его голова — наилучшая награда. Если стребовать соберусь, помешаешь?

— Я-то нет. Была бы воля, я бы этого вора своими руками удавил, как по мне, он и железа не достоин. Только вот король его ни за что не выдаст, нужен он для чего-то Яну Казимиру.

— Ну а ежели он из окна в пропасть случайно выпадет или поскользнется, да на саблю чью-то наткнется?

— Если с Дмитрием что случится, все придворные станут искать виновных спустя рукава. Интриганы будут рады избавиться от нового фаворита, а рыцари — от разбойника, что по милостям чуть не к шляхте приравнен. Того, кто совершит над ним суд, всегда спасут от королевского гнева и помогут уйти из города. Задумал что?

— Мысли есть, кивнул Ольгерд. — Найти бы его для начала.

— К ужину непременно объявится, — уверенно произнес воевода. — Только дров не ломай, литвин. В королевском замке оружия не обнажай, иначе торчать тебе на дороге в одном ряду с бывшими друзьями.

— Бывших друзей не бывает, — ответил Ольгерд. — Даже если они воюют на разных сторонах.

Обухович тяжко вздохнул. Кивнул с пониманием.

— Мои — то друзья когда я в опалу попал, почитай что все в бывшие перешли. Видать ты прав, не друзья это были. Ну да ладно, поговорили о том, о сем, теперь время пришло решать. Сейчас король появится. Принимаешь ли роту?

— Благодарен тебе, воевода, — без радости ответил Ольгерд. — Но сам посуди. Человека, что едва отцом мне не стал, твой король на кол приказал посадить. А убийцу моих родителей напротив, в придворные к себе вознес. Могу ли я с чистой совестью ему на верность присягать? Да и шляхетство новоданное мне, не в обиду тебе сказано, вроде как ни к чему. Во мне кровь Ольгердовичей и Гедиминовичей течет, для которой нынешние регалии — что девичьи цацки для старого солдата.

Хотел ответить ему Обухович и, судя по тому, как круто он вскинул брови, ответить резко, но не успел. Грузно осаживая деревянные ступени, из верхних покоев к гостям спускался король

— Ян Казимир, милостью Божьей король Польши, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Самогитский, Ливонский, Смоленский, Северский, Черниговский, а также наследный король Шведов, Готов и Вендов!!! — Торжественно объявил, стукнув об пол жезлом мажордом.

Монарх династии Ваза, что больше ста лет правила двумя выборными королевствами, Речью Посполитой и Швецией, был крепко сложенным человеком лет сорока пяти на вид, бритый наголо, словно Измаил но, в отличие от египтянина, носил усы. Глаза у него были чуть на выкате, взгляд чуть быковатый, но проницательный. По чертам лица был он, конечно, никакой не поляк, а чистый швед. Ольгерд припомнил, что слышал о нем от шляхты и из разговоров магнатов. Воспитанный иезуитами, он душой и телом принадлежал этому ордену а по характеру своему, доставшемуся от отца, грозного Сигизмунда Третьего, был склонен в решении государственных дел к действиям крутым и насильственным. Собравшись в одном человеке, возвышенном в королевское достоинство, свойства эти привели к результатам плачевным и во многом определили участь едва не павшей шляхетской республики. Уже в день коронации он дал обет не предоставлять ни одного места в сенате, ни одной должности, ни одного повета не католику. Да с Войском Запорожским король, по наущению своих духовных отцов, воевал прежде всего как с православными схизматиками, так что старый лис Хмельницкий со своей казацкой старшиной не от хорошей жизни ринулся из католического капкана в медвежьи объятия Московского царства.

Полуофициальный прием, который давал король, был, по военному времени и откровенно бедственному положению полуопального величества, скромен, насколько это возможно. Без трюфелей, жареных фазанов и французских вин, ждущих своего часа на столе, опекаемом

дюжиной поваров и подносчиков, конечно не обошлось, но наряды собравшихся отличала армейская строгость. Даже сам хозяин застолья, задавая общий тон, был в форме рейтара.

К спустившемуся в зал королю подошли с неотложными делами несколько придворных, среди которых оказался и Обухович. Выслушав всех по очереди, король отдал ответные распоряжения и, как бы объявляя начало ужина, занял место во главе стола. Мажордом засновал меж новыми людьми, шепотом указывая каждому место, приличествующее его положению. Ольгерд был усажен четвертым или пятым справа от короля. Дождавшись, пока слуги разольют всем вино, король, принял от пробовальщика свой бокал и поднял его на уровень глаз. Ужин начался.

Позволив подданным утолить голод и насладиться букетом напитка, доставленного из славящейся своими лозами Бургундии, Ян Казимир, поздравив присутствующих с тем, что волею божию они избавились от подлой осады проклятых схизматиков, начал отдавать должное и тем, кто помогал Господу в этом деле.

Первым, и вполне заслуженно, был осыпан милостями командир гусарской роты дворянской хоругви — личной церемониальной гвардии короля, возглавивший безумную вылазку, которая переломила ход сражения. Необычные крылатые всадники, невзирая на малое свое число, обратили в бегство суеверных московитов — как выяснилось от пленных, их командиру в пылу боя почудилось, что сверху на них движется небесное воинство во главе с архангелом Гавриилом. Ротмистру, урожденному гасконцу, столь удачно использовавшему непригодное в бою парадное украшение, помимо изрядного кошеля и огромной тигровой шкуры, монаршей милостью досталось изрядное имение на границе коронных и литовских земель, конфискованное у присягнувшего шведам магната.

Вторым был капитан, возглавивший оборону на городской стене. Московиты прицельно обстреливали Клеменец из мушкетов на протяжении всей осады, так что сборная хоругвь, стоящая на бойницах, потеряла едва не треть своих жолнеров, а сам капитан, старый мазур, получил два пулевых ранения. Королевская благодарность за пролитую кровь выразилась двумя увесистыми мешочками серебряных талеров.

Следующим по важности заслуг оказался Ольгерд. Объявив застолью о том, что сей благородный литвин не дал прорваться к стенам крепости везущим пушки казакам, король поднял очередной кубок в его честь, дождавшись когда все выпьют, скосился на Обуховича и, уловив почти незаметный кивок, произнес:

— Твой подвиг достоин высокой награды. Чего ты хотел бы просить?

Ольгерд поднялся на ноги. Нахмурился, помолчал. Глядя на него, начал хмуриться и Обухович, скосившись на Обуховича набычился и король.

— Спасибо вашему величеству за высокую честь, коей я, Ольгерд из Ольгова, чей род не значится в шляхетских грамотах, вовсе и не достоин. Знаю, что вы готовы дать мне то, о чем и думать я не мог. Но позвольте просить не за себя, а за других. Вас, как истинного христианина молю о том, чему всех нас учит Иисус Христос., быть милосердным к врагам своим. Прикажите прекратить мучения казаков и поснимать их с колов. Если и уготована им смерть, то пусть она будет быстрая и не стыдная!

За столом установилась такая тишина, что стало слышно как внизу под обрывом шумит река, на берегу которой бранно, словно две московитки, переругиваются прачки, не поделившие какого-то Анджея. Лицо короля побагровело. Ян Казимир грохнул ножкой бокала об стол, выплеснув на бархатную скатерть остатки вина и рявкнул голосом потомка грозных нурманнов:

— Неисполнима твоя просьба, литвин! Они казнены по закону. На кол сажают бунтовщиков, клятвопреступников и грабителей, а казаки войска запорожского, после того, как они, нарушив присягу, переметнулись к московитам, все сплошь и есть истинные нехристи и

клятвопреступники!

Король обвел глазами собравшихся за столом, ища поддержки своим словам, но увидел лишь опущенные вниз взгляды.

Единственным из присутствующих, кто посмел возразить королю оказался гасконец-ротмистр:

— Они воины. Их можно было расстрелять, — произнес он тихо, но твердо.

— Это ты воин, — ответил король, — а они бандиты. Казнь бандитов должна быть страшной. Чтобы остальные боялись.

Упрямый гасконец вскинул свой длинный с горбинкой нос.

— За последние годы казаки навидались такого, что испугать их мудрено. Да и сами они народ жестокий и мстительный. Там, на дороге, сейчас умирает в мучениях более сорока человек…

— Сорок два, — тихо добавил Обухович.

— … И почитай у каждого из казненных есть дети, братья, отцы. Близкие друзья, наконец. Все они, узнав о том как умерли их родные, станут не просто недругами Вашего Величества, но кровными врагами. Много ли у нас нынче сил, чтобы плодить врагов сверх меры?

Король опустил голову. Придворные одобрительно загудели.

— Об этом я не подумал, — пробормотал под нос Ян Казимир. — К тому же Дмитрий говорил что…

— Я предупреждал, Ваше Величество, — снова вмешался в разговор Обухович. — Что этого человеку нельзя доверять. Вот и Ольгерд, его знает. Он рассказал о том, что это жестокий разбойник, много лет служивший под рукой царя Михаила.

Король покрутил головой, словно ища поддержки. Не нашел, кивнул соглашаясь.

— Что же, королевское слово твердо. Я обещал награду герою, и он ее получит. Распорядитесь, чтобы к утру всех казаков сняли с колов и расстреляли. Но и награду тебе все же выдам, литвин. Жалую полное гусарское снаряжение, какое носит моя знаменная рота, пусть будет памятью тебе о милости короля!

Ольгерд склонился в глубоком поклоне и пир покатился дальше по накатанной колее. По случаю осады из подвалов были подняты самые неприкосновенные запасы, стол ломился от яств и оголодавшая за месяцы вынужденного поста придворная свита налегала на выпивку и закуску похлеще, чем разговляющиеся на Пасху казачьи полковники.

Через некоторое время король, выслушав в свою честь последнюю здравицу, покинул застолье и поднялся в свои покои. Вслед за ним стали собираться те, кто хотел покинуть цитадель до закрытия ворот. Убедившись, что Душегубец в замке так и не объявился, поспешил откланяться и Ольгерд.

Вышел на двор, вдохнул полной грудью холодный воздух, кликнул слуг, чтобы вывели коня. Вместе со слугами к нему вышли трое рейтар. Старший, представившийся гусарским поручиком, крепко пожал ему руку

— От нас, крылатых гусар, тебе особая благодарность. Ты спас короля, а значит отстоял и нашу честь. Вместо золота и титулов потребовал прекратить позорную казнь, а значит спас нашу и королевскую честь дважды. Король пожаловал тебе доспех, так что ты теперь почетный рейтар нашей роты. Но рейтару дворянской хоругви положен и достойный доспеха конь. Мы дарим тебе его, это лучший жеребец из наших конюшен!

По знаку поручика вышел из темноты слуга, ведя на поводу мышастого кряжистого коня. Мышцы, бугрящиеся под лопатками, выдавали в нем настоящего боевого тяжеловоза, способного перейти в боевой галоп, неся на спине запакованного в железо всадника. Конь, явно избалованный человеческим вниманием, бил копытом и недовольно храпел. Причина

недовольства была налицо — его благородную спину вместо привычного седока отягощали сейчас тюки с поклажей, в которой Ольгерд без труда распознал полное облачение гусара: панцирь, нагрудник, шлем с наушниками, наносниками и пластинчатой бармицей, длинную пику, чекан, позолоченные шпоры, непременную леопардовую шкуру и сложенные вместе знаменитые крылья.

По доспеху Ольгерд скользнул глазами без интереса. Проку от него было немного. Нацепи перья да пятнистые шкуры в бою, и начнешь притягивать все пули к себе, словно течная кобыла диких тарпанов. Что московиту, что казаку, что тому же татарину такой трофей — слава и застольный рассказ до третьего колена, о побежденном крылатом ляхе. А вот добрый конь был ему очень кстати. Ольгерд положил руку на холку, улыбнулся в ответ на капризный всхрап, протянул к благородной морде припасенный в кармане сухарь. Конь снова всхрапнул, но уже без возмущения, взял подачу одними губами, захрустел.

— Как звать? — спросил Ольгерд поручика.

— Генриком кличут, — ответил тот, одобрительно глядя на то, как Ольгерд знакомится с новым боевым другом. — Конь добрый, хотя и норовистый, в бою иногда его заносит, и еще московитов не любит шибко. По запаху что ли их различает?

*** * ***

Едва Ольгерд пересек крепостной мост, как за спиной, опускаясь, заскрежетала решетка — обитатели замка наивностью не грешили, несмотря на снятую осаду на ночь запирали ворота и выставляли сильные караулы.

На улицах, по вечернему времени, было пусто, лишь пару раз, явно испугавшись от оружного двуконного всадника скользнули вдоль стен неясные тени, то ли ранние воры, то ли припозднившиеся горожане. Ведя на поводу недовольного Генрика, Ольгерд спустился к ратушной площади и постучал в кольцо. Дверь ему открыла Фатима.

Глаза татарки радостно сверкали.

— Измаил объявился? — с порога спросил Ольгерд.

— Еще нет.

— А Сарабун?

— Лекарь прислал гонца с запиской. Сообщает, что тело старого бея подготовлено к погребению по вашему христианскому обычаю, но к закрытию ворот он не успеет и заночует в ногайском лагере.

Отвечая на вопросы, девушка мечтательно улыбалась. У Ольгерда поводов для веселья не было.

— Чему радуешься? — поинтересовался он, только сейчас осознав, что Фатима встречает его не в привычном костюме казачка, а в узком, подчеркивающем стройность фигуры черно-красном шелковом платье.

— Тому, что мы с тобой сейчас одни во всем доме, — ответила девушка, запирая за Ольгердом дверь.

— А где же слуги?

— Слуги живут в пристройке на заднем дворе. Пока тебя не было, я велела приготовить ужин, налить ванну для омовения и до рассвета из своих комнат носа никому не казать.

Девушка сделала попытку прильнуть к Ольгерду, но остановилась, упершись в выставленные руки.

— Ужинать не буду, я же только с королевского пира, сыт. А вот помыться бы не

помешало. Так здесь, ты говоришь, и ванна имеется?

Фатима коварно прищурилась и кивнула.

— Я, чтобы хоть чем-то себя занять и проверить, насколько безопасно это место, решила осмотреть весь дом, от подвалов до чердака. Обнаружила в амбаре большой деревянный чан. Велела перетащить его в одну из свободных спален, разжечь там камин, да кипятку наносить. Потом погнала служанку в лавку за лучшим сирийским мылом. Конечно, лучше стамбульских терм ничего нет на свете, но для города неверных, что не приучены к телесной чистоте, и такое сойдет. Ты с дороги, после походов и боев будешь косточки свои греть, а твой верный казачок спину тебе потрет… Шторы у здешних хозяев плотные, запоры крепкие, а стены толстые. Любиться можно вволю, без оглядки. Не так, как в лагере, где не скрипнешь, не вскрикнешь…

Ольгерд, отягощенный свалившимися на него горестями и заботами, о девичьей любви позабыл напрочь, а потому сразу и не понял, о чем она говорит. Когда понял, сам себе устыдился. Он представил себе, как опускается он в горячий дымящийся чан, благоухающий изысканными восточными ароматами, а вслед за ним туда забирается Фатима… От этих мыслей его воинское естество возжелало насладиться девичьим телом так остро, что, не собери он остатки воли в кулак, до ванны дело могло бы и не дойти. Однако взял он себя в руки, сказал себе, что сластолюбие — тяжкий грех и ответил, приглушая объявившуюся вдруг в голосе хрипотцу:

— Прости. Устал страшно. Не до того мне сейчас. За ванну спасибо, окунусь разок, чтобы пыль с тела смыть, а потом на отдых пойду. Завтра день будет тяжкий — Тараса хоронить, Душегубца искать, с Темир-беем непростой разговор вести. И ты тоже отдохни. Да не затворничай, слуг в дом позови, чтоб было кому у дверей караулить, мало ли что еще этой ночью произойдет. И переоденься в мужское платье. Чую я, что у здешних стен могут быть не только уши, но и глаза…

Девушка, явно не ожидавшая, что все ее чары окажут на Ольгерда действие не большее, чем комариный писк, поменялась в лице. С трудом удержавшись от обидных слов, фыркнула, крутанулась на месте, хлестнув его по ногам взметнувшимся подолом и вылетела из прихожей залы, словно на нее плеснули горячей смолы.

Видать большие надежды она на эту ночь возлагала, вздохнув от обиды подумал Ольгерд. Обижать Фатиму не хотелось, не заслужила она такого обращения и зла никому не желала, как ни крути. Но услаждать свою плоть, зная что тело Тараса еще не предано земле, он не мог.

Обещанную ванну Ольгерд отыскал по струящемуся из-за открытой двери пару. Скинул одежду, погрузился в обжигающую воду, застонал от удовольствия. При походной своей и не особо заможной жизни в такой роскоши мылся едва ли не в первый раз. Сидел поливая голову из ковша, пока вода не начала остывать. Чувствуя что вот-вот заснет, вылез, вытерся приготовленным полотенцем, накинул от греха подальше огромную, словно нераскроенный льняной холст, банную простыню и перешел в свою спальню.

Ощущая, как на плечи и голову тяжелой истомой наваливается сон, опустил голову на мягкую непривычно подушку, подтянул воздушное пуховое одеяло, закрыл глаза.

Сколько спал — неведомо, но выспаться определенно успел — голова была ясной, словно хрустальная вода из чистого горного ручья, а тело нежилось в сладкой истоме. Очнувшись, сообразил, что его разбудило. Шорох за дверью.

Дверь тихо скрипнула. Ольгерд сунул руку под матрац, где по въевшейся в кровь привычке был припрятан пистоль. Но оружие ему не понадобилось, в комнату ящеркой скользнула Фатима. Девушка, упорная, как английская собака-ищейка, похоже, справилась с обидой и, несмотря ни на что, решила довести задуманное до конца. Выполнив ольгердов приказ, она теперь была в наряде парубка, который, в свете заглянувшей в окно полной ярко-желтой луны

делал ее еще привлекательнее и желаннее…

Не говоря ни слова, Фатима задвинула за собой засов, споро расшнуровала завязки на шароварах и, взявшись за край, стала стягивать через голову рубаху. Взгляду Ольгерда открылись мосластые мальчишечьи бедра, которые скрывали в себе больше сладострастия, чем пышные фигуры многих красавиц, а вслед за ними и круглые высокие груди с отвердевшими, возбужденными сосками.

Девушка, обладавшая лисьей хитростью и настоящим звериным чутьем, точно угадала самый выгодный для себя момент. Распаренный и отдохнувший, Ольгерд уже набрался сил, чтобы ее хотеть, но недостаточно для того, чтобы сопротивляться.

Обнаженная девушка уселась прямо на одеяло. Тонкие пальцы легли на голову, разгоняя остатки сна начали играть волосами, шаловливо опустились к плечам. Ноготки царапнули по груди. Фатима потянула за край одеяла и чуть привстала, чтобы вытянуть его из-под себя.

— Нет, — сдерживаясь изо всех сил, чтобы не закричать, из последних сил прохрипел Ольгерд.

Девушка, не оставляя своего занятия, склонилась над ним так, что кончики их носов коснулись друг друга.

— Что же так? — спросила она. Ольгерд ощутил в ее дыхании запах мяты и душистых степных трав.

— Прошу тебя, уходи. — он взялся рукой за одеяло, пытаясь вернуть его на место. — Смерть кругом, до утех ли сейчас?

— Любовь и смерть всегда рядом ходят, — ответила девушка. — Кто-то погиб, кисмет, но мы ведь живы остались, и слава Аллаху. Отчего бы сейчас не порадовать свою бренную плоть? Может завтра уже будет поздно?

Девушка решительно вырвала одеяло из ольгердовой руки, стянула его, отшвырнула на другой конец спальни и, опустившись, начала укрощать своего избранника, словно опытная наездница строптивого жеребца.

После того, как между двумя разгоряченными телами не осталось даже столь призрачного препятствия, как тонкое пуховое одеяло, руки Ольгерда сжали бедра девушки так, что она громко застонала. Массивная кровать из крепкого дуба содрогнулась раз, потом другой. Высокая резная все сильнее и сильнее билась об стену, пока с гвоздя не сорвался и не упал с грохотом на пол портрет какой-то важной и хмурой дамы. Но этого никто заметил.

К тому времени как они, обессиленные, отдыхали — Ольгерд откинувшись на подушку, Фатима — сладко посапывая у него на груди, луна давно уже перестала бесстыдно пялиться на происходящее в спальне и проделала более трех четвертей своего обычного ночного пути.

Ольгерд как можно тише постарался подвинуться, чтобы размять затекшую руку. Девушка мигом открыла глаза и забегала руками по телу, явно намереваясь продолжить утехи. Ольгерд не возражал. Но не успели они вновь слиться, как из-за двери раздался осторожный, но настойчивый стук.

— Пан полковник! Это я, Йозеф! — Ольгерд узнал голос привратника. — Там у дверей жебрак вас спрашивает. Говорит, что он с вестью от какого-то пана Эйшмайла. Я его гнать хотел, да он ругается и грозит. Говорит что бардзо плина справа. Перепрошу пана, что дело очень срочное. Что прикажете делать?

— Скажи пусть ждет, я сейчас спущусь!

По коридору зачастили удаляющиеся шаги. Ольгерд осторожно поднял девушку, пересадил рядом с собой на кровать и потянулся к стулу, на спинке которого белела свежевыстиранная рубаха.

— Я с тобой! — категорично заявила Фатима, натягивая на стройные ноги брошенные на

пол шаровары.

* * *

Посланцем Измаила оказался оборванец со впалыми голодными глазами, на сажень вокруг себя источавший густой липкий запах городской помойки. Место, к которому он повел Ольгерда с Фатимой, оказалось на другом конце города. Коней, чтобы не на делать лишнего шума, они не брали, шли долго и добрались до цели уже к концу ночи, когда скупое на звезды небо Подолии начало помалу светлеть.

Как выяснилось, целью их путешествия было массивное, раскинувшееся на целый квартал двухэтажное здание с двускатной крышей и пристроенной колокольней. Окруженное множеством пристроек, оно одновременно напоминало церковь, ратушу и академию. Такое совмещение жилого, присутственного и духовного мест Ольгерду было хорошо знакомо — в землях Речи Посполитой едва ли не каждый большой город имел миссию одного из самых влиятельных орденов Римской церкви…

— Иезуитская коллегия, — тихо произнес Ольгерд. — Но что, черт возьми, здесь делает Душегубец?

— Что за коллегия? — переспросила Фатима.

Ольгерд прижал палец к губам, молчи мол, все объясню потом, и потянулся к поясу за ножом. Из узкого переулка, чернеющего напротив главного входа, вынырнул человек в остроконечном капюшоне — Измаил. Египтянин заметил Ольгерда, махнул рукой: "Не маячьте на виду" и подозвал к себе провожатого. Оборванец сливаясь со стеной соседнего дома, ринулся на зов. Поравнявшись с зашептал на ухо, в ответ получил монету и, рассыпавшись в неслышных благодарностях, шустро растворился в предрассветной дымке.

Совет проводили в тесной нише, под возбужденное сопение Фатимы, не пришедшей еще в себя после бурной ночи. Измаил в двух словах рассказал о своих поисках:

— Вначале пошел на здешний рынок. У торговцев глаз острый, нового человека всегда запомнят. Они направили меня к здешним ювелирам. А те рассказали про Дмитрия. Оказывается, наш Робин Гуд предлагал им купить драгоценности, несколько цепей и колец. Золото, по словам почтенного Шимуна, было явно награбленное, сообразная была предложена и цена. Робин Гуда предложение столь возмутило, что он сперва за саблю схватился, но скрипнул зубами и согласился, видать деньги были очень нужны. Опасаясь разбойного незнакомца, ювелир Шимун отправил вслед за ним одного из своих многочисленных племянников, который и отследил его путь от самой цитадели до заброшенной часовни, откуда тот вышел уже без сабли и в платье горожанина. Выкупив у ювелира нужные сведения, я отправился к указанному месту, где едва не столкнулся с Душегубцем нос к носу. Доведя его до этого вот места и убедившись что Дмитрий зашел в иезуитскую коллегию, я послал за вами гонца (простите, но среди ночи в на улицах никого приличнее не нашлось), а сам остался следить за зданием.

— Он еще там? — спросил Ольгерд.

— Судя по всему, да. Входы и выходы в коллегию имеются только с этой стороны, сзади глухая стена.

Ольгерд потрогал рукой усы.

— Ты что-то понимаешь, Измаил?

— По крайней мере догадываюсь. Во времена Смуты за его отцом, Дмитрием Самозванцем, стояли именно иезуиты. А наш Душегубец, похоже, твердо вознамерился идти по стопам родителя. Вижу во всем происходящем только одно — он готовится объявить себя внуком царя

Иоанна Васильевича.

— Да по мне хоть дочерью Римского папы. Что будем делать, ждать?

— Время сейчас против нас, — покачал головой египтянин. — Он королевский фаворит. Взять его днем будет гораздо сложнее.

— Тогда делаем так. Ты остаешься на улице, следишь чтобы не сбежал. Я с Фатимой грохочу в двери, представляюсь посланцем от короля, говорю что Ян Казимир велел немедля Дмитрию к нему прибыть. Выманим на улицу, а там уж по обстоятельствам.

— Согласен, — кивнул египтянин. — А если не захочет идти?

— Захочет, — усмехнулся Ольгерд. — Нас с Фатимом двое будет, у обоих оружие. Не отобьется в одиночку. Не думаю, что у братьев ордена Иисуса имеется собственная вооруженная охрана. Ну а если сбежать попытается — тогда он твой.

Измаил кивнул и попробовал на прочность свой посох.

Определившись с порядком действий, времени тратить не стали. Египтянин вжался в стену. Ольгерд, увлекая за собой "казачка" обежал квартал, подошел к обозначенному небольшой колоннадой главному входу коллегии и, припомнив, как называли Душегубца на пиру, грохнул кулаком в дверь и рявкнул по-польски:

— По приказу Его Величества! Имею срочное донесение для пана Деметриуса!!!

Не успел он договорить, как дверь вдруг распахнулась так споро, будто бы их давно уже ждали. За дверью стоял слуга в черной рясе, более напоминающей наглухо застегнутый длиннополый сюртук. В руке он держал фонарь:

— Скорее! Господин професс велел немедля препроводить вас к себе без малейшего промедления.

Стараясь не удивляться столь неожиданному приему, Ольгерд сановно кивнул, будто иного и не ожидал и, кивнув Фатиме: "За мной", уверенно затопал вслед за слугой по длинному коридору.

Поднявшись на второй этаж, они оказались в богато обставленном кабинете с огромной картой на всю стену, где их ожидал настоятель коллегии или, по-иезуитски, професс — пухлый шустряк с приплюснутым носом, двойным подбородком и отвислыми щеками, над которыми сально посверкивали маленькие поросячьи глазки. Обтягивающая приталенная сутана в подробностях подчеркивала все недостатки бесформенной оплывшей фигуры, которая служила наглядным примером того, до чего может довести праздный образ жизни и всяческие излишества.

— Где он? Вы его привели? — с дрожью в голосе спросил професс и короткими семенящими шажками бросился навстречу прибывшим.

Не зная, что говорить, Ольгерд застыл на месте.

— Отвечайте же! — Взвизгнул резаным поросенком толстяк, глядя на Ольгерда снизу вверх. Кто вы такие? Это он вас прислал?

Твердо намереваясь доиграть взятую роль до конца Ольгерд по-солдафонски шевельнул усами и повторил:

— По приказу короля я должен доставить к Его Величеству некоего Диметриуса, находящегося сейчас в здесь, в коллегии. Дело срочное, скажите где он сейчас находится, и я сам к нему подойду.

Теперь настала очередь профессора удивленно хлопать глазами.

— Так значит это не он вас послал? — после долгой паузы спросил толстяк, свергнув россыпью надетых на пальцы бриллиантовых колец, по сравнению с которыми купленный на подоле венецианский перстень показался бы медной безделушкой.

— Как же он мог нас послать, святой отец, если это мы прибыли за ним? — рявкнул

Ольгерд.

Щеки и подбородки професса затряслись мелкой дрожью.

— Значит он меня все таки обманул… И я никогда не увижу больше своего ангелочка!

Толстяк захлюпал носом, определенно намереваясь предаться горестным рыданиям, но Ольгерд остановил его, встряхнув за плечо так, что перстни професса застучали на руках в такт зубам.

— А ну-ка, отче, давай выкладывай все как есть! Времени нет реветь, король гневается, а я службу терять не хочу. Ты, Фатим, пока оглядись тут вокруг, а мы с паном настоятелем побеседуем по душам.

"Казачок" понятливо кивнул, не удержавшись бросил на Ольгерда кокетливый взгляд и исчез за дверью.

Профес, несмотря на свое расстройство, переглядку своих посетителей не прозевал. Посмотрел внимательно вначале на уходящую Фатиму, причем взор его был явно нацелен ниже пояса, затем оценивающе окинул сверху донизу самого Ольгерда. Осмотр этот его удовлетворил. Вытерев рукавом глаза и последним хлюпом загнав в нос повисшие сопли, толстяк начал говорить:

— Мой… то есть наш новиций, Анджей. Талантливый юноша, гордость коллегии. Его поймали на улице и взяли в заложники. Этот ваш Дмитрий и поймал. Он появился позавчера, вскоре после того как по городу разнеслась весть, что московиты наконец-то сняли осаду и ушли. Этот страшный человек сказал, что мой… наш Анджей спрятан в надежном месте и потребовал от меня рекомендательное письмо профессу рижского коллегиума. Думая, что это нелепый розыгрыш, я отказал ему. Он рассмеялся, предупредил, что если обнаружит за собой слежку то тут же снесет мальчику голову и дал мне два дня на размышление. А сегодня ночью объявился вновь. Это были самые страшные два дня в моей жизни. Анджей не объявлялся и я теперь был готов на все! Этот бессердечный разбойник получил от меня то, что хотел, и сказал, что вскоре прибудет гонец, который расскажет, где находится Анджей. Я ждал гонца, а пришли почему-то вы…

Ольгерд еще раз тряхнул професса, пресекая рыдания и спросил:

— И чем же так ценен этот ваш новиций, что ты пренебрег вашей знаменитой иезуитской дисциплиной и согласился выдать документ, который определенно не должен послужить вящей славе ордена?

Профес-настоятель схватил руку Ольгерда своими пухлыми лапками и мерзко поскреб средним пальцем по внутренней стороне ладони. При этом глазки святого отца сощурившись, превратились в совершеннейшие бусинки, а второй подбородок снова задрожал.

— Неужели ты не понял, сын мой? Когда вы обменялись взглядами с этим милым мальчиком, которого ты послал осматривать коллегию, я сразу догадался, что ты из наших. Поверь, мне, этот юноша искренне в тебя влюблен, не то что мой капризный Анджей. Мальчишка вьет из меня веревки, но я не могу без него…

Ольгерд освободился от сального рукопожатия и снова хотел встряхнуть професса так, чтобы из него посыпались кости. Мужеложцев он на дух не переносил.

— И ты отдал ему письмо, не увидев заложника?

— А что мне было делать? Но я в свою очередь принял определенные меры для того, чтобы обезопасить себя даже если он… Если мой Анджей… У братьев есть система тайных знаков, по которым в Риге поймут, что податель письма не имеет нужных полномочий. Он не получит того, что хотел и вынужден будет вернуться ко мне…

— Ты не представляешь с кем связался, — усмехнулся Ольгерд. — Все ваши хитрости для этого человека все равно, что паучьи сети для шершня. Если он вернется, не получив своего, то

будет пытать тебя до тех пор, пока ты не сделаешь все как надо. Или, что скорее всего, будет нарезать твоего Анджея на ломти, словно колбасу, прямо у тебя на глазах… Ну да ладно, Это мы сможем обсудить позже. Сейчас отведи меня к нему.

Професс выпучил глаза и пролепетал, парализованный страхом:

— Но его уже нет в коллегии.

— Как нет? — остолбенел Ольгерд. — Никто не видел его выходящим из здания.

Професс замялся.

— Из наших подвалов проложен подземный ход. Он выводит в один из неприметных домов, где живет наш мирской брат, чья связь с орденом… не очевидна. Димитрий сказал, что хочет избежать слежки, и я лично проводил его в подземелье.

— И где же этот дом, в который ведет подземный ход?

— У городских ворот. Второй справа по улице, ведущей к ратуше.

Вмиг позабыв о погрязшем во грехе собеседнике, Ольгерд пулей выскочил из кабинета, кликнул Фатиму, и вихрем пронесся по коридору. Оказавшись на улице махнул Измаилу и, вытягивая на бегу пистоль, ринулся в направлении возвышающейся над крышами надвратной башни.

Оружная группа, целеустремленно несущаяся по улице, выглядела столь грозно, что ранние прохожие испуганно жались к стенам. Рискуя сбить дыхание, Ольгерд на бегу рассказал обо всем Измаилу, так что к тому времени когда они добрались до цели, египтянин уже владел ситуацией. Дом, указанный настоятелям искать не стали, помчались сразу к воротам. Стража стояла вчерашняя и Ольгерда срезу узнали. На оклик часового к компаньонам, вышел из караульного помещения капитан. Судя по округлившимся глазам, он никак не мог взять в толк, что делает обласканный королем герой спозаранку у ворот, к тому же пеший, с саблей наголо и в сопровождении двух колоритных спутников — казачка-татарчонка и странного лысого богомольца.

— Пан Дмитрий выезжал? — не вдаваясь в объяснения спросил Ольгерд.

— Был, — кивнул капитан. Сигнал на подъем решетки дали с полчаса назад, так он еще раньше прибыл.

— Пеший? на коне?

— О двуконь, с поклажей и при всем оружии. Похоже, собрался в дальний путь и торопился так, словно за ним погоня…

Ольгерд сплюнул и с силой вогнал в ножны ни в чем не повинную саблю.

Капитан завистливо покосившись на сверкающее в рассветном солнце золото эфеса и стяжек, осторожно поинтересовался:

— А что, очень был нужен?

— Просто до смерти, — хмуро ответил Ольгерд и позвал компаньонов с сторонку, снова держать совет.

— Ну, что теперь предлагаешь делать? — спросил Измаил.

— Непонятно что ли? Возвращаемся в свой дом, готовим коней — и в погоню. Куда он отправился, нам известно…

— А вот в этом я бы не был так уверен. Этот любитель мальчиков, професс, был, конечно, до смерти перепуган, но говоря про Ригу, мог ведь и обмануть…

— Не мог, обманул! — хлопнул себя по лбу Ольгерд. — А я то все думаю, что мне в его рассказе не понравилось. Тогда делаем так. Фатима — домой, бери лошадей и приезжай к иезуитом. Хватит ноги мозолить, пешим ходом мы и до утра всего не успеем. А мы с Измаилом, чтоб времени не терять, сразу пойдем в коллегию, да поговорим с жирдяем по душам.

Открыли им уже не так поспешно, как в первый раз. Однако препятствий чинить не стали и

проводили в давешний кабинет, правда уже с докладом.

Професс сидел у камина вжавшись в высокое кресло и растрепанным своим видом напоминал взъерошенного сыча.

— Обманул ты меня отче! — не дав ему опомниться рыкнул Ольгерд. — Сказал что выдал письмо к настоятелю Рижской коллегии. Но ведь Рига уже лет тридцать как шведский город. И вашего брата иезуита король Густав-Адольф погнал оттуда поганой метлой. Литвины-кальвинисты об этом часто рассказывали. Так что нет там никакой вашей коллегии.

— Ну нет, так и что, — безразличным голосом ответил професс. — Вам-то что до этого? Анджея моего не вернешь…

— С чего ты это взял? — вступил в разговор Измаил. — Мы вполне можем вернуть тебе юношу. Но только если ты честно расскажешь о том, что на самом деле хотел от тебя этот бандит.

В поросячьих глазках професса вспыхнула тоскливая надежда.

— Вы знаете, где он?

— По крайней мере догадываемся. И можем тебе помочь. Но для того, чтобы мы захотели это сделать, ты должен хоть немного пойти нам навстречу.

— Толстяк спрыгнул с кресла, погрел руки у камина, помотал головой и, словно решив, будь что будет, заговорил:

— Ты прав, воин. Письмо, которое я выдал этому страшному человеку, предназначалось не для професса рижской коллегии, а для смотрителей тайного архива.

— Какого еще архива?

— Еще с тех времен, когда Ригой владели построившие там крепость тевтонцы, в городе находится спрятанная в подземелье библиотека. Дело вообще-то темное, говорят что там хранятся архивы тамплиеров, которые братья-рыцари втайне привезли с Кипра после разгрома ордена. С четырнадцатого века библиотека пополнялась важными документами — хранители не скупясь приобретали семейные архивы дворян, путевые записки и прочее. Ходят слухи, что именно они купили у царя Василия Шуйского библиотеку Иоанна Гордого. А еще говорят, что там хранятся уничтоженные летописи времен первых князей-Рюриковичей, подлинные протоколы допросов Орлеанской Девственницы и много иного. Деньги у хранителей есть, потому что доступ в архивы стоит целого состояния. Письмо, которое я выдал Дмитрию, было адресовано именно к к ним. Братья ордена Иисуса являются посредниками между хранителями и внешним миром…

— И что же нужно было Дмитрию в этих архивах?

— Это не мое дело. Все что мне известно — он просил указать в письме, что хочет ознакомиться с домашними бумагами какого-то сиротки.

— Как же по-твоему он тебя нашел?

— Да он и не скрывал, что насмерть запытал одного из наших братьев, частично посвященного в тайну. Тот несчастный не имел полномочий выдавать подобные письма и открыл безбожнику мое имя.

— Вот что, — немного поразмышляв, сказал Ольгерд. — Давай так уговоримся, святой отец. Если мы возвратим твоего новиция в целости и сохранности, то ты нам выдашь точно такое же письмо, какое написал Дмитрию. Только уже безо всяких подвохов. Клятвы у тебя не прошу, знаю, что у ваших братьев цель важнее чем средство и ложь ради дела за грех не считается. Но помни, что мы — единственные, кто может спасти тебя от мести этого человека.

Измаил, слушая Ольгерда, одобрительно кивал.

Професс вздохнул и сжал пальцы так, что перстни на них застучали будто гишпанские кастаньеты.

— Я дам вам все что хотите. Только верните его…

На улице их ждал Фатим с конями.

— Ты и вправду думаешь, что мальчишка еще жив? — спросил Ольгерд у Измаила. — Я-то, пообещав возвратить маленького развратника, просто тебе подыграл.

— Задачка не из сложных, — фыркнул, заскакивая в седло, египтянин. — Я же говорил, что перед тем как отправиться в коллегию, Дмитрий посетил старую заброшенную часовню. Как ты думаешь, что там он делал?

— Не иначе как там мальца и держал. Только живым ли?

— Если бы умертвил, то не стал бы никуда заходить. Незачем. Дмитрий не дурак и на слово верить старому греховоднику бы не стал. Значит заложника в тайнике под охраной. Место безлюдное, в купол попала молния с тех пор службы там не ведутся, а горожане, считая часовню дьявольским местом, обходят ее стороной. Лучшего места для тайника не придумать.

Двинули в сторону часовни. По дороге пытались разобраться в происходящем.

— По всему выходит, что я ошибался, — рассуждал Измаил. Не иезуиты и король нужны были Душегубцу в Клеменце, а именно пропуск в рижские архивы. Он его получил помчался на север. А это в свою очередь означает, что Черным Гетманом он еще не завладел.

— А если он его все же разыскал реликвию и приехал к польскому королю договариваться о совместных действиях? — выразил сомнения Ольгерд.

— Ну уж нет, — дернул головой Измаил. — Будь у него в суме заветный пернач, Дмитрий первым делом отправился бы не к полякам, а запорожцам. Ян Казимир ведь кто? Католик, иезуитский воспитанник. Для него языческая реликвия не более чем вредное суеверие. Потом, конечно, духовные отцы ордена сообразили бы, какую пользу может принести подобный предмет и объявили его например "оружием Георгия Победоносца". Но это позже. А вот старшина запорожцев встретит человека с Черным Гетманом как Мессию. Судя по тому, что я слышал от тебя, правлением Хмельницкого очень многие недовольны.

— Казаки любым правлением недовольны, — пробурчал Ольгерд. — Им только тот хорош, кто привилегии даст, да службу сильно не спросит. В остальном же ты прав, друже. Будь у него Черный Гетман, он бы уже действовал, а не искал какие-то бумаги. И уж ни в коем случае не ездил бы в одиночку, рискуя бесценной вещью. А вот если предположить, что Черного Гетмана у него пока нет, тогда все становится на свои места.

— Из Киева он отправился скорее всего в Литву к Радзивиллу, — продолжил размышлять вслух Измаил. — Но там ничего не смог узнать. Во всяком случае поиски привели его в этот странный тамплиерский архив. А вот здесь какая-то неувязка.

— Неувязки нет, — встряла в разговор Фатима. — Вчера в доме слуги говорили меж собою о том, что гетман литовский Януш Радзивилл скончался от болезни. Жаловались друг другу, что умер последний магнат, которого бунтовщики-казаки боялись похлеще Иеремии Вишневецкого.

— Вот значит, как, — протянул Измаил. — Ну тогда все понятно. Скорее всего наш приятель то ли не успел переговорить с самим князем, то ли разговор их завершился раньше, чем этого хотелось обоим. Но он все же получил какую-то зацепку, которая потребовала пропуска в Ригу. А раз так, то мы можем его опередить.

Часовня, черное покосившееся здание с обрушенным куполом, стояла в дальнем конце пустыря и, подобно зачарованному замку из сказки про спящую красавицу, чуть не доверху заросло густым ползучим кустарником. Спешились, осмотрелись.

— Место, конечно, глухое. Тут хоть из пушек пали, кроме ворон никто и не всполошится, — оценивая подходы, проговорил Ольгерд. — Однако незамеченным подойти засветло не удастся. Без сторожей Дмитрий мальчишку вряд ли оставил. И скорее всего дал приказ при любой опасности заложника прикончить. Впрочем, если это обычные его люди, то и

без него догадаются. Так что придется нам до ночи это место скрадывать.

— Зачем? — удивленно спросила Фатима. — Их там двое, от силы трое. Чтобы справиться с ними мне и вы не нужны. Позволишь, господин?

Ольгерд пожал плечами и согласно кивнул. Девушка, мигом обратившись в змею, соструилась с коня на землю и споро поползла к закопченным стенам. Со стороны было лишь видно, как то здесь, то там шевельнулась зимняя сухая трава. Не прошло и четверти часа как со стороны часовни раздался звонкий веселый голос:

— Можно идти! Он здесь!

Ольгерд и Измаил не сговариваясь припустили вперед.

Как выяснилось, сторожей при заложнике было двое. Теперь же оба они лежали на каменном полу, истекая кровью. Один с перерезанным горлом, другой с кинжалом, загнанным по самую рукоять в глазницу.

— Где мальчишка?! — громыхнул Ольгерд так, что по часовне загуляло частое эхо. — Зачем ты сразу их убила? Нужно было вначале порасспросить.

— Я и расспросила, — обиделась Фатима. — Сперва этого, — она указала на разбойника с разрезанным горлом, — но он вел себя невежливо, так что разговаривать пришлось со вторым…

— А убила зачем?

— Он руку из пут вывернул, попробовал напасть. Ну да дело не в этом. Как ты и предполагал, их было всего двое. Городская голытьба, Дмитрий их нанял три дня назад, показал мальчишку, велел держать в подвале, дал денег на питание из расчета на две недели, сказал, что если не вернется, чтоб придушили по-тихому пленника и здесь же и закопали.

— Где он?

— Тут же, в подвале, — Фатима указала пальцем на чернеющую в дальнем углу дыру.

Наспех соорудив из хвороста факелы, Ольгерд с Измаилом спустились в тесное помещение в котором обнаружилась сжавшаяся фигурка с мешком на голове.

— Как зовут? — спросил по-польски пленника Ольгерд.

Из мешка донеслось сдавленное мычание. Измаил вынул нож, срезал путы, стянул мешок и вытащил изо рта у пленника кляп.

— Н-новиций Анд-джей, школ-ляр К-клеменецкой к-коллегии, — заплетаясь, ответил тот. Компаньоны облегченно вздохнули.

Похищенный, даже чумазый, со слипшимися волосами и в разорванной грязной сутане, столь разительно напоминал красавчика-херувима, как их обычно изображают в церковных росписях, что Ольгерду отчасти стало понятно горе греховного професса.

Прочее было делом рутинным. Мальчишку, непривычного к верховой езде усадили на круп за спиной у Ольгерда и отправились в коллегию, кликнув по дороге городскую стражу, чтоб прибрали тела разбойников, осмелившихся напасть на героя.

Сцены встречи двух влюбленных Ольгерд хотел избежать, но не мог: нужно было дожимать иезуита по горячим следам. Дав толстяку немного порыдать на груди у мальчишки который, капризно поджав губы, выговаривал своему покровителю за то, что тот так долго не мог его освободить, он брезгливо, двумя пальцами оттянул новиция в сторону и красноречивым жестом указал профессу на письменный стол. Тот тяжко вздохнул, уже жалея о данном обещании и прищурил глаза, явно что-то замышляя. Ольгерд, не мудрствуя лукаво, показал старому мужеложцу кулак. Тот испуганно, но вместе с тем и как-то ностальгически кивнул, не беспокойтесь мол, ясновельможный пан, все понимаю, окунул перо в чернильницу и склонился над чистым листом. Анджей поглядел на Ольгерда и нахмурился.

— На кого делать послание? — спросил, оторвавшись от листа, професс.

— На нас обоих. — Ольгерд показал на себя и на Измаила. — Его зовут…

— К сожалению, так не выйдет, сын мой. — перебил его иезуит. — Правила у хранителей строгие и пропуск в библиотеку может получить лишь кто-то один.

Ольгерд переглянулся с египтянином.

— Я, конечно, быстрее смогу разобраться в бумагах, — немного подумав, сказал Измаил. — Но все же уступлю это право тебе.

— Почему? — спросил Ольгерд.

— В твоих жилах течет кровь древних князей. А это сейчас намного важнее любых знаний. Кровь отпирает замки. То, что я буду искать месяцами, тебе может открыться всего за день.

— Как найти хранителей в Риге? — спросил Измаил, после того как професс, передал ему присыпанное песком послание.

Толстяк встал на цыпочки и зашептал египтянину в ухо. Тот выслушал, еще раз пробежал глазами письмо и кивнул Ольгерду: "Порядок!"

Под ликующим взглядом професса и хмуро-подозрительным его фаворита, компаньоны покинули кабинет.

— Куда теперь? — спросила Фатима.

— Едем в Ригу! — решительно сказал Ольгерд. — Но прежде нужно отдать все здешние долги.

*** * ***

Город покидали после обеда. Сменившийся караул у ворот Ольгерда и его друзей не признал, но наемники — алебардисты, усмотрев на спине у вьючного коня королевский подарок, сложенные гусарские крылья, выпустили компаньонов из города без расспросов.

Выехав на подъемный мост, Ольгерд сперва страшился глядеть вперед. Проехать дважды сквозь страшный казацкий строй могло и не хватить духу. К счастью дорога была свободна. То ли Ян Казимир, оставшись без фаворита-советчика, прислушался к просьбе Ольгерда на пиру, внял здравому смыслу и одумался сам, то ли своего добился Обухович, но это было уже и не важно. Теперь за стенами крепости о казни напоминали только чернеющие в земле дыры, оставленные колами, да придорожные, кое-где политые запекшейся кровью.

Ногайский лагерь бурлил. Татары гасили костры, сворачивали палатки и разминали лошадей — собирались сниматься и уходить. Темир-бея Ольгерд застал на возвышенности, где еще недавно стояла его большая белая юрта. Ногаец, не слезая с коня держал совет с мурзами — командирами отрядов, у татар это было принято перед началом походного марша.

Дождавшись когда завершится совет, Ольгерд махнул бею рукой и подъехал ближе.

— Уходишь? — задал вопрос Ольгерд.

— Король не хочет пятнать свои руки кровью, — ответил бей. — Он уклонился от встречи со мной, чтобы не давать личного согласия на ясырь. Но ему больше нечем мне заплатить, поэтому мы пройдем по этим землям и заберем все, что захотим.

Ольгерд сдавил в кулаке уздечку и скрежетнул зубами. Что такое татарские набеги, было ему известно не с чужих слов…

— Ну что, получил свою награду? — спросил, прищурившись, старый ногаец.

— Получил, — кивнул Ольгерд. — Только награда эта из тех, что держат в родовых поместьях и показывают одним лишь друзьям.

— Наслышан, — ухмыльнулся Темир. — Выгодную службу ты променял на легкую смерть пленных врагов.

— Не врагов, а противников, — поправил Ольгерд. — С противниками встречаешься

оружно только на поле боя. Врагов же преследуешь, пока не убьешь или же не погибнешь сам.

Может и так, — согласился старый бей. — Ну да ладно, когда мы встретимся с тобой в мирное время у меня в юрте, тогда и поговорим о добре и зле. Сейчас же, как я понимаю, ты приехал для того, чтобы я освободил тебя от данной клятвы?

— Именно так, — кивнул Ольгерд.

Темир-бей окинул взглядом строящихся в колонну конников. Помолчал. Начал медленно говорить.

— Мы привыкли к тому, что неверные зовут нас ногайцами. Но наш народ зовется мангыт. Мы потомки завоевателей, которых привел в эти земли внук хана Джучи, Ногай. Степь от Днепра до Волги обильно полита нашей кровью и щедро усеяна могилами наших предков. Это наша степь. Но ее пытаются у нас отнять. Московиты и польские магнаты возводят на границах деревянные укрепления. Казацкий гетман теперь платит дань не королю Яну, а царю Алексею. Этот король без королевства, попавший в капкан, словно амбарная крыса, предаст нас при первой же возможности. Если так будет и дальше, то не успеет в степи сто раз зазеленеть трава, как в ногайские степи придут воины с пушками и ружьями, возведут на месте деревянных каменные стены и захватят Крым. И нам, ногайцам больше негде будет кочевать…

— Если бы народ мангыт мирно жил, разводя овец и коней, а не богател набегами на Русь, не было бы против вас никакой войны, — ответил Ольгерд.

Старый бей лишь пожал плечами.

— Аллах определил предназначение не только каждому человеку, но и каждому народу. Из нас не сделать мирных скотоводов, как не сделать из волков пастушьих собак…

Пожал плечами в ответ и Ольгерд.

— Тот, кто строит свое благосостояние на несчастье соседа, не должен уповать на Аллаха, когда сосед становится сильнее и более не желает сносить обид. Но какое это имеет отношение к моей просьбе?

Бей улыбнулся.

— Ты со своим другом ищешь Черный Гетман. Но мне и моему народу он нужен тоже. Я освобожу тебя от клятвы взамен на новую. Ты пообещаешь мне, что как только узнаешь о судьбе этой реликвии, то дашь мне об этом знать. Дмитрий — мой племянник, и я имею на это полное право.

С точки зрения христианских законов, от клятвы, данной мусульманину, Ольгерда мог освободить первый же встретившийся по дороге священник. Но его связывало с Темиром нечто гораздо большее — общая тайна и воинское братство, для которого все боги равны, а благородство определяется не вероисповеданием и цветом кожи, но доблестью. "Я не обещал Измаилу, что никому не буду рассказывать о наших поисках", подумал он, и решительно произнес:

— Я готов тебе в этом поклясться, Темир! Только как разыскать твое кочевье в степи?

— У любого степняка спросишь, где ногайский курган. Туда каждую новую луну приезжает гонец из моего стойбища. Он и доставит весть.

Ольгерд с Темиром соскочили с коней, вынули из ножен кинжалы и, вытянув руки над тлеющими углями незатушенного костра, скрепили данное слово кровью.

К тому времени когда друзья выехали на высокий берег Буга, к месту, которое Сарабун выбрал для того, чтобы похоронить казненных, легкие на подъем татары удалились от лагеря на две версты. Снятых с колов казаков похоронили в братской могиле, но сотника Тараса Кочура, стараниями неутешного лекаря, положили наособицу, над самым обрывом, вздыбив над холмиком свежевыкопанной земли высокий, в два человеческих роста, черно-красный гранитный обломок, на котором городской резчик заканчивал высекать православный крест.

Измаил и Фатима остались в сторонке — Кочура им знать не довелось, да и были они не христианской веры. Ольгерд же помолился вместе с Сарабуном за упокой грешной сотниковой души, постоял, вдыхая холодный воздух, и осторожно потянул спутника за рукав. Нужно было продолжать путь. Рассказывать о последних кочуровских делах Ольгерд Сарабуну не стал. Решил, пусть лучше останется он в глазах верного слуги не неудачливым заговорщиком, а истинным запорожским лыцарем. Да и знать о мрачных тайнах казацкой старшины лекарю в общем не полагалось.

До Риги, куда теперь лежал их путь, было три недели пути.

Мертвая тишина

Всадники вынырнули из-за деревьев неожиданно. Ольгерд втянул ноздрями колючий морозный воздух и отмахнулся рукой в сторону своих спутников, чтобы не полошились. Для рейтарского патруля, объезжающего рижские предместья бедный шляхтич на ленивом неповоротливом меринке, путешествующий в сопровождении трех беженцев, интереса не представлял, однако дотошные и исполнительные шведы простым осмотром не ограничились.

— Кто такие? — поравнявшись с конными путниками, грозно спросил огненно-рыжий офицер с торчащими, словно у кота, усами.

— Я шляхтич из свиты князя Богуслава Несвижского, — ответил Ольгерд, протягивая приготовленную бумагу. — Со мной мещане Гродненского воеводства, Ивенского повета. Сбежали от казацких погромов, едут в Ригу под защиту доблестного генерала де ла Гарди…

— И этот тоже литовский мещанин? — хмыкнул рейтар, указывая на казачка-Фатима.

— А кто же еще? — Ольгерд, как мог, изобразил на лице искреннее удивление. — В Литве со времен Гедимина живет множество оседлых татар, а в Ивне, откуда он родом, даже мечеть имеется…

По настоянию Измаила, все привезенные из Клеменца богатые трофеи вместе с породистыми дорогими конями были оставлены в Виленском постоялом дворе, благодаря чему маленький невооруженный отряд смог добраться до цели не привлекая к себе внимания. Беженцев на дорогах было пруд пруди, а бедные литовские шляхтичи, желающие пойти на службу к шведам, и вовсе сбегались в устоявшую после нападения московитов Ригу, как осы на мед.

Швед скосился на одного из своих подчиненных, судя по расшитому кунтушу, поляка. Тот, подтверждая слова шляхтича, кивнул. Махнув рукой: "Езжайте!", рейтар пустил коня по дороге походной рысью, и разъезд скрылся за ближней рощей. Ольгерд бережно свернул грамоту, которую подделал в Вильно писец-иудей, и вернул ее в сумку.

Отряд двинулся по дороге, миновал заснеженную сосновую рощу и вскоре перед компаньонами открылась скованная льдом река Двина, в излучине которой раскинулся большой город.

Ольгерд остановился, разглядывая высокие насыпные валы и вздымающиеся за ними острые золоченые шпили церквей.

— И это та самая знаменитая Рижская крепость, которую не смогла взять армия русского царя? — с сомнением поинтересовался Измаил, выпростав руку из подбитого шерстью плаща, куда он кутался по непривычке к северной зиме, и указывая на изрядно пострадавшие от артиллерии земляные валы.

— Север не степь. Здесь побеждают не сабли и копья, а пушки и мушкеты, — ответил Ольгерд. — Ригу строили по самым новым голландским чертежам. Такие вот земляные стены с бастионами защищают от пуль и ядер почище, чем клеменецкие каменные фортификаты…

Египтянин промолчал. В делах военных он во всем доверял Ольгерду. Ольгерд же, оглядев внимательно город, кивнул с уважением. Русские пушкари поработали, что тут и говорить, на славу. Даже издалека было видно, что все городские укрепления изгрызены ядрами, словно червивое дерево. Однако русский царь и его воеводы, не решившись на штурм и сняв осаду, были правы. Оборонительные валы высотой не меньше, чем в пять саженей с пятью бастионами и четырьмя треугольными равелинами, окруженные рвом, делали лобовой штурм города делом бессмысленным и кровавым.

Миновав предместья и двухсотсаженный палисад, компаньоны достигли ворот и въехали в

город. Поплутав в лабиринте переулков, вскоре прибыли к конечному пункту совместного путешествия — большому постоялому двору.

— Ну что, делаем все, как уговаривались? — спросил Ольгерд.

— Именно так, — кивнул Измаил. — Мы остаемся здесь, ты действуешь в одиночку.

Расстались как случайные попутчики, без прощальных церемоний и напутственных слов. Ольгерд направил коня в боковую улицу, кивнув друзьям, не бойтесь, мол, все будет путем. Нахмурился, встретившись с жадным взглядом Фатимы, но отвернулся и, заставив себя позабыть обо всем, кроме предстоящего дела, двинулся в сторону замка.

Еще в Вильне, после долгих споров, все же решили, что живописная, притягивающая внимание прохожих троица: богомолец, лекарь и татарчонок, останутся на постоялом дворе и будут отвлекать на себя внимание возможной засады, а заодно и рыскать по городу в поисках Душегубца. Ольгерду же предстояло ехать на встречу с загадочными хранителями.

Изнутри устройство рижских укреплений можно было рассмотреть в подробностях. Со стороны реки шанец был сделан из камня, а с суши — из глины. Торчащие над насыпями дымящие трубы свидетельствовали о том, что валы были полыми изнутри и служили одновременно казармами для гарнизонных солдат. Сама же Рига, еще не до конца оправившаяся от последствий осады, представляла собой едва не сплошную стройку. Главная, ведущая к замку улица, вздыбившись вывороченным булыжником, чернела длинными, отогретыми с помощью костров траншеями — по городу, невзирая на зимнюю пору, спешно прокладывали водопровод.

Центральный замок, выстроенный еще Ливонским орденом, был довольно неказист, не отличались изысками также стоящие неподалеку дом генерал-губернатора и странная деревянная башня, более всго напоминавшая китайскую пагоду. Тем величественнее на фоне приземистых и некрасивых зданий выглядели старинные соборы.

*** * ***

Добравшись до центра города Ольгерд первым делам отыскал местную биржу. Там за грабительскую сумму, целых двадцать пять рейхсталеров в неделю, арендовал небольшой одноэтажный особняк без прислуги. Маклер, латыш с картофельным носом и бегающими глазами, в ответ на вопрос о цене лишь развел руками: "Дешевле никак не выйдет, герр риттер, война. Приличных домов в городе по пальцам перечесть". Оплатив аренду сразу за две недели, Ольгерд получил ключи и, следуя за с провожатым, отправился определяться на постой.

Дом оказался именно таким, как нужно для предстоящего дела — внешне неброским, но с крепкими каменными стенами, хорошим обзором из окон и, главное, большой печью, обогревающей одновременно две смежные комнаты. Провожатый показал ему заготовленные в пристройке дрова, рассказал, где расположен ближайший колодец, получил серебряный грош на чай и исчез.

Ольгерд растопил печь, погрелся у гудящего огня. Возвращаться на улицу не хотелось но — дело прежде всего. Разузнав у прохожих, где находятся ближайшие к дому конюшни, а таковыми оказались рейтарские казармы, Ольгерд отправился туда и, за небольшую мзду, поставил коня на довольствие. Затем, справившись у конюхов, где можно недорого и вкусно поесть, отыскал в лабиринте коротких изломанных переулков неприметную таверну "У Язепа". Толстый хозяин на просьбу об ужине, молча исчез на кухне, а вернувшись выставил на стол заячьи потроха в сметане, отварную репу и свинину с бобами. Справившись с сытной и вкусной едой, Ольгерд опрокинул полштофа подогретого пива, расплатился и двинул пешим порядком в сторону городского замка.

Указания, которые дал компаньонам клеменецкий иезуит, были очень просты. В шесть часов вечера часов в любой день недели обладателю письма надлежало встать на правом, если стоять лицом к фасаду, углу церкви святого Петра и, под бой городских часов, достать из сумки или кармана конверт. После чего как утверждал професс: "Те, кто вам нужен сами вас и найдут".

К шести Ольгерд едва успел — перепутал нужную церковь с величественным Домским собором, отстоящим от нее менее чем в сотне саженей. Однако к первому удару отбивающего время колокола уже стоял на оговоренном месте. Растопырился шляхтичем-разиней, не видевшим в жизни зданий выше кладбищенской каплицы, встал на углу и, запрокинув голову, начал разглядывать церковные шпили. Как только часы начали бить, сделал вид что вспомнил вдруг о данном ему поручении, оглянулся на башню с циферблатом, достал из сумки пакет и озабоченно повертел его в руках. Повертелся из стороны в сторону, давая тайным соглядатаям возможность разглядеть большую сургучную печать, спрятал письмо обратно за пазуху и походкой занятого человека пошел по разрытой улице в сторону своего дома.

Не успел он насчитать полсотни шагов, как сзади раздался тихий, чуть сиплый голос:

— Не оборачивайся. Сейчас сверни во второй переулок справа. Там в одном из домов будет открыта дверь. Туда зайди, дверь за собой захлопни, щеколду задвинь. Тебя ждут.

Стараясь ничему не удивляться, Ольгерд в точности выполнил полученные указания. Резко свернул во второй проем, сразу же увидел распахнутую дверь, шмыгнул в нее и заперся на засов. Подивился ловкости неведомых хранителей. Переулок, в который его направил незнакомец был совсем коротким, в три дома, так что если и кинулся вслед за ним кто бы то ни было, непременно пробежал вперед, на соседнюю улицу.

Дом, в который он заскочил, оказался изнутри нежилым — стены с осыпавшейся побелкой, земляной пол и балки потолочного перекрытия, с которых свисали космы многолетней паутины.

Осмотреться вокруг ему толком не дали.

— Подойди сюда! — раздался вдруг голос.

Ольгерд обернулся. Голос, как выяснилось исходил из глубокой ниши в дальней стене. Подойдя к ней вплотную он разглядел в нише маленькое, с печную вьюшку оконце, ведущее в соседнее помещение.

— Дай письмо и жди! — приказали из оконца.

Ольгерд вынул письмо, свернул трубкой, затолкал в темноту.

За стеной чиркнули кресалом, в оконце заплясал огонек масляной лампы. Раздался тихий треск вскрываемой печати и шелест бумаги. В ожидании ответа Ольгерд скрипнул зубами, пообещав про себя иезуиту, буде тот соврал, такие Содом и Гоморру, по сравнению с которыми и угрозы Душегубца покажутся коварному профессу добрым братским напутствием. Однако клеменецкий настоятель оказался человеком слова.

— Ты увидишь то, что желаешь, — раздался, наконец, тот же голос. — Рекомендации брата не поддельные. Теперь тебе лишь осталось сделать пожертвование…

— Если нужно, значит нужно, кто не спорит? — вздохнув с облегчением перебил Ольгерд невидимого своего собеседника. — Этого хватит? — он тряхнул перед оконцем припасенным как раз на подобный случай увесистым кошелем, содержимого которого было вполне достаточно чтобы приобрести полное рейтарское снаряжение.

— Думаю что нет, — не дрогнув, ответил голос. — День работы в наших архивах стоит…

От суммы, которую назвал хранитель, у Ольгерда перехватило дух.

— Я не ослышался? повтори!

Хранитель, или кто там стоял за стеной, повторил. Голос его был безмятежен, словно речь

шла полуталере на покупку новых сапог.

— И что же, есть те, кто соглашается за день копания в старых бумагах выложить целое состояние?

— Есть знания. которые гораздо дороже денег. То, о чем ты просишь принадлежит именно к таким…

— Мне нужно время, — только и смог выдавить Ольгерд.

— Неделя, — чуть помолчав, ответил голос. — Нас искать не нужно, в городе мы сами тебя разыщем. Как только будешь готов, выходи на улицу в шапке с перьевым султаном, это и будет знак. Ну а сейчас ступай.

Рано утром Ольгерд пошел на рыночную площадь. Там, у шорных рядов, где продавали конскую упряжь, они сговорились встретиться с Измаилом. Приметив друг друга, как заправские заговорщики встали рядом, будто рассматривая дорогие седла, отделанные тисненой кожей, сами же начали тихий разговор.

— В этом городе так холодно, что я ночью едва не умер, — пожаловался египтянин. — На постоялом дворе кругом щели в ладонь, сквозняки гуляют, словно степные ветры.

— Придется потерпеть еще несколько дней, приятель, — ответил Ольгерд. — Я дней за пять попробую обернуться в Вильно и обратно.

— Зачем? — спросил Измаил

Ольгерд в двух словах сообщил египтянину о вчерашней встрече.

— Продам коней, оружие и доспех, что король пожаловал, — закончил он короткий рассказ. — Вместе с тем что у нас осталось, глядишь, нужная сумма и наберется. А если нет, то хоть на дорогу с кистенем выходи…

— Это пусть Душегубец с кистенем на дороге стоит, — ответствовал египтянин. — Ехать никуда тебе не придется, загороди меня так чтоб никто не видел, будто деньги считаем.

Спрятавшись в проеме меж торговыми рядами, Измаил поднял паломнический посох, с которым не расставался с тех самых пор, как они повстречались в урочище под Киевом, с усилием провернул резную рукоять, отъял ее от основания и, зацепив пальцем, вытянул из углубления туго скрученную бумагу.

— Вексель флорентинского банка, — пояснил он Ольгерду, собирая посох обратно. — Он выписан на предъявителя. Думаю, что этого будет вполне достаточно. Ступай на биржу и обменяй его на золото. Следить за тобой не будем, чтобы хранителей этих не спугнуть. Встречаемся, если что, завтра этом же месте. Но на всякий случай скажи, как тебя, если что, найти?

Ольгерд объяснил египтянину, как пройти к его дому, хлопнул спутника по плечу, не бойся, мол, все будет хорошо и двинул неспешно на биржу, вексель учитывать.

*** * ***

Обратив бумагу египтянина в звонкую монету, Ольгерд вернулся на рынок, прошелся по скорняцким рядам и вскоре уже шагал в сторону приглянувшейся таверны в енотовой шапке с кокардой, из которой, которой воплощением шляхетской гордости, торчал пучок длинных орлиных перьев. На сей раз "У Язепа" подали гороховый суп со свиными ребрами и ароматную жареную селедку. Ольгерд не спеша расправился с первым и вторым блюдом, затребовал штоф пива и, ожидая встречи с хранителем, долго его цедил. Досидел до того времени, пока таверну не начали заполнять возвращающиеся со службы чиновники, после чего пошел обратно домой. Почти у самых дверей его окликнул в спину знакомый голос:

— Когда пробьют к заутрене, выходи на улицу и ступай не торопясь к Домскому собору.

Ольгерд кивнул, соглашаясь, вошел в дом, растопил печь, не раздеваясь завалился в кровать и, закрыв глаза, провалился в сон.

Ему приснилось огромное сумеречное кладбище, раскинувшееся от края до края на пустой холмистой равнине. Чье было кладбище непонятно — на серых раскрошенных, стертых временем надгробных камнях было не разобрать ни надписей, ни крестов, лишь кое-где над ломаными рядами поросших травой могил вздымались мраморные фигуры — молящиеся ангелы и рыцари с обнаженными мечами.

Он, Ольгерд, не чуя под собой ног, мчался по главной аллее, словно боялся куда-то опоздать. Под ногами его скрипели камешки а за спиной, не догоняя но и не удаляясь, истошно хлопали тяжелые вороновы крылья. Он бежал и бежал, не оглядываясь, пока не перевалил через самый высокий холм, у подножия которого вдруг обнаружилась огромная мраморная фигура — раскинувшаяся в неге обнаженная девушка, напомнившая Ольгерду одновременно и Ольгу и Фатиму. Лежащая удерживала большой бронзовый колокол, казавшийся в ее руке колокольчиком, каким вызывают прислугу, и колокол этот звонил, призывая всех добрых христиан на молитву, посвященную приходу нового дня.

Вынырнув из забытья, Ольгерд открыл глаза. На улице уже светлело, а из окна доносился унылый перезвон невидимых за крышами колоколов. Он встал, умылся в прихожей, попил ледяной воды и начал собираться. Дело предстояло вроде бы и неопасное, но мало ли что еще произойдет в дороге? Да и деньги на руках немалые… Сунул за пояс два пистоля, в голенище сапога пристроил малый нож. Кинжал, чтоб был на виду, повесил на пояс. Накинул на плечи теплый плащ, перекрестился и вышел на улицу.

На полпути к Домскому собору его окликнули из темного переулка. Завернув за угол Ольгерд успел разглядеть очертания небольшой двуконной кибитки.

— Забирайся скорее вовнутрь! — потребовал голос.

Ольгерд нырнул в темноту, провожатый вскочил вовнутрь вслед за ним. Вслед за хлопком закрывающейся двери сразу же последовал свист кучерского кнута и кибитка, отбросив путников назад, резко рванула с места.

Повозка, как и следовало ожидать, окон не имела и освещалась маленькой масляной лампадой, которая позволила лишь разглядеть, что провожатый был одет в длинный бесформенный балахон с накинутым на глаза капюшоном. Кибитка запетляла по коротким рижским улицам. Некоторое время они молчали. Первым заговорил провожатый:

— Деньги при тебе?

— Да.

— Выложи их на сиденье.

Ольгерд открыл сумку и вынул из нее один за другим тугие кожаные мешки:

— Как уговаривались!

Провожатый кивнул капюшоном:

— Когда мы прибудем на место, деньги пересчитают. Сейчас же ты должен отдать мне все оружие и позволить завязать глаза.

Ольгерд крякнул с досадой. Ему, не расстающемуся с саблей и пистолем даже во время сна, легче было голым отправиться на королевский прием…

Провожатый, уловив сомнения, добавил.

— Прости, но если ты не выполнишь наши условия, то мы немедленно повернем обратно и расстанемся навсегда.

Ольгерд подчинился и вскоре рядом с кошелями выросла внушительная груда колющих, режущих и стреляющих предметов. Провожатый, не выражая никаких чувств, извлек из глубин

балахона длинный отрез. Ольгерд, нахмурившись, повернулся к нему спиной. На глаза легла плотная черная ткань.

Сперва, от нечего делать, Ольгерд пробовал считать колесные скрипы и повороты, но вскоре сбился и бросил бесполезное дело. Брусчатка под колесами несколько раз сменилась на грунт, кибитка сбавила ход, скрипнули, открываясь какие-то ворота. Они ехали еще некоторое время, затем остановились. Дверь открылась, впуская вовнутрь влажный, чуть затхлый воздух. Ольгерда взяли за руку, помогая выйти наружу и повели вперед.

Судя по всему, находились они в каком-то очень большом каменном подземелье — снаружи не доносилось ни единого звука а шаги, что твердые Ольгерда что шаркающие сопровождающих, которых теперь было не меньше трех, гулко отдавались от стен.

Они несколько раз спускались и поднимались по крутым винтовым лестницам, заходили в низкие двери, поворачивали вправо и влево, а кроме того, провожатые время от времени останавливались и крутили Ольгерда то через правое, то через левое плечо. Когда он начал уже шататься, полностью потеряв ориентацию, его остановили, взяв за плечо.

— Осталось последнее, — прошептал над самым ухом новый, твердый и решительный голос. — Это и ритуал посвящения и последняя предосторожность. Снимай всю свою одежду и иди вперед.

Чувствуя себя щепкой, которую водный поток несет к неведомым берегам, Ольгерд стянул с глаз опостылевшую ткань и, желая вначале оглядеться, начал медленно расстегивать крючки на кунтуше. Уловка не сильно ему помогла — вокруг было темно, хоть глаз выколи. Плюнув на осторожность, — отдавши голову по волосам не плачут, — Ольгерд решительно стянул через голову рубаху, сбросил сапоги и, распустив завязку, стащил порты.

— Иди вперед! — приказал тот же голос.

Таким одиноким и беспомощным, как сейчас Ольгерд не чувствовал себя никогда. Привыкая помалу к темноте, он двинулся шаг за шагом по уходящему под откос и постепенно сужающемуся тоннелю. Вскоре под ногами у него захлюпала вода. Несмотря на зимнюю пору, она оказалась не ледяная, словно подземелье, в которое его привели, не имело никакой связи с внешним миром.

Вода была ему уже по грудь когда впереди забрезжил неясный свет. Помогая себе руками, Ольгерд рванулся вперед. Когда свет был уже совсем рядом, навстречу ему протянулась чья-то рука. Приняв нежданную поддержку, Ольгерд, дрожа от холода, но больше о перенесенного испытания, выбрался в полутемную комнату с высоким арочным сводом.

Перед ним на табурете лежала, сложенная стопкой, чистая сухая одежда. Тот, кто помог выбраться из воды, накинул ему на плечи большое банное полотенце. Ольгерд растерся, натянул на себя серую колючую хламиду, всунул ноги в грубые деревянные башмаки. В противоположной стене открылась незамеченная раньше дверь и из проема хлынул свет, показавшийся Ольгерду нестерпимо ярким. Он прикрыл рукавом глаза, но все быстро померк — его перегородил стоящий на пороге человек.

— Я архивариус, который будет тебя сопровождать. Можешь называть меня Мастер. Сейчас мы поднимемся наверх и ты получишь то, что просил.

*** * ***

Подошвы у башмаков были подбиты толстой кожей и на каменном полу не стучали. Следуя за мастером Ольгерд поднялся по крутой и высокой винтовой лестнице, выведшей в огромный многосводчатый зал, сплошь уставленный стеллажами. Зал пребывал в полумраке и освещался

явно снаружи — от капителей выстроенных рядами колонн через узкие прорези внутрь пробивался солнечный свет.

В нос ударил запах сухого пергамента и старой бумаги — на уходящих вдаль рядах теснились тысячи книг в затертых кожаных переплетах, скрученные в рулоны рукописи и перевязанные пачки. Стало понятно, зачем неведомым хранителям требуются такие деньги.

— Это стало быть и есть ваш архив, — произнес, скорее для того, чтобы не молчать, Ольгерд. — Крепко же вы его упрятали, да и охраняете важно. Почище, чем королевский арсенал.

— В арсеналах хранятся всего лишь сабли и ружья, — ответил мастер. — Мы же оберегаем книги и документы. Книги содержат мудрость веков, а документы свидетельствуют о прошлых деяниях. Познавший мудрость подчиняет настоящее, а познавший прошлое владеет будущим. Знание — это власть.

— Пожалуй что так, — кивнул Ольгерд. — Знаний у вас здесь с избытком. — Только как мне найти то, зачем я сюда пришел? Для того, чтобы просто оглядеть ваши закрома, года не хватит.

— Об этом не беспокойся, — ответил чуть усмехнувшись, архивариус. — Тебе не придется ничего искать самому. Справа от тебя дверь, за ней келья, предназначенная для гостей. Зайди туда и жди. Я принесу все, что нужно

Келья оказалась светлой, хорошо проветренной комнатой, посреди которой стоял большой, добела очищенный стол с приставленным к нему высоким удобным креслом. Не успел Ольгерд устроиться поудобнее, как в келью зашел хранитель. В руках он держал стопку разномастных книг и бумаг, высотой пяди в три, туго перевязанную кожаным шпагатом.

— Вот, — сказал мастер, с усилием опуская на стол принесенную связку. — Здесь все что у нас имеется по сиротке…

— Какому еще сиротке? — брякнул Ольгерд. Но сразу же вспомнил о странном слове в письме клеменецкого професса и придержал язык.

— Как какому? — искренне изумился архивариус. — В твоем пропуске было сказано, что нужен тебе граф Миколай Криштоф Радзивилл Сиротка. Или я что-то спутал?

— Не перепутал. Именно он-то и нужен, — спохватился Ольгерд, проклиная свое тугодумие. — Просто сразу не разобрал.

— Ну вот и ладно, — вздохнул с облегчением архивариус. — А то я уж подумал, грешным делом, что снова что-то спутал. Ну да ладно. Документы в твоем распоряжении, но обращаться с ними нужно бережно и, сам понимаешь, выносить из архива нельзя ни листка. Ты можешь находиться здесь сколь угодно долго. Проголодаешься или будешь испытывать жажду — тебе принесут хлеб и воду. Естественную надобность можешь справлять в комнате по соседству.

Засветив три ярких масляных лампы — две на полке за спиной и одну на столе, хранитель ловко распустил тугой узел на связке и, закрыв за собой глухую тяжелую дверь, оставил Ольгерда наедине с ворохом старых бумаг.

Ольгерд вздохнул, проклиная измаилову блажь. Чего стоило попросить професса указать в письме не его, а египтянина, и не пришлось бы сейчас заниматься столь непривычным для наемного воина деле — рыться в кипе старых бумаг. Однако назвался груздем — полезай в кузов.

Отложив с сторону подшивки расходных ведомостей, погашенных векселей, полученных и неотправленных писем, докладных записок и донесений он начал чтение с толстого тома в переплете из лайки крашеной кроваво-алой киноварью, страницы которого были не из бумаги, а из слонового цвета клафа — тончайшего пергамента особой выделки, используемый для дорогих церковных книг и особо важных документов… На титульном листе рукописной книги

было выведено каллиграфическим почерком:

Его светлости графа Радивилла, Миколая Хриштофа по прозвищу "Сиротка", Мальтийского ордена рыцаря, кавалера Ордена Гроба Господня, Великого маршала Литовского, позже каштеляна Трокского, воеводы Трокского и Виленского воспоминания, с его слов и по его светлейшему указанию записанные.

Речь шла о делах давно минувших дней, ибо сей достойный представитель рода литовских волхвов, князей и магнатов родился больше чем сто лет назад, еще в те времена, когда царь и великий князь всея Руси Иоанн Гордый (возможно, что дед Дмитрия Душегубца) шел во второй поход на Казанское царство.

Справедливо рассудив, что связь Януша Радзивилла с его родственником и далеким предком в первую очередь следует поискать в его жизнеописании, Ольгерд перевернул страницу и, как в омут, с головой нырнул в прошлое.

Пробежав глазами подробное и скучное, как воскресная проповедь, описание всех предков светлейшего графа, начиная с некоего жемайтского волхва, правой руки князя Миндовга, Ольгерд задержался на рассказе о том, как тот получил свое более чем странное прозвание "Сиротка".

Прозвище сего просвещенного магната и владетеля вовсе не от бедственного его положения исходит, а напротив, есть воспоминание о монаршьей милости. Когда будущий граф Криштоф изволили пребывать в трехлетнем возрасте, Несвижский замок, главное родовое имение Радивиллов, посетил сам король Речи Посполитой, Сигизмунд Август. Наткнувшись в коридорах замка на брошенного без присмотра и плачущего ребенка Его Величество соизволили самолично вызвать няньку и приказать ей, шутя, " озаботиться о сиротке", с каких пор граф Криштоф сие прозвище с гордостью и носит до сей поры.

Пытаясь понять, что же именно здесь собирался искать Душегубец, Ольгерд продолжил чтение. Из дальнейшего жизнеописания Радзивилла Сиротки он выяснил, что юный Криштоф, проведя молодые годы не столь в учебе, сколь во всех мыслимых видах разгула, на семнадцатом году жизни осиротел, и на сей раз уже по-настоящему. Унаследовав титул и невообразимое состояние, Сиротка одумался, бросил прожигать жизнь, под влиянием иезуитов обратился из протестантства в католичество и начал делать карьеру при дворе короля Сигизмунда. Благодаря высокому происхождению и личным качествам, он быстро возвысился до Великого маршала литовского, однако после смерти своего царственного покровителя оказался в опале. Он был одним из тех, кто возложил польскую корону на голову французского принца Анри Валуа, который процарствовав менее полугода, после смерти брата Шарля сбежал из Кракова, чтобы принять корону Франции под именем Анри Третьего. Разразившийся после побега скандал черным пятном лег на репутацию всех сановников, которые поддержали легкомысленного француза. Новоизбранный король Речи Посполитой, Стефан Баторий, Радзивиллов не жаловал и Миколай Радзивилл Сиротка, оставив столицу, отправился в действующую армию, благо войн в то время велось с избытком.

Повоевав несколько лет с московитами, он был тяжко ранен под Псковом и через некоторое время отправился паломником в Иерусалим. О причине этой поездки неведомый биограф говорил невнятно. По одному выходило, что рана, полученная его господином, была едва не смертельной, по другому — он просто тяжело заболел и, находясь на смертном одре, дал паломнический обет, который исполнил после чудесного исцеления.

"Уже теплее" — подумал Ольгерд, обращаясь к страницам, повествующим о паломничестве Ралзивилла в Святую землю. Точнее, к той его части, которая описывала поездку в Египет. Потому что именно, в этой части жизнеописания ему впервые встретилось очень даже знакомое слово "саркофаг".

Дальнейшие действия Сиротки, описанные биографом весьма скупо, менее всего напоминали действия смиренного паломника. Святые места он, как добрый католик, конечно, посещал, но больше проводил времени в изучении особенностей этой загадочной древней страны. Ольгерд уже и не удивился, прочтя о том, что, более всего князя заинтересовали не звери-крокодилы и не циклопические строения, а старинные языческие захоронения с сохранившимися до наших дней мумиями. И эти мумии увлекли литовского магната настолько, что он, не только сошелся с "преступными людьми, что в обход оттоманских властей древние могилы копают и найденное иноземцам продают", но даже приобрел втайне две мумии, мужскую и женскую, твердо решив доставить их домой.

Далее следовала леденящая кровь история о застигнутом штормом корабле, в трюме которого находились страшные приобретения. Биограф утверждал со слов самого Сиротки, что корабль, вышедший из Александрии в сторону Кипра, был застигнут штормом и, "словно заговоренный", не мог продвинуться к цели ни на сажень. После многодневной борьбы со стихией граф Криштоф, догадавшись, что все дело заключается в его грузе, собственноручно выбросил за борт ящики с мумиями, после чего корабль продолжил путь.

Однако меж листами рукописи, повествующей о египетских мытарствах князя, обнаружился вдруг нацарапанный на папирусе донос, составленный одним из сопровождавших Сиротку слуг. Донос был адресован некоему иезуитскому иерарху, которого писавший по имени не называл:

… а потом по настоянию Его Светлости отправились мы в дальнее селение Аль-Кусор, где люди живут на песком засыпанных крышах языческих капищ. И там князь многократно со жрецами тамошними совет держал и денег им отдал столько, что хватило бы для того, чтоб часовню новую возвести. А язычники те, за полученную мзду, рассказывали Его Светлоти о зельях и заклятьях, посредством которых любого покойника нетленным сделать возможно. Своим долгом считаю донести, что тайна сия к возвышению ордена нашего содействовать непременно должна, ибо позволит братьям выбирать, кого из ныне живущих, нетленность праха наверняка обеспечив, можно будет к святым причислить.

О событиях, произошедших на корабле, доносчик поведал странное. С По его словам, упорный, как все Радзивиллы, Сиротка, поговорив с моряками и разузнав о всех их суевериях, отнюдь не избавился от мумий, но спустился в трюм и самолично фамильной саблей их разрубил на части, после чего, якобы, море и успокоилось. Коротко указав, что расчлененные мумии были доставлены в несвижский замок Радзивиллов, доносчик завершил свой доклад и Ольгерд вернулся к основному рассказу.

Дальше началось самое интересное. Ольгерд пожирал глазами ровные аккуратные строчки, читая о том, как сразу же после возвращения в Несвиж, тридцатипятилетний граф, пригласив известного архитектора-итальянца, заложил там новый иезуитский костел, в цоколе которого приказал оборудовать просторную родовую усыпальницу. Главное заключалось в том, что костел возводили не местные рабочие, а привезенные из Италии мастера.

"Родовая усыпальница Радзивиллов, — прошептал Ольгерд. — Так вот куда гетман Януш отвез похищенные в Киеве саркофаги!"

Дело теперь виделось ясным, как божий день — иного места, кроме родовой усыпальницы

в несвижском костеле, Януш Радзивилл вряд ли мог и придумать, а Душегубцу каким-то образом удалось это разнюхать. Однако, чтобы надежно укрыть четыре огромных мраморных ларя, требовалось какое-то особое, скрытое место. Стало быть, в костеле с усыпальницей должно быть еще одно (а может и не одно) тайное помещение. Не зря же его строили одни иностранцы…

Подтверждением этих мыслей стала опять же найденная меж листами книги копия тайного письма несвижского настоятеля, отправленного напрямую генералу иезуитского ордена, в котором тот сообщал о приехавших, посреди ночи нескольких фурах с сильной охраной. Изгнав святых отцов за церковную ограду, радзивилловы гайдуки самолично разгрузили на заднем дворе костела какие-то тяжелые ящики, обшитые рогожей, которые "утром исчезли со двора бесследно, и куда они пропали, ведает лишь Господь".

Дальнейшее чтение жизнеописания этого более чем странного графа, пользы не принесло. Биограф поведал о том, что Сиротка до самой смерти занимался исключительно строительными делами в Несвиже и обустройством родовых земель. Ни малейшего намека на то, как проникнуть в тайник, где спрятаны киевские саркофаги, в книгах не обнаружилось.

Ольгерд оторвался от бумаг лишь ощутив, как кружится от голода голова. Вспомнив о том, что говорил архивариус он постучался в дверь и попросил еды. Через некоторое время в комнату вошел слуга. Скосившись на разложенные по столу бумаги он покачал головой, выложил на вделанную в стену полку четверть краюхи свежайшего белого хлеба и выставил кувшин с колодезной водой.

Управившись с обедом Ольгерд продолжил изыскания. Надеясь найти хоть какой-то след, способный привести к несвижскому тайнику, он начал методично перебирать все документы, до последней расписки. Казалось, что этому не будет конца. Еще два раза, когда в голове уже начинали сливаться бесконечные строчки с перечнями давно съеденных колбас и сношенных одежд, он делал небольшой перерыв и подкреплялся принесенным слугой хлебом.

Искомое нашлось неожиданно, почти что в самом конце работы, когда слева от него осталась лишь тонкая стопка бумаг, относящихся к последнему году жизни старого графа. Судя по многочисленным пометкам на на полях самых разных бумаг, шестидесятишестилетний Радзивилл Сиротка все больше переставал доверять собственной памяти и часто оставлял там записи, совсем уж не предназначенные для сторонних глаз. Поэтому, обнаружив в левом нижнем углу собственноручно завизированного графом счета, выписанного поставщиком фуража замковой конюшни малоразборчивую надпись, начинающуюся словами: "А чтобы в нижнюю усыпальницу вход открыть, спустись к месту, где стоят два одинаковых гроба, и сдвинь их — левый вперед, правый назад…" — Ольгерд не сильно и удивился. Как прозевали эту пометку многочисленные родственники и соглядатаи, оставалось только гадать, однако, чего только не случается в жизни. Памятуя о запрете выносить что бы то ни было из архива, Ольгерд не меньше двух часов прокорпел над запиской, намертво запоминая оставленные графом указания.

Чувствуя себя опустошенным, словно порожний бочонок, выстучал слугу и сказал, что хочет покинуть архив.

Провожал его тот же самый мастер-архивариус.

— Получил ли ты то, зачем к нам пришел? — спросил он, упаковывая обратно бумаги.

— Да, получил, — кивнул Ольгерд. — То, что я нашел, стоит дороже любых денег. Но скажи мне, если каждая из ваших книг содержит такие же тайны, то зачем вам нужно пускать в библиотеку чужих? Ведь достаточно только начать разбирать эти архивы…

— У каждого в жизни свое предназначение, — ответил мастер. — Мы хранители, вступая в должность, даем обет не использовать полученные здесь знания вне стен нашего архива. Мы

собираем архивы, приводим в порядок и ведем их учет. Мы даем возможность людям внешнего мира смотреть на них. Но сами мы никогда ими не пользуемся. Именно поэтому наша библиотека жива до сегодняшнего дня и постоянно пополняется новыми и новыми документами.

Ольгерд, приняв объяснение мастера, согласно кивнул.

Как выяснилось, залитый водой, по которому он прибыл в архив оказался не единственным путем в это место. Покружив по темным коридорам, Ольгерд и его сопровождающий вышли в комнату без окон, в которой обнаружилась оставленная на входе одежда. Подождав, когда он наденет на себя собственное платье мастер завязал ему глаза и, еще поплутав по извилистым коридорам, в молчании вывел на улицу, Ольгерда посадили в ту же кибитку, где разрешили снять повязку и вернули отнятое оружие.

Примерно через полчаса езды кибитка остановилась. Провожатый открыл дверь и легко подтолкнул Ольгерда наружу. Едва он сошел с подножки, как кибитка рванула с места и исчезла среди домов.

Ольгерд вздохнул полной грудью и огляделся по сторонам. Стояла ночь и над шпилем Домского собора висела сырным обрезком, зябко кутаясь в прозрачную тучку, бледная половинка луны.

*** * ***

Добравшись до дома Ольгерд первым делом растопил печь, потом, чуть согревшись, подкрепился окороком и добрым голландским сыром. Запив сытный, не идущий ни в какое сравнение с архивной кормежкой ужин добрым вином, не раздеваясь, присел на кровать. Он собирался немного отдохнуть и прийти в себя, забрать в казарме коня и ехать на постоялый двор где ждали его компаньоны. "Места себе, поди, не находят, особенно Измаил" — думал он, теребя рукой эфес откинутой в сторону сабли. Возвращаться в этот дом Ольгерд не собирался — все что требовалось сделать в Риге было сделано, и теперь нужно было не делая лишнего шума и, вместе с тем, как можно скорее попасть в этот самый Несвиж. Фатиму с Сарабуном он собирался оставить в Вильно, а тайное хранилище в костеле искать вдвоем с Измаилом. Там же, в Несвиже, если поиски завершатся успехом, он твердо намеревался, передав, как и уговаривались, Черный Гетман компаньону, более в Вильно не возвращаться. Пусть неугомонный египтянин возвращает свою реликвию обратно в киевский монастырь, а Сарабун, получив обещанные деньги, отправляется учиться на доктора. Сам же Ольгерд бросит гоняться за тенями прошлых лет и направится прямиком в Лоев, чтобы рассказать, Ольге о том, что она может стать его женой, никак не нарушая данную отцу клятву. Тяжелое объяснение с Фатимой он решил отложить до самого их расставания.

Ольгерд посидел еще немного, наслаждаясь теплом и покоем, потом подобрался, вскочил и начал рыскать по комнате, собирая оставленные здесь и там мелкие вещи. Вспомнился ту ему ни с того ни с сего отец учивший с малых лет: "Когда отправляешься в дальний путь, а встречный спрашивает, куда, мол, едешь, отвечай непременно — за кудыкины горы. Расскажешь кому о предстоящем пути — сглазишь, беду накличешь. Слово "куда" несчастливое, нужно его непременно вернуть вопрошавшему…"

По старой привычке присел на дорожку, собрался уже идти как в окно вдруг ударил условный стук. Именно так — тремя, потом двумя и снова тремя ударами предупреждала в лагере по ночам о своем приходе Фатима.

Теряясь в догадках, Ольгерд вышел в темную прихожую, откинул засов и потянул дверь на

себя. В образовавшуюся щель мигом протиснулась до подбородка укутанная в плащ девушка. Голову ее укрывала заячья шапка их — под которой сверкали глаза.

— Случилось что? — захлопнув дверь, спросил он тревожно.

— Слава Аллаху, все у нас в порядке, — ответила Фатима, скидывая ему на руки пропитанный ледяной влагой тяжелый плащ. Одета она была как и всегда, нарочитым казачком — в черных сапожках, синих шелковых шароварах и белой, до скрипу накрахмаленной вышиванке.

Ольгерд хотел спросить, не опасно ли было на улицах среди ночи но, разглядев снаряжение охранницы, промолчал. На поясе у "казачка" в ножнах крепились два боевых ножа, из-за коротких голенищ выглядывали рукояти метательных кинжалов, да и в длинных с раструбами рукавах не иначе как прятались короткие железные стрелки, которыми девушка шутя пробивала забор с десяти шагов.

— Если все в порядке, зачем пришла? — спросил он строго, едва они вошли в комнату.

— Я же должна тебя охранять!

— До моего возвращения ты должна была сидеть где приказано! Тебе об этом месте и знать не положено было…

— Измаил сегодня вечером мне с Сарабуном рассказал. На всякий случай. Сказал, что долго тебя нет, мало ли как дела повернутся.

— И что же, это Измаил тебя сюда отправил?

— Нет. Сбежала сама. Соскучилась.

Фатима прижалась к нему всем телом и Ольгерд почувствовал горячую дрожь. От напускной суровости девушки не осталось и следа. Он обреченно вздохнул и опустился на табурет.

— Есть будешь?

— Ужинали. Рижане умеют сытно кормить. Ты лучше скажи, удалось что-то выяснить или нет?

— Да. Судя по всему, Януш Радзивилл отвез саркофаги в из Киева в Несвиж и там их спрятал.

— И куда мы теперь?

Вспомнил тут Ольгерд отцовскую заповедь и хотел было ответить резко, но не смог. Ему и на объяснение с Фатимой духу пока не хватало. Потому рассказал:

— Сперва едем в Вильно, потом только в Несвиж.

Фатима просияла.

— Вот и славно. По дороге не будем расставаться, в Вильно и этом Несвиже тоже будем вместе. Два дня всего тебя не видела, а соскучилась так, словно месяц прошел разлуке!

Девушка опустилась на кровать, опустила вниз пояс, стукнув об пол ножами, резкими кошачьими движениями скинула мягкие, предназначенные для верховой езды сапоги, обнажив маленькие смуглые ступни с острыми щиколотками, затем, словно змея из кожи, выкрутилась из льняной вышиванки, развязав шнурок выскользнула из шаровар и, сверкнув в лунном свете бедрами, нырнула под одеяло. Ольгерд покачал головой, ругнулся в усы но с желанием совладать не смог. Пообещав себе твердо "сегодня точно в последний раз", расстегнул пряжку и потянул через плечо перевязь, державшую тяжелый от зброи ремень.

*** * ***

Спал Ольгерд некрепко. Несколько раз пробуждался — то от мышиного шороха, то от

хлопанья птичьих крыльев, то просто так, непонятно от чего. Открывал глаза, глядел на сопящую рядом девушку в опять возвращался в тревожную, полную скверных предчувствий дремоту. Выморочное кемаренье продолжалось чуть не до самого утра. Но едва беленый потолок над головой начал светлеть, предвещая небыстрый северный восход, чуткое от бессонницы ухо уловило новые звуки.

Не сообразив еще толком, что происходит, Ольгерд вскочил, влез в исподнее и подтянул поближе оружие. Сбросив сон уже на ходу, понял, что его разбудило. Из-за мутного оконного стекла еще раз донесся очень знакомый то ли стук-то ли шорох, с каким обитый железом кончик ножен царапает по штукатуренной стене. Это был звук засады.

Проверив пистоли, Ольгерд прильнул к стене рядом с окном и превратился в слух. Предчувствия оказались пророческими.

— Dammit! — тихо чертыхнулся из за окна хриплый осипший голос.

Не оставалась ни малейших сомнений в том, что дом обложен вооруженными людьми, и эти люди с минуты на минуту попытаются проникнуть внутрь. И отнюдь не для того, чтобы пожелать им с Фатимой доброго утра…

Думать о том, кто пришел по его душу: случайные городские грабители, подручные Душегубца, либо еще какие-то неведомые враги времени не было. Ольгерд ввинтился в штаны, двумя рывками натянул сапоги, надел кунтуш, перебросил через плечо портупею. Едва успел взять руки пистоли, как дверь в спальню содрогнулась от мощного удара.

Ольгерд на цыпочках переметнулся через спальню к двери. Стрелять через толстые доски нет было резону — два пистоля это всего два выстрела, после чего придется действовать против неизвестного числа врагов одной лишь саблей — в закрытом помещении времени на перезарядку не будет ни у него, ни у врагов, а любой выстрел в упор смертелен, так что в такой стычке непременно одержит верх не тот, кто лучше владеет клинком, а тот, у кого окажется больше стволов.

— На нас напали? — раздался за спиной сонный девичий голос. Готовясь к бою, Ольгерд совсем забыл о присутствии Фатимы. Возиться с девушкой было некогда.

— Спрячься под кровать и сиди! — ответил он тихо через плечо не отрывая при этом взгляда от двери.

Фатима что-то возмущенно ответила, но что именно, услышать он не успел. Захрустели, ломаясь, доски. Разбитая дверь слетела с петель и с грохотом обрушилась на пол. Ольгерд, не целясь, нажал на спуск и отскочил в сторону. Грохнул выстрел и первый вломившийся в комнату охнув, осел на щепу. В ответ тут же ударило дважды. "Знать бы точно, сколько их там всего…" — подумал Ольгерд, поднимая второй пистоль.

Гадать на кофейной гуще было не время. Ольгерд притаился за стеной у двери, держа в правой руке последний заряженный пистоль, левой подцепил саблей шапку, лежащую рядом на табурете, и осторожно выставил ее в дверной проем. В уши ударил залп не меньше чем из трех стволов, шапку будто ветром смело, а за спиной зазвенело выбитое пулей стекло. Сквозь клубы порохового дыма в спальню, хрустя каблуками по доскам, ворвалось, сопя и ругаясь, сразу человек пять.

Не давая ворвавшимся осмотреться, Ольгерд сразу же выстрелил из второго пистоля, рубанул ближайшего врага по плечу и чертыхнулся — сабля звякнула о пластину наплечника. Не давая противнику опомниться Ольгерд коротким замахом хлестко ударил его любимым своим приемом — по переносице. Непрошеный гость уронил оружие и схватился руками за лицо, но из-за его спины на Ольгерда начали надвигаться сразу трое. Судя по внешнему виду — не разбойники Душегубца и не городские грабители, а европейские наемники. Вооруженные тяжелыми пехотными палашами, в дорогих добротных доспехах они с ходу оценили, что имеют

дело с крайне опасным противником, и стали, расходясь, загонять его в угол.

При такой расстановке сил о том, кто выйдет победителем из схватки, можно было и не гадать. Единственное, к чему мог стремится Ольгерд, так это подороже продать свою жизнь. Не дожидаясь одновременного нападения с трех сторон он, не издавая ни звука, бросился на крайнего справа. Отвел в сторону подставленный под саблю клинок и, моля бога, чтобы не угодить во вшитую под кожаный нагрудник стальную пластину, и всем корпусом нанес сокрушительный колющий удар под дых. Приготовившийся к фехтованию противник не успев понять, что произошло, рухнул на пол.

Ольгерд отскочил обратно к стене, ожидая слаженной атаки двух оставшихся, но те почему-то не спешили воспользоваться своим преимуществом. Он скосил глаза в глубину спальни и понял в чем дело. Посреди комнаты, оскалив зубы, словно загнанная лиса, стояла смуглокожей бронзовой статуей Фатима. Уснула она обнаженной, и теперь из всей разбросанной по спальне одежды на ней был один лишь кожаный широкий ремень. Боевой азарт бывшей телохранительницы султана мигом превратил ласковую, изнывающую от любовной неги восточную девушку в настоящую фурию. Глаза Фатимы горели черными пронизывающими углями, волосы ее, растрепанные с вечера, торчали в стороны, губы перекосила хищная ухмылка охотящейся куницы, а грудь вздымалась от частого дыхания. Выглядела девушка столь возбуждающе, что Ольгерд оторвал от нее взгляд, лишь услышав шевеление в дверном проеме, Не успел он приготовиться к бою, как Фатима, издав короткий рык рассерженной пантеры, швырнула метательный нож. Ближайший к ней наемник рухнул навзничь сгребая дрожащими пальцами рукоятку, наполовину вошедшую прямо в глазницу.

Воспользовавшись замешательством противника, Ольгерд пошел в атаку. Вставший у него на пути наемник, в отличие от двух предыдущих, был опытным дуэлянтом. Умело отбил сабельный удар, занял грамотную позицию, провел серию отвлекающих замахов и чуть было не поймал Ольгерда на какой-то особый финт, если бы на помощь не пришла Фатима. Поднырнув наемнику под ноги она резанула его ножом под коленный сгиб. Тот охнул припал на ногу, и начал валиться вперед, подставившись под рубящий с оттяжкой удар в самое основание черепа.

— Ta mig fanken! Se upp, detta dr slampa farlig som berserkens! — хрипло каркнул, влетая в дверь еще один нападавший. Он хотел добавить что-то еще, но не успел — захрипел и схватился за горло, из которого торчал кончик железной стрелки. Пока Ольгерд встречал первых гостей, Фатима, пожертвовав одеждой, ухитрилась собрать все запрятанное в платье оружие. "Сколько их там еще?" — успел лишь подумать Ольгерд до того, как из черноты дверного проема высунулся длинный мушкетный ствол.

Мушкет, стреляющий в упор, в отличие от притаившегося под окном врага — более чем верная смерть. Стрелок начал водить стволом, выбирая цель. Ольгерд присел, прикидывая, как сподручнее проскочить к окну, когда Фатима, с диким воплем ринулась в сторону двери.

— Пригнись!!! — заорал Ольгерд что было сил. Но было поздно. Девушка метнула нож и одновременно грохот выстрела болью резанул барабанные перепонки. В спальню ворвался сноп огня и все вокруг во мгновение ока заволокло пороховым дымом.

Первым звуком, который услышал Ольгерд сквозь звон в ушах был тяжелый стук упавшего на пол оружия — нож девушки попал в цель. Сама же Фатима, отброшенная тяжелой, разворотившей грудь пулей, сломанной куклой лежала у дальней стены. Над ее головой, в том месте куда ее отшвырнул выстрел, чернело густое, как смола, кровавое пятно.

То, что происходило дальше, Ольгерд помнил урывками. Перед глазами его вдруг встала давняя, из детских лет картина, когда он, вооруженный отцовским охотничьим ножом, на заднем дворе у дома, играя в "войну с татарами", рубит высокий, в собственный рост, бурьян. И теперь перед ним словно оказались не люди, а бездушные, не способные сопротивляться кусты.

Рука, сжимавшая саблю действовала безо всякой подсказки, и срубленный бурьян обращался в убитых врагов. Вот один наемник, уронив пистоль, хрипит, пытаясь затолкать в разверстую рану дымящиеся кишки. Вот голова другого, снесенная сабельным ударом, висит на лоскуте кожи, а из шеи фонтаном брызжет кровь. Вот третий сучит ногами, пришпиленный собственным палашом ко входной двери.

Вылетев на улицу, Ольгерд достал убегающего противника ударом в спину, краем глаза заметил надвигающуюся справа фигуру, развернулся всем телом, делая замах, чтобы нанести удар но, остановленный какой-то неведомой силой, безвольно опускает руки и начинает трястись, словно в ознобе, понимая что перед ним стоит, чудом уцелев, Измаил.

*** * ***

Ольгерд медленно опустил саблю. Все его тело от макушки до пят била мелкая дрожь. Убедившись, что им ничего больше не угрожает, Измаил откинул капюшон и, широко раскрыв глаза, осматривал место схватки.

— Как ты здесь оказался? — спросил Ольгерд слова с трудом выталкивались у него из пересохшего горла.

Египтянин покачал головой и ответил.

— Поздно ночью, даже ближе к утру, Сарабун поднявшись по нужде, обнаружил, что Фатима исчезла из своей комнаты. Он поднял меня, я расспросил сторожа на воротах, тот сказал, что "татарчонок" куда-то убежал на ночь глядя. Мы, на всякий случай, тут же побежали к тебе. Но не успели. Что здесь произошло?

— Шведы-наемники. Человек десять, не меньше. Окружили дом, напали в самое сонное время.

— Кто их послал?

— Не знаю. Разговаривать было недосуг.

— Ладно, ежли кто уцелел — допросим. Фатима была с тобой?

— Да.

— Где она?

— В доме.

— Жива?

Ольгерд с силой вогнал саблю в ножны, достал тряпицу, обтер руку, по запястье забрызганную кровью.

— В нее стреляли в упор, больше я ничего не видел. Где Сарабун?

— Ждет за углом.

— Зови, я его проведу вовнутрь. Пусть поглядит, может… — Голос у Ольгерда совершенно осип и он не смог завершить последнюю фразу.

Измаил, понимая, кивнул, обернулся к соседним домам и махнул рукой. Тут же из-за угла выскочила и побежала к ним навстречу знакомая фигурка. Но не успел Сарабун поравняться с компаньонами, как из-за спины лекаря послышался звон оружия и топот множества армейских сапог.

— Вот и стража, — произнес Ольгерд, оглядываясь на распахнутые двери дома, внутри которого, словно на батальной картине, валялись, раскинувшись, недвижные тела. — Вот что, Измаил. Ты их, как хочешь, но на пять минут задержи. Сарабун Фатиму осмотрит, а я уцелевших поищу.

Египтянин кивнул, накинул на голову капюшон и вздымая руки, словно священник, пошел

навстречу приближающимся к дому алебардистам. Ольгерд, не тратя время на объяснения, поволок за собой Сарабуна.

Как только они оказались внутри, в ноздри ударил тошнотворный, с привкусом железа, запах свежей крови, густо замешанный на кислом пороховом дыме. Даже беглого осмотра лежащих в прихожей было достаточно для того, чтобы понять: сабля разъяренного Ольгерда ни разу не сплоховала, а потому, живых здесь искать нет никакого резона. Переступая через изуродованные тела, Ольгерд увлек Сарабуна в спальню.

Утро уже начало вступать в права и солнечный свет, пробиваясь сквозь медленно оседающую пыль, освещал тело девушки, лежащей там, куда ее отбросил мушкетный выстрел. Сарабун, с немалым усилием вырвал свой рукав из ольгердова, насмерть сжатого кулака и, охая на каждом шагу, помчался к стене.

Ольгерд затаив дыхание, замер, в надежде на чудо. Хотя и без лекарского заключения было ясно, как божий день, что пулевая рана — хорошо различимая на обнаженном теле чернеющая под левой грудью дюймовая дыра, с торчащим обломком ребра, никак не может быть совместима с жизнью.

Поднаторевший в батальной медицине Сарабун даже не стал изображать врачебный осмотр. Приподнял и сразу опустил веко, склонился к ране, не оборачиваясь, выцедил:

— Прямо в сердце…

Справившись с дрожью в губах, Ольгерд кивнул, подошел поближе, окинул взглядом девичье тело. Красоту татарской девушки не смогла изуродовать даже страшная рана. Уснувшей валькирией лежала она, склонив подбородок на грудь, а щеки ее и лоб уже тронула восковая маска вступающей в права смерти.,

Сделав над собой нечеловеческое усилие, Ольгерд оторвал взгляд от девичьего тела и стал одного за другим обходить разбросанных по комнате шведов.

Из всех нападавших уцелел лишь один, мушкетер, застреливший девушку. Нож, брошенный Фатимой, попал ему в шею, но не задел жизненно важных жил. Ольгерд отыскал на полу один из своих пистолей, споро его зарядил, вернулся к раненому шведу и приставил дуло ему ко лбу.

Сказал, как умел по-германски, делая паузы между словами:

— Если ты слышишь меня, понимаешь, о чем я говорю, и согласен отвечать на вопросы, кивни. Будешь молчать — выстрелю.

Швед приоткрыл глаза, скосился на рукоятку пистоля и кивнул.

— Кто ты такой?

— Карлссон, сын Карла из Упсалы — ответил швед, с хрипом, выплюнув сгусток крови.

— Какого дьявола вы на меня напали?

— Нас наняли. Мы приехали в Ригу, узнав, что здесь идет война. Только пока добирались, война закончилась. Заказчик нашел нас в доме генерал-губернатора, представился офицером на тайной службе короля Карла Густава и предложил хороший контракт.

— С каких это пор солдаты начали заниматься тайным сыском?

— С тех пор, как для нас не стало другой службы, будь проклят этот мир, который заключили меж собой короли! Нас двенадцать человек. Мы мушкетеры. Все родом из Упсалы и, видит бог, мы были лучшими воинами армии шведского короля. Мы воевали в армии маршала Врангеля против Габсбургов. Когда война закончилась, наш полк распустили. Посиди-ка ты, берксерк, два года без жалованья — не только в сыскари запишешься, в палачи пойдешь.

— Как звали того, кто вас нанял? Как он выглядел?

— Герр Димитриус. В возрасте уже, но по всему видно, отличный воин. Богат, как голландский торговец тюльпанами, одевается в черное с серебром. Взгляд у него страшный…

— И что он приказал вам сделать?

— Герр Димитриус сказал, что действует по личному повелению короля и ловит тех негодяев, которые отравили нашего союзника, литовского князя Радзивилла, — сложное и длинное слово далось раненому шведу с трудом, кровь у него изо рта текла уже почти без остановки. — Он сказал, что ты один в этом доме, и что тебя нужно взять живым для допроса.

— Где сейчас этот Дмитрий?

— Не знаю. Приказал, чтобы мы хорошенько связали пленного и ждали в условленном месте. Он сам нас найдет после дела.

Выдавив из себя последние слова, Карлссон, сын Карла из Упсалы, дернулся, захрипел и уронил подбородок на грудь. Пропитывая кожаный нагрудник, изо рта у него потоком хлынула густая алая кровь.

Ольгерд опустил пистоль и оглянулся на Сарабуна, который успел за время допроса собрать на полу одежду Фатимы и теперь обряжал смуглое тело, хороня его от срамоты.

Из прихожей послышались возбужденные спорящие голоса: один из них принадлежал египтянину, который что-то объяснял, другой, незнакомый, вероятно старшему ночной стражи.

— Жива? — войдя в комнату спросил Измаил.

Сарабун отрицательно покачал головой. Измаил окаменел лицом и долго стоял, не всилах выдавить из себя ни слова.

— Что стражники? — спросил Ольгерд, чтобы вывести компаньона из ступора.

Измаил вздрогнул и начал медленно говорить:

— Проверяют трупы, нет ли среди убитых рижан, считают убитых и не верят, что вас в доме было только двое. Я сказал их капитану, что ты шляхтич из свиты Богуслава Радзивилла, который был Крыму посланником и сбежал с дочерью татарского мурзы. Что мстительный мурза тебя выследил и нанял отряд шведов, чтобы вас убить. После того, как я дал капитану пять талеров, он разогнал зевак и пообещал не давать делу ход. Ты сам — то успел выяснить, кто они такие?

— Наняты Душегубцем. Он узнал нас в городе. Точнее — вас. А отследив Фатиму, добрался и до меня.

Сарабун закончил приводить тело девушки в порядок и поднялся на ноги в ожидании распоряжений.

— Вот, что друзья, — хмуро выговорил Ольгерд, глядя на Фатиму — похороните ее достойно. Пусть не на христианском кладбище, но в таком месте, чтобы могилу не разорили. Подождите в Риге дня три, да послоняйтесь по городу, чтобы Душегубец думал, что мы все еще в городе. Потом отправляйтесь в Вильно, и там меня ждите.

— А ты, господин? — спросил Сарабун.

— А я ухожу. Сей же час. Время дорого.

— Куда?

— В казармы к рейтарам. Коней своих забирать.

— И куда же ты отправишься? — Измаил. — надеюсь, что тебе удалось пролить свет на загадку Черного Гетмана?

— Еще и как удалось!

Ольгерд склонился к самому уху компаньона и шепотом рассказал ему об архиве и о том, что там удалось обнаружить.

— Понятно, — кивнул Измаил. — Ты прав, сейчас каждая минута бесценна, а мы с Сарабуном в пути только обуза. Будем ждать тебя в Вильно.

Ольгерд последний раз глянул на Фатиму, протиснулся мимо стражников, лица которых выражали двойственные чувства, будто им хотелось то ли схватиться за оружие, то ли отсалютовать храбрецу, перебившему едва не в одиночку десяток отборных мушкетеров и, ни о

чем не думая, кроме предстоящего дела, скорым шагом двинулся по пустой улице в сторону казарм, где его ждали кони, еще не ведающие о том, что в самое ближайшее время им предстоит долгая изнурительная скачка.

*** * ***

Брат Климек, настоятель несвижского костела Тела Господня, отслужив вечерню собирался домой. Перед тем как покинуть храм он, по въевшейся в кровь с годами привычке, внимательно осмотрел аккуратные ряды деревянных кресел: нет ли где царапин и повреждений, проверил, хорошо ли почистил служка подсвечники и заглянул по темным углам: чисто ли выметены полы.

На улице вечерело. Темно-синие тучки, пробегая над шпилями княжеского замка, отразились в ряби незамерзшего пруда. "Надо бы завтра у кастеляна людей попросить, — подумал Климек, закрывая внутреннюю решетку. — Снега в этом году выпало мало, пусть двор в порядок приведут, чтоб прихожане грязи внутрь поменьше на ногах приносили"

От привычных размышлений о мирских текущих делах его оторвал окликнувший голос. Настоятель обернулся. За оградой, не въезжая в ворота, стоял, устало переступая ногами, удивительной стати жеребец, в седле которого возвышался богатый всадник. На длинном поводе, привязанном к седлу, вдзергивал мордой второй, заводной конь.

— Мне нужен настоятель этого храма, — сказал всадник, устало спрыгивая на землю.

Как настоятель фамильного храма Несвижских Радзивилов, брат Климек перевидел в своем городе воинов самых разных стран, армий и конфессий, а потому неплохо разбирался в доспехах и мундирах. Сейчас перед ним, без сомнений, стоял гусар одного из польских коронных полков. И не просто гусар но, судя по дорогому оружию — редкой сабле и двуствольному пистолю с серебряными чеканными накладками и драгоценными камнями, человек знатный и богатый.

— Слушаю тебя, сын мой, — ответил брат Климек.

Гусар, привязав коня к кованой решетке забора, решительно зашагал вперед. Рассмотрев позднего гостя вблизи, брат Климек уверился в первом своем впечатлении — судя по точеным чертам лица и врожденной осанке прибывший был отпрыском очень древнего рода. Вот только скорее всего не польского — рыжина и зеленый цвет глаз выдавали в нем шведа или литвина. Единственное в чем ошибся настоятель, так это в возрасте воина — вблизи было ясно видно, что ему около тридцати, хотя жесткий прищур глаз, впалые щеки, едва различимая в сумерках седина добавляли незнакомцу не меньше полутора десятков лет.

Пришедший поднял глаза на звонницу и, выдавая свое притворное католичество, неловко перекрестился слева направо. Но и в этом не было ничего особенного — многие шляхтичи, переходя из одного враждующего лагеря в другой, меняли конфессию, стараясь угодить новому своему господину.

— Что привело тебя в церковь в столь поздний час? — спросил брат Климек. — Если хочешь причаститься, то подожди до завтра. Если тебе в замок, то дорога вот там. — он указал на прямую как стрела дамбу, насыпанную посреди большого пруда по которой, от костела до самых крепостных ворот протянулась усаженная деревьями мощеная камнем дорога.

— Нет, дело у меня именно к тебе, святой отец, — ответил гусар. — Я знаю, что князь Богуслав сейчас находится в Кенигсберге, а приехал в Несвиж именно для того, чтобы помолиться в этом костеле.

— Почему же именно в этом, сын мой?

— Мой… друг. Он погиб недавно в бою, — голос воина чуть дрогнул, обнаруживая неподдельную скорбь. — Сегодня как раз девять дней. Я хочу отстоять ночную молитву.

— Усопший был католиком?

— Я не сказал бы, что он был добрым католиком, — чуть подумав ответил воин. — Но он бы непременно одобрил мой выбор…

Климек внимательно поглядел на собеседника. Гусар определенно чего-то не договаривал, но его чувства к погибшему другу без сомнения были искренними. Настоятель не видел повода для отказа, да и формально не мог это сделать.

— Братья ордена Иисуса, как любые христиане, чтут традиции истинной церкви. Двери любого храма открыты для молящихся в любое время дня и ночи. Нужна ли тебе какая-то помощь? Служка может почитать требник и найти подходящую случаю молитву.

— Благодарю, святой отец, но мне хотелось бы побыть одному. Воину изо всех молитв достаточно "Отче наш…". Единственная моя просьба — устроить на ночь коней. Мы скакали без роздыху от самого Вильно.

— Их можно оставить во дворе конгрегации, — кивнул настоятель. — Благородные животные требуют особого ухода. Я попрошу братьев, чтобы им дали лучшего зерна.

— Вот мои пожертвования на храм, — воин опустил руку в сумку и положил на ладонь брата Климека тяжелую стопку золотых полновесных рейхсталеров.

— Не нам, не нам, Господи, но только для прославления имени твоего, — пряча деньги в карман, ответил щедрому шляхтичу настоятель. — Что же, молись сын мой, да упокоится душа твоего друга в райских кущах. Только прошу тебя об одном. Ты не должен покидать освященную землю до восхода солнца.

— Это я тебе обещаю, — кивнул воин.

Лично убедившись в том, что кони приезжего расседланы, напоены, вычищены и устроены в сухие и теплые стойла, брат Климек проводил приезжего в храм, закрыл за ним врата врата и запечатал их надежнейшим из запоров — крестным знамением.

*** * ***

Разглядывая внутреннее убранство храма, Ольгерд вспомнил панегирик Радзивиллу Сиротке, вынесенный в эпиграф книги, которую он прочел в рижских подземельях, "Возвел храм божий, крепость для родины, коллегиум для наук, убежище для утративших и убегающих от мира; был гордостью в бою, светом в совете; увидел и познал землю. Если бы мы двух таких имели мужей, легко бы обогнали Италию".

Чтобы скоротать время, Ольгерд, как учили еще в монастырской школе, принялся разбирать эпитафию по частям. Храмом божьим, о котором шла речь, являлся, без сомнения, этот самый костел, построенный, как и все иезуитские церкви, по образу и подобию римского собора Эль Джезу, где был погребен основатель ордена, Игнатий Лойола (об этом Ольгерд вычитал в тех же архивных бумагах). Крепостью для родины был возвышающийся над озером Несвижский замок, коллегиум для наук — иезуитская школа, а убежище для утративших — бенедиктинский монастырь. Насчет же "обогнать Италию", хотя обширные владения Радзивиллов, простирающиеся от Вильно до Львова и от Бреста до Могилева и назывались частенько в бумагах "Литовской Ломбардией", у Ольгерда имелись большие сомнения, и он приписал эту фразу скорее восхищению благодарных потомков, нежели истинному положению дел. Уж больно велика в Литве была разница между роскошной и просвещенной жизнью магнатов и незавидным существованием разбросанных по лесам едва сводящих концы с концами,

страдающих от бесконечных войн деревень…

Столица литовских магнатов была, в отличие от того же шумного Вильно, немноголюдной. Как и во всех местечках, разбросанных от Риги до Чигирина, жизнь здесь замирала с заходом солнца. Ольгерд, ориентируясь по бою часов здешней ратуши, стоически выждал еще час, за который с улицы только раз донесся рокот проезжающей по улице телеги. После того, как часы отбили положенные для таких случаев двенадцать раз, выскользнул их храма на улицу через боковой выход и направился прямо к стене, в двух шагах от которой возвышалась чуть припорошенная снегом тумба с маленькой металлической дверью.

Слава богу, успел в дороге порасспросить несвижских жителей о костеле, иначе искал бы вход в подземелье до третьих петухов. Горожане усыпальницей Радзивиллов гордились и рассказывали о ней заезжему шляхтичу охотно и многословно, а потому про то, что вход, предназначенный для проникновения в гробницу немногочисленных посетителей расположен снаружи он уже знал.

Согнувшись в три погибели, Ольгерд протиснулся в узкий проем. В усыпальницу вели высокие неудобные ступени, благо сама крипта расположена была неглубоко под землей.

Фамильный склеп всесильных литовских магнатов занимал все пространство под костелом и был на четверть заполнен почерневшими от времени большими деревянными гробами и несколькими большими каменными саркофагами, стоящими на лапах грифона.

Припасенная свеча ему не понадобилась. Ночной ветер разогнал висевшие над городом тучки, и в длинные смотровые окна, проделанные в церковном фундаменте, щедро полила свет полная желто-яблочая луна.

Чтобы добраться до нужного места, Ольгерду пришлось пересечь подземелье. Пробираясь меж чинно упрятанных в каменные и деревянные ящики, обвитые проволокой, скрепленной гербовыми радзивилловскими печатями, покойников он не испытывал особого страха. Разве что некоторое неуютное ощущение, которое, впрочем, не оставляет даже самого разудалого храбреца, оказавшегося ночью на кладбище. Его взгляд волей-неволей натыкался на металлические таблички с выгравированными на них родословными и эпитафиями. Из жизнеописания Криштофа Сиротки он знал, что несмотря на невообразимое свое богатство, несвижские магнаты не жаловали пышные похороны, а в гробы ложились в простой одежде и вовсе без драгоценностей…

Нужное место нашел почти сразу — в тыльной стене усыпальницы имелся запертый люк, по которому опускали вовнутрь гробы. Как и было указано в записке, в нескольких шагах от люка обнаружилась нужная плита, рядом с которой стояли два каменных гроба. Ольгерд чуть постоял, вслушиваясь в тишину, потом решился и, крепко взявшись за углы, сдвинул левый гроб на полвершка вперед, а правый на полвершка назад. Плита вздрогнула, выбивая пыль из трещин, осела в пол и сдвинулась в сторону, открывая узкую черную щель. Ольгерд опустил руки в щель, толкнул плиту и она, словно двигаясь в хорошо смазанных пазах, с тихим рокотом ушла вперед, открывая широкий проход.

Прежде чем ступить на каменную лестницу и спуститься в неведомое подземелье, Ольгерд еще раз огляделся вокруг. Не было ни малейшего сомнения, что если похищенные в Кирилловской церкви саркофаги князей-Ольговичей тайно доставили в Несвиж, то прятали их именно здесь. Каменные ящики можно было, не привлекая много народу выгрузить через люк, а потом при помощи блоков и веревок, опустить в тайное подземелье — на потолочной балке, замаскированный под светильник, был намертво укреплен мощный железный крюк, способный выдержать и царь-пушку. Собравшись с духом, Ольгерд сошел вниз и вернул на место плиту — если верить дряхлеющему графу, чью запись он обнаружил в архивах, то покидать это место принято было другим путем…

Внизу было по-настоящему темно. Ольгерд достал свечку, расправил пальцами скрученный фитиль и, чиркнув кресалом, зажег растопку. Пламя свечи, разогнав по стенам суматошные тени, раздвинуло темноту. В глубину подземелья, длинным теряющимся во мраке пологим спуском, вела высокая, в полтора роста и широкая, хоть телегой заезжай, галерея.

Выполняя указания, оставленные в записке, следовало сделать двадцать шагов вдоль правой стены. Вскоре выяснилось, что ноги у графа Кшиштофа Сиротки, были короче, чем у Ольгерда — на перегораживавшую боковой проход плиту, вырезанную из цельной глыбы гранита, он наткнулся на восемнадцатом шагу. Это была последняя преграда на пути к тайному склепу.

Отсчитав третий справа вделанный в стену держатель для факела, Ольгерд повернул его по часовой стрелке и за декоративным щитом открылась дыра. Засунув руку внутрь, он нащупал кольцо и потянул его на себя. Плита, точно так же как и люк в полу усыпальницы, с хрустом вдавилась внутрь и ушла вбок, открывая сводчатый коридор, в конце которого чернела большая крипта.

Внутри был сухо, пахло деревом и пылью, но стоило пройти в глубину комнаты, как пламя свечи чуть пригасло — гранитная плита, перегораживавшая вход, наглухо перекрывала доступ воздуху.

Поплевав на пальцы, Ольгерд поправил фитиль. Огонек стал светить немного повеселее, так что можно было и оглядеться.

Слева у входа в крипту стояли два больших окованных железными полосами ящика с надписями на арабском, итальянском и бог еще знает каких языках. Именно в таких коробах путешественники перевозят морем свой груз, — стало быть внутри не иначе, как те самые египетские мумии. Дальше, в глубине высились выставленные в ряд торцом к стене четыре больших мраморных саркофага. Вырезанные из цельных мраморных глыб, они стояли на ножках, сделанных в виде львиных лап. Крышки у саркофагов были островерхие, домиком, по всей мраморной поверхности шли вписанные в круг непонятные знаки, меж которыми теснились, птицы и звери, переплетенные филигранно вырезанной виноградной лозой.

У Ольгерда перехватило дыхание. Не было ни малейшего сомнения, что это именно те самые домовины, в которых похоронены его далекие предки. Поиски Черного Гетмана завершились. Дело осталось за малым — выяснить в каком из четырех спрятана таинственная реликвия. Ольгерд подошел к саркофагам, поставил на пол свечу и, положив ладони на одну из крышек, долго стоял, грея руками холодный шершавый камень. Истым христианином он никогда не был. В церковь конечно, ходил, на красные углы крестился, и на Пасху разговлялся истово, не слабее рыльского батюшки, но в воинской своей жизни твердо исповедовал лишь одну заповедь — на бога надейся но сам не плошай. И вот теперь, собираясь с силами перед тем, как поднять крышку и заглянуть вовнутрь робел, словно забравшийся в соседский сад оголец.

Наконец решился и потянул. Крышка была тяжелой. Ольгерд прихватил ее поудобнее и напрягся, самым краем глаза приметив, как вдруг рыскнуло в сторону пламя свечи. Чуя за спиной злобное чужое дыхание, он попробовал обернуться, но не успел — в затылок с сухим треском врезалось что то тяжелое и перед глазами поплыли багровые круги. Каменный пол взыбился, белые квадраты саркофагов нависли над головой и стали стремительно приближаться. Последнее что он увидел перед тем, как погрузиться в вязкую беспросветную темноту, была вырезанная на мраморном боку саркофага пучеглазая остроклювая птица.

*** * ***

Первое что он ощутил, придя в себя, была ноющая боль в затылке. Эта боль путала мысли и

давила на глаза, не давая ни осмотреться, ни толком собраться с мыслями. Однако боль помалу отступала и через некоторое время он понял, что сидит, прислоненный к стене. Попробовал размяться, но смог лишь двинуть плечом: руки и ноги были плотно стянуты крепкой веревкой. По всему выходило, что кто-то, воспользовавшись тем, что он в кладоискательском угаре потерял осторожность, подобрался сзади, ударил по голове и связал.

От злости и обиды кровь ударила в виски. Ольгерд открыл глаза. Он находился в той же самой крипте, только теперь она освещалась не куцым свечным огоньком, а похрустывающим ярким пламенем смоляного факела, закрепленного в держателе на стене. Три из четырех саркофагов были вскрыты, и их крышки раскинулись где как: одна, перевернутая, лежала на полу, другая опиралась на бок саркофага, а третья была поставлена на попа у стены. Там же, у дальней стены, за ящиками, в которых хранились египетские мумии, Ольгерд рассмотрел то, чего не заметил при первом осмотре — небольшой закрытый бочонок, в каких рачительные коморники хранят обычно свои соленья. Однако крипта с мумиями и саркофагами для хранения зимних припасов решительно не подходила…

Думать о том, что может хранится в бочонке, было некогда, нужно было быстро понять, что же на самом деле произошло. Ольгерд повернул голову влево, где на пустом пятачке меж факелом и саркофагами ворочалась черная тень. Тень развернулась к нему, сверкнула глазами, ощерилась в белозубой волчьей ухмылке и спросила:

— Ну что, очухался, служивый?

Ухмылку, взгляд и голос этого человека невозможно было спутать ни с чем и ни с кем. Перед ним, хороня за спиной какой-то предмет, стоял Дмитрий Душегубец.

Хотелось узнать обо многом. И как его выследили, и чего теперь от него хотят. Но Ольгерда в первую очередь интересовало не это. Он спросил, глядя в глаза своему врагу:

— Почему ты меня не убил?

Душегубец рассмеялся каркающим коротким смехом.

— Толку мне с твоей быстрой смерти? Хочу прежде узнать, кто ты такой на самом деле и чего хочешь. Слишком уж часто в последнее время ты у меня на пути встаешь.

— А если я ничего не скажу?

— Скажешь, как миленький. На допросе стойких молчунов не бывает. Бывают неумелые дознатчики. Ну а я уж, поверь, в этом деле один из первых.

— Пытать меня дело хлипкое. Провозишься до утра, начнут нас искать, глядишь и отыщется при костеле тихушник-соглядатай, что знает про тайный ход и сообразит, куда мог исчезнуть не выходя из костела заезжий шляхтич. Так что решил убить — убивай. Нечего со мной тут лясы точить.

Душегубец присел на египетский ящик и поглядел на Ольгерда по-новому. С интересом.

— Слишком уж ты быстрый, литвин. Сам посуди, я тебя в лесу раненого оставил на верную смерть — ты выжил. Потом под Киевом, когда я заморского лазутчика отловил, ты объявился и отбил пленного. Позже ты нашел Щемилу в запорожье, убил его, а затем объявился в Клеменце вместе с ногайцами, во главе которых стоял мой дядя Темир. Да и в лесу тогда, чует мое сердце, не впервые мы с тобой повстречались, уж больно взгляд твой мне, парень, знаком.

— Ну так и что с того?

— Раз гоняешься за мной, то знаешь, что я, как волк, один чуть не с самого рождения. Не с кем мне много лет о главном поговорить. А ведь хочется иногда. Да и тебе самому, поди, хочется мне рассказать о том, какой заточен на меня за зуб. Разное бывает, в жизни глядишь, поговорим, да и и поладим.

Ольгерд не обольщался на счет своего пленителя. Как бы Душегубец мягко не стелил, в живых его оставить не собирался ни при каком раскладе. Все что теперь оставалось, так это

любой ценой тянуть время и вытягивать из Дмитрия побольше полезных сведений, надеясь при этом разве что на чудо

— Давай так, — выдержав длинную, насколько было возможно, паузу, медленно ответил Ольгерд. — поговорим баш-на-баш. Ты спрашиваешь — я отвечаю, потом я спрашиваю — ты говоришь. Идет?

Душегубец вновь рассмеялся.

— Ну что же, согласен. Тогда вот тебе мой первый вопрос. Где мы с тобой повстречались впервые?

— Лет двадцать назад, если не больше, ты разорил на курщине селение Ольгов. Там убил помещика-литвина вместе с женой. Это были мои мать и отец. Я чудом тогда уцелел и тебя на всю жизнь запомнил. А тогда, под Смоленском узнал.

— И, ты конечно, поклялся отомстить?

Ольгерд кивнул.

— Два раза ты был у меня в руках и от смерти уходил, — задумчиво, будто говоря сам с собой, протянул Душегубец. — Стало быть, не случайность все это… Ну да ладно, о твоей судьбе потом потолкуем. Спрашивай, твой черед.

— Что произошло после того, как ты оставил Кирилловский монастырь?

Душегубец ухмыльнулся.

— Всю историю хочешь услышать? Ну что же, так тому и быть. Раз ты оказался здесь, стало быть как и я, прознал, что саркофаги Ольговичей вывез из монастыря Радзивилл. Я послал Щемилу на хутор, чтобы он порешил старого кобзаря, который знал обо мне больше, чем положено, сам же поехал в Вильно. Во время осады к гетману было не подобраться, пришлось ждать, когда тот сдаст город и уедет в Кайданы. Там, заключив союз со шведами, покойник немного расслабился, да и многие шляхтичи из личной охраны его покинули, как предателя Речи Посполитой. Воспользовавшись стечением обстоятельств, я нанялся в поредевшую гвардейскую роту, дождался удобного случая, когда этот фанфарон уединился в опочивальне с молоденькой горничной, снял его с девицы прямо в постели, для пущей острастки вскрыл ей горло и устроил нашему собирателю реликвий небольшой допрос.

Как оказалось, этот надутый индюк понятия не имел, что хранится внутри саркофагов. Ему, видишь ли, чтобы хоть немного сравниться с Криштофом Сироткой, хотелось привезти в родовое имение княжеские останки. Под раскаленной кочергой, которую я водил у него над причинным местом, он признался, что спрятал саркофаги в подземельях костела. А вот про то, как туда проникнуть, рассказать не успел, помер от страха, сердцем видать был слаб.

Я избавился от тела девчонки, гетмана разложил в постели так, будто он умер от удара, покинул Кайданы и принялся искать тех, кто посвящен в тайну Несвижского костела. Так вышел на иезуитов, затем на рижских хранителей. Самым сговорчивым из посредников оказался сластолюбивый клеменецкий професс-греховодник, однако и он оказался не так прост и перепуган как выглядел. Когда в Риге эти архивные крысы дали мне от ворот поворот, я конечно разозлился. Хотел скакать обратно в Клеменец и вспороть брюхо старому мужеложцу, однако вспомнил о том, что видел тебя в Клеменце вместе с лысым, потом узнал, что татарский отряд, что пришел на помощь глупому польскому королю, возглавлял не кто-нибудь, а мой ногайский дядюшка Темир-бей и понял, что не все потеряно… Суетиться не стал, решил подождать в Риге недельку — другую и как в воду глядел — вскоре в город приехала вся твоя орава. Остальное было несложно: лазутчики вас тебя, как из песка пуля. Тебя я потерял из виду, однако приставил соглядатаев к лысому, лекарю и татарчонку, который оказался на самом деле бабой. Она — то и вывела меня прямо к тебе. Сообразив, что ты уже побывал в архивах, я нанял полтора десятка оставшихся без работы шведов и отправил брать тебя живьем. Дальше все было просто —

расправившись с моими людьми, ты рванул в Несвиж, а я уже был к тому времени у костела и, спрятавшись за забором, наблюдал как ты спускаешься в усыпальницу… — Душегубец закончил рассказ, помолчал немного, словно давая собеседнику время оценить собственную оборотистость и произнес. — Ну что же, теперь твой черед…

Главное Дмитрию было уже известно, потому таиться в мелочах не было никакого резону. Ольгерд, изо всех сил стараясь выглядеть слабее, чем на самом деле, медленно и тихо, то и дело давая себе длинные передышки, рассказал обо всем, что с ними произошло. О договоре с Измаилом, путешествии на сечь, разговоре с Филимоном и злоключениях в Крыму, за которыми последовал военный поход на Клеменец. Душегубец слушал внимательно, не перебивал, покачивал головой. В глазах у него посверкивали искорки, в которых Ольгерд прочитал оттенок уважения, какое он сам обычно испытывал, встретив в бою достойного противника. Закончив повесть, он, собравшись с духом, спросил:

— И чего ты хочешь теперь?

Душегубец ответил не сразу. Посмотрел на Ольгерда уже совсем не ернический, суровым взглядом, словно оценивая, насколько можно довериться обреченному пленнику в сокровенном. Желание выговориться победило.

— Чего я хочу? Да того, же чего и хотел всегда. С того самого часа, когда морозным московским утром тело моего отца, помазанного на царство Московское Дмитрия Иоанновича Первого было привязано к пушке, и прямо у меня на глазах разлетелось в клочки. Совсем немногого. Отомстить всем, кто приложил руку к смерти Дмитрия и вернуть себе трон, который принадлежит мне по праву рождения. Думал я об этом давно, но начал действовать только после того, как подслушал разговор Темира с казацким полковником. Темир, строя свои неосуществимые планы, был смешон, как евнух, мечтающий о плотской любви и мне с ним было не по пути. Я ушел на украину, сколотил свой отряд и начал ходить от Днепра до Волги, освобождая купцов и помещиков от греховного богатства, а их дочерей от невинности. Ждал своего часа и дождался. Как-то раз мы нарвались на стрелецкую засаду. Людишек моих перебили, а меня самого посадили в острог. О жестокости моей уже тогда легенды ходили, потому патриарх московский Филарет приказал тайно доставить меня к нему на разговор. Разговор оказался забавным. Сын Филарета, Михаил, был недавно избран царем Московским и истинный основатель новой династии, страшно боялся законных претендентов и самозванцев, а потому готов был пойти на все, чтобы от них и следа не осталось на грешной земле. Заключили мы с ним тогда договор, после смерти Филарета подтвержденный и самим Михаилом. Я со своим отрядом разбойничаю и под видом налетов уничтожаю всех, кто хоть как-то может оспорить право Романовых на престол: Рюриковичей, что были в близком родстве с московскими князьями, Годуновых и всех Шуйских, от мала до велика. За это мне обещано было немалое содержание лошадьми и оружием, а также вотчинные земли в глухом лесу, куда стрельцам и казакам настрого будет запрещено соваться. Правда не знали отец и сын Романовы, что я не им, а себе дорогу в Кремль расчищаю. Так годами и шло. После того как мы всех, на кого Филарет указывал извели под самый корень, от старцев, одной ногой стоящих в могиле, до новорожденных сосунков, новое дело моему отряду нашлось. Распорядился царь Михаил, чтобы мы как и раньше гуляли по польным украинам и пограничным землям, и убивали тех, кто исконные, еще со времен Великих княжеств Киевского да Литовского, вотчины имел, и новому царю из рода Романовых присягнуть побрезговал. Вот тогда-то, уж не обессудь, мне твой Ольгов на пути и попался. Имей твой отец поменьше шляхетской гордыни, был бы живехонек, а так если не я, так другие. Романовы свой вотчинный огород тогда хорошо корчевали, с заделом не меньше, чем лет на триста… Шли годы, отряд мой рос, из Кремля нам уже не коней и пищали, а золото с серебром возили. Я же все это время искал Черный Гетман. Думал уже на Дону и

объявиться, как законный наследник престола, да казачков подымать на Москву, но тут, как назло, Михаил помер и на трон взошел его сын, Алексей. А это был совсем иной человек, как правитель не в отца и не в деде пошел. Воспитанный не в крови Смутных времен, а в кремлевских палатах, управлять державой стал по-иному и в услугах вольных охотников не нуждался. Не прошло и года как он, разбирая доставшиеся в наследство тайные отцовы дела, он прознал о моем уговоре с Филаретом. Недели не прошло, как на нашу поимку был послан чуть не целый стрелецкий полк со строжайшим приказом пленных не брать, а опасных татей перебить без пощады на месте. Уйти-то я, конечно, ушел, только вот людей своих и все нажитые запасы потерял. О том, чтобы возглавить бунт, не было теперь и речи. С тех пор я и стал тем что есть — волком лесным, которому страшно на люди показаться. Ну да ладно, худшее позади. Теперь Черный Гетман, наконец, у меня, а стало быть, время близко…

— И что же тебе даст Черный Гетман? — не выдержав, перебил Ольгерд.

— А ты что, не знаешь? — спросил Дмитрий. Не на шутку увлекшись рассказом он позабыл об уговоре "баш-на-баш" и, не чинясь, продолжил:

— Для запорожских казаков тот, кто владеет Черным Гетманом — предводитель, который спасет от врагов их Украину. Объявившись, я сразу же соберу вокруг себя изрядной войско. Но это только треть дела, ведь для московитов, которым плевать с кремлевской колокольни на все казацкие байки, я в первую голову родной внук царя Иоанна. Многие бояре сегодня недовольны Романовыми и готовы будут примкнуть к восстанию. Но при том, что его возглавит не худородный самозванец, а законный претендент.

В рассуждениях последнего Рюриковича Ольгерд узрел изрядную прореху. Из того, что он знал о смутных временах, мало кто считал Дмитрия Самозванца подлинным царевичем Дмитрием, чудом спасшимся в Угличе, а потому у его сына было не так уж много шансов стать во главе боярского восстания, как ему представлялось.

— Но и это еще не все, — не на шутку уже увлекшись, вещал Душегубец. — Не забывай, что по материнской и ногайской крови я Чингизид. Если старый дурак Толуй одумается и будет делать, что я скажу, то я со временем стану сперва ногайским беем, а затем, сместив оплывших жиром Гиреев, и крымским ханом. Да и в Клеменце, в свите Яна Казимира я время зря не терял. Этот король, пешка в руках иезуитов, уже сейчас остался без королевства. Пройдет немного времени и он отречется от престола, после чего род Ваза потеряет власть над Польшей. Шляхта кинется искать нового короля. И если свою кандидатуру выставит на сейме сын Дмитрия, при котором поляки безраздельно царили в Москве, человек, держащий в узле казаков и татар, претендующий на шапку Мономаха, да к тому же обещающий шляхте небывалые вольности и привилегии, то такой претендент сможет привлечь на свою сторону очень и очень многих.

И ведь с чем черт не шутит, у этого может все получиться, тоскливо подумал Ольгерд. Собой виден, через людей переступает, что через корни на лесной тропе, кровь готов проливать хоть ручьями, хоть реками. И главное — нескорушимо, до абсурда, уверен в собственной правоте. Вот тебе и лесной разбойник, падкий до древних реликвий…

Разговор был закончен. Боль в затылке снова дала о себе знать. Ныли, затекая, крепко связанные ноги. Ольгерд справился с подкатившей дурнотой, поднял глаза на Душегубца и прочитал в них, словно в раскрытой книге свою ближайшую судьбу. Жить ему, без сомнения, оставалось с комариный чих. Он сглотнул подступивший к горлу комок и попросил:

— Покажи Черный Гетман.

— Зачем он тебе? — искренне удивился Дмитрий. — Понял бы еще твоего лысого дружка, для него это святая реликвия. А тебе-то чем интересны эти волхвовские цацки?

— Слишком много из-за него крови пролито. Хочу своими глазами увидеть.

— Ну что ж, смотри!

Душегубец вытянул из-за спины продолговатый завернутый в холстину предмет. Отбросил грубую ткань и в руках у него засверкал в отсвете факела черный пернач. Был этот странный предмет, безо всякого сомнения, сделан из железа, однако поверхность имел неровную, словно выломанный из жилы кусок угля с тысячью черных сверкающих граней, по которым бегали красно-желтыми искрами отблески пламени.

— Поглядел? — и сам налюбовавшись вволю, спросил Душегубец, снова заворачивая реликвию в холст. — Завидуешь мне, поди? Только завидовать тебе нет резону — если верить всем преданиям и легендам, которые вокруг этого пернача гуляют, то он лишь у того будет силен, в чьих жилах течет настоящая великокняжеская кровь. Кроме этого и обряд особый нужно провести — в полнолунную ночь напоить досыта Черный Гетман алой водицей. Тогда-то его хозяин полную силу и возьмет.

Ольгерд молчал. Душегубец, снова придя в какое-то лихорадочное возбуждение, продолжил:

— Порадовал душу? Пожалуй что на этом и распрощаемся. Только уж, зла на меня не держи, но смерть я тебе уготовил не простую, а лютую. Ты ведь такой и достоин. Сам посуди, в Ольгове я тебя не убил, ты спасся. В лесу бросил раненым — ты уцелел. Значит оба мы бросаем вызов судьбе. Сейчас третий раз, так что я и теперь кровь проливать не стану. Крипта эта сделана добротно, все щели замазаны, воздуху неоткуда пройти. Дышать тебе здесь от силы до утра.

— Душегубец ты и есть, какой из тебя царь? — прохрипел в ответ Ольгерд, изо всей силы удерживаясь, чтобы дрогнувший голос не выдал охвативший его ужас. — Да только Бог тебя рано или поздно за все накажет.

— С Богом у меня свои счеты, — отмахнулся от него Дмитрий, словно муху погнал. — Царь Иоанн Василевич, бают, зело суеверным был государем, в знамения и приметы верил похлеще, чем в доносы. Но это емуЧто ему не помешало земли русские Уралом и Сибирью прирастить. А я, говорят, весь в деда пошел. Ну да ладно, нужно спешить. Прощай, литвин!

Дмитрий вытянул из держателя факел, покинул крипту и запер снаружи дверь. Послышались тяжелые удаляющиеся шаги, глухо пророкотала, возвращаясь на место, гранитная плита.

Наступила мертвая тишина.

*** * ***

Оставшись один в беспросветном мраке, Ольгерд на удивление быстро успокоился. Смерть отступила на неопределенное время и стала теперь казаться не такой уж и неизбежной. Тем паче, что ждать ее прихода, словно предназначенный к столу поросенок, он не собирался никак.

Ольгерд завалился набок и, отталкиваясь ногами от пола, пополз ужом в ту сторону, где должны были стоять саркофаги. Уткнувшись макушкой в ножку-львиную лапу изловчился, сел. Развернувшись спиной и нащупав угол с какими-то завитушками, начал размеренно тереть об него стянутые веревкой руки. Елозил долго, даже взмокнуть успел, однако своего наконец, добился. Колючее пеньковое вервие, каким привязывают лодки и треножат коней, ослабло и, даруя пока еще призрачную но все же свободу, опало с запястий. Охнув, согнулся и вытянул из голенища засапожный нож. Распутал узлы на ногах и встал, борясь с бегающими по телу мурашками.

Разогнав кровь, Ольгерд опустился на пол и начал шарить в темноте. Нащупал отброшенную к стене свечу, достал из кармана кресало, добыл свет. Подошел к двери,

внимательно ее рассмотрел и покачал головой. Это была цельная доска, вырезанная из твердого, словно камень, мореного дуба и пытаться вскрыть ее ножом было все равно что бить в крепостные ворота вязальной спицей. В поисках тайного выхода обстучал все четыре стены сверху донизу. Заставляя себя не думать о бессмысленности производимых действий, Ольгерд вернулся к двери, достал нож и, погасив свечу, чтобы не выжигать оставшийся воздух, начал долбить острием в одно место.

Долбил он долго, время от времени отдыхая и собираясь с силами. Дышать становилось все тяжелее, рука слабела. Выщербина была глубиной от силы в четверть дюйма, когда нож выпал из рук, а перед глазами поплыли красно-фиолетовые круги и в ушах зазвенели странные голоса.

Ольгерду почудилось вдруг, что он снова стоит в тоннеле, по которому его приводили к знаниям потомки сгинувших дано тамплиеров. И, как тогда в тоннеле, вдали перед слабеющим взором забрезжил свет. Он ринулся вперед, раздвигая руками обжигающе-холодную воду, но остановился, разглядев бревнами плывущие навстречу бесконечные мертвые тела.

Восковые маски застывших лиц казались в лунном свете выточенными из камня. Была там девочка, имя которой он забыл, дочь стряпухи, участница детских игр умершая от лихорадки, убитые Душегубцем мать и отец, десятки лишенных жизни в бою врагов, слепой кобзарь Филимон, мальтиец Анри, Тарас Кочур, посаженные на кол казаки, Фатима, убитые в Риге шведы-наемники.

Угасающий разум Ольгерда осознал — еще немного, и он поплывет по воде вслед за всеми. Сил противиться смерти больше не оставалось. Ольгерд, слабея в ногах, начал медленно опускаться в ледяную, сковывающую движения воду. Когда холод достиг груди как вдруг едва различимый свет, что все еще брезжил в конце тоннеля, вдруг приблизился к самым глазам и заблистал нестерпимо ярко.

Ольгерд уже не слышал как за дверью щелкнул засов, дубовая дверь отворилась и в крипту, пьянящим мозельским вином, хлынул сырой утренний воздух.

*** * ***

Ольгерд оперся о стену и присел на ближайшее возвышение, которым оказался тот самый ящик, на котором сидел, ведя с ним разговор, Душегубец. Пока он приходил в себя, Измаил, с факелом в руке осматривал крипту. Скользнул взглядом по коробам с мумиями, подошел к саркофагам, осветил их внутри, покачал головой:

— Черный Гетман был здесь?

— Да, — кивнул Ольгерд. — Только Дмитрий его забрал.

— Давно?

— Не знаю. Что сейчас на дворе?

— Вечер. Настоятель сказал, что ты сюда приехал вчера, попросился молиться в костеле и пропал.

— Ты же Вильно должен был ждать. Как здесь оказался?

— Почти случайно. Когда из Риги выезжали, спросил у стражи, не видели они человека с приметами Душегубца. Те и припомнили за полталера, что был такой, только вчера. Тут уж сложить два и два, чтобы понять, что тебя ждет засада, было несложно. Кинулся в погоню. До сих пор от седла седалище болит и спина не разгибается. Дальше — понятно. Расспросил обо всем иезуита, спустился в усыпальницу, по твоему рассказу открыл вход в подземелье. В общем, в сорочке ты родился, Ольгерд.

В крипту забежал Сарабун. Потянул носом воздух, сморщился, словно гнилья нюхнул,

подскочил к Ольгерду, оттянул ему веко, приложил ухо к груди и решительно заявил:

— Немедля на улицу!

Пока Ольгерд разговаривал с Измаилом, лекарь успел обследовать дальнюю галерею, нашел выход и решительно повел компаньонов по длинному коридору. Выход из подземелья был замаскирован под придорожную каплицу с незаметной дверцей в фундаменте, открыть которую можно было только изнутри.

Над лесной опушкой, расположенной в нескольких выстрелах от Несвижа, висела мягкая шелестящая тишина. С неба падали нечастые большие снежинки и угрюмый лес на глазах преображался, укрываясь праздничными белыми шапками. Не чувствуя холода Ольгерд сел на прямо землю и обхватил руками колени. На душе у него было тоскливо и пусто.

Рядом, сопя, примостился Сарабун.

— Как Фатиму схоронили? — спросил Ольгерд.

— Все сделали честь по чести. Поговорили с татарами на постоялом дворе, те и подсказали, где за городом небольшое мусульманское кладбище.

— Вот и ладно, земля ей пухом.

Дверца, скрывающая тайный ход, раскрылась и из темноты, кряхтя, выбрался спиной Измаил. В руках он с трудом удерживал тот самый бочонок, который Ольгерд приметил в крипте.

— Что там?

— Судя по весу, золото. Не огурцы же будут хранить магнаты в подобном месте. Пока вытаскивал, едва спину не сорвал. Вот вам и будет работа, отрыть и посчитать, пока я не возвращусь.

— Куда ты еще собрался?

— Вернусь в город, заберу коней и оружие, наплету что-нибудь иезуитам, чтобы не ломали головы, куда ты пропал.

— А дальше?

— Дальше будем думать, где теперь Душегубца искать.

Ольгерд в ответ промолчал. Дождался, пока Измаил, чуть припадая на ногу и отталкиваясь посохом от земли, скроется за поворотом, поставил бочонок, вынул нож, сковырнул верхний обруч и выбил крышку.

Измаил не ошибся — бочонок был доверху заполнен монетами, и не серебряными ефимками, а незатертыми золотыми дублонами. Сарабун, охнул из-за плеча. Не испытывая ровным счетом никаких чувств, Ольгерд зачерпнул монеты в пригоршню и выпустил их обратно сквозь пальцы. Потом прикрыл крышкой, чтоб не блестело, опустился на пень сидел в молчании до тех пор, когда уже в сумерках, возвратилсяс лошадьми Измаил.

Они сидели втроем у вокруг небольшого костра. В темноте у деревьев недовольно храпели привыкшие к стойлу кони. Сарабун достал из сумки хлеб, порезал его аккуратными ломтями и жарил на прутиках куски сала.

— Вот и все, — завершил рассказ Ольгерд. — В крипте, помимо саркофагов и золота, спрятаны мумии из твоего Египта. Душегубец отправился завоевывать весь мир. Ну а рижские архивы, судя по их размерам, хранят столько тайн, что и не вообразить. Правда, что это за хранители им владеют и какому богу они молятся, я так и не понял.

— Здесь как раз все понятно, — ответил, не отрывая глаз от пляшущих языков костра, Измаил. — Водяной тоннель — это не мера предосторожности, а ритуал. Тебя провели через обряд посвящения вольных каменщиков. Это тайное общество, члены которого считают себя потомками мастеров, строивших в Иерусалиме Храм Соломона. Их мистерия с тоннелем и завязанными глазами означает блуждание человека в одиночку во тьме невежества. А

протянутая тебе путеводная рука символизирует путь к свету знаний через обретение братьев-единомышленников. Кроме того, считается, что вольные каменщики связаны с тамплиерами — ведь этот давно распущенный орден, назывался когда-то "Орден рыцарей Христа и Храма Соломонова" — так что здесь еще и прямая связь с посредниками-иезуитами. Что касается этого магната, Сиротки, то действительно, я припоминаю записи полувековой давности, о том что в нашу общину в аль-Кусоре прибыл польский паломник, страстно возжелавший проникнуть в тайну бальзамирования и готовый платить за рецепты бальзамов любые деньги. Ну да ладно, о тайных обществах и их связях мы поговорим потом, за кружкой доброго пива, когда вернем Черный Гетман обратно в Киев. Куда теперь отправимся, Ольгерд?

Ольгерд встал, перебросил через плечо повешенную рядом на сук портупею, привычным движением проверил, на правильном ли месте сабельный эфес.

— Кто куда. Измаил!

Хоть на лице у египтянина и не дрогнул ни один мускул, было видно, что такого ответа он не ждал.

— А как же наш уговор? — произнес он после продолжительной паузы.

— Нашему уговору пришел конец. О чем мы в Кирилловской церкви друг другу клялись? Найти Душегубца и Черный Гетман. Душегубца мы отыскали. Черный Гетман тоже. Что первого не убили, а второй не забрали — на то воля божья. Не нужно было тебе с самого начала меня с собой брать. Проклятье лежит на моем роду.

Египтянин пожал плечами.

— По букве договора ты прав. Как знаешь. Куда подашься теперь?

— Сперва в Лоев. Выясню там, где Ольга и поеду за ней. Ты со мной, Сарабун?

Лекарь давно позабыв про шкварчащее в костре сало, стоял потупив глаза.

— Что не так? — спросил его Ольгерд.

— Ты уж прости, господин, — протянул Сарабун неуверенным голосом принявшего окончательно решение, но вместе с тем робеющего человека, — но не поеду я дальше с тобой. И не в тебе тут дело, за тобой-то я, как за каменной стеной. Просто в последнее время я начал превращаться из медикуса в какого-то могильщика. Ну кобзарь покойный, это еще можно понять. А потом наши кондотьеры из Кафы, мой благодетель Пан Тарас, казненные казаки. И, наконец эта девушка, Фатима. Устал я, господин Ольгерд, от эдаких пертурбаций. Отпусти ты меня учиться, мое дело людей исцелять.

Ольгерд, ни слова не говоря, кивнул и пошел собирать коней.

— Что с золотом делать думаешь? — окликнул его Измаил.

— А что оно разве мое?

— Ты первым в подземелье проник, стало быть твое. Тебе и решать.

— Что тут решать? Выдай Сарабуну столько, чтоб на жизнь да учебу хватило. Себе я возьму лишь на то, чтобы Ольгов свой выкупить. Остальное ты забирай. Ты ведь, я так понимаю, от цели своей не отступишься.

— Не могу, — серьезно ответил египтянин и, отбросив крышку бочонка, стал раскладывать дублоны на три неравные кучи.

Собравшись, Ольгерд крепко прижал к груди плачущего навзрыд Сарабуна. Подержал за плечи Измаила, глядя ему в глаза. Египтянин из последних сил старался выглядеть невозмутимым, но видно было, что и ему расставание с компаньоном дается отнюдь нелегко.

Ольгерд вскочил на коня и, не оглядываясь, поскакал навстречу пламенеющему небу по сказочно красивой лесной дороге. Кони пробивались через свежевыпавший тонкий снег, и за ними тянулась густая цепь черных налитых влагой следов.

Званый пир

Киевская зима, не морозная и недлинная, доживала свои последние дни. Снег еще не сдавался, но на крутых городских узвозах то здесь то там пробивалось наружу веселое журчание — преддверием грядущего половодья пробивали путь сквозь серый слежавшийся снег с холмов говорливые ручейки. Яркое солнышко, забравшись на самую середину густого лазурного неба, золотила верхушки Святой Софии, и ее шлемы-купола сияли так, что у проезжих-прохожих, что осеняли себя крестным знамением, не оставалось ни малейших сомнений в том, что краше Матери Городов Русских нет и не будет мест в православном мире.

Вволю налюбовавшись на древний храм, Ольгерд пустил коня шагом и тот, выстукивая брызги из-под белой раскисшей каши, двинул в сторону Лядских ворот, выводящих путников на Козье болото, мимо которого лежал путь к суетливым подольским улицам и майданам.

У ворот несла службу стрелецкая стража. Ольгерд скосился на вьючного коня: не торчат ли предательски из рогожного свертка треклятые гусарские крылья, королевский подарок. Вещь, что и говорить, дорогая, красивая, но разгляди гусарское украшение хоть один из двух двух тысяч расквартированных в городе стрельцов, состоящих под рукой московитского воеводы, и объясняться в том, как они попали к наемнику — литвину, придется не иначе как в здешнем подобии разбойного приказа, вися на дыбе и отвечая на подковыристые вопросы дознатчика. Невзирая на мир, заключенный меж русским царем и королем Польши, на киевщине "клятых ляхов" не жаловали больше чем неспокойных казаков.

По лежащим в планшете справленным в Вильно бумагам выходило что он литовский шляхтич, присягнувший царю Алексею Михайловичу, который направляется в свой мозырьский маеток, а в Киев заехал лишь для того, чтобы справить в здешней магистратуре бумаги на наследство дальней родни. На самом деле Ольгерд выбрал кружной путь из Вильно в Лоев лишь для того, чтобы встретиться здесь с куреневским сотником Богданом Молявой. Нужно было отдать все накопившиеся за время странствий долги.

Ольгерд проделал больше половины пути по опасному скользкому и мокрому спуску, когда увидел что с Киселевской горы ему навстречу движется конно-пеший отряд человек из пятидесяти на глаз. В то, что вооруженные люди, едущие из резиденции воеводы, представляют угрозу для одинокого путника, Ольгерд не верил, однако, по въевшейся в кровь привычке быстро оценил кто и что.

Отряд был странный: не стрельцы, не рейтары и не казаки, а так, с бору по сосенке. Пятеро или шестеро тяжелых всадников, пешие стрельцы, вооруженные тяжелыми пищалями, легкие конники с пиками и несколько шведских кирасиров. На повозках, движущихся в середине колонны, горбились под рогожей припасы и, горбясь, сидели пленные.

Несмотря на то что отряд шел в походном ордере, выглядел он так, будто сей же момент собирался вступить в бой с регулярной армией. Пеструю процессию возглавлял крепкий воин на боевом коне, лишь немногим уступавшем тому, который Ольгерд получил в подарок от королевских гусар. Торс предводителя защищало от пуль посеребренное зерцало с латными наручами и кольчужной юбкой до колен, а голову его венчал островерхий шлем с защищающей шею и плечи пластинчатой бармицей, какие носит боярская дружина. Если добавить к этому свисающий с пояса мощный клевец, способный в ближнем бою пробить доспех, который не возьмет и мушкетная пуля, два пистоля и карабин, судя по замку, явно голландской работы, то не оставалось ни малейших сомнений, что их обладатель способен в одиночку справиться с десятком — другим противников послабее. Однако столь грозный вид, по мнению Ольгерда, предназначен не столько для немедленного боя, сколько для впечатления на подольских девиц.

Отряд приблизился и Ольгерд остановился, уступая дорогу. Он еще раз, повнимательнее поглядел в лицо командиру и рассмеялся. Несомненно, это был старый знакомец, Шпилер. Старый приятель тоже его узнал. Махнул рукой своим бойцам, чтобы продолжали движение, сам же подъехал к Ольгерду. Они спешились и обнялись.

С тех пор как они расстались здесь же, в Киеве, бывший собрат по плену изрядно возмужал, однако не утерял свой юношеский задор.

— Я смотрю, ты в важные птицы выбился, — сказал Ольгерд, с уважением рассматривая дорогой доспех приятеля.

— Что есть, то есть, — не скрывая гордости, ответил тот. — Вначале служил порученцем у киевского воеводы, потом в походе на Вильно участвовал, Ригу осаждал. После того, как царь Алексей Михайлович в Москву возвратился, я взял капитанский патент и на Полесье разбойников ловил, их там после войны немеряно развелось. После того как присягнул государю московскому, за службу получил деревеньку под Полтавой, из бывших владений Вишневецких. Сейчас по приказу воеводы отправляюсь в Субботов, с особым поручением к гетману Хмельницкому. Новый поход намечается, глядишь и замком себе разживусь. А ты, брат, какими ветрами? Слышал я, что на сечь отправился?

— Правильно слышал. Был я и на сечи, и в Крыму. Мотался от южного моря до северного. Деревеньку, правда, за службу не раздобыл…

— За чем же гонялся?

— За детскими страхами да да приведениями из страховитых сказок, — вздохнув, хмуро ответил Ольгерд.

— И как, нашел, что искал?

— Искал одно, нашел другое. Только вот верных друзей по пути растерял.

Шпилер нарочито убедительно кивнул, всем видом своим пытаясь показать, будто понял, о чем идет речь. Однако, судя по выражению глаз, новоявленный московитский помещик скорее всего решил, что его давний приятель просто блажит. Выдержав небольшую паузу он спросил:

— Куда сейчас?

— Заеду к казакам на Куреневку, а потом в Лоев отправлюсь. Остались там кой-какие дела.

— Понятно, — протянул Шпилер, из тона, которым это было сказано опять же явствовало, что ничего ему, как раз понятно и не было.

Последняя телега обоза поравнялась с приятелями. Ольгерд окинул взглядом сидящих на ней пленных и обомлел. В хмуром нечесаном варнаке, кутающемся в разорванный по шву грязный кунтуш с лезущим на глаза заячьем треухом он признал своего бывшего хорунжего Друцкого-Соколинского, который переметнулся к московитам в Смоленске.

— Под Оршей взяли, — перехватив ольгердов взгляд, пояснил Шпилер. — Он там вместе с дружками начал по селам бесчинствовать, с крестьян "шляхетские подати" собирать. Вот мы их выследили и побили. Кстати, в той самой деревне, где с тобой познакомились.

— В Замошье? И как она там, цела-невредима?

— Горела раз, но уже отстроилась.

— Как там наш друг Михай?

— А что ему сделается? Поит бимбером смоленского урядника, когда тот по делам приезжает, да живет припеваючи. А ты, я гляжу, этого шляхтича раньше знавал? — Шпилер указал рукой на Соколинского.

— Встречались, — процедил сквозь зубы Ольгерд. — Под Смоленском. Когда я с Обуховичем город покинул.

— Обухович сейчас снова в фаворе, — кивнул Шпилер. — Он, говорят, Варшаву у шведов отбил, теперь воюет под Краковом. А с этим все ясно, — он снова кивнул на пленника, и тот

боязливо вжал голову в плечи. — Кто присяге, единожды изменяет, тот рано или поздно до разбоя докатывается и кончает жизнь в острожной яме да со рваными ноздрями. Мне самому он противен, за собой таскаю в расчете на выкуп. Хочешь? — Забирай с собой! На прокорм уже больше потратил, чем его родичи могут дать.

Попадись Ольгерду чванливый хорунжий вскоре после смоленских дел, непременно бы взял его к себе да, в отместку за подлость и предательство заставил чистить лошадей и за столом прислуживать. Но после всего что он пережил за последние годы, возня с бывшим начальником в отместку за давние обиды виделась делом мелким и негодящим.

— Нет, — ответил он твердо, — мне обуза тоже без надобности.

— Шпилер нахмурился, как любой нехитрый человек, чья уловка мигом распознана собеседником, но отчаиваться не стал. Почти сразу же лицо его просветлело, словно шебутную голову воеводского порученца посетила какая то, новая и очень удачная, на его собственный взгляд, мысль:

— Слушай, Ольгерд! А может ко мне в отряд? Мне такой как ты, опытный командир и лихой рубака нужен до зарезу! Если согласишься сразу же, сей момент триста талеров выдам. Будешь получать еженедельное жалование, да вдобавок долю при разделе трофеев. Царь русский богат и за честную службу платит щедро. Да и земель у него столько, что на наш век хватит. Через год-другой, глядишь и в воеводы пробьешься…

Чинов и земель мне не нужно, — ответил Ольгерд. У меня и то и другое есть, отцами и дедами завещанное. Да и честно тебе скажу, устал я, Шпилер, от всех этих игрищ. Война — забава для юных.

Шпилер развел руками, мол нет — так нет, мое дело предложить. Однако в глазах его застыла изрядная досада, словно отказ, в общем оправданный и вполне ожидаемый, изрядно его уязвил.

Говорить более было не о чем. Оба тепло распрощались, затем вскочили на коней, Ольгерд сам, а Шпилер при помощи подскочившего мигом слуги, и поехали в разные стороны, оба пребывая в твердой уверенности, что их дороги более не сойдутся.

*** * ***

Дорога, ведущая в казацкую слободу, знакомая Ольгерду еще по прошлому посещению, окруженная черными безлистными стволами деревьев и голыми кустами, выглядела совсем не так, как в летнее время. На дальнем холме, не хоронясь за листвой серела немым укором Кирилловская церковь, в которую заехать он, сам не зная почему, не решился. Укрытые снегом холмы, лишенные зеленой густой листвы, просматривались от подошв до макушек, так что случись та, круто изменившая судьбу стычка с кошевым Богданом Молявой не в разгар лета, а сейчас, то исход ее был бы печален для беглецов, которые не смогли бы найти никакого себе укрытия.

Заливные луга, через которые лежал его путь, простирались бесконечной грязно-серой равниной до самого горизонта, у которого хмурой стеной чернел тянущийся отсюда и едва ли не до Смоленска бесконечный угрюмый лес. Между лесом и киевскими холмами, за полосатыми одеялами перепаханных с осени огородов, пуская в небо султаны печных дымов, топорщилась крышами Куреневка.

Вопреки ожиданиям, казацкая слобода встретила его не зимним дремотным безлюдьем, а неожиданным для этой поры оживлением, так что сперва он решил, что спутал дни и прозевал приход Маслены, до которой по его прикидкам, было еще две две с половиной недели. Однако,

въехав в улицу, ведущую к майдану, понял, что царящая во всех без исключения дворах суета отнюдь не напоминает праздничное гулянье. Во дворе по левую руку, за невысоким тыном с неизменными горшками на жердях, два казака, судя по разнице в возрасте отец и сын, вместе с десятком дворовых грузили незапряженную телегу. При этом груз, который они, перекладывая рогожами и одеялами, умещали со всем возможным тщанием, отнюдь не напоминал товар, что возят на ярмарку мирные поселяне. Телегу заполняли короба с порохом, заготовленные патроны древки пик и добротные пластинчатые доспехи, а одних только карабинов Ольгерд насчитал не меньше пяти.

Во дворе напротив, также собирали телегу, но укладывали не оружие, а провиант. Две дородные девицы таскали из распахнутой двери отдельно стоящего погреба связки вяленой рыбы, копченые окорока и скрученные рулонами толстые шматы сала. Сам же хозяин, никому не доверяя особо ценный припас, нес из дому, завернув в шаль и обнимая, словно ребенка, полуведерную бутыль доброго хлебного вина.

Не нужно было иметь семи пядей во лбу чтобы понять: напоминающая растревоженный улей слобода Куреневской сотни Киевского полка Войска Запорожского всем миром собиралась в поход. И цель этого похода была не совсем понятна. Московское царство, которому несколько лет назад присягнули бывшие реестровые казаки Речи Посполитой, вело войну с одной только Швецией с которой, как было ему известно, гетман Хмельницкий, свято блюдя казацкий закон: "И богу свечка и черту кочерга", поддерживал вполне дружеские отношения. Добравшись до майдана, Ольгерд направил коня к подворью, которое занимал куреневский кошевой атаман.

Горячий Богдан Молява держал совет в знакомой Ольгерду зале, куда он, узнанный джурами, проник безо всяких помех. Растопленная, словно в бане печь разогрела дом так, что по спине чуть не сразу побежали струйки пота. Внутри было тесно, словно в церкви на Пасху. Воздух был спертым, а над потолочными балками висели пласты плотного дыма, издающие резкий щекочущий ноздри запах — это один, по-татарски чернявый казак вдыхал в себя через люльку перенятое недавно от турок заморское зелье которое, как знал уже Ольгерд, вместе с конопляным дурманом зовется татарским словом тутун.

Единственным стоящим на ногах в зале был сам кошевой. Верхушка шапки его терялась в тутуновом дыму, голос Молявы был хриплым и громогласным. Все своим видом он, с горящими глазами и раздувающимися ноздрями напоминал старого боевого коня рвущегося из стойла при звуке боевого рожка.

— И овса побольше берите, — ревел сотник так, что Ольгерду стало страшно за дорогие оконные стекла, — по москальским ведь землям пойдем, а там реквизиции считаются грабежом. Суд у царских воевод сами знаете, короткий — с дыбы и на плаху…

— Знаем, батько, — закивали сочувственно казаки. — лютуют опричники! Вон Микола Вересень на Пасху всего-то у ляха-соседа хутор решил потрясти. Холопов поубивал, дык то холопы. Ну семью-то не убил и не в полон продал, а только жену хлопцам отдал, а дочку, тут уж дело молодое, сам снасильничал. Его за это похвалить надобно было, ведь ляха разорил, а зверь-воевода велел батогами до мяса бить, и запер в холодную… Никакой жизни нам, казакам, на Киевщине не стало!

— Затем и идем мы в поход, — кивнул, выслушав жалобы, кошевой. — Чтоб вольностям нашим никто окорот не давал, ни ляшский круль, ни москальский царь. На святое дело идем. Наша земля Украина, и нам тут решать, что с жидами, ляхами да холопами делать!

Упоминание о еврейском племени, которое еще со времен короля Владислава получило в землях Речи Посполитой множественные привилегии и, благодаря широко развернувшейся торговой деятельности, ухитрилось стать кредиторами едва ли не всех здешних шляхтичей и служилых людей, вызвало у собравшихся чрезвычайно живой отклик. При этом оказалось, что в

знаниях разновидностей пыток и казней Ольгерд совершенный профан, ибо перечень бед и кар, обещанных казаками как всему моисееву племени в целом, так и отдельным, особо отличившимся его представителям, был воистину потрясающ.

Пока достопочтенные радники выражали полную поддержку словам и делам своего сурового атамана, тот цепким взглядом осматривал залу пока, наконец, не заметил своего гостя.

— Ба! Кого я вижу! Ты ли это, Ольгерд? — Вновь рявкнул, перекрыв шум, кошевой. — А я про тебя на днях как раз вспоминал. Дело-то такое намечается, что каждая добрая сабля дороже золота. Ну, на этом, хлопцы, и закончим, мне с шановным паном потолковать нужно. А завтра, чуть свет, пойдем на Вышгород и дальше через земли Чернобыльского полка…

Застучали, отодвигаясь, лавки. Казаки, гомоня и толкаясь двинули на двор.

Из задымленной и пропахшей потом залы гость и хозяин перешли в соседнюю комнату с накрытым столом. Кошевой, хлебосольным жестом предложил Ольгерду место на выбор, дождался, пока гость усядется, опрокинул за встречу чарку горилки и спросил:

— Так ты как, компанеец, проездом у нас или ко мне по делу?

— По делу, пан Богдан, Ответил Ольгерд. — Письмо от Кочура тебе привез. А также и весть скорбную. Погиб Тарас под Клеменцом, а вместе с ним и вся его сотня.

Кошевой вмиг на десять лет постарел. Стянул с головы серую каракулевую шапку, посерел лицом.

— Слышал я, что наших там татары с поляками положили. Только вот кто выжил, а кто погиб, я не знал. Что расскажешь?

— Все погибли, до единого. Татары, кого не порубали, того взяли в плен. А пленных отдали польскому королю, который приказал их казнить.

— Точно знаешь?

— Сам там был.

— А ты как спасся?

— Не с ними я был, кошевой. Пришел в Клеменец из Крыма, пока разобрался что к чему, было поздно.

Ольгерд не стал вдаваться в подробности и рассказывать, на чьей он воевал стороне. Кошевой Богдан был человеком горячим и запросто мог в сердцах объявить его лазутчиком или предателем.

Молява, сам себе наливая, молча опрокинул в себя подряд две чарки и тяжко вздохнул:

— Добрым казаком был Тарас. Ходить бы ему в полковниках, да видишь дело как повернулось Ну да ладно, что там за письмо?

Ольгерд протянул послание с описанием похорон Золотаренка, найденную в сумке у Кочура. Кошевой отмахнулся от пакета, как от шершня:

— Не обучен я этим премудростям! Читай, хлопче, не джуру же будить в самом деле, пусть перед походом отдохнет.

По мере того, как Ольгерд оглашал рассказ о страшных событиях, произошедших в Корсуне потухшие было глаза кошевого вновь загорались нехорошим огнем.

— Ивана, стало быть извели, — дослушав до конца хищно оскалился Молява. — И не только самого на тот свет отправили, но и память о нем покалечили. Теперь и до брата его, Василя, полковника Черниговского, добраться будет не в пример проще. Сестрицу их, хмелеву женку Пилипиху, чтоб ей черт в аду ворожил, пока не достать, но без братцев она словно лодка без весел, далеко не выгребет, делу нашему не помешает.

— Какому делу, пан Молява? — спросил Ольгерд. — Смотрю, в поход собираетесь…

— Собираемся, друже! Еще и как собираемся, — оживился кошевой. — Тут такое случилось, чего, почитай, со времен Байды сечевики ожидали.

— Чего же?

— Это, конечно, тайна, но ты ведь в наши справы посвящен. Радуйся, козаче! Исполнилось, наконец, древнее пророчество. Объявился, слава Христу, Черный Гетман!

У Ольгерда внутри все упало. Стало быть, Душегубец начал осуществлять свой безумный план. Хотя, глядя на возбужденного, словно гончая, что взяла след, кошевого, Ольгерд вынужден был вновь признать, что затея Дмитрия не так уж и безнадежна. Однако, своих мыслей он опять же предпочел казаку не выдавать и, как мог изобразив удивленное лицо, спросил:

— У кого же нашлась реликвия? У кого-то из нашей старшины?

— Бери выше, хлопче! Объявись Черный Гетман у кого-то из полковников, перегрызли бы они глотки друг другу, сам ведь знаешь, поди, что там, где два казака — там три гетмана. Хочешь верь, хочешь не верь, но она у родного сына Московского царя Дмитрия. Того, самого, с которым деды наши на Москву ходили.

— Это который? — опять прикинулся дураком Ольгерд. — Гришки Отрепьева, Самозванца сын?

— Глупое говоришь, хлопче, за сплетниками старую байку повторяешь. Про Гришку Отрепьева Годуновы придумали, чтобы унизить законного наследника. Дмитрий Первый был родным сыном царя Иоанна. А Дмитрий Дмитриевич, который Черным Гетманом завладел, и есть его сын, то бишь Иоанна родной внук.

— Если он законный претендент на Московский трон, то с чего же не к московитам обратился, а к казакам?

— Потому что желает, чтобы сперва Войско Запорожское под его руку встало. А потом уже собирается, подобно отцу своему, на Москву идти.

— А почему ты так уверен, кошевой, что это не очередной самозванец с подделанной безделушкой?

— Есть доказательства. Царевич Дмитрий взял в плен доброго казака из моей сотни. Тот, видишь ли, с депешей был послан в Конотоп, да в лесу заплутал. Остап, ты его знаешь. Наш будущий гетман отвез его в брянские леса, в свой острог, там реликвию предъявил, рассказал все о себе, дал письмо, собственной рукою начертанное на мое имя и обратно отправил. Клянется Остап, что и пернач тот самый, настоящий, и Дмитрий Дмитриевич самой подлинной царской стати.

— И зачем же он вас зовет?

— Хочет под нашей охраной на сечь пойти, чтобы в гетманы выкликаться. Хмель старых друзей позабыл, себя Золотаренками окружил. Обижаются на него многие. Если черную раду соберем, где не только старшина, но и простые казаки будут слово говорить, то Хмельницкому власти не удержать, а с таким гетманом как Дмитрий мы Московию к ногтю прижмем и вольности свои восстановим. Сейчас ведь все, кто в Переяславе царю-батюшке присягал, локти себе кусают. Романовы мягко стелют, да жестко спать. В киевских и черниговских землях московитские воеводы почитай что всю власть забрали. Сам слышал, что казаки говорят. Суд неправедный творят, вольности наши урезают. словно мы не свободные сечевики, а царские холопы! Вот что, Ольгерд, давай-ка ты с нами. Сам понимаешь, кто в свите нового гетмана на Сечь приедет, тот непременно в его ближний круг войдет.

По мечтательному взгляду кошевого было видно, что тот себе уже примеряет не меньше бунчук наказного гетмана, а то и высокую боярскую шапку из сибирских соболей. Отговаривать его от бессмысленного дела не удалось бы, даже приставив ему ко лбу заряженный пистоль. Однако отвечать резким и необоснованным отказом было опасно, мало ли какие подозрения всколыхнутся в душе у горячего казака.

— Прости, но не могу я, — ответил Ольгерд. — Тарасу Кочуру обещал о племяннице его

позаботиться. Я ему крест целовал, что отсюда прямиком в Лоев поеду. Вот как выполню обещанное — тут уж я весь как есть твой.

— Кочурова племянница? — поднял бровь кошевой. — . Это которую Ольгой кличут?

— Она самая, — кивнул Ольгерд.

— Так ее же в Лоеве нет давно! Прошлым летом она приезжала в Киев, письма от черниговцев мне привезла. В магистратуре бумаги какие-то справила, а потом отсюда прямиком направилась куда-то на Курщину. Я это точно знаю, потому что сам ей подорожную грамоту выписывал и гайдуков эстафетой до Рыльска обеспечивал. Слушай, казак! Ежели она сейчас где-то под Курском, так тебе с нами ехать сам бог велел. Мы, притворясь переселенцами, что за Урал путь держат, до самой Брянщины дойдем и ты с нами. А там, как Дмитрия Дмитриевича примем, можешь себе спокойно дальше поехать. От Карачева до Рыльска два дня пути.

Ольгерд не имел ни малейших сомнений, что Душегубец приготовил для казаков одну из своих ловушек, однако в словах кошевого был определенный резон. Пройти с дружеским обозом большую часть пути это, по большому счету, удача. До логова новоявленного претендента в гетманы Войска Запорожского они доберутся, а дальше уж видно будет… "Видно такая у меня судьба, — стоит только навстречу Ольге пойти, как тут же этот разбойник на пути объявляется" — подумал он, вертя меж пальцев налитую до краев чарку. Прикинул еще раз, поднял чарку в руке и, глядя в глаза Моляве твердо сказал:

— Согласен я, кошевой. Только не обессудь, когда до места дойдем, с вами не останусь, поеду Тарасу обещанное исполнять.

— Только ли Тарасу? — хитро прищурился Молява. — Помнится, ты говорил прошлый раз, что в Лоеве тебе девица гарбуза выставила? Не она ли?

Ольгерд чуть виновато кивнул и развел руками: старого, мол казака, на мякине не проведешь:

— Так и есть, батько.

— Ну что же. Дело, как говорится молодое. девка она ладная, да и ты на вид чистый льщарь. Дай бог, чтоб сладилось у вас, тогда и Тарасу старому на небесах радость будет. Ну а сейчас пойдем спать. Ночь зимняя длинна, да все равно вставать до рассвета.

*** * ***

Остап привстал на санях, всмотрелся в высокий берег Снежети, по замерзшему руслу которой уже несколько дней двигался казацкий отряд, и указав рукой на высокую растущую наособицу сосну с ярко-красной корой, уверенно заявил:

— Вот, та самая! Отсюда до места вдоль сосняка да по перелескам не более десяти верст.

Едущий на коне Богдан Молява махнул рукой передовому разъезду, чтоб начали искать удобный подъем. Обоз сбавил ход и Ольгерд воспользовался короткой передышкой, чтобы пересесть на вторую свою заводную лошадь. Укрытый теплой попоной гусарский жеребец, непривычный к походной жизни, всхрапнул, требуя от хозяина овсяного оброка. Ольгерд подошел ко вьюкам, зачерпнул из мешка длинных колючих зерен и сунул руку ковшом под морду коню. Жеребец вновь недовольно всхрапнул, но угощение принял с благодарностью.

За все время длинного, больше чем в шестьсот верст, пути, перед Молявой, как перед начальником, стояла почти неразрешимая задача — прибыть к месту до того, как наступающая на пятки весна растопит снег, превращая любую дорогу в непроходимую кашу распутицы и пустит по рекам, искони в лесной Руси в зимнее время заменяющих путникам дороги, кряхтящий и стонущий ледоход. Ко всем сложностям похода добавлялось и то, что казакам

нельзя было попадаться на глаза ни черниговцам, у которых заправлял ставленник золотаренковской партии, ни уж, тем паче, московским воеводам и их соглядатаям. Взвесив все за и против, казаки решили идти кружным, но во всех отношениях более безопасным северным путем — через Вышгород по правому берегу, к днепровским верховьям.

В Чернобыле, где квартировал надежный полк, они обменяли телеги на сани и переправились через Днепр по льду десятью верстами выше устья Припяти. Оттуда двинули, забирая помалу на восток по малолюдным местам, обошли верст широкой дугой Чернигов, а дальше, сказываясь переселенцами, едущими на вольное Зауралье, двинули по замерзшему руслу Десны. Войдя в пределы Московского царства, моля господа чтобы тот придержал весну, свернули на речку Снежеть, которая и должна была, если верить Остапу и письму Душегубца, вывести к затерянному в бесконечных дремучих лесах острогу, где их должен был ждать будущий казацкий предводитель и царь.

Господь на сей раз был явно на стороне куреневцев и все время пути, словно споспешествуя их замыслам, держал, не отпуская, легкий, но надежный морозец. Брянские леса, и без того суровые и холодные по сравнению с Киевщиной, стояли, укрытые снежными шапками, а русло петляющей меж чащобами Снежети с пятивершковым льдом и крепким, словно деревянный настил, настом, мало чем отличалось от мощеных городских улиц. Кони, освобожденные от подков, шли вперед лихо и куражно, словно ямской поезд по хорошо сбитому тракту.

По реке прошли мимо городка Карачева, чьи окрестности полностью оправдывали название, которое он получил от частых здешних гостей, татар. Кара-чев на татарском означало именно "черный лес", глядя на которой немедленно приходили на ум рассказы о том, что именно здесь "у села Карачарова" и встретился с Соловьем-Разбойником по дороге в Киев Илья Муромец…

На последней ночевке казаки перестали изображать из себя мирных черкасов, ищущих лучшей доли в далеких землях, извлекли из саней оружие и сменили мужицкие зипуны на дорогие кунтуши, из-под которых теперь посверкивала крепкая стальная броня. Так вооруженным до зубов отрядом, выехали на неожиданное посреди леса верстовое поле, в далнем конце которого чернели бревна острога

Конечная цель путешествия, логово Душегубца представляло собой стоячий, то есть собранный из вертикально вкопанных в землю дубовых бревен, трехсаженный острог с обламами — крытыми навесами над главной стеной, который был возведен на круглом насыпном холме. То ли на месте покинутого городища вятичей, не то древнего готского кургана.

Главным отличием острога от многих десятков подобных засек, которых Ольгерд навидался за время службы у донцов, была возвышающаяся на два яруса выше стен круглая башня, со стрельчатыми окнами, сложенная из дикого серого камня.

Смотри-ка, донжон себе поставил, будто какой французский лыцарь, — пробурчал, разглядывая башню, Молява. — Ладно устроился этот Дмитрий. Только вот встречать нас, похоже, никто не спешит…

И в самом деле, несмотря на то, что отряд, подняв кошевую хоругвь, приблизился к острогу уже на расстояние в половину мушкетного выстрела, островерхие двухсаженные ворота, зажатые меж деревянными башнями, и не думали открываться.

— Кто-то внутри все же есть, — всматриваясь до рези в глазах в приближающиеся стены, ответил кошевому Ольгерд. — Не выглядит острог заброшенным. Только в обламах, точно говорю, ни души.

— То-то и оно, — пробормотал, пряча люльку в карман, Молява. — Не похоже, чтобы нас тут встречали, как званых гостей. Не случилось ли, с Дмитрием Дмитричем чего, не приведи

Господи?

Разговор с кошевым оборвали крики замыкающего разъезда. Ольгерд обернулся назад и увидел, как с противоположного конца поля вытекает из лесу и катится прямо к ним, разворачиваясь на ходу в конную лаву, визжащая и улюлюкающая толпа.

— Татары, мать их перетак! — рыкнул Молява. — И зимой им теперь в Крыму не сидится. Вот, значит, от кого острог запирали. А ну, хлопцы, завертай сани в гуляй-город!

Конные казаки, прикрывая пеших, выстроились в негустую цепь и наставили в сторону вопящих татар заряженные карабины, в то время как возницы начали споро распрягать коней, так что не успели налетчики приблизиться на расстояние прицельной стрельбы, как у них на глазах выросло полевой заслон. Более известное просвещенной Европе как вагенбург, это круговое укрепление из возов или саней, внутри которого укрывались пешие стрелки и копейщики для легкой татарской конницы было препятствием почти непреодолимым.

Казаки дали упреждающий залп с седла, после чего спешились и ушли в укрытие. Противник понял, что легкой добычи ему не видать, как своих укрытых немытыми патлами ушей, и крик татарской лавы перешел в разочарованный вой. Однако командовал крымчаками отнюдь не безбородый юнец — конники с ходу поменяли тактику и, расположившись на две колонны, начали обтекать санный гуляй-город, на ходу осыпая его стрелами. В ответ запорожцы открыли ружейную стрельбу.

Потеряв несколько человек, татары отступили и рассредоточились, окружив гуляй-город так, чтобы, в случае вооруженного отступления, отсечь казаков от леса. Похоже, неведомый предводитель принял решение живыми их с поляны не отпускать.

Зарядив карабин и пистоли Ольгерд сел, опершись спиной на санный передок и оглядел поле боя. Татары сновали взад-вперед на безопасном от выстрелов удалении. Похоже, что это была не попутавшая времена года набежная орда в несколько тысяч человек, а такой же как и у них, малый отряд, тайно пробравшийся в самую глубь бескрайней брянской чащобы с какими-то им одним известными целями. Но чем дольше он размышлял о происходящем, тем сильнее в нем крепла уверенность, что цели у татар и казаков совпадают.

Ольгерд кинул взгляд на душегубцев острог, который все также безмолвствовал, скалясь запертыми воротами. Однако глаз уловил в одном из окон верхнего яруса башни едва заметное шевеление. Казалось, что оттуда наблюдают за стычкой.

Вторая атака татар началась одновременно с трех сторон. Под прикрытием лучников, всадники в железных остроконечных шлемах с волчьими лисьими и шакальими хвостами, обнажив сабли, рванули вперед, с остервенением нахлестывая и без того взбудораженных боем лошадей.

Казаки, а вместе с ними и Ольгерд, дали залп по приближающимся всадникам, однако татары надвинулись слишком быстро и перезарядиться казаком не удалось. Защитники вагенбурга стали без суеты готовиться к рукопашной. Глядя на то, как казаки готовят к бою кто сабли, кто пики, Ольгерд вытянул даренный Обуховичем клинок и заботливо обтер его замшей. Не успел он занять место в строю, как татары посыпались с коней прямо на сани.

— Отбивай, хлопцы, пока стрелки не готовы! — рявкнул Молява и, не давая врагу опомниться, ринулся в бой.

Ольгерд разрядил в первого возникшего перед ним противника один ствол своего двойного пистоля, оставил второй на самый крайний случай и, запрыгнув на сани, тут же схлестнулся в сабельном поединке в вертким, как червяк, молодым татарином. Сабельный боец из противника оказался, что из безногого скороход. Ольгерду хватило двух движений: отвлекающего отмаха и тычка прямо в горло, чтобы отправить его к татарскому аллаху. Со вторым, кинувшемся на него прямо из седла, пришлось повозиться. Татарин сбил его с ног, тут же, не дав подняться врезал

ногой в грудь, но напоровшись мягким сапогом на стальной доспех, завыл, отскочил в сторону, споро выставив перед собой тяжелый турецкий ятаган. Ольгерд надвинулся и нанес рубящий удар. Татарин парировал грамотно, уводя свой клинок в сторону так, чтобы размахнувшийся противник подался вперед и потерял равновесие. Однако Ольгерд ждал подобного финта. Перехватив рукоятку сабли двумя руками он, словно крутя колодезный ворот, вывернул в сторону ятаган. Не ожидавший ответного финта противник споткнулся и упал на одно колено. Этого было достаточно, чтобы размахнуться и рубануть саблей по вытянутой незащищенной шее.

Провожая взглядом покатившуюся по стоптанному, грязно-кровавому снегу голову, на которой чудом удержалась хвостатая шапка, Ольгерд убедился в который раз, что в пешем бою крымчак запорожцу не противник. Татар теснили по всему кругу, а в некоторых местах вышвырнули за линию саней.

Такого же мнения, похоже, придерживался и татарский предводитель. Прозвучала хриплая команда и уцелевшие татары, словно блохи с искупавшейся в извести собаки, запрыгали с поклажи на снег и начали цоканьем подзывать оставленных под присмотром табунщиков лошадей.

Голос татарского предводителя Ольгерду был знаком. И, как оказалось, не ему одному.

— Эй там! — гаркнул из-за тюков Молява. — А я ведь тебя узнал, татарская морда! Ты Темир-бей, ногайский мурза.

— И я тебя узнал, десятник Богдан! — Раздался в ответ голос старого ногайца. Последний раз мы виделись под Берестечком. Я рад, что ты жив!

— Не десятник, теперь уже кошевой! И я тоже, поверь, не сильно этим опечален. Ну да ладно, о наших с тобой делах после поговорим. Пока же ответь, что вам здесь нужно?

— Подозреваю, что того же, что и тебе казак! — крикнул, выезжая вперед Темир. — Предлагаю перемирие!

— Согласен! — ответил кошевой. — Хлопцы, не стрелять! Но ружья держите пока наготове!

Предводители двух отрядов пешими сошлись на нейтральной земле. Находились они от Ольгерда шагах в десяти, а звуки в звенящем морозном воздухе разносились чисто и далеко, так что он явственно слышал каждое произнесенное слово.

— Зачем ты напал на нас, Темир? — спрашивал, уперев руки в боки, Богдан Молява. — Мы пришли сюда по приказу своего гетмана. И находимся на своей, между прочим, земле…

— С каких это пор земля московитов стала землей запорожцев? — холодно осведомился ногайский бей. — Мы, между прочим, тоже пришли сюда, чтобы защитить моего племянника, потомка великого Чингисхана, и решили, что вы пытаетесь идти на штурм.

Лицо Молявы выразило целую гамму чувств — от искреннего возмущения до глубокой задумчивости. Задумался в свою очередь и Ольгерд. Зная больше, чем остальные, он подозревал, что Душегубец замыслил какую-то каверзу. Однако для чего ему понадобилось собрать и столкнуть лбами всех, кто мог помочь ему в осуществлении поведанных в несвижском подземелье безумных планов… Всех ли? Если так, то с минуты на минуту здесь появятся…

— Московиты!!! — раздался откуда-то слева истошный вопль.

Татары и казаки стали разворачиваться к лесной опушке, где уже рябили красные кафтаны стрельцов. К острогу определенно пришли не зеленые новобранцы, прошедшие добрую выучку бойцы. Московиты время на переговоры не тратили. Споро выстроившись в две шеренги, воткнули в землю короткие бердыши и, умостив на тыльной стороне топорищ ложи мушкетов, дали залп. Залп ударил плотно, прицельно. Из санных боков брызнули по сторонам щепы, внутри вагенбурга закричал от боли задетый конь, а незащищенный татарский строй проредился

едва не на четверть.

— Заводи своих с флага, вдоль опушки, Темир! — мигом опомнившись, закомандовал кошевой. — А мы пойдем в лобовую. В поле они нас перещелкают, как курей.

Татары, делая широкую дугу, потекли обратно к лесу, а казаки, раздвигая сани, ринулись вперед. Стрельцы при виде контратакующего врага не дрогнули — спокойно, будто на учениях, охаживали шомполами мушкеты, готовясь встретить противника вторым залпом, который при уменьшившейся дистанции, обещал стать не в пример более сокрушительным.

Ольгерд ощупал свою броню, словно оценивая, пробьет ли нагрудник или наплечник московитская пуля, и тут ему в голову пришла сумасшедшая мысль. Вместо того, чтобы присоединиться к атакующим, он метнулся внутрь вагенбурга, там где ждал завершения боя конный обоз…

Стрельцы завершили перезарядку и теперь, уперев бороды в приклады, сквозь прицелы наблюдали за надвигающимися на них казаками. Татар они не боялись — чтобы обезопаситься от легких конников-степняков достаточно было углубиться в лес на каких-то двадцать саженей, да и казаков на них шло не так уж и много, а после стрельбы их обещало стать и того меньше.

Но тут случилось то, чего не ожидал никто из участников скоротечной схватки. Не успел командовавший стрельцами боярин набрать в грудь побольше воздуху, чтобы скомандовать "Пли!", как казацкий строй раздался и перед глазами изумленных стрельцов вырос огромный, пускающий ноздрями струи пара, вороной конь, на котором, выставив перед собой пику, восседал закованный в броню всадник в железной полумаске с перекинутой через плечо леопардовой шкурой и топорщащимися за спиной отнюдь не ангельскими крыльями.

— Ляхи!.. Гусары!.. Польская гвардия!!!.. — охнул вразнобой стрелецкий строй. Стволы задергались в стороны, кто-то от неожиданности выстрелил без команды, вслед за ним, словно не в бою, а на загонной охоте, со всех сторон сразу раздался беспорядочный треск.

Неприцельный огонь не принес казакам почти никакого урона. Не успели московиты освоиться в круто изменившейся обстановке как справа, меж разрядьем выдающихся в поле молодых сосенок замелькали конные силуэты.

— Гусары! Сбоку обходят! — истошно завопил полохливый голос. Стрельцы, сломав строй, ринулись в спасительную чащобу.

Это были, конечно же не гусары, а ногайцы. Ольгерд остановил коня на самой опушке и теперь стоял, наблюдая за тем, как исчезают в лесу казаки и спешенные татары. Исход сражения можно было считать решенным — стрельцы, те, кого не переловят преследователи, уйдут, откуда пришли. Если, конечно, в глубине леса их не ожидает подмога. Впрочем в последнем Ольгерд решительно сомневался. Душегубец навряд ли призвал к себе в гвардию целый московски полк.

Дождавшись, когда исчезнет среди стволов последняя татарская шапка с мечущимся по сторонам ярко-рыжим лисьим хвостом, Ольгерд соскочил с коня, воткнул в землю пику, вложил в седельную кобуру карабин и, держась под деревьями споро двинул вдоль опушки туда, где чернел на возвышении до сих пор безмолвный острог.

*** * ***

Тыльная стена острога, вдоль которой, хоронясь за каждым кустом, двигался Ольгерд, вывела его к песчаному обрыву. Холм, на котором стоял острог, здесь был срезан, словно кусок пирога: то ли осыпался сам, а может и постарались разорители древних могил. Так или иначе, но этот участок стены был, с точки зрения как атакующих, так и защитников, самым

неподходящим местом для штурма, а потому самым подходящим местом для тайного проникновения внутрь.

Короткими перебежками, в любой момент ожидая пальбы, Ольгерд пересек простреливаемое пространство, нырнул под спасительный навес облама и прижался к дубовым бревнам. Сверху не доносилось ни звука — то ли засевшие в остроге разбойники не заметили его появления, то ли их там было так мало, что Душегубцу не хватило народу, чтобы выставить наблюдателей по всему кругу. Внимательно оглядев стены, Ольгерд быстро обнаружил то, что искал — трехсаженные, вкопанные в землю бревна со временем подались наружу и разошлись, образуя расширяющиеся кверху щели. Дерево-не камень, и уход за острогом требуется постоянный. Даже у бездонной царской казны не всегда хватает ефимков, чтоб все остроги в порядке держать, а уж у Душегубца своих плотников не было, поди, и в помине. Не селян же ему сюда, в самом деле, на работы за полсотни верст пригонять…

Гусарский шлем с железной полумаской, пусть и подбитой изнутри мягкой замшей, очень мешал и сильно ограничивал обзор, но имея над головой деревянный помост с проделанными в нем проемами, из которых и дубинкой могли огреть, и пулей угостить, а то и по-старинке, смолой или кипящим маслицем, оставаться с непокрытой головой не хотелось. Закинув саблю за спину он, словно мальчишка, лезущий в соседский сад, подпрыгнул, подтянулся на руках и полез наверх.

Поднявшись к обламу, Ольгерд оперся ногами в разошедшиеся бревна, расстегнул ремешок, снял шлем и, насадив его на саблю, начал медленно поднимать в проем. Пуля в шлем не ударила. Не огрела его и дубинка. Это могло, конечно, означать, что ему противостоит особо опытный и коварный противник, желающий дождаться, когда незваный гость поднимется наверх и взять его в плен. Но единственным по-настоящему серьезным бойцом в шайке у Душегубца был сам ее предводитель… "Господи, помоги" — подумал Ольгерд. Подождал еще чуть, решился, возвратил шлем на голову, а саблю в ножны, подтянулся и вылез наверх.

"Господи" и на сей раз помог. Идущая по верху деревянной стены галерея была пуст, как нетопленая три года баня. Не веря в свою удачу, Ольгерд изготовил кинжал, чтобы резать часовых и двинулся по обламу в сторону ворот, расположенных на другой стороне острога. Держась у внешней стены и старательно ныряя под бойницы, он, не встретив ни единой души, добрался до намеченной цели, залег у ведущей вниз лестницы с прогнившими ступеньками. Полежал немного, прислушиваясь, и только сейчас сообразил, что именно в остроге не так. В остроге было тихо и безлюдно. Внутри стояла глухая и какая-то нежилая тишина, невозможная для места, где находится ожидающий атаки гарнизон. Снизу не слышались непременные в таком случае конское ржание, звон упряжи, лязг оружия, и приглушенные голоса. Не было и привычного ощущения боя, которое всегда передается напряжением людской массы, сжавшейся в ожидании столкновения с противником. Пахло сырой древесиной и старым слежавшимся навозом. \

Последним свидетельством отсутствия здесь людей стала застрекотавшая прямо над головой сорока. Ольгерд осторожно выглянул наружу. Двор — был пуст и занесен нетронутым снегом. Лишь от ворот до дверей каменной башни, единственном, не считая крытой коновязи, строении внутри острога, вела утоптанная тропинка.

Безлюдью в остроге могло найтись множество объяснений. К примеру, душегубцеву шайку совсем недавно погнали регулярные войска. Или же сам виновник торжества в последний момент поменял свои планы и умчался за тридевять земель. Можно было придумать с десяток самых сказочных версий, но Ольгерд, хоть сказки и любил, но в чудеса не верил. А потому, немного размыслив, пришел к выводу, что скорее всего хан-король-царь Димитрий настолько уверовал в силу добытого им Черного Гетмана, что прогнал подальше свою шайку и решил

встретить своих будущих гвардейцев единолично.

Но если Душегубец здесь, стало быть, он наблюдает за схваткой татар, запорожцев и московитов из окна своей башни. Ольгерд не спеша поднялся на ноги и стал обводить взглядом окна.

Предположение оказалось верным. В среднем окне верхнего яруса стоял человек в черно-серебристом наряде и призывно махал рукой. Ольгерд махнул в ответ. Душегубец, а в том, что это был он, не оставалось ни малейших сомнений, указал на тропинку и основание башни, а потом сделал хлебосольный жест, явно приглашая в гости. Ольгерд кивнул и, пробуя ступени на крепость, начал медленно спускаться вниз.

Можно было, спустившись к воротам, просто поднять тяжелый деревянный засов и распахнуть настежь створки. Затем, дождавшись казаков, рассказать Моляве и остальным, кто есть такой на самом деле их будущий гетман. Если вместе с запорожцами к острогу подойдут и татары с московитами, им тоже интересно будет послушать. После этого, даже если башня окажется запертой, останется только обложить ее хворостом и выкурить оттуда Дмитрия, как суслика из норы. Дальнейшую судьбу очередного несостоявшегося потрясателя вселенной предугадать было не труднее, чем попасть из пистоля в столетний дуб с двух вершков. Душегубца ждала либо петля, пристроенная здесь же, на воротах, либо наспех выструганный кол, либо, в случае особого везения, снесенная саблей с плеч голова или залп расстрельной команды. Это, конечно, в том случае, если Черный Гетман всего лишь, пусть и очень древний, но кусок железа…

Однако судьбы стран и народов трогали Ольгерда гораздо меньше, чем его собственное ближайшее будущее. Впервые за все время он встречался с кровным своим врагом будучи вооружен, здоров и свободен. И теперь, когда от Душегубца его отделял лишь пустой двор, дверь, ведущая внутрь каменной башни да несколько лестничных пролетов, он хотел решить дело один, без каких-бы то ни было помощников. Это было его и только его дело.

На какое-то мгновение Ольгерду показалось что все, произошедшее с ним, начиная с того самого дня, когда он очнулся в плену у Дмитрия Душегубца. Казалось вот сейчас он откроет глаза и окажется в лесу под Смоленском в компании со Шпилером и незадачливыми замошенскими разбойниками. Ольгерд тряхнул головой, отгоняя нахлынувший морок и решительно толкнул грубую дверь, ведущую внутрь башни. Дверь оказалась незапертой, от легкого толчка сразу же застонала и подалась вперед, открывая темное нутро главного убежища Душегубца.

*** * ***

Солнечные лучи, пробиваясь через пробитые под самым потолком круглые отдушины, скупо освещали обширное, не разгороженное на комнаты помещение, представлявшее собой нечто среднее между кавалерийской казармой и разбойничьим притоном. Все пространство от входа, до дальнего конца, где возвышалась круглая печь-голландка, занимали расставленные в беспорядке лежанки, устеленные вывернутыми мехом наверх тулупами, да лавки со свалками конской упряжи и нехитрого бандитского оружия — дубинок и пик, меж которыми теснились мешки, доверху набитые награбленным барахлом.

Внутри нижнего яруса, как и на улице, было пусто. Ольгерд стянул с головы шлем и огляделся в поисках лестницы. Последняя обнаружилась почти сразу: слева от входа вплотную к стене поднимались узкие каменные ступени. На верхнем конце, в потолке, серел прямоугольник открытого настежь люка. Это могло означать лишь одно: гостя не просто ждут, а прямо-таки

приглашают. Отбросив последние колебания, Ольгерд вытянул саблю и, придерживаясь свободной рукой за холодную и шершавую поверхность стены, устремился на встречу со здешним хозяином.

Второй ярус башни отличался от первого, как султанские покои от невольничьего барака. Стены, драпированные парчовыми тканями, и полы, густо укрытые мохнатыми пестрыми коврами., словно пещера из сказки про Али-Бабу, ломились от роскоши. Окон здесь не было, просторный зал освещало множество стенных факелов, а воздух согревали расставленные в стенных нишах открытые очаги, в которых алели раскаленные угли, бросая отсветы на золото, серебро и сталь. Словом, логово Душегубца, определенно устроенное так, чтобы ошеломлять взор впервые попавшего сюда человека, задачу свою выполняло отлично.

Однако, дав глазам привыкнуть к колеблющемуся свету, Ольгерд увидел, что роскошь приемного покоя не королевская, а опять же разбойничья. Дорогое оружие, утварь, открытые сундуки с выпирающими наружу горами драгоценностей были собраны, развешаны и расставлены здесь по приказу человека, который знал об убранстве древних замков и монарших дворцов лишь по визитам в хоромы скоробогатых магнатов, да из книг, повествующих о рыцарях и драконах. Аристократы, ведущие свой род от Меровингов и Каролингов, чьи предки срубали головы сарацинам под Пуатье и в Святой земле и сражались на полях Столетней войны, никогда не повесят на стены все подряд — каждая коллекция оружия собирается многими поколениями и непременно несет в себе определенный смысл. Например — алебарды Реконкисты, как у Потоцких. Или двуручные мечи, как у Вишневецких. Здесь же на стенах было развешано все без разбору. Шпаги и пистоли, мечи и алебарды, турецкие ятаганы с рыцарскими мизерикордиями соседствовали с тевтонскими моргенштернами, норманнскими секирами и новенькими колесцовыми мушкетами. Словом хаос в оружейной подборке царил невообразимый. Да и сундуки с драгоценностями смотрелись выставленным напоказ купеческим приданным. Перемешанные в кучу жемчужные ожерелья, диадемы и перстни с цепями, ни один здравомыслящий шляхтич не будет вульгарно выставлять напоказ. Вдобавок ко всему этому с потолочных балок свисали разнообразнейшие вымпелы и хоругви всевозможных стран и народов- от татарских бунчуков до тяжелых королевских штандартов. Какими неисповедимыми путями все они попали в загребущие разбойничьи руки, Ольгерд не стал и думать.

В поисках хозяина он сделал несколько шагов к центру зала, где стоял большой шахматный столик. На клетчатой поверхности черно-белого мрамора громоздились золотые и серебряные фигуры, которые, как выяснилось с близкого расстояния, являлись ничем иным, как сработанными под шахматы винными кубками, вероятно здешние игроки предпочитали дриаде Каиссе, которая, как известно, является покровительницей древней индийской игры, служению богу Бахусу…

Увлекшись рассматриванием затейливого убранства, Ольгерд едва не пропустил появление хозяина. Душегубец, а это, безо всякого уже сомнения был именно он, выскользнул бесшумно из-за поддерживающей потолок дубовой колонны и встал не иначе как в заранее рассчитанном месте — так, чтобы оказаться меж двух склоненных факелов.

Зрелище было, что и говорить, впечатляющее. В своем обычном одеянии, — черный бархат с серебряной отделкой и в серебряно-вороненом доспехе, — Дмитрий Душегубец, по лицу которого метались пляшущие отсветы и тени, выглядел истинным демоном. Чтобы не быть узнанным раньше времени Ольгерд пониже наклонил голову.

— Так значит и королевские гусары тоже примкнули к моим сторонникам? — выдержав надлежащую паузу и скрестив руки на груди, осведомился хозяин. Голос у Душегубца был под стать его облику, сочный и хриплый. Только сейчас в нем не было даже тени привычных по

прошлым встречам насмешливо-издевательских ноток. — Своей ли волей ты сюда пришел, шляхтич, или же послан ко мне по приказу твоего короля?

— Вот у короля сам и спросишь! — громко ответил Ольгерд и вскинул подбородок, до этого прижатый к груди.

— Ты!!!? — в осекшемся голосе Душегубца прозвучало неподдельное изумление. Однако претендент сразу на три короны довольно быстро взял себя в руки. — Значит, выбрался все-таки. А меня как нашел?

— Как тебя не найти, если ты по долам и весям приглашения рассылаешь. Вот я и решил заглянуть на сей званый пир. Заодно и должок с тебя получить.

— Должок говоришь? — в деланной задумчивости протянул Дмитрий, при этом он опустил руки и, выходя из-под факелов сделал шаг вперед. — Должок, это можно. Выбирай любой сундук из тех что здесь видишь. Под руку к себе не зову, больно ты горд, литвин, и на меня обозлен сверх меры. Гвардейца из тебя не получится, а придворного и подавно. Так что, раз уж смог от меня трижды уйти, то бери, что дают, и ступай наслаждаться жизнью.

— Золотом за жизни отца и матери в нашем роду выкуп со времен Рюриковых не брали, — спокойно ответил Ольгерд.

— Стало быть, жизнь мою хочешь забрать? — делая еще один шаг вперед, произнес Душегубец.

— Не только, — медленно поднимая саблю, ответил Ольгерд. — Еще я хочу забрать Черный Гетман.

В ответ Дмитрий звонко, по-мальчишески рассмеялся.

— Тебе-то зачем он нужен, литвин? Главного ведь ты, похоже, так и не выведал. Чтобы пернач обрел свою силу, нужна настоящая княжья кровь. Я внук царя Иоанна, чей род, через Ивана Калиту и Александра Невского, идет от самого Рюрика. В моих руках Черный Гетман даст подлинное могущество. А ты кто такой? Безродный наемник, кочка на дороге.

— И об кочку порой можно споткнуться, да лоб насмерть разбить, — произнес Ольгерд, уже готовясь к атаке. Он переступил вправо, обходя стоящий между ними шахматный столик.

— Раздавлю!!! — взревел Дмитрий — Как мыша раздавлю!!! — И с размаху врезал сапогом по шахматной доске.

Стол подпрыгнул, словно испуганная лягушка, и в лицо Ольгерду, раскидывая по сторонам винные полосы, понеслись кубки-фигуры. Защищаясь, он непроизвольно подался назад и отмахнулся саблей. Отбитые кубки брызнули в сторону попадая в ближайшую стену. Провожая их глазами, Ольгерд засек знакомое движение и, все так же, не задумываясь, нырнул головой вперед, спасаясь от черного кружка наставленного пистольного дула. В уши ударил грохот, на какое-то мгновенье опередивший короткий свист. Он вздохнул, приходя в себя и крепко сжал рукоятку сабли. Пуля, которую слышишь — чужая пуля.

Не дав перевести дух, от центра зала к стене, сбивая воздухом пламя факелов, метнулась огромная тень. Душегубец, оставшийся, как и Ольгерд, без огнестрельного оружия, явно собирался воспользоваться своим настенным арсеналом. Ольгерд, выставив саблю, ринулся наперехват, но на самую малость не успел. Противник, вырвал с мясом из стены семнаш, полуторасаженную швейцарскую алебарду — лучшее оружие тяжелой пехоты, в опытных руках срезающую врагов не хуже, чем коса в руках Ее Величества Смерти. Алебарду можно упереть в землю, чтобы встретить на копье конную атаку. С ее помощью можно колоть, словно копьем или же обрушить на голову и плечи врага тяжелое, острое как нож топорище или, развернув обратной стороной, вонзить, пробивая латы, кривой тяжелый клевец. Против такого оружия сабля — что перочинный нож. Единственное, что сейчас было в пользу Ольгерда, так это закрытое пространство зала, которое ограничивало возможность действовать длинным древком.

Понял это и Душегубец. Сделав обманный выпад копейным острием, он ловко уцепил сабельный клинок крюком, который образовывала нижняя часть топорище и основание наконечника и, откинувшись назад всем корпусом, выдернул оружие из рук Ольгерда. Сабля бессильно звякнула, ударившись об пол. Душегубец ухмыльнулся, взял алебарду пехотным ухватом: левой рукой впереди снизу, правой сзади сверху, наклонился, словно прусский кирасир и, выставив вперед сверкающие лезвие копья, пошел в атаку.

Времени на раздумья не оставалось, и Ольгерд, надеясь на одну лишь удачу, в точности повторил маневр своего противника — огромным, что было сил, прыжком, отскочил к стене, на которой посверкивала оружная сталь и потянул на себя самое большое из того, что оказалось перед глазами. Удача не подвела и сейчас. Руки обхватили массивное древко тяжелой, как две капли похожей на топор палача, датской секиры. С таким оружием можно было потягаться и с противником, вооруженным семнашем. Душегубец, собираясь повторить свой прием, двинул вперед, словно охотник с рогатиной на медведя, однако Ольгерд, еще в юности проведший два персидских похода бойцом вооруженной бердышами донской пехоты, действовал привычно и хладнокровно. Уклонившись от выпада, дождался когда противника чуть занесет вперед и он упрется выставленной ногой в пол, чтобы не потерять равновесие, вместо того, чтобы нанести ответный удар (который скорее всего был бы отведен обратным ходом семнаша), занес над головой секиру и, держа ее обеими руками, с хеканьем, словно заправский дровосек, рубанул что есть сил наискось по древку. Секира, рассекая персидский ковер, врезалась в пол, а Душегубец, изрыгая проклятия, вздернул к потолку деревянный шест, в который превратилась лишенная наконечника секира.

Ольгерд рванул топорище, пытаясь освободить оружие, однако лезвие секиры зашло в щель между двумя досками слишком глубоко и его не удалось высвободить с первого раза. Душегубец тут же воспользовался заминкой — дотянулся обрубком и, с коротким замахом, врезал Ольгерду по костяшкам пальцев.

Заорав, чтобы унять боль, Ольгерд отступил назад. Душегубец мгновенно воспользовался преимуществом и ринулся к косо торчащей в полу секире. Стена, к которой, не отводя взгляд от противника, протянул руку Ольгерд, на ей раз одарила его весьма и весьма неоднозначным в сложившейся ситуации оружием. Нежным словом моргенштерн, что в переводе с германского наречия означает "утренняя звезда" именовался бронзовый шар размером в кулак со ввинченными в него длинными стальными шипами, соединенный прочной недлинной цепью с деревянной рукояткой. По-русски такое оружие, только с простым каменным или железным билом, прозывалось кистень… В поле, в руках у конника, моргенштерн был смертоносным, незаменимым в бою оружием. Однако в помещении с деревянными столбами действовать им нужно было с очень большой оглядкой. Быстро оглянувшись вправо и влево, Ольгерд начал отходить назад, выманивая Душегубца, спрятавшегося за колонной на открытое пространство. Тот, похоже, поддался на уловку, вынырнул из тени и начал медленно наступать. Похоже, что он тоже стремился к тому, чтобы оказаться подальше от любых ограничивающих маневр препятствий. И. когда противник поравнялся с ближайшем факелом, Ольгерд понял почему. В руках у Дмитрия поигрывал голубоватыми отблесками огромный двуручный меч. Устрашающий меч с широким отсвечивающим синевой лезвием, кабаньими клыками второй, малой гарды и длинной ухватистой рукоятью, вопреки представлениям не нюхавших пороху читателей и читательниц куртуазных романов был вовсе не оружием рыцарей-крестоносцев, а цвайхендером ландскнехтов на двойном жаловании, предназначенным не для фехтования, но исключительно для перехвата и рубки вражеских пик. Однако, глядя на то, как ловко управляется с громоздким клинком Дмитрий Душегубец, Ольгерду не стало легче.

По молчаливому согласию они сошлись посредине открытой площадки. Пытаясь уцелить в

плечо, Ольгерд вскинул рукоять и замахнулся, моля бога, чтобы шипастый шар не врезал ему в затылок. Дмитрию не оставалось ничего другого, как подставить под раскручивающуюся цепь свой клинок.

Сделав полный оборот вокруг препятствия, моргенштерн, не достигнув цели, с силой рванул меч в сторону. Это было столь неожиданно, что оба противника не смогли удержать свои рукоятки. Цвайхандер с болтающимися сбоку кистенем описал широкую дугу и глубоко вошел в деревянный столб. Ольгерд и Душегубец, уже освоившиеся с правилами смертельной игры "кто ухватит оружие получше, тот, значит и победит", одновременно ринулись к стенам. Когда они снова сошлись, у Ольгерда, оттягивая руку, сверкал в руках тяжелый турецкий ятаган, а Дмитрий выглядывал из-за круглого, усиленного железными бляхами татарского щита, угрожая врагу изогнутой полумесяцем саблей кочевника-степняка. Тяжело дыша, они закружились в смертельном танце.

Попади Душегубец под рубящий удар клинка суровых янычар, держащих в страхе Европу, бой бы завершился в тот же миг, но племянник ногайского бея не зря провел годы, гуляя в степи с ордой. Он отбивал выпады Ольгерда скользящими выпадами щита, не подставляя под прямой удар гибкое как лоза лезвие сабли, при этом постоянно перемещаясь и выискивая брешь во вражеской обороне. Опыт Ольгерда во владении мусульманским оружием был невелик. Точнее не было у него такого опыта вовсе и он действовал ятаганом скорее как привычным пехотным палашом. Чем при первой же возможности и воспользовался противник. Улучив момент, когда Ольгерд, надеясь достать его хотя бы кончиком ятагана, сделает прямой выпад и вытянет вперед руку, врезал ему по кисти кованым носком сапога. Рука вмиг стала непослушной и ятаган от легкого соприкосновения с саблей выпал из онемевших пальцев. Сабля свистнула у самого лица, Ольгерд отскочил назад и понял, что на сей раз удача ему изменила окончательно и бесповоротно. Он был прижат к стене, а доступное оружие оказалось совершенно бесполезными пистолями и мушкетами, развешанными на пестром ковре.

Душегубец, правильно оценив ситуацию, отбросил щит, поиграл кончиком сабли и, пресекая любую попытку уйти вправо или влево, стал надвигаться на Ольгерда с твердым намерением завершить бой безо всяческих душеспасительных разговоров. За время сражения часть факелов, зажженных в "пещере Али-Бабы" погасла сама-собой, часть была сбита противниками, так что оставленное поле боя погрузилось почти в полный мрак, рассеиваемый неверным кровавым светом тлеющих очагов, и Душегубец, выдвигающийся пред из этого мрака с волчьей своей ухмылкой, выглядел сущим исчадием ада.

Кося глазом на приближающуюся смерть, Ольгерд, как утопающий, что хватается за соломинку, протянул руки к ковру и сдернул с крючков самый большой из висевших там предметов, которым оказалась французская аркебуза, точно такая же, наверное, как и та, из которой двадцатидвухлетний Шарль-Максимилиен Валуа, он же король Франции Карл Девятый, расстреливал из окна своей спальни гугенотов во время приснопамятной Варфоломеевской ночи.

Как от огнестрельного оружия, от старой аркебузы не было, конечно, ни малейшего толку. Ольгерд и собирался, перехватив за ствол и, действуя тяжелым прикладом, использовать его как дубинку, чтобы перескочить к стене, где можно разжиться настоящим оружием. Разгадав его действия Душегубец хрипло, каркая, рассмеялся.

— Сдавайся, литвин! Бросишь сопротивляться — может и отпущу.

Ольгерд, не успев приготовиться к отражению новой атаки, застыл в том положении в каком он сдернул со стены аркебузу: прикладом к себе и стволом, направленным на противника. В мозгу шевельнулась шальная безумная мысль: "А вдруг?". "Господи…" — прошептал Ольгерд и, осторожно переложив руку под ложе, нажал на спуск.

Взведенная пружина со скрипом, но сработала. Скрежетнул, высекая искры, кремень, поджигая чудом оставшийся на полке порох. Аркебуза, громыхнув посильнее, чем осадная мортира, изрыгнула клуб дыма и сноп огня. Аркебузы были в свое время предназначены для того, чтобы свалить с коня закованного в латы тяжелого рыцаря, но старого пороха вполне хватило на то, чтобы пуля пробила стальной панцирь и застряла в груди. Не веря в произошедшее Ольгерд медленно опустил ствол. Душегубец вздрогнул всем телом и выронил саблю. В центре посеребренного нагрудника зияла черная, наливающаяся кровью дыра.

Глаза Душегубца теперь сверкали окончательным и бесповоротным безумием. Он осмотрел свои опустевшие руки и начал шарить у пояса. Не успел Ольгерд понять в чем дело и приготовиться к отражению атаки, как в руках у Дмитрия появился знакомый уже предмет — черный как смоль пернач. В порыве предсмертной ярости Душегубец занес над головой последнее свое оружие и ринулся на Ольгерда, но тот, уже придя в себя, сделав шаг в сторону, ушел от удара. Душегубец еще раз, уже из последних сил, взмахнул Черным Гетманом. Не в силах достать противника, он опустил плечи, оскалился в бессильной злобе, шагнул назад и, ощутив спиной деревянный столб, медленно сполз на пол.

Ольгерд, подозревая притворство и не желая рисковать, оставался на безопасной дистанции. Душегубец положил Черный Гетман перед собой на колени, долго глядел на пернач, поднял глаза на Ольгерда.

— Я не могу умереть! — он хотел сказать что-то еще, но ему помешал хрип, сразу же перешедший в тяжелый кашель. Он снова склонился над перначом и зашелся в судорогах, выхаркивая прямо на искристую поверхность пернача большие сгустки черной крови. Так и застыл, намертво вцепившись в реликвию и вперив в противника мутнеющие глаза. Кровный враг Ольгерда был мертв.

Ощущая усталость в каждой частице тела, Ольгерд сел где стоял. Он не ощущал никакого удовлетворения от победы — внутри была одна лишь звенящая пустота. И только когда из скривившихся в смертной гримасе губ Душегубца на Черный Гетман упала последняя кровавая капля он ощутил, как по телу, вместе с приятной усталостью, растекается какое-то странное нутряное облегчение. "Все кончилось. Исполнена клятва, а стало быть проклятию нашего рода пришел конец" — подумал Ольгерд. Поднявшись он подошел к Душегубцу, вырвал из холодеющих рук Черный Гетман и медленно, шатаясь по сторонам как пьяный ландскнехт, пошел в глубину зала, где среди багровеющей черноты, едва светился последний горящий факел.

Ему вдруг захотелось рассмотреть наконец, предмет, ради которого было пролито столько крови. Встав поближе к свету, он сунул пернач в стоящую рядом кадушку с водой, предназначенную для тушения факелов, поболтал, смывая кровь Душегубца, и вытер насухо подвернувшимся под руку штандартом с вышитыми орлами, который при рассмотрении оказался ли прусским, то ли датским полковым знаменем. Ольгерд взял Черный Гетман двумя руками и склонился над ним, вглядываясь в странную мерцающую поверхность. Похоже, Душегубец ухитрился его задеть кончиком сабли — со лба в ложбину, образованную полукруглыми крыльями пернача, упала маленькая кровяная капля,

Если бы о том, что произошло дальше, ему рассказал кто-то другой, Ольгерд расхохотался бы лгуну прямо в лицо. Но сейчас приходилось верить собственным глазам. Место, куда угодила капля, вспыхнуло, засияв голубым сапфиром, и от него вверх и вниз, заполошно обегая мелкие грани, побежали маленькие синие искры. Опутав всю поверхность металла, искры помалу угомонились и пропали, но сам пернач заметно потеплел, а в держащих его ладонях начало отдаваться мелкое и ровное дрожание, словно внутри литого металла привелся в действие неведомый механизм.

Ольгерд застыл, словно статуя и стоял без движения до тех пор, пока не погас последний нависающий над ним факел. Затем, безошибочно разыскав в темном лабиринте узкую винтовую лестницу, поднялся на верхний ярус.

Круглую комнату с большим столом посредине освещали высокие стрельчатые окна. Ольгерд опустился в роскошное кресло, поставленное во главе стола, положил перед собой Черный Гетман, достал из голенища позабытый в пылу схватки правленый на ремне засапожный нож, вытянул руку над перначом и поднес короткое лезвие к самому запястью. Но застыл, разрываемый двумя противоположными желаниями. С одной стороны его толкала наиобычнейшее человеческое любопытство "поглядеть, что из этого выйдет", с другой же терзали тревожные и очень непростые сомнения.

В магию и колдовство Ольгерд не верил отродясь, ворожек и знахарей искренне считал прохиндеями, зарабатывающими на людских суевериях, а истории о чудесных свойствах Черного Гетмана полагал не больше чем красивыми сказками. Но это все было до того мига, когда от одной-единственной капли крови, уроненной на пернач, все его тело, словно от натопленной печки, стало вдруг наполняться неведомым раньше теплом. Голова работала ясно, словно после многодневного отдыха.

Конечно, легкость, которую он испытывал, можно было отнести на счет веселящей травы тутун, которую Душегубец очень даже мог воскурять в своих очагах, но как и чем можно было объяснить то, что взгляд стал острым настолько, что теперь, глядя из окна, он мог различить каждую веточку на деревьях отстоящих едва не на версту от острога! И не просто острее — он понял, что может видеть в темноте и, мало того, проникать взглядом сквозь стены, которые, если всматриваться долго в одно место, становились полупрозрачными. Опустив глаза к полу, он смог явственно разглядеть косо торчащую из пола секиру, меч-цвайханд, застрявший в дубовом стволе и закрученный на нем моргенштерн, а в дальнем углу закоченевшее тело сидящего у столба Душегубца.

Даже если и эта его новая способность была навеянным черт знает чем мороком, то как и почему он различал в сгущающейся за окнами темноте что далеко, на опушке леса, разбивают лагерь татары и казаки. И откуда он мог наверняка знать о том, что все те, кто пришел по зову Дмитрия под стены острога, по любому его приказу безропотно пойдут на верную смерть.

Стало быть вот, чего хотел от древней реликвии разбойник и несостоявшийся узурпатор, чье тело коченело ярусом ниже! Знал Дмитрий о силе Черного Гетмана, свято верил в свое царское происхождение и искал колдовской предмет, который должен был одарить своего хозяина древней языческой силой. Только вот кровь у него оказалась чуть-чуть не та.

Ольгерд чувствовал в себе силу, подчиняющую людей. Чувство это было не новым, он знал и ощущал его по нередким вспышкам боевого азарта, когда, командуя вначале литовским десятком, затем наемной татарской ротой, увлекал в атаку подчиненных ему людей. Именно так, наверное, чувствуют себя короли и фельдмаршалы, способные одним коротким приказом направлять в бой сотни тысяч вооруженных людей… И все это от одной только капли крови, упавшей на пернач. Трудно было даже представить, что произойдет после того, как он тронет ножом к пульсирующей на запястье вену и из нее, растекаясь от головки до основания, польется тонкая струйка крови. Той крови, которая, в отличие от той, что пролил на пернач Дмитрий Душегубец, исходит от настоящих русских князей…

Ольгерд тихо, чтобы не стукнуть рукояткой о деревянную поверхность стола, отложил подальше приготовленный нож и остался сидеть, наблюдая за всем вокруг используя новый дар, словно человек, смакующий старое, выдержанное вино, который знает, что вряд ли ему удастся его попробовать еще раз.

В тот самый миг, когда он стал каждой клеточкой ощущать, как исходящая от Черного

Гетмана сила начала понемногу сходить на нет, проникающий сквозь любые преграды взор углядел, как через проложенный под курганом от башни к лесу подземный ход в его сторону движется, словно крот, человек. И человек этот был ему хорошо знаком.

Дождавшись, когда новоявленный гость справится с тайной дверью, упрятанной в основании голландской печи, освоится в темноте, зажжет лампу и, внимательно изучая внутренность башни, поднимется вначале на второй ярус, затем встанет на лестницу ведущую на верхний ярус донжона, Ольгерд поднялся из-за стола, встал у лестничного проема и, разглядев над лампой острие капюшона, сказал:

— Здравствуй, Измаил!

*** * ***

Они сидели под низко опущенной веткой большого дуба, подложив под себя дорожные тюки и пили восхитительно горячий пряный отвар, который египтянин приготовил из каких-то нездешних трав. Рядом, добывая из-под тонкого снега прошлогоднюю траву, паслись стреноженные кони.

— Солнце встает, — щурясь на Восток сказал Измаил и погладил рукой голый череп.

— Маслена прошла, теперь день будет больше ночи, — ответил Ольгерд, рассматривая в лучах восходящего солнца покинутый с ночи острог.

Подожженная изнутри башня выгорела дотла и уже не дымила, так что теперь о бушевавшем всю ночь пожаре, который уничтожил вместе с деревянными перекрытиями всяческие следы былого разбойничьего гнезда, напоминали разве что темнеющие над окнами и отдушинами полосы черной сажи.

— Что ты решил? — спросил египтянин.

— А я должен что-то решать? — вопросом же ответил и Ольгерд.

— Должен. В двух милях отсюда тебя ждут русский князь, татарский бей и запорожский кошевой.

— Меня ли?

— Ну не тебя, конечно. А того, кто скажет им то, что они страстно хотят услышать.

— И что им всем надо?

— Того же, что и тем, кто был до них и придет вслед за ними. Власти. Богатства. Известности. Казаки, голося у каждого перекрестка о том, что свершилось древнее пророчество, сопроводят тебя на сечь, там изберут гетманом, отвезут в Киев и разместят в воеводском дворце. Московиты, которых привел сюда обиженный царем Алексеем князь, соберут всех недовольных бояр и голытьбу, готовую ради того, чтобы всласть пограбить, поддержать какую угодно смуту, заручатся поддержкой поляков и пойдут брать Кремль. Ногайцы объявят тебя прямым потомком Чингисхана и низложат крымских Гиреев.

— А со-мной-то что будет?

— То же, что было с теми, кто владел Черным Гетманом до тебя. Помнишь ночь на Днепре, когда я рассказывал тебе о судьбе князей Святослава Игоревича и Андрея Боголюбского? Будет власть и слава. Тысячи и непобедимых воинов в один голос будут выкрикивать твое имя, и в память о тебе останутся отвоеванные земли, покоренные племена, сожженные города и море пролитой крови. А потом, в один день сила твоя сама собою сойдет на нет, твое войско тебя покинет, твои соратники тебя оставят, ты погибнешь от предательского клинка, а я или кто-то другой из нашего братства, вынет Черный Гетман из твоих рук и возвратит туда, где ему надлежит храниться в веках.

Ольгерд поднялся на ноги, потянулся всем телом, обернувшись к взошедшему солнцу. Поглядел на собеседника, нахмурился, потом улыбнулся.

— Решать, говоришь, Измаил? Все уже давно решено. Отправляйся своим путем, а я пойду дальше своим!

— Как знаешь, — пожал плечами египтянин. Его лицо, как всегда оставалось бесстрастным. — Так или иначе, но это твой и только твой выбор. Если хочешь, я отдам тебе одну из своих лошадей.

— Не нужно, — ответил Ольгерд. — До лагеря казаков не так уж и далеко, а там я получу все, что нужно.

— Мы обязательно встретимся, — сказал Измаил. — Если не в этой жизни, то в одной из тех, что будут потом.

— Жизнь одна, — сказал Ольгерд. — И мой дом всегда будет открыт для тебя, когда бы ты не вернулся.

Рыскавший по лесу в поисках легкой добычи волк, спрятавшись за деревьями наблюдал за тем, как два человека, вышедшие из-под дуба, крепко обнялись, и не оборачиваясь, пошли в противоположные стороны. Первый, распустив путы, оседлал коня и отправился в сторону реки, второй же, не взяв ничего с собой, пошел вдоль опушки к месту, где остановилась на ночевку большая людская стая.

*** * ***

Конечно, татары то и дело воевали бок о бок с запорожцами и поляками, а запорожцы частенько вступали в союз с московитами. Да и сами русские князья, сказывают, не единожды ходили на своих же единоверцев вместе с мурзами крымчаков. Но чтобы, вот так, как сейчас, когда на поляне единым лагерем, перемешавшись, стоял татарский юрт, запорожский кош и стрелецкая сотня…

Окликнувший его часовой оказался куреневским казаком. Ольгерда он знал в лицо, а потому не чинясь пропустил к разбитым на ночь палаткам. Богдан Молява сидел у костра, баюкая перевязанную руку.

— Это ты, Ольгерд? — А мы коня твоего нашли. Решили, что погиб от шальной пули. Много народу полегло, пока мы с князем Барятинским не объяснились… А ловко ты удумал с гусарским нарядом. Если бы московитов не попугал, мы бы друг другу много еще шкур подырявили. Где же таким доспехом разжился? В трофей получил, или выкупом взял?

— Подарили. За честный ратный труд.

— И так бывает, — кивнул кошевой. — Где ночь провел?

— Там, — Ольгерд кивнул в сторону невидимого из-за деревьев острога.

— Вот как! — вскинул голову кошевой. — А мы уж собрались, как солнышко повыше поднимется, идти все вместе ворота ломать. Нужно ли?

— Ломать, пожалуй что нужно, — ответил Ольгерд. — Только вот того, за чем приехали, там нет.

— А что есть?

— Пустой двор и горелая башня.

— Твоя работа?

— Можно сказать и так.

— А… Черный Гетман? — ожидая ответа, старый казак затаил дыхание.

— Нет там его, — со спокойной душой ответил Ольгерд. — И Дмитрий этот Душегубец

никакой не Рюрикович. Простой разбойник, какому захотелось в самозванцах покрасоваться. Да и тот весь вышел.

— То-то мы и глядим, что призвал нас к себе, а сам в остроге заперся и сидит как барсук в норе, — протянул сквозь зубы Молява. — Стало быть, говоришь, обман это все?

— Обман, кошевой! — твердо произнес Ольгерд. — Хочешь, могу тебе перед иконами на том присягнуть. Хотел Душегубец вас тут всех лбами столкнуть.

— Хотел, да не смог, — проворчал Молява. — Ну да ладно, как кулеш сварится, поснедаем и двинем все вместе ворота ломать. Ты с нами?

— Поеду я, пожалуй, кошевой. Мы же уговаривались, что я с вами только по пути в Ольгов, а до него отсюда где-то полторы сотни верст, так что думаю, дня за четыре управлюсь. Только своих лошадей и поклажу заберу, да к татарам схожу, с Темир-беем повидаюсь.

— Как знаешь, воля твоя. Надумаешь в киевский полк на службу пойти, всегда рады будем. Если б не ты со своими гусарскими перьями, перещелкали бы нас стрельцы, как бекасов на болоте. Кони и поклажа твоя все в целости. А с Темиром никому уже не говорить, зашибло его насмерть случайной пулей. Уже и похоронили в лесу. У них, у мусульман, положено до рассвета…

Град Ольгов

По лесной дороге, в сторону Ольгова, оставляя в мокром снегу глубокие черные следы, шли, сгибаясь под тяжестью огромных вязанок хвороста и сухостоя, два крестьянина. Хозяйка здешних угодий, опасаясь татарских набегов, настрого запретила прореживать ближний лес, чтоб не было через него проходу ничьим коням, и потому за топливом приходилось гулять за четыре версты к дальней роще, за которой проходил Курский тракт, пересекавшийся невдалеке с оживленным Свиным шляхом, что тянулся от пограничного Рыльска через Брянск и аж до самых Волховских берегов.

Оба добытчика жили в этих местах недавно. Иван, каневский черкас, сбежал на вольные здешние земли от непрерывных войн, чехардой сменяющихся панов и нескончаемых разбоев, в которых ляхи, пришлые московиты, браты-казаки и татары с крестьянской колокольни не отличались друг от друга ничем, кроме ругательств и молитв. Его спутник Касим, оседлый татарин из-под Астрахани, переселился на берега тихой речки Семь с двумя женами и пятью детьми. Точно так же, как и его украинский приятель, он оказался не в силах вытерпеть гнет воеводских оброков и набеги лихих донцов, меж которыми мирные земледельцы жили словно меж молотом и наковальней.

Лошадьми ни Иван, ни Касим пока еще не разжились, жили в одном общем доме, выделенном переселенцам ольговскими хозяевами и обрабатывали издольно барские земли. Можно было конечно и не батрачить, а взять себе в стороне от селения любое дикое поле, либо уйти вниз по Семи или Дону, да промышлять там охотой и рыбной ловлей, но безлошадному целину поднимать — дело почти немыслимое. К тому же гулящий человек, не приписанный к помещику, по здешним порядкам начисто лишен крепостного права и в случае войны или татарского налета никто его не пустит под защиту стен барского острога. Есть и такие, кому в гулящих вольготнее, чем в тягловых, но свобода для мирного человека, она ведь что выпущенное из рук дышло — куда повернет, того и ударит.

До последнего поворота, за которым кончался лес и начинались тянущиеся до самой деревни пойменные луга оставалось не больше чем полверсты, когда за спинами у черкаса с татарином послышался топот многих копыт. У обоих крестьян имелся собственный, — и немалый опыт встреч с такими проезжими отрядами, а потому хотели приятели от греха подальше в лес рвануть, но не смогли. С вязанками на плечах по кустам не поскачешь, а бросить хворост прямо на дороге — еще хуже будет: подумают неведомые всадники, что в лесу засада и враз отловят по ясным и четким следам, а потом, не разбираясь, перестреляют, как зайцев. Пусть уж лучше издалека их рассмотрят, с крестьян-то что взять? Понадеявшись на привычный украинско-татарский авось, Иван с Касимом сошли на обочину, и стали ждать, приготовились в случае чего, немедля согнуть спины в земном поклоне. Чем мельче начальник, тем больше любит, когда ему еще меньшие угождают.

Но едва глянув на появившегося из-за деревьев всадника, Иван едва со страху не напустил штаны. Судя по доспехам, это были не кто иные, как отлично знакомые по неспокойной каневской жизни коронные рейтары. И появление их здесь, в глубине курских лесов, могло означать лишь одно — круль польский пошел таки войной на московского царя…

Однак, вскоре выяснилось, что это не рейтарский отряд, а всего лишь один-единственный рейтар. Правда о пятиконь: на крепком дорожном коне скакал сам, а вслед за собою татарским походным цугом вел серого, как мышь, злющего боевого жеребца, за пышным хвостом которого трусили три лошадки попроще, хоть, конечно и не из крестьянских сивок, доверху нагруженные поклажей.

Всадник, поравнявшись с крестьянами, остановился. Сказать, что он был вооружен до зубов было все равно что назвать одетого голым. На боку у путника висела длинная богатая сабля, из-за пояса выглядывали рукоятки трех или четырех пистолей, а из седельной кобуры торчал приклад карабина. Броня же, в которую он был одет, похоже, стоила раз в пять больше, чем вся их деревенька. Приглядевшись к одному из вьючных коней Иван разглядел сверток из которого выглядывали длинные перья, и притороченную сбоку длинную пику… Сообразив, где он раньше видел такой доспех, Иван тихо охнул. Именно такие стальные нагрудники с выбитыми на них львами и грифонами носили грозные крылатые гусары, которые охраняли короля, лет восемь назад проезжавшего через его родной Маслов Брод.

Укрытый попоной холеный боевой конь, выбивая воду из-под снега, несколько раз стукнул копытом, злобно скосился на Ивана с Касимом и недовольно всхрапнул.

— Тихо, Генрик, стоять! — охладил его всадник и спросил, обращаясь сразу к обоим. — Чьи будете, селяне?

Как ни странно, но говор у заезжего гусара был здешний, русский, без польского щецканья и литовского зюканья

— Ольговские мы будем, ясновельможный пан, — отбив на всякий случай поклон, ответил Иван. Касим, последовав примеру приятеля, в три погибели согнул свою тощую татарскую спину, но в разговор встревать не рискнул.

— А до Ольгова отсюда далече будет?

— Недалече. Почитай, что с версту.

— Ну спасибо, сердешные. Вот вам на водку, — с ладони всадника в снег каплей упала серебряная монетка. — Ну а как там у вас вообще дела-то обстоят?

— Живем неплохо, ясновельможный пан, — еще раз сгибаясь, чтобы поднять подарок, ответил Иван. — После того как хозяйка с Черниговщины возвернулась, да управляющего в три шеи погнала, и вовсе вольготно стало.

— Кароший хазяйка, якши! — в надежде на новое вознаграждение решил вдруг вставить и свои пару слов Касим. — Сам приехал, шибко управлять стал и новый господин с собой привез. Чтобы новый господин был одет-обут, земля бедный татары дал, хата разрешил взять, пока своя еще нету, а оброк мала-мала берет, чтобы совсем бедный человек по мир не пустить…

При этих словах доселе добродушное лицо всадника перекосила гримаса такой неподдельной злобы, что Иван с Касимом отшатнулись, словно от вспыхнувшего костра. Теперь зеленые глаза загадочного гусара горели, как у рассвирепевшей рыси, а рыжие усы встопрощились, словно два беличьих хвоста.

— Новый господин, говоришь!? — рявкнул он так, что вьючные кони шарахнулись по сторонам. — И давно он у вас?

— Нет давно, — не понимая, что могло вызвать гнев щедрого бея, испуганно зачастил Касим. — Хозяйка уже не один сюда приехал. Всех на двор собрал, новый хозяин показывал на крыльцо. Говорил, что скоро мы все его слушать будем…

Не дослушав татарина, гусар, всполошив прятавшуюся на ели сойку, изверг из своей луженой глотки длинное цветистое ругательство, состоящее из польских, русских, татарских и еще каких-то незнакомых слов, дернул повод коня и увлекая за собой всю кавалькаду, быстро переведя лошадей на рысь, двинулся вперед по дороге. Последнее, что услышал Иван, были слова: "Ну так будет же им сейчас семейное счастье… "

Крестьяне взвалили на спины ношу и продолжили путь.

— Шибко джигит горячий, — тяжело дыша из-под вязанки, сказал Касим. — И чего рассердился, разве я плохо сказал?

— Да вот и мне непонятно, — согласился, отдуваясь, Иван. — Вроде бы и хозяйку он нашу

знает, а вон как вдруг осерчал. Чем ему наш молодой хозяин не угодил?

— Молодой хозяин большой бей растет, — согласился Касим. — Прошлое лето, когда титька просил, кричал в горница так, так, что его мои девки из лесу слышали, когда ягод собирай. Сейчас ему третий годок, моя старшая, Агиля, которая в дом у хозяйки прислуживать, говорит, что маленький Ольгерд уже на коня просит его сажать, да кроме деревянный сабелька других забав и не знает…

Пожали Иван с Касимом плечами, насколько позволял навьюченный на загривки груз, и пошли дальше, в сторону дома, где их ждали по лавкам дети.

*** * ***

В 1658 году именным государевым указом и по представлению литовского приказа помещик Ольгерд из Рыльского уезда, как отпрыск Рюрикова рода, принесший присягу московскому самодержцу, был восстановлен в княжеском титле под именем Льговского-Трубецкого с межеванием ему вотчинных земель по левому берегу реки Семь. По вине переписчика городок Ольгов стал именоваться с тех пор Льговым, под каким именем и вошел во все разрядные книги.

28 июня 1659 года в битве под Конотопом ротмистр рейтарского полка, ранее обучавший воинскому искусству цесаревича Алексея Алексеевича, князь Ольгерд Льговский-Трубецкой во главе своей роты отражал удар многократно превосходящей татарской конницы и был тяжко ранен ногайской стрелой. После разгрома русской армии, принятый за мертвого, князь избежал плена и смог, пробираясь по лесам в одиночку, добраться до пограничного Путивля. Вернувшись в Льгов князь долго отходил от ран и более никогда не вернулся в строй. Остаток своей жизни он посвятил воспитанию единственного сына и обустройству вотчинных земель. Большую часть своего состояния и доходов он пожертвовал на строительство Дмитриевского монастыря во Льгове. По основании монастыря в 1669 году князь Льговский-Трубецкой постригся монахом, приняв иноческое имя Александр, преставился в 1670 году и был погребен на монастырском погосте.

Его сын, унаследовав титул, был принят на государеву службу и вскоре стал рындой с большим саадаком — главным телохранителем царя Алексея Михайловича Романова. С тех пор и вплоть до 1917 года князья Льговские-Трубецкие, согласно неписанной фамильной традиции, в военное время несли службу в действующей армии, а в мирное время в лейб-гвардейских полках.

В 1736 году князь Олег Льговский-Трубецкой во главе рейтарской роты армии Миниха участвовал в штурме Перекопа, затем прошел с войском до Бахчисарая, предавая Крым огню и мечу.

В 1764 году князь Андрей Льговский-Трубецкой вместе с поручиком Мировичем пытался освободить из Шлиссельбургской крепости последнего представителя прямой линии дома Романовых, правнука царя Алексея Михайловича, царевича Иоанна Антоновича.

Единственным офицером, который в ночь 12 марта 1801 года пытался противостоять заговорщикам, прорывавшимся в опочивальню императора Павла, был дежурный офицер князь Льговский-Трубецкой.

В дни декабрьского мятежа 1825 года молодого императора Николая Павловича бессменно охраняла рота, находящаяся под командованием князя Олега Льговского-Трубецкого.

В январе 1881 года, за два месяца до убийства Александра II, командир лейб-гвардии стрелкового Царскосельского батальона, князь Иван Льговский-Трубецкой подал в

государственный совет памятную записку "О крайней необходимости спешного усиления охраны Его Императорского Величества при следовании по улицам Санкт-Петербурга, ввиду растущей опасности от бомбистов". Записка, по предложению министра внутренних дел, была оставлена без последствий. После гибели царя князь Иван был отправлен в отставку и остаток жизни безвыездно провел в льговском имении.

Его сын, Олег, по личному распоряжению императора Александра III был зачислен в лейб-гвардию, принимал участие в Русско-японской войне.

В 1929 году в Киеве по обвинению в контрреволюционной деятельности сотрудниками ОГПУ был арестован работник Горисполкома Егор Трубников. Суть обвинения заключалась в том, что пользуясь служебным положением и не имея на то существенных оснований, Трубников исключил из списка культовых строений города Киева, "олицетворяющих церковное мракобесие и способствующих распространению религиозного дурмана, а потому подлежащих уничтожению", Кирилловскую церковь. После ареста следствием было установлено, что на самом деле Егор Трубников является затаившимся белогвардейцем, князем Льговским-Трубецким. Бывший ротмистр лейб-гвардии, с началом империалистической войны он командовал полком на Юго-Западном фронте в составе 8-й армии генерала Каледина. Полк князя Льговского-Трубецкого участвовал в Брусиловском прорыве и первым вошел в город Луцк. С 1918 года князь воевал в Добровольческой армии Деникина. После разгрома белогвардейцев в Крыму, переодевшись в форму убитого красноармейца и подделав документы, Льговский-Трубецкой сменил фамилию на Трубников и продолжил службу в Красной армии. В 1924 году был демобилизован и, оставшись на постоянное место жительство в Киеве, устроился на работу в Горисполком.

"Трубников-Трубецкой" был осужден по статье УК СССР 58–13 (активная борьба против революционного движения, персоналом царского строя или членами контрреволюционных правительств в период гражданской войны) и приговорен к 25 годам лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях. Дальнейшая судьба его неизвестна.

В 1946 году с целью "предотвращения разрушения выдающегося памятника древнерусского зодчества, Кирилловской церкви", в которой размещался склад оптических приборов, третьим отрядом Строительного управления МГБ УССР было произведено укрепление ее фундамента путем заливки находящихся под церковью пещер специальным бетоном СЖЗ марки М800, применяемым обычно при строительстве бомбо и снарядоустойчивых укреплений, а также правительственных сооружений особой важности. Пояснительная записка, на основании которой производились работы, была подготовлена сотрудником архитектурно-строительного управления Киевского горисполкома Анатолием Егоровичем Трубниковым.

В 1990 году Кирилловская церковь была внесена в охранный список Комитета по культурному наследию ЮНЕСКО, откуда была исключена в 2005 году по причине невыполнения властями Украины требований по ее сохранению. История постройки этой церкви, судьба находившихся в ней саркофагов и реликвий достоверно не установлены. Княжеский род Льговских-Трубецких, на гербе которого был изображен пернач черного цвета на червленом поле, ныне считается угасшим.

Киев, февраль — октябрь 2010 г.